Люди молчаливого подвига

Бессмертие

Очерки о разведчиках

Люди молчаливого подвига

Плеяда Яна Берзина

Христофор Салнынь

Герхард Кегель

Свобода Анчева

Виктор и Альфред Кенен

Петр Вершигора

Андрей Терещенко и его друзья

Александр Одинцов

Павел Чайковский

Борис Кравцов

Рут Вернер

Александр Льговский

Люди молчаливого подвига

Книга 2

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

ББК 63.3(2)7
Б53

Составитель *И. Василевич*

Б53 **Бессмертие.** Очерки о разведчиках. Люди молчаливого подвига. Кн. 2/Сост. И. Василевич.— М.: Политиздат, 1987.— 415 с., ил.

Вторая кннга сборника «Людн молчалнаого подвнга» связана с первой лншь общей темой и представляет собой самостоятельное документально-художественное нздание. В ией рассказано о герончеcкой деятельностн советскнх аоеииых разаедчиков и аитифашнстоа-нитернацноналнстов, внесшнх иемалый аклад а победу иад гитлернзмом. Среди иовых матерналоа сбориика — очерки о Г. Кегеле, Р. Вернер и другне.

Кннга рассчнтаиа на массоаого чнтателя.

Б $\frac{0505030202-242}{079(02)-87}$ 147—87

ББК 63.3(2)7+63.3(0)62

© ПОЛИТИЗДАТ, 1984 г.
© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г., с дополнениями

Навсегда в памяти сердца

Быстро уходит время от опаленной военными пожарищами весны сорок пятого. Праздник Победы дорог не только советскому народу, но и людям всей планеты. Потому что советский народ и его Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии защитили и первое в мире социалистическое государство, и мировую цивилизацию от гитлеровского фашизма. Потому что наша Победа спасла от гибели весь мир, все человечество; наша Победа обеспечила жизнь на земле.

В этой исторической битве социалистической державы против ударного отряда мирового империализма — фашистской Германии вновь подтвердилась правильность вывода бессмертного Ленина о том, что «никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда»*.

Людям моего поколения памятно время, когда рождалась Советская власть. С теми годами совпала наша молодость, которая выдалась нелегкой и в то же время счастливой. На нас была возложена историческая миссия — защита завоеваний Великого Октября. В обстановке ожесточенных схваток с силами внутренней контрреволюции и империалистической интервенцией рождался боевой союз трудящихся нашей Родины, создавалась Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Мудрость вождя революции В. И. Ленина, колоссальная разносторонняя организаторская работа партии позволили в кратчайший срок подготовить и осуществить на практике строительство армии нового типа, под алыми стягами которой плечом к плечу стали сражаться с врагом сыны и дочери всех народов нашей Отчизны.

Мне, участнику гражданской войны в Закавказье, довелось воочию увидеть братскую дружбу народов нашей страны в действии.

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 315.

Лишь благодаря помощи всех советских республик родное мне Закавказье — Азербайджан, Армения, Грузия — обрели истинную свободу и счастье. Особо хочу подчеркнуть выдающуюся роль в этой борьбе русского рабочего класса, русского народа. Его революционная энергия, самоотверженность, бескорыстная помощь трудящимся национальных окраин снискали искреннее уважение, укрепили доверие к нему граждан всех братских социалистических республик. Хотел бы также отметить, что советский народ всегда проявлял такие образцы классовой солидарности с трудящимися всего мира, которые вошли в историю как блестящие примеры пролетарского интернационализма. Благодарная память людей всегда будет возвращаться к славным страницам жизни первой в мире Страны Советов, к истории Коммунистической партии Советского Союза — вдохновителя и организатора всех наших побед, к летописи легендарных подвигов Вооруженных Сил СССР, к именам легендарных героев.

Советский народ и наши друзья за рубежом преклоняются перед мужеством и героизмом тех, кто во главе с В. И. Лениным совершил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, кто под руководством нашей партии обеспечил победу социализма и доблестно защитил его завоевания. Память о них будет вечно жить в наших сердцах и в сердцах новых поколений. Очень сильное это чувство — память сердца. Об этих людях, составляющих гордость и славу нашей Родины, написаны книги, поставлены пьесы, фильмы...

Книги, посвященные военно-патриотической теме, всегда привлекали особое внимание. Но никакие сюжеты, дела и поступки героев художественных произведений, созданных творческим воображением авторов, не могут сравниться с ярчайшими жизнями сынов и дочерей советского народа, тех, кто, постоянно рискуя собой, сражался на невидимых фронтах. Именно тем, думаю, и ценен предлагаемый читателям сборник, что все без исключения повести и очерки, вошедшие в него, подготовлены на документальной основе. События, освещенные в нем,— подлинные, персонажи — реальные, лишь только фамилии некоторых из них по разным причинам изменены.

Эта книга, являющаяся одним из немногих сборников литературных портретов славных советских военных разведчиков, партизан, подпольщиков, активно боровшихся против врагов нашей Родины в годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, и особенно во время этой войны, поможет прикоснуться к новым, священным для нас страницам истории, которая хранит немеркнущие образцы храбрости и отваги, мужества и самоотверженности советских людей.

В военную разведку всегда шли наиболее смелые, наиболее преданные партии и революции люди. Они хорошо понимали, во имя каких великих и благородных целей брались за неимоверно трудную и опасную работу; ими владела непоколебимая вера в дело, которому служили, пламенная любовь к социалистической Родине и жгучая ненависть к ее врагам. Как известно, у бойцов на войне нет легких дел, но следует признать, что немного найдется таких заданий, которые требовали бы от человека столько мужества, выдержки, находчивости и умения владеть собой, какие присущи бойцам невидимого фронта.

Сборник примечателен и тем, что он показывает боевую деятельность в военное время советских разведчиков, партизан и подпольщиков в тесном взаимодействии с антифашистами-интернационалистами ряда иностранных государств. Он подчеркивает интернациональный характер героической борьбы нашего народа, рассказывает о выполнении советскими патриотами интернационального долга. Да, советский воин всегда был и есть интернационалист!

Особая ценность сборника состоит в том, что о бойцах невидимого фронта рассказывают советские писатели и журналисты, которые в годы военного лихолетья сами испытали тяготы и лишения фронтовых будней. Среди них известные писатели: бывший военный разведчик Герой Советского Союза Владимир Карпов и Евгений Воробьев. Бывший партизан, журналист, Герой Советского Союза Петр Брайко и писатель Дмитрий Юферев — непосредственные участники описываемых событий. Среди авторов опытные военные журналисты-фронтовики, заслуженные работники культуры РСФСР Александр Сгибнев и Михаил Кореневский, бывший военный разведчик Николай Малышев и другие. Подготовленные фронтовиками материалы искренне и достоверно показывают подвиги сынов и дочерей нашего народа в самоотверженной борьбе с коварным врагом на незримом фронте, в тылу врага. Разведчики, о которых рассказывается в сборнике,— это патриоты, воспитанные под благотворным влиянием революционных, боевых и трудовых традиций нашей партии, народа и его Вооруженных Сил. Их отличают самые яркие черты советских людей — преданность Родине и делу Коммунистической партии, верность долгу, коллективизм, братство, бесстрашие, мужество, собранность, дисциплина... Они жили всеми трудностями войны, всеми испытаниями, с которыми встретились народ, армия.

Открывающая сборник документальная повесть Е. Воробьева «Старик и его ученики» посвящена выдающимся сынам советского народа, в частности военным разведчикам, принимавшим непосредственное участие в национально-революци-

онной войне в Испании в 1936—1939 годах, одними из первых они вступили в схватку с фашизмом.

С интересом читается очерк М. Кореневского и А. Сгибнева «Жизнь и подвиг Христофора Салныня» — советского военного разведчика, бесстрашного бойца невидимого фронта, до конца выполнившего свой интернациональный долг.

Ореолом славы озарены имена тех, кто вел тайную и безмолвную борьбу с врагами Родины в годы Великой Отечественной войны. Об их подвигах не сообщалось в сводках Совинформбюро, их имена не назывались в печати и радиопередачах. Лишь спустя многие годы появилась возможность рассказать о совершенных ими подвигах, о величайшем мужестве, проявленном во имя Победы.

Комиссар Одинцов и пограничник Спрогис, актер и кинорежиссер Вершигора и студент Зеболов, опытный московский инженер Льговский и рабочий-железнодорожник Терещенко, пришедшие в разведку по зову сердца в трудный для Родины час, готовы были выполнить и самоотверженно выполняли задания во вражеском тылу, какими бы сложными они ни были.

Многие герои невидимого фронта, коммунисты и комсомольцы являлись лучшими представителями нашего многонационального советского народа. Это были русские и украинцы, белорусы и узбеки, казахи и армяне и многие другие. Подавляющее большинство из них хотя и не были кадровыми военными, тем не менее всей системой воспитания нашей молодежи были подготовлены к подвигу. Поэтому-то, когда пришел час испытаний, они смогли стать парашютистами, радистами, минерами, то есть подлинными бойцами невидимого фронта.

Переброшенные через линию фронта, разведчики оказывались лицом к лицу с коварным и злобным врагом, и в первую очередь с контрразведкой противника и ее агентурой. Благодаря огромной любви к своей Родине, беспредельной преданности делу Коммунистической партии, силе воли, мужеству и отваге советские патриоты преодолевали все трудности и умело выполняли сложнейшие задания, показывали высокие образцы верности воинскому долгу, добывали и докладывали Генеральному штабу, командованию фронтов и флотов ценнейшие сведения о планах и намерениях немецко-фашистского командования, составе группировок войск, о перебросках резервов и боевой техники противника, местах расположения его аэродромов и баз снабжения, о политико-моральном состоянии армий фашистской Германии и ее союзников, о положении в их тылах. Они пускали под откос воинские эшелоны, взрывали мосты, склады, нарушали связь, вступали в яростные схват-

ки с врагом и, как правило, выходили победителями, демонстрируя, на что способен человек, если он живет судьбой и делом народа, который отстаивает свою независимость и независимость угнетенных стран.

Разумеется, сражения выигрывают войска. Но исход боя во многом зависит от результатов работы, проведенной разведчиками при подготовке к сражению и в ходе его. Разведка на фронте организуется командующими и штабами оперативных объединений, командирами и штабами соединений, частей и подразделений. Все годы Великой Отечественной войны я был на фронте. В начале войны был начальником оперативного отдела — заместителем начальника штаба Юго-Западного фронта, в декабре 1941 года назначен начальником штаба Юго-Западного фронта, затем возглавлял одновременно штаб фронта и штаб войск Юго-Западного направления. С июля 1942 года командовал армией. В ноябре 1943 года назначен командующим войсками 1-го Прибалтийского фронта, а войну закончил в должности командующего войсками 3-го Белорусского фронта. По опыту работы в штабах и на командных должностях, по личному участию в подготовке и проведении ряда операций знаю, что добытые разведчиками сведения, выполненные ими в тылу врага задания имели очень важное значение для планирования и успешного проведения всех сражений. Ни один боевой приказ войскам не разрабатывался без учета добытых разведчиками сведений о противнике. А ведь эти сведения доставались непросто. Разведчики, работая в тылу врага, знали, что в случае провала их ждет не просто смерть, а самые изощренные фашистские пытки. Рисковали жизнью и их добровольные помощники из жителей оккупированных районов.

Поступающие к нам разрозненные сведения мы «просеивали», анализировали, обобщали. В итоге создавались карты, густо покрытые условными знаками, таблицы и диаграммы... Неоценим вклад славных разведчиков, с которыми мне пришлось встретиться на фронте, при подготовке и проведении сражения на Курской дуге, в Белорусской, Прибалтийской, Восточно-Прусской операциях, в овладении крепостью Кенигсберг и в других сражениях.

Давно отгремела война, но и теперь я, как и другие военачальники, с большой благодарностью вспоминаю бесстрашных патриотов Родины — наших разведчиков, на помощь которых постоянно опирался, доверял им и ценил их.

Хотелось бы подчеркнуть, что, верный интернациональному долгу, СССР с самого начала Великой Отечественной войны поставил своей задачей помочь народам порабощенных фашистами стран и принес во имя этого большие жертвы. Сво-

ше миллиона советских воинов пали в боях с врагом за пределами СССР. Только в сражениях за освобождение Польши погибло более 600 тысяч наших воинов. Сыны и дочери многонационального советского народа с честью выполнили свой долг, проявили преданность идеям пролетарского интернационализма.

В освободительной войне советского народа, превратившейся в общую битву свободолюбивых народов против германского фашизма, участвовали и патриоты многих других стран. Вместе с советскими разведчиками действовали антифашисты-интернационалисты, понимавшие, что их помощь Советской Армии — это их вклад в общую борьбу с поработителями. Об этой работе антифашистов также рассказывают произведения, включенные в сборник.

С большим интересом читаются очерки В. Понизовского и В. Томина, посвященные антифашистам-интернационалистам — болгарской патриотке Свободе Михайловне Анчевой и сынам немецкого пролетариата братьям Альфреду и Виктору Кенен. В судьбах этих героев много общего. Они — дети антифашистов, в течение ряда лет жили и получили образование в Советском Союзе. Когда грянула Великая Отечественная война, сыновья и дочери антифашистов-интернационалистов встали в строй борцов с фашизмом. Они хотели быть похожими на своих отцов и приумножали их славные героические дела. Вечно живут и служат народу славные традиции старших поколений!

Разумеется, в сборнике рассказано лишь о немногих из тех, кто, невзирая ни на что, рискуя собственной жизнью, шел в тыл врага, чтобы помочь командованию в проведении предстоящей боевой операции, в решении очередной боевой задачи.

Советский разведчик, успешно выполнивший порученное ему задание, достоин того, чтобы его имя навсегда осталось в народной памяти. Новых романов и повестей, стихов и песен, спектаклей и кинокартин, передач по радио и телевидению ждут советские люди о бойцах невидимого фронта. Пусть подвиги боровшихся в тылу врага отважных людей будут примером беззаветного служения социалистической Родине, делу коммунизма, пролетарского интернационализма.

Около четырех десятилетий прошло с того дня, когда отгремели последние орудийные залпы второй мировой войны. Сложилось и успешно развивается братское содружество социалистических стран, основанное на принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма. За этот небольшой срок страны социализма добились поистине грандиозных достижений во всех областях жизни. Наше поступа-

тельное движение протекало бы значительно успешнее, с меньшими трудностями, если бы не ожесточенное противодействие империализма.

Руководители агрессивного блока НАТО, и прежде всего правящие круги США, упорно проводят курс на то, чтобы нарушить сложившееся военное равновесие в свою пользу. Американская администрация преднамеренно взвинчивает гонку вооружений во все возрастающих масштабах, что, естественно, ставит под угрозу всеобщий мир. В этих условиях партия требует от советского народа, от Вооруженных Сил особой революционной бдительности.

Ныне воинскую службу несут уже сыновья и внуки героев Великой Отечественной войны. Они, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, не прошли суровых испытаний, выпавших на долю отцов и дедов. Но они верны героическим традициям нашей армии, нашего народа. И каждый раз, когда того требуют интересы безопасности страны, защиты мира, когда нужно помочь жертвам агрессии, советский воин предстает перед миром как бескорыстный и мужественный патриот, интернационалист, готовый преодолевать любые трудности.

Велика интернациональная ответственность за судьбы мира, возложенная историей на наши Вооруженные Силы.

Да, советские воины всегда были и есть интернационалисты. Они — славные воспитанники Октября, Ленина, партии, народа. Они, интернационалисты новых поколений, с честью продолжают дело своих дедов, отцов и братьев. Новая смена достойна своих предшественников.

Личный состав Советских Вооруженных Сил с честью оправдывает оказанное народом и партией доверие, безмерно дорожит их любовью и заботой. Наши воины сплочены вокруг ленинской партии, беспредельно преданы ее великому делу. Они достойно продолжают и приумножают славные традиции своих отцов и старших братьев.

Читатель, и советский, и зарубежный, получает, на мой взгляд, интересную и полезную книгу. Хочется надеяться, что она хорошо послужит воспитанию советского народа, особенно молодежи, на лучших традициях старших поколений, в духе нерушимой дружбы народов СССР, боевого содружества с братскими социалистическими странами и их армиями, понимания своего интернационального долга перед трудящимися всего мира.

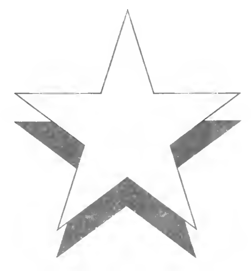
Дважды Герой Советского Союза
Маршал Советского Союза
И. Х. БАГРАМЯН

**Армейского комнссара 2-го ранга
Яна Карловнча Берзина,
длительное время стоявшего
во главе советской военной разведки,
товарищи по работе
звалн между собой
с душевной теплотой Стариком.
В этом очерке речь идет
о том пернодe, когда Берзин,
находясь на посту Главного
военного советника испанской
республнканской армии,
руководнл деятельностью
своих ученнков н соратников.
Среди них былн Артур Спрогис,
Х.-У. Мамсуров, Поль Арман
и другие. Сражения с фашизмом
н последующне годы унеслн жизни
большинства славных учеников Старика.
Евгенний Воробьев знакомнт чнтателя
с этими замечательными людьмн.**

Е. Воробьев

Старик и его ученики

Плеяда
Яна Берзина

1. Альфред и Пауль

Госпожа Амалия прощала квартиранту, если он платил за комнату с опозданием. Почти каждое утро приносила ему чашку кофе, правда желудевого, хотя разговора о кофе при сдаче комнаты не было. Днем Пауль Тылтынь учился в университете, вечерами работал статистом в городском театре и хвастался, что даже играет маленькие роли. В иные дни вместо университета он отправлялся в порт, надевая рабочую блузу и обтрепанные брюки с заплатой на колене. Ботинки давно просились к сапожнику в руки, хотя и были начищены.

К квартиранту, очевидно, благоволила костюмерша, потому что иногда он являлся домой в костюме из театрального гардероба. То менял студенческую фуражку на благопристойный котелок, то отпускал усы, то сбривал их, то наклеивал бородку, чтобы, как объяснял, «войти в роль», и уходил на весь день.

Поначалу квартирант показался госпоже Амалии покладистым, скромным. И вдруг стал ворчать: в комнату никогда не заглядывает солнце, далеко до театра, и еще что-то, госпожа Амалия не помнит уже, но поняла: он или чем-то сильно расстроен или привередничает.

На самом же деле Пауль отказался от комнаты, чтобы избежать все более назойливой слежки полицейских ищеек. Партийные товарищи приказали ему срочно переехать, прописаться в другом участке, где полицмейстер и шпики не знают его в лицо.

Он присмотрел маленькую, скромную комнатенку на той же Мельничной улице, которая тянется через всю Ригу. Новая комната была еще дальше от городского театра, у самого порта.

Он искал работу на пристанях, в портовых пакгаузах. Студенческая фуражка не очень шла грузчику с лямками за плечами, но она настолько примелькалась портовой страже, что на ее владельца не обращали внимания.

В свободное время, когда пароход только показывался на рейде или швартовался, а грузчики ждали, парень читал свои учебники. Никто не знал, что между страницами спрятаны запретные листовки. И хотя в среде новых товарищей его прозвище Спийтниекс (Упрямец) не привилось, он оставался таким

же упрямым, каким его знали в Земгальском районе до провала тамошнего подполья.

Жизнь шла своим чередом, мало считаясь с желаниями и планами студента Пауля Тылтыня. Вьюжным февралем 1924 года его призвали в армию. «Почему такой тощий?» — спросил с насмешкой офицер на призывном участке. «Растолстею на казенных харчах»,— утешил его Пауль. Медицинскую комиссию прошел без заминки. На политические темы в воинской канцелярии беседовали долго: получили из полиции плохую характеристику и не вызывал к себе доверия. В латышской охранке знали, что его старший брат Альфред — командир Красной Армии, что два двоюродных брата, латышские стрелки, убиты в боях, что дядя расстрелян в 1919 году в Риге за помощь красным...

Теперь Пауль прятал листовки, прокламации под солдатской курткой. Начальству донесли: Тылтынь агитирует, разлагает солдат. Улик, чтобы арестовать, предать суду, не было, но младшего телеграфиста перевели в Двинскую крепость с пометкой в документах «штрафной... политически неблагонадежный». Он стал телеграфистом.

В августе 1925 года после допроса в полицейском управлении его уволили из армии, запретив проживать в крупных городах Латвии. С товарищами Спийтниекс встречался на явках, конспиративных квартирах, а в Елгаве и Риге скрывался под чужой фамилией.

Однажды товарищи из рижского подпольного комитета предупредили Пауля: «Тебя выследили. Уезжай во Францию немедленно. Каждый день можно ждать ареста. Твой брат Альфред в курсе всех осложнений. Он встретит тебя в Париже».

В тот же день Пауль купил учебник и начал зубрить неправильные французские глаголы...

Братья много лет не виделись. Год назад Альфреду удалось нелегально приехать в Латвию и тайно навестить родителей на хуторе. Но Пауль в это время тянул лямку в Двинске, выстукивал в крепости свои точки и тире. И вот после восьми лет разлуки он встретится с любимым братом. На фотографии, надежно спрятанной матерью, Альфред в длинной красноармейской шинели и в буденовском шлеме со звездой, маузер в деревянной кобуре.

В сентябре Пауль приехал в Париж. Он с трудом узнал Альфреда в прекрасно одетом господине — шляпа, пальто с бархатным воротником. Альфред представил ему миловидную женщину, которая приветствовала Пауля по-латышски,— жену Марию. По-французски она говорила свободно: окончила Сорбонну.

Паулю сняли мансарду на окраине города, на пятом этаже.

Альфред и Мария свели его с французскими друзьями. Он стал студентом политехнического института. Новые товарищи полюбили Пауля Тылтыня за веселый нрав, за прямоту в суждениях, за выдержку при невзгодах, за преданность делу, за неистовое упорство, с которым он изучал язык.

Пауль Тылтынь. 1925 г.

Альфред Тылтынь. 1926 г.

Он вступил в коммунистическую партию Франции. В парижской организации 6-го района в ячейке 339 учли его подпольную работу в Латвии с октября 1920 года. Ему выдали партийный билет № 25750, а вскоре — паспорт. С того дня он — Поль Арман.

Спустя год Арман испытал счастливое потрясение: впервые ступил на советскую землю.

В Москве Альфред привел его к Берзину, молодому еще человеку, которого заглазно называли Стариком. Вот не думал Пауль, что ему когда-нибудь посчастливится пожать руку, поговорить с легендарным Петером Кюзисом. Человек-легенда! Пауль благоговел перед ним с юных лет. Оказывается, это он помог Паулю выбраться из Латвии во Францию, приехать в Советский Союз, он — хозяин кабинета, куда они пришли. На стенах два портрета — Ленина и Фрунзе. На столе несколько телефонов. Большая зашторенная карта. Сюда заходили коман-

диры с одним или двумя ромбами на петлицах, вызванные хозяином кабинета.

Берзин сказал, что доволен Паулем, мог бы оставить его под своей командой, но полезнее ему, молодому инженеру, знающему о Красной Армии только понаслышке, сначала окончить военную школу. Вряд ли можно ограничить военное образование тем, чему научился в штрафном батальоне крепости Двинск.

Берзин встал — разговор окончен. На прощание пожелал с честью носить форму воина Красной Армии.

В июле 1926 года в Московской пехотной школе появился сухощавый светловолосый новичок. Никто не подозревал, что он уже имеет опыт профессионального революционера, работавшего в коммунистическом подполье Латвии. В анкете Армана записано: «Национальность — латыш, родной язык — русский... Свободно владеет французским, немецким и слабее — английским и литовским».

Изредка в школу наведывался комбриг Альфред Тылтынь. Он командовал соединением Красной Армии, часто выезжал в заграничные командировки. В школе уже знали: командир с танками на петлицах — старший брат Поля Армана. Он вступил в ряды большевиков в сентябре семнадцатого, воевал в Красной Армии с первых дней ее рождения, награжден орденом Красного Знамени.

В те годы, когда Поль был курсантом пехотной школы, Альфред занимался танковым вооружением, изучал тактику нового рода войск.

Поль отлично окончил школу. Стал красным командиром. Успешно совершенствовался на разных командных должностях — от командира разведвзвода до командира бронедивизиона. Его ожидало назначение в Ленинград и повышение в должности — комбат!

— Завтра получите предписание, а также воинский литер.

А на следующий день сообщили, что оформление документов задержано: его вызывает в Народный комиссариат по военным и морским делам Берзин.

Арман молодцевато вошел в кабинет, портупея и сапоги поскрипывали.

— А поворотись-ка, сынку,— Берзин встал из-за стола и шагнул навстречу.— Форма сидит на тебе лучше, чем поповский подрясник на младшем сыне Тараса Бульбы, но Ленинград со всеми его академическими театрами придется отставить. Поедешь в Белоруссию, в Борисов. Пятая мотомехбригада. Командир Альфред Тылтынь. Вы, кажется, знакомы?

— Его просьба? — крайне удивился Арман.

— Это мое решение. Послужи под присмотром брата. У вас найдется о чем поговорить.

Поль растерянно молчал.

— Что тебя смущает? Может, семейственность? Поблажки Альфреда по службе?

— Этого от него не дождешься,— хмыкнул Поль.— Не в его характере. Скорее будет ко мне придирчив, чем снисходителен.

— Альфред уже предупрежден о твоем назначении...

Поль Арман настойчиво овладевал техникой. Как-то в кругу танкистов, блаженно потягиваясь после учебного марша — много часов не вылезал из танка,— воскликнул:

— Кажется, я танкист не по должности, а по призванию. Танки теперь моя стихия!

В апреле 1933 года танкистам из Борисова выпала большая честь. Пятая мотомехбригада впервые будет участвовать в первомайском параде на Красной площади. Через несколько дней промасленные, закопченные комбинезоны заменили новенькими. Обмундирование выдали всем с иголочки.

Белорусские танкисты показали себя с наилучшей стороны. На приеме для участников парада в Кремле к братьям подошел Берзин и поздравил их с успехом...

Минуло три года. Альфред был где-то за границей, когда в Испании начался фашистский мятеж.

«Как-то в конце августа,— вспоминал лейтенант Анатолий Новак,— Поль спросил меня: «Как ты посмотришь, если мы добровольцами отправимся в Испанию?» — «Я-то с радостью. Но пустят ли нас туда?» — «Садись, пиши рапорт. О дальнейшем я позабочусь. Нам помогут».

14 октября 1936 года танкисты-добровольцы сошли в порту Картахена с борта теплохода «Комсомол» на испанскую землю.

В этот день Поль Арман узнал, что он окрещен капитаном Грейзе. Его назначили ответственным за разгрузку танков.

2. Сесенья, 29 октября

Среди гор, с которых сбегают прозрачные ручьи, в апельсиновых рощах, в оливковых зарослях спрятался курортный городок Арчена. Туда скрылись танкисты со своими танками, там открылся учебный центр, там обучали танковому делу испанских патриотов.

Капитан Грейзе разработал учебный план на месяц и приступил к занятиям. Но тяжелое положение под Мадридом не

позволило выполнить этот план. Грейзе начал занятия 17 октября, а через десять дней первый танковый отряд, куда входили пятнадцать Т-26, был вызван на фронт.

Сдерживая наступление фашистов юго-западнее Мадрида, капитан Грейзе провел танковую атаку. До того дня на стороне республиканцев мятежники танков не видели, поэтому Арман великолепно использовал момент внезапности. Он ворвался в городок Сесенья. Фашисты не ожидали нападения, и отряд марокканской кавалерии, батареи противника, его мотопехота, танки не были готовы к отпору.

Танки капитана Грейзе прорывались все дальше на юго-запад и оказались далеко в тылу врага. Танкисты расстреливали, рассеивали отряды, группы фашистских солдат «регулярес», которые направлялись к фронту.

Во время боя за Сесенью марокканцы бросили бутылку с бензином на танк Армана. Чтобы сбить пламя, Арман приказал механику-водителю Мерсону прибавить скорость. Однако огонь проник внутрь, и на танкистах загорелась одежда. Сильно обожженные командир танка Лысенко, Арман и Мерсон продолжали вести бой.

Сорок пять героев на пятнадцати танках под командованием капитана Грейзе за одни сутки уничтожили около восьмисот фашистов, в том числе два эскадрона марокканских всадников, раздавили десять орудий, сорок три пулемета, подбили, сожгли несколько танков.

Бой за Сесенью вошел в историю войны с мятежниками и в историю танковых войск. В тот день, 29 октября, впервые состоялась дуэль танков двух противоборствующих армий. И впервые был совершен танковый таран: командир взвода лейтенант Семен Осадчий таранил и сбросил танк «ансальдо» в ущелье. Спустя неделю он погиб, получив смертельное ранение. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Блестящий рейд Грейзе вынудил врагов на какое-то время приостановить наступление на Мадрид, его защитники получили столь необходимую им передышку.

«Обстановка на фронте не предвещает отдыха...» — записал 30 октября капитан Грейзе, когда танкисты приводили в порядок себя и свои машины. Перевязки, лечение ожогов, пополнение боеприпасами, горючим, ремонт машин, наконец, надо было просто выспаться, отдышаться...

Отныне танкисты Армана спешили туда, где было особенно трудно. Горстка танкистов показывала чудеса храбрости и выносливости, появляясь в один и тот же день то на одном, то на другом участке фронта.

3. Встреча в подземелье

Арман еще не виделся с Берзиным в Мадриде. Тот должен был со дня на день вернуться из Валенсии.

Ян Карлович Берзин, все такой же ладный, подтянутый, приветливый, встретил Армана в штабе обороны Мадрида в подземелье, в комнате с могучими сводами. Серые глаза Берзина потеплели.

— А поворотись-ка, сынку,— Берзин осторожно обнял вошедшего Армана, заметив, что руки у него забинтованы.— Здравствуй, Пауль, здравия желаю, капитан Грейзе! Ну как, привык к своему псевдониму?

— Меня иногда за немца принимают...

— Та-а-ак, копоть успел отмыть, а на лице кровоподтек, ожоги... Все-таки не зря тогда отправил тебя в пятую мотомехбригаду. Научил тебя Альфред кое-чему. Узнал бы про твои боевые дела — порадовался издалека за своего Пауля...

Арман кивнул коротко.

— А ты времени не терял,— улыбнулся Берзин.— Не доехал до главного советника, генерала Гришина, не получил от него советов, а успел изрядно потрепать фашистов. Он жаловался на тебя... Теперь о деле...

Улетучилась мимолетная веселость. Берзин посуровел. Арман вгляделся в него: заметно побелел ежик волос, но серо-голубые глаза полны молодого блеска, и, хотя на нем штатский костюм, строевая выправка чувствовалась; он сел в старинное кресло с высокой спинкой.

Как бы ни был встревожен, взволнован, он всегда разговаривал с подчиненными спокойно; сколько бы бессонных ночей ни пряталось в его усталых глазах, хватало выдержки скрывать, что устал до изнеможения, работал в полную силу, не помышляя об отдыхе, как волшебный радиопередатчик, у которого никогда не иссякают батарейки и который обладает способностью во время работы аккумулировать нужную ему энергию.

Он не расспрашивал о жестоком сражении в Сесенье, хотя наверняка ему уже об этом доложили.

Берзин был очень недоволен обстановкой в штабе Центрального фронта, нарушением основных законов фронтовой конспирации, утечкой секретной информации, а что такая утечка имеет место — совершенно очевидно и для Берзина, и для его бывшего подопечного.

Нетрудно понять, какой урон принесло громогласное и широковещательное оповещение о предстоявшем 29 октября наступлении на Сесенью. Если бы просто агитационный при-

зыв, а то — с выдачей всего оперативного приказа о наступлении! Приказ разослали в республиканские части, нарушив его секретность. А в канун наступления приказ высшего военного командования Центрального фронта передавался еще и по радио!

Берзин достал из ящика стола лист с переводом этого приказа на русский.

— Не приказ, а какая-то прокламация, разосланная не к месту и не ко времени. Не пойму — чего у сочинителя больше: глупости или зловредного умысла? Иногда дурак и предатель отлично уживаются и дополняют один другого.

— Правильно сказал мне Михаил Кольцов: шпионов можно засылать в местные штабы не для работы, а для отдыха...— невесело усмехнулся Арман; улыбаться ему было больно, обожжены губы, лицо воспалено от ожогов.

— Может, и бутылки с бензином фашисты начали готовить, услышав рекламу про вас, танкистов?

Арман пожал плечами, он не удивился повышенному интересу Берзина к неожиданному оружию против танков. Эти проклятые бутылки придется иметь в виду всем танкистам. Просто так, с небрежным высокомерием от этих бутылок не отмахнешься, тем более в Испании. Здесь, где танку иногда приходится пробираться по узким улочкам среди старинных домов, легче легкого швырнуть бутылку с бензином из окна, с балкона, из-за каменной ограды.

Берзин предположил, что со временем бутылки будут наполнять не бензином с ваткой-затычкой, которую надо поджечь в момент броска, а самовоспламеняющейся жидкостью. И на спички тратиться не станут. Трахнут такой подарочек о броню, и огонь мгновенно расползется по всем щелям...

За спокойным тоном Берзина, которым он сообщал плачевные новости последних дней, чувствовалось предельное напряжение. Тучи над Мадридом сгущались.

— Ты что-нибудь слышал о «пятой колонне»?

Арман неуверенно развел забинтованными руками.

Что же это за «пятая колонна»? В тылу немало готовых каждый день нанести республике удар в спину. Много вооруженных врагов скрывается в городе, отсиживается в посольствах, больше всего в германском.

Случается, на улицах, площадях бросают гранаты, стреляют в милисианос с чердаков, крыш, верхних этажей — из окон и с балконов.

— Эх, нам бы с тобой лишний взвод танков,— мечтательно вздохнул Берзин.— Мы ввели бы в Мадриде бессонное патрулирование. Сразу укоротили бы руки «пятой колонне». Слу-

шай, Пауль, ты не мог бы в ближайшие дни и ночи чаще наведываться в город?

— Конечно, могу. Исходные позиции моих танков с каждым днем все ближе к городу.

— Когда я сказал «наведываться», то имел в виду не тебя персонально, а твои Т-26. Положение в Мадриде такое, что... Мне не дает спать «пятая колонна». Я уже говорил об этом с генералом Миахой, с его помощником Касадо, но взаимопонимания не нашел. Или они не представляют себе опасности, или... Им лишь бы не сотрудничать с коммунистами. Хотя хорошо понимают, кому город прежде всего обязан своим героическим сопротивлением.

Накануне тяжелых ноябрьских боев за Мадрид Берзин встретился с прибывшим в его распоряжение военным советником Кириллом Афанасьевичем Мерецковым (в Испании он звался Петровичем).

Маршал К. А. Мерецков вспоминал эту встречу:

«Мы обнялись и тут же стали намечать порядок дальнейшей работы. Я доложил Берзину о своих полномочиях, а он связался с республиканскими командирами и сообщил им о прибытии новой группы советских военных советников. Затем Ян Карлович сказал, что главная задача ближайших суток и недель — превратить Мадрид в крепость. Твердо рассчитывать можно было на коммунистов, на людей из министерства внутренних дел и на гражданское население города. Берзин расстелил на столе карту и начал показывать места расположения будущих оборонительных сооружений... Берзин размышлял над планом оборонительных сооружений. Все ли тут верно? Вспомнили русскую поговорку: гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить. Чтобы не ошибиться, договорились втроем объехать рано утром окрестности города, осмотреть на местности, как лягут будущие окопы и брустверы... Всю ночь мы не сомкнули глаз; а утром объехали предместья Мадрида. Рекогносцировка позволила установить, что план обороны хорош. Я. К. Берзин, чтобы поскорее претворить его в жизнь, обратился за помощью к испанским коммунистам...»

4. Артур Спрогис

Пока Артур Спрогис, прибывший утром, ждал приема, он поневоле прислушался к разговору, который вели вполголоса двое незнакомых русских, судя по выправке — командиры. Один из них несколько раз обмолвился: «Павел Ива-

нович приказал...», «Надо спросить у Павла Ивановича...» Спрогиса тут же осенило — Берзин! Павел Иванович — так его называли сослуживцы. Но насколько Спрогису было известно, Берзин на Дальнем Востоке заместитель Блюхера. Разве мог Спрогис предположить, что под именем генерала Гришина воюет Берзин, что именно в его распоряжение он прибыл.

Спрогиса направили в особняк в старой части Валенсии из гостиницы «Метрополь», где жили русские.

Новая часть города совершенно не похожа на старую — запечатленное в камне средневековье. Старая Валенсия отдаленно напомнила Артуру теснящийся к Даугаве район Риги, где высятся ратуша, Домский собор, замок Черноголовых рыцарей и другие памятники старины.

А для Берзина неожиданности в приезде Спрогиса не было, он ждал его.

— Слышал, плавание не было скучным?

Из Севастополя Спрогис плыл на пароходе под испанским флагом. На борту танки, тонны динамита в трюмах, разное вооружение. К Картахене подошли не с востока, а от африканского берега без огней, в темноте. Светало, погас маяк в порту. Опасались итальянских подводных лодок. На всякий случай все подготовили к взрыву...

Навстречу — эсминец без опознавательных знаков. Наш капитан выкрикнул пароль, ответа не последовало. Ну что же, если погибать, то заодно потопить и фашистов. Все ближе, ближе чужой борт. И вдруг несется с мостика: «Эй, ты, фашист, глаз что ли нету? Столкнемся!» Так капитан понял, что это — свои. На эсминце не знали пароля.

— Завтра, майор Артуро, поедешь в Мадрид,— перешел к делу Берзин.— На помощь Хаджи. Положение там очень серьезное. Переночуй в гостинице «Метрополь». В семь утра тебя будет ждать машина и трое спутников. По дороге заедешь ко мне.

Утром, когда машина подошла к особняку, в ней кроме Артура сидели радист и переводчица. Вышел порученец и вызвал Артура к генералу.

— Обстановка изменилась. Хаджи управится в Мадриде сам, или ему помогут другие. А в Малаге не налажена разведка. Поворачивай машину на Малагу. Вот карта, адрес,— он протянул пакет.— Не теряй времени... Наведаешься в Валенсию по своему усмотрению. Тогда поговорим подробнее... Не застанешь меня — звони в Мадрид.

Следовало отобрать надежных, преданных республике, отважных добровольцев из лиц, не подлежащих призыву. Подопечным майора Артуро стал Хосе Муньес Гомес, когда-то

служивший в регулярной армии в чине капрала. Высокий, широкоплечий, с неизменной черной шляпой, в кожаных куртке и штанах; на шее узлом завязан красный платок. Спокойные, сильные руки обычно лежат на широком поясе. Смельчак, медлительный в словах, но очень подвижный и ловкий в минуты опасности, он понимал Артура с полуслова. Фашистский мятеж начался прежде, чем Хосе научился грамоте: вот почему он так подолгу всматривался в карту, шевеля губами, изучал ее, а майор Артуро терпеливо учил его топографии.

Боевая обстановка под Малагой была столь напряженной, что второй разговор с Берзиным в Валенсии состоялся лишь спустя месяц. Но за это время Артур не раз получал боевые поручения от генерала Гришина.

В теплый осенний день, в послеобеденный час майора Артуро разыскал в штабе Малагского фронта мотоциклист. Связной только что примчался из Валенсии и, когда слез с сиденья, отряхнулся, его не стало видно в облаке пыли. Он достал из-за пазухи секретный пакет. Боевое задание: бумага подписана «Вецайс».

Спрогис улыбнулся, он узнал почерк Берзина; «вецайс» — по-латышски «старик».

Вскоре Артуру пришлось отказаться от переводчицы, которую к нему прикомандировали. Слабое здоровье не позволяло ей совершать многосуточные переходы по тылам мятежников. И не удивительно, что она отставала от шахтеров, которые в основном составляли подрывную группу, возглавлял ее герильеро (партизан) Хосе. Не под силу оказалась переводчице и нервная перегрузка: несколько раз падала в обморок, как нетрудно догадаться, в самых критических, не подходящих для этого обстоятельствах.

Каково было, например, сидеть в автомобиле, который на крутом повороте горной дороги едва-едва не свалился в пропасть: повис передними колесами. Не сразу удалось вызволить из беды пассажиров и оттащить автомобиль назад.

Кроме того, переводчица не в ладах с местным диалектом, а он разнится с разговорным испанским языком: андалузцы часто недоговаривают последний слог, опускают в конце согласные.

Артур был очень доволен андалузскими шахтерами с серебряных рудников: бесстрашные, выносливые, физически сильные; один работал на руднике крепильщиком, другой откатывал вручную вагонетки с рудой. Но особенно выручали два подрывника. Они лучше других умели обращаться с динамитом, детонаторами, капсюлями и учили этому недавних виноделов, крестьян, кустарей, лодочников.

Широко используя богатый опыт партизанской войны, Артур ночью перенимал и опыт местных герильерос. Они собирали перед ночным переходом грибы со светящимися с изнанки шляпками; такие грибы растут у основания старых трухлявых деревьев, чаще всего олив, или на подгнивших пнях. Гнилушки испускают фосфорический свет. Их привязывали к белым лоскуткам на спинах. Такой светлячок заметен в плотной черноте ночи на расстоянии до двух десятков метров. Когда идут цепочкой, один в затылок другому, подрывник впереди служит мигающим маяком для шагающего вслед. Хосе утверждал: попадаются такие светоносные гнилушки, что позволяют даже читать, сверяться с картой...

Темная ночь сподручнее для разведки, для диверсии в тылу, нежели лунная, потому что самое главное в таком деле — остаться невидимкой. Но иногда в боевой операции наступают минуты, когда самое яркое освещение играет на руку разведчику, остающемуся незамеченным...

Полная луна на юге Испании совсем не такая, как, например, в Белоруссии, где ночное небо бывает иногда белесое, и даже когда оно безоблачное, луна не дает резких теней. Тени помогают воздушным разведчикам ориентироваться на местности. Тени помогают пешим разведчикам в горах: на отчетливо очерченные тени безопасно ступать. Украинская луна, насколько помнит Артур, тоже не достигает здешней яркости, тут лунный свет сияет неистово. Да и не удивительно, от Малаги до Африки — рукой подать...

Артур воевал во главе своего отряда в нескольких провинциях; уходил за Сьерру-Неваду, за Андалузские горы, к северу от Гранады, оставаясь в подчинении у Гришина. Время от времени вырывался в Валенсию. И каждый раз с удовольствием отмечал, что издавна знакомый ему стиль работы Берзина не изменился: сперва внимательно выслушает, потом подскажет, даст тебе полную инициативу — «делай, как находишь нужным».

Берзин познакомил майора Артуро с генералом Лукачем, который формировал интербригаду в Альбасете. В Валенсии в гостинице «Метрополь» познакомил с приехавшим на несколько дней из Мадрида корреспондентом «Правды» Михаилом Кольцовым.

— Я решил отправиться в тыл врага вместе с вами,— твердо заявил Кольцов за обедом в ресторане.

Артур еще много лет назад научился понимать Берзина с полуслова, полувзгляда, полужеста, полунамека. И сейчас успел заметить мимолетную тень неодобрения на его лице.

— Так возьмете меня? — настаивал Кольцов.

— Мы же ходим по высоким кручам,— предостерег майор Артуро.— Иногда ночи напролет. Без тренировки вам не выдержать.

— А верхом можно?

— Исключается.

— Только пешком?

— Да, на своих на двоих,— с неуступчивой жесткостью сказал Артур.— Хотите в мой отряд — потренируйтесь недели две в горах. Да еще с полной выкладкой. А как вы стреляете? — он многозначительно взглянул на очки с толстыми стеклами.— Выдержите экзамен в тире?

— Учтите, что об операциях за линией фронта нельзя напечатать ни строчки,— нанес еще один «удар» Берзин.

Так удалось отвергнуть план смелого корреспондента «Правды».

Во время беседы часто трезвонил телефон.

— Совсем как у тебя в Москве,— посетовал Артур, когда хозяин в очередной раз прокрутил ручку и поднял трубку.

Расставаясь, Берзин предложил:

— Приходи вечером ко мне домой. Никто мешать не будет, и смотреть на часы так часто не придется.

В тот предзимний вечер каждый из них подбросил в костер памяти горсть далеких воспоминаний, но одновременно оба то и дело возвращались к пережитому за последние недели.

Берзин был недоволен, что майор Артуро в боевых стычках с фашистами часто рвется вперед, лезет в самое пекло. Артур оправдывал себя языковой немотой. Не мог же он все время подвергать крайней опасности переводчицу, а без ее «трансляции» испанцы не поймут команд.

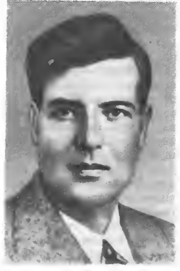
В условиях «малой войны» командиру следует чаще придерживаться уставного правила «делай, как я!». Приходится показывать герильерос, как пользоваться оружием. Автомат «томпсон», взрыватель, запасная обойма, капсюль, граната, наваха, маузер — все это «наглядные пособия» в бою...

Берзин кивнул, молча выразив согласие с Артуром.

Ну а что касается прошлого, то вспомнили и дни своего знакомства: Спрогис был в 1928 году оперативным уполномоченным, командиром погранотряда по борьбе с бандитизмом и контрабандой на западной границе. Выслеживал переходивших границу нарушителей.

Артур Спрогис, так же как и его наставник, вступил в Коммунистическую партию шестнадцати лет от роду. В то время один из самых юных кремлевских курсантов — рослый, крутоплечий, худой парнишка, который вместе со своими старшими товарищами охранял Кремль. Время от времени он стоял,

полный достоинства, строго выпрямившись, на посту № 27 у квартиры Владимира Ильича. Видимо, молоденький, всегда подтянутый парень обратил на себя внимание Ленина. Однажды Ленин остановился, поздоровался, спросил, откуда родом, как попал на кремлевские курсы, учился ли прежде и как долго. А вскоре после расспросов Ленин вернулся из своей квартиры и положил на подоконник возле Спрогиса небольшой

Артур Спрогис. 1936 г.

Елизавета Паршина. 1936 г.

сверток. «Когда сменитесь — съешьте». В свертке лежали бутерброды с повидлом и вобла...

И вновь воспоминания юношеских далеких лет перемежались деловыми разговорами о тактике и стратегии герильи — «малой войны»,— обсуждались достоинства и недостатки разных видов стрелкового оружия, нашего и иностранного, в партизанской войне, шла речь о снаряжении мин с детонаторами.

Запомнился Артуру их спор о тактике и технике подрыва мостов, приведший в конце концов к полному согласию. Да, выгоднее как можно больше устраивать диверсий на путях сообщения.

Берзин полагал, что обрадует Артура: в его распоряжение отрядили новую переводчицу. Но Артур, еще не забывший про обмороки, воспротивился:

— Бабу я не возьму. По условиям работы это исключается.— И привел много убедительных доводов.

Конечно, Артур прав, но что же делать, если мужчин-переводчиков в распоряжении советника нет?

— Ее зовут Хосефа, Хосефина. Никого другого мне предложить не могут. За ней нужно съездить на аэродром Ла Финка, это километрах в семи от Альбасете. Давай назначим ей испытательный срок,— предложил Берзин.

Берзин полагался на горячие похвалы советников, им очень не хотелось отпускать Хосефу.

Хосефа, она же Елизавета Александровна Паршина, не профессиональная переводчица с испанского. В Москве занималась испанским раз в неделю, два учебных часа. В московском «Интуристе» на попечении Паршиной бывали только французские туристы.

В Испании она попала к нашим летчикам, на аэродром в Алькала-де-Энарес. Французским языком владели многие испанские авиаторы — кто получше, кто похуже. Во-первых, летчики в Испании родом преимущественно из состоятельных, даже аристократических семейств, во-вторых, испанцы учились летному делу во Франции.

За три месяца аэродромной жизни Паршина сделала большие успехи в испанском языке — понимала испанцев хорошо и говорила уже бегло. Потому Берзин и решил направить ее на один из самых трудных участков, к майору Артуро.

Удивительно, как быстро молодая переводчица из респектабельного «Интуриста» смогла адаптироваться в неприхотливом, полном невзгод и опасностей партизанском житье-бытье герильерос, как не теряла присутствие духа в критических обстоятельствах!

Первые же дни совместной работы заставили Артура отказаться от былого предубеждения. Своей отвагой эта невысокая светловолосая девушка подавала пример даже некоторым мужчинам. Она быстро научилась улавливать своеобразный андалузский говор, какой звучал в отряде. Спустя время, уже прослышав о дружной боевой работе Артура и его переводчицы, Берзин, посмеиваясь, задал Артуру вопрос:

— Кончился испытательный срок у Елизаветы Паршиной?

5. «Пятая колонна»

«Теперь у нас в строю шестнадцать танков,— записал Арман 4 ноября.— Личный состав основной роты за семь дней непрерывных боев окончательно измотался. Материаль-

ная часть требует ремонта, но думать об отдыхе не приходится. Чувствуется приближение критических дней борьбы за столицу республики».

В тот день франкисты захватили Хетафе и аэродром «Куатро виентос» в десяти километрах от Мадрида. Сидя в танке на исходной позиции, Арман услышал специальную радиопередачу мятежников «Последние часы Мадрида».

Франкисты утверждали: в пятницу, 7 ноября, каудильо войдет в Мадрид. «Последние часы Мадрида» ссылались на германские источники: «по совету некоторых друзей генерал Франко избрал этот день специально для того, чтобы омрачить ежегодный праздник марксистов, годовщину большевистской революции».

Ожесточенными бомбардировками Мадрида мятежники пытались сломить сопротивление его защитников. Чтобы не нарушить работу штаба Мадридского фронта, командование решило перебраться в здание министерства финансов после его эвакуации. Там пустовали подземные сейфы — бронированные казематы, где хранился золотой запас страны, валютный фонд, ценные бумаги. Подвалы углубили, расширили, устроили вентиляцию, протянули туда всевозможные кабели, обставили кое-какой мебелью. В эти подвалы с металлическими стенами перебрался генерал Миаха со штабом.

Поздними вечерами сюда съезжались командиры, советники из интербригад, полков, батарей, эскадрилий, отрядов. Увы, их маршруты делались все более короткими.

Арман встретил в бронированном подземелье Берзина, Хаджи Мамсурова, с которыми несколько лет назад его познакомил в Москве Альфред, и Михаила Кольцова; с ним он тоже был хорошо знаком, а под Мадридом успел сдружиться.

Уже за полночь Берзин пригласил Армана на ужин в отель «Палас». Туда же перебрался Кольцов — его отель «Флорида» сильно разрушен. Фашисты разбомбили несколько госпиталей, и многоэтажный «Палас» приютил раненых. Остались лишь апартаменты в левом крыле второго этажа. В таком небоскребе эти апартаменты можно смело назвать бомбоубежищем.

У Берзина несколько улучшилось настроение: наконец-то у Мадрида появилась радиотелефонная связь с Москвой! Кроме того, за последние дни укрепили линию обороны города. С рассвета он обходил передний край фронта с военными советниками; среди них бывали Батов (Фриц Пабло), артиллерист Воронов (Вальтер), Хаджи Мамсуров, которого испанцы знали как майора республиканской армии Ксанти.

Берзин и Мамсуров не один час провели в подземных коридорах Мадрида, в тоннелях метро — они опасались там ди-

версий мятежников. Советники и другие специалисты вместе с республиканцами решали, где и как возводить баррикады, где рыть, углублять траншеи, где устанавливать пушки и пулеметы, какие мосты через реку заминировать и подготовить к взрыву, где оборудовать командные пункты.

Весь Мадрид не спал накануне 7 ноября. Крыша шестнадцатиэтажной башни «Телефоника-сентраль» — прекрасный пункт для наблюдения. Его-то и облюбовал Николай Николаевич Воронов. Он проводил на верхотуре по многу часов и часто корректировал оттуда огонь батарей. С недавнего времени там обосновался и наблюдательный пункт противовоздушной обороны Мадрида. Он позволял следить за тем, что делается у мятежников на аэродроме «Куатро виентос» — «Четыре ветра» — в Хетафе.

В ясную погоду можно засечь вражеские самолеты в момент взлета и принять меры защиты.

Берзин поручил авиаторам узнать, с каких аэродромов прилетают в Мадрид «гости» с бомбовым грузом. Разведчики доложили: больше всего налетчиков с аэродромов Талавера-де-ла-Рейна и Таблада...

В номере Берзина собрались только люди, которым он полностью доверял. Наиважнейшая боевая задача — нейтрализация «пятой колонны».

— Восемь тысяч фашистов сидят в тюрьмах. Из них три тысячи кадровых и запасных офицеров,— напомнил возбужденный Кольцов.— Если фашисты ворвутся в город или в городе начнется мятеж — это готовая квалифицированная офицерская колонна. Надо немедленно вывести эти кадры из города, хотя бы пешком, этапным порядком. Оставить такую силищу в Мадриде в опаснейший момент! По существу, фашистскую восьмитысячную колонну собрал и организовал, пусть в тюрьме, министр внутренних дел. Ларго Кабальеро признал остроту проблемы, но для эвакуации арестованных не сделал ровным счетом ничего...

На следующий день фашисты заняли Верхний Карабанчель в пяти километрах от центра города. Карабанчель — не пригород, не предместье, это окраина Мадрида. Из домов, захваченных на южной окраине, звонили по городскому телефону, сговаривались со своими людьми. А от своих единомышленников получали секретную информацию о положении в городе и его пригородах.

Вот запись беседы 7 ноября 1936 года Михаила Кольцова (в корреспонденциях он называл себя Мигэлем) с секретарем ЦК Педро Чэка. В случае захвата Мадрида фашистами Чэка должен остаться в городе как вожак подполья.

«Мигэль спросил, как с эвакуацией арестованных фашистов. Чэка ответил, что не сделано ничего и теперь уже поздно. Для восьми тысяч человек нужен огромный транспорт, охрана, целая организация — где же в такой момент все это раздобыть?

— Все восемь тысяч эвакуировать незачем, там много барахла и безобидных. Надо отобрать самые злостные элементы и отправить в тыл пешком, небольшими группами, по двести человек.

— Разбегутся.

— Не разбегутся. Крестьянам поручить охрану, это, пожалуй, еще надежнее, чем тюремная стража,— она очень подкупная. Если и разбежится часть, черт с ней, можно потом выловить. Лишь бы не отдавать Франко эти кадры. Сколько бы ни удалось отправить — две тысячи, тысячу, пятьсот человек,— все будет благо.

Чэка подумал, утвердительно мотнул головой. На это дело выделили трех товарищей. Поехали в две большие тюрьмы.

У заключенных было отличное настроение. Они, усмехаясь, говорили администрации: «Это наша последняя ночь здесь. Завтра у вас будут другие клиенты». Они не угрожали тюремщикам. В Испании тюремная администрация остается при всех режимах на правах незаменимых специалистов. Меняются только арестанты.

Фашистов выводили во двор, выкликали по спискам, это озадачило и потрясло их. Они думали — ведут на расстрел. Их отправили в сторону Арганды, туда с первой партией поехали надзиратели — устроить временный этапный пункт».

Уже третьи сутки танки Армана патрулировали в Мадриде. Надо было ежечасно напоминать мятежникам о наличии в столице бронированных часовых. Громыхающие прогулки по мостовым города совершались в паузы, когда позволяла обстановка на переднем крае. Арман лишал сна танкистов, доведенных до крайней степени изнеможения, он понимал, что это жестоко, но иначе не обезопасить город.

А тут еще случилось неприятное ЧП: испанские танкисты в трудных обстоятельствах, усложненных паникой, оставили на поле боя несколько неисправных танков.

— Фашисты могут заслать их к нам в тыл,— помрачнел Берзин.— Боюсь провокации...

— Сегодня же ночью,— пообещал Арман,— нанесем на башни всех наших Т-26 белые полосы. Я предупрежу отряд.

Еще до рассвета Гришин уехал в Валенсию. Он уехал по дороге, забитой паникерами и дезертирами; по ней эвакуировали женщин и детей, и по ней на днях проехали шикарные «испано-суизы» министров разношерстного кабинета Ларго Ка-

бальеро, оставивших Мадрид на произвол судьбы. Правительство сочло положение Мадрида безнадежным. Наспех оставленные всяким чиновникам инструкции допускали, что Мадрид, возможно, будет сдан. Это породило у многих панические настроения.

Но Берзин знал, что в Мадриде положение стабилизировалось, там остается надежный штаб обороны, остаются такие боевые товарищи, как Хосе Диас, Висенте Рохо, Долорес Ибаррури, Педро Чэка, Антонио Михе, группа военных советников, бойцы интербригад и дружинники, которые совместными усилиями с каждым днем крепят оборону Мадрида.

6. Каса Роха

Они разговаривали на разных языках, но, когда действовали сообща, в разведке или в ближнем бою, когда воевали в тылу врага, быстро находили общий язык. Встречались они в Пинсдель-Вальес, северо-западном предместье Барселоны, вдали от оживленных дорог, в доме из красного кирпича, который бойцы называли Каса Роха, то есть «красный дом». А база в соседнем доме, где обучались методам и приемам войны,— «Чапаев». Возможно, название возникло после того, как в местном кинозале показали советский фильм «Чапаев». Бойцы занимались или отдыхали здесь между боевыми операциями. Названием «Чапаев» они хотели подчеркнуть свою преданность идеалам революции, молодой республике. Готовность следовать той беззаветной храбрости, какой обладал камарада Базиль Чапай. Как он стрелял из пулемета! Муй бьен! Фармидабль! — замечательно! Чапай редко снимал теплую шапку, которую русские смешно называют «папаха», никто из испанцев никогда ее не видел...

Из Каса Роха, из «Чапаева» тянулись нити ко многим храбрым и дерзким отрядам.

«Малая война» — герилья — все сильней и сильней полыхала партизанским костром на земле, захваченной фашистами. Рядом с герильерос отважно сражались бойцы интернациональных бригад.

В Каса Роха, в «Чапаеве» бойцы начиняли мины динамитом, мастерили запалы. Работа с взрывателями требует таких же чутких, ловких пальцев, как у скрипача, часовщика, фокусника или ювелира, но часы, смычок, сломанное ушко серьги или минутная стрелка могут стать последним в жизни, если не будешь предельно осторожным и знающим.

Инструкторы — испанцы и иностранцы — сколачивали, обучали отряды подрывников, и они все с большим размахом действовали в ряде провинций — горные дороги, мосты, виадуки, склады боеприпасов, аэродромы...

Дорога вдоль апельсиновой рощи изрыта воронками. Пыль еще не улеглась, бомбежка была совсем недавно.

По дороге, объезжая воронки и вихляя из стороны в сторону, мчался мотоцикл с коляской. Оба, мотоциклист и пассажир, в моно — синий холщовый комбинезон с застежкой «молния». У пассажира полевая сумка, какие носят офицеры.

Мотоцикл проехал мимо догоравшего грузовика, мимо покосившегося столба с указателем-стрелкой «На Толедо», мимо деревьев с расщепленными стволами и срубленными макушками, мимо опрокинутой двуколки с убитой лошадью.

Сквозь стрекотание мотоцикла все отчетливее слышался рокот другого, все заглушающего мотора.

Пассажир в коляске первым увидел самолет и торопливым жестом приказал свернуть с дороги. Оба бросились под чахлые, серые от пыли придорожные оливы и упали плашмя на землю.

Одномоторный «фиат» снизился до бреющего и пролетел вдоль дороги, прошив реденькую рощицу длинной грохочущей очередью. Пуля пробила полевую сумку пассажира. «Фиат» улетел, стих шум мотора, пассажир отряхнулся и скомандовал:

— Аванти, Фернандес!

Но Фернандес остался недвижим. Две пули попали ему в спину, два кровавых пятна расплылись по комбинезону.

Пассажир поднял тело убитого, понес к мотоциклу, втащил в коляску, снял с него невредимую, без единой царапины каску, надел ее поверх своего берета, сел на место водителя и только тогда заметил, что из пробитого бензобака тонкой струйкой вытекало горючее. Он заткнул дырку патроном с пулей, неуверенно завел мотор и, медленно объезжая старые воронки, поехал дальше.

Были ранние сумерки, когда мотоцикл въехал в ворота монастырского подворья, где обосновался командный пункт.

Два монаха вынесли на носилках раненого и положили на двуколку с сеном, запряженную мулом.

Долговязый боец Курт из группы подрывников перебирал пулемет, сидя в тени забора, и напевал по-немецки марш интербригад. Мотоцикл не успел остановиться, а Курт уже вскочил на ноги: по-видимому, ждал его.

Водитель, запыленный до неузнаваемости, подал знак Курту и показал на человека, который в неестественной позе полусидел-полулежал в коляске. Водитель снял каску вместе с

беретом. Курт тоже обнажил голову. Вдвоем перенесли Фернандеса в тень, монахи накрыли его черным покрывалом.

Приезжий сказал что-то Курту, торопливо прошел через двор, поправляя ремень с сумкой и на ходу отряхиваясь беретом от пыли. Подошел к часовому, стоявшему у входа в полуподвал, и спросил:

— Камарада Гришин?

Часовой кивнул:

— Проходите, вас давно ждут.

Он спустился в подвал, глаза еще не привыкли к полутьме, его окликнули по-испански, и тот же голос нетерпеливо спросил по-русски:

— Почему так поздно, Хаджи? — Человек сидел за столиком, тускло светила «летучая мышь».

— До перевала далеко, а ночи короткие. С трудом добрался, Павел Иванович,— Ксанти говорил с легким кавказским акцентом; он подошел к столику, положил возле лампы запыленную полевую сумку.

Берзин встал. На его широкие плечи накинута кожаная куртка, головой он едва не касался потолка. Взял сумку, увидел дырку от пули и вопросительно посмотрел на прибывшего.

— Фашисты висят над дорогой. Налет за налетом... Фернандес убит...

Берзин поднял «летучую мышь» над головой и осветил подвал. То был винный погреб, вдоль стены стояли большущие бочки; на одной мерцала свеча. На полу, прислонясь к бочкам, сидели бойцы интербригады и герильерос в крестьянском платье. Чужестранцы в кожаных ботинках на шнурках, кто-то в крагах, высоких сапогах, а испанцы обуты в альпаргатас — легкие серые полотняные тапочки на веревочной подошве.

Ксанти коротко кивнул Цветкову, который собрал вокруг себя несколько русских парней и возбужденно рассказывал:

— ...Согнулся в три, если не в четыре, погибели, подлез под сваи, приладил свой подарочек, аккуратненько перевязал бикфордовым шнурочком, прикурил от него и только прополз на карачках метров семь — десять — ка-ак жахнет!!! Не успел сказать генералу Франко экскьюз ми, в смысле «пардон»...

— Тишина, камарадас,— приказал Берзин, перекрывая гул голосов и смех. И после короткой паузы добавил: — Шапки долой! Фернандес убит...

Встали, обнажили головы, послышалось на нескольких языках:

— Мир его праху!

— Бедняга Фернандес!

— Честь его памяти!

Ксанти отер серые губы, взял кружку, подошел к винной бочке, нетерпеливо открыл кран — ни капли. Цветков сочувственно поглядел и налил ему вина из бутылки, оплетенной соломой.

Берзин извлек из сумки пакет, сорвал сургучные печати, внимательно, не торопясь, ознакомился с бумагами и развернул сложенный вчетверо, пробитый пулей план аэродрома.

Он расстелил план на столе.

— Камарадас, прошу всех взглянуть. Вот отсюда они летают на Мадрид. Летчики из «Кондора», эскадрилья Физелера и другие душегубы. Нужно сжечь эти бомбардировщики! Это приказ командования и просьба жителей Мадрида. Ночью попрощаемся на перевале «Сухой колодец». Хочу вас проводить.

Берзин познакомил подрывников с заданием, долго водил пальцем по плану аэродрома.

— ...Цистерны, ангары, а здесь таверна. Она открыта до глубокой ночи. Учтите, туда может набиться и больше десятка посетителей... Здесь, здесь и вот здесь — зенитки. От восточных ворот держитесь подальше, там командансия, оттуда ходит караул на смену. Ваши исходные позиции — левофланговая апельсиновая роща, канал Альфонсо. Действуйте разрозненными группами, но одновременно. После операции пробирайтесь на старую тропу.

Болгарин Людмил, высоченный и широкоплечий, переводил его напутствия на испанский.

— С кем я иду? — спросил Цветков.

— В твоей группе Курт, Людмил, двое герильерос из местных,— ответил Ксанти.— Старый Баутисто с проводниками ждет на перевале...

Горный перевал «Сухой колодец» был освещен луной. Редкой цепочкой уходили по тропе подрывники. Рядом с Берзиным стоял Мигэль. Ксанти проверял у каждого уходящего, как подогнано снаряжение— не бренчит, не звенит ли при ходьбе? Ящик с бутылками бензина переложен пахучим сеном. Мул навьючен коробками, аккуратно привязанными, каждая в отдельности. Погонщик прикрыл поклажу холстиной.

Навьюченного мула вел на поводу старый крестьянин, заросший седой щетиной.

— Баутисто,— обратился к нему Ксанти,— где запалы?

— Не беспокойтесь, камарада. Запалы лежат отдельно от динамита.

Наконец к мулу приторочили поклажу, позже ее переложат в заплечные мешки. Мул тронулся с места. Берзин подошел к Баутисто, крепко пожал руку, попрощался и Мигэль.

Следом за Баутисто прошагал долговязый Курт с ручным пулеметом на плече, к поясу подвязан котелок, слегка поблескивающий при лунном свете.

За Куртом шел пастух с котомкой на спине, с кнутом в руке и погонял небольшую отару овец. На нем — широкая соломенная шляпа, лица не видно. Проходя мимо командиров, пастух взмахнул кнутом и крикнул озорно:

— Но-о-о, залетные!

— Цветков идет в гости со своим шашлыком,— засмеялся Ксанти.

— Только, Василий, не играй с огнем,— успел сказать Берзин вдогонку Цветкову.

В ответ донеслось залихватское:

— Все будет о'кей, сеньор Павел Иванович! Гуд бай, в смысле «пока».

Прошагали еще два испанских партизана, за ними могучий Людмил в каске.

— Ну вот, Павел Иванович, мои все... — сказал Ксанти, прощаясь...

Аэродром в излучине Гвадалквивира, вся округа в цветниках, садах, плантациях. Они подступают вплотную к кромке летного поля. Оно в темных заплатах асфальта выглядит чужеродным на благословенной и благодатной равнине. Доносится влажное дыхание реки. Здешняя поздняя осень может смело поспорить с подмосковным августом.

Остро пахло бензином, чуть пригорелым маслом, перегретым асфальтом, сохнущей краской. К непременным специфическим запахам аэродрома примешивался аромат цветов, пахучих трав, цитрусовых плодов.

В полночь слышалось лишь стрекотание цикад, шорох травы и... учащенное дыхание. Вскоре поползли по-пластунски, волоча коробки динамита, мотки с бикфордовым шнуром, сумки с гранатами, оружие, бутылки, переложенные сеном.

По небу размеренно шарил луч прожектора. Когда он склонялся к земле, в полосу света попадала антенна над зданьицем аэродрома. В небе трепыхался черно-белый конус, полный ветра и указывающий его направление — от Гвадалквивира.

На такие мгновения следовало припасть недвижимо к траве или нырнуть в спасительную тень под крыло ближайшего самолета и переждать.

Глубокой ночью раздался взрыв где-то в конце взлетной дорожки, и пламя подсветило облачное небо.

Минуту спустя в другом конце аэродрома, за ангарами, подала оглушительный голос группа Ксанти, и занялось второе зарево.

Наступил черед Цветкова, яркая вспышка предварила новый гром и новый пожар.

От ночной тишины ничего не осталось. Выстрелы, пулеметные очереди, разрывы гранат, топот бегущих, вой сирены, свистки, крики, стоны, звон разбитого стекла — это вылетели окна в командансии у восточных ворот.

— Отходить по старой дороге,— приказал Цветков своим подручным.— Переждем под мостиком, на том берегу канала...

7. Хаджи и анархисты

Колонна анархистов, которой командовал Дуррути, прибыла из Каталонии после длительных переговоров с правительством, чтобы защитить или, как самоуверенно заявляли анархисты, «спасти» Мадрид. Анархисты потребовали: «Отведите нам самостоятельный участок, дайте точную боевую задачу. Мы всем покажем, чего сто́им, и тогда никакие другие партии не смогут приписать себе наши успехи!» Колонна насчитывала три тысячи уже обстрелянных бойцов, они отлично вооружены, обмундированы.

Берзин был озабочен формированием и боевой подготовкой бойцов интербригад, а также анархистов, и направил в Альбасете группу военных советников. Советник А. И. Родимцев пытался приохотить к пулеметам «максим» упрямых анархиствующих лентяев. Посмотрев фильм «Мы из Кронштадта», они картинно наматывали на себя крест-накрест пулеметные ленты, но при этом хныкали, что «максим» слишком тяжел.

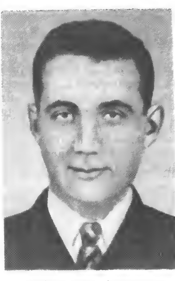
Когда Дуррути порекомендовали военного советника, он отказался. Но затем согласился: услышал отличные отзывы о Ксанти, о его военном таланте, недюжинной храбрости в разведке, его походах в тыл мятежников и о том, как он разгуливал там в крестьянском платье.

Дуррути поставил условие, что Ксанти будет единственным коммунистом во всей бригаде, сражавшейся под красночерным знаменем. Берзин попросил срочно присвоить майору Ксанти звание подполковника, это должно импонировать Дуррути. А то еще какой-нибудь анархист усмотрит падение престижа командира: знаменитый Буэнавентура Дуррути советуется с майором!

Ксанти переехал из подвала, где теперь обосновался штаб обороны Мадрида, на командный пункт Дуррути. В эти дни шли ожесточенные бои в парке Каса-де-Кампо и в Университетском городке.

Дуррути и подполковник быстро нашли общий язык. Спали под одной крышей, обедали вместе и, случалось, шли рядом в атаку. Дуррути проникался все большим доверием к советнику — смуглолицему, черноглазому, статному человеку тридцати двух лет.

Дуррути был откровенен с Ксанти, который платил командиру той же монетой.

Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров. 1937 г.

Поль Арман

Подполье Мадрида было Ксанти уже неплохо знакомо. Ему изрядно пришлось поблуждать, поползать в подземных коллекторах, галереях, переходах, тоннелях метро. Мятежники пытались пробраться с окраин, из пригородов к центру Мадрида, чтобы заминировать и взорвать подземный этаж города, вызвать панику среди жителей и защитников Мадрида. Но те шесть мин, которые они взорвали под землей, не принесли большого вреда, а диверсанты из «пятой колонны» были частью истреблены, частью обезврежены.

Иногда Дуррути и его советник жарко спорили. Дуррути любил подчеркивать свою неприязнь к централизованному руководству и уверял, что все генералы на свете враждебно относятся к своим народам.

Еще более острые споры вызвала программа анархистов. Да, соглашался Ксанти, советские люди признают их заслуги

в русском революционном движении. И справедливо, что в бригаде Дуррути есть батальоны, носящие имя Кропоткина и Бакунина, что испанские анархисты чтут их имена. Но назвать батальон именем Махно? С этим Ксанти решительно не мог примириться. Еще больше негодовал военный советник Петрович (Мерецков).

— Ведь Махно — бандит,— громогласно возмущался Петрович.— Когда я служил в Конной армии Буденного, мне пришлось сражаться с махновцами. Эти разбойники грабили трудящихся и вредили народной власти. Не случайно в твоих колоннах, Дуррути, столько всяких недостойных людей. Разве можно допускать к революции нечистоплотных? Уверен, что в колонны затесались и фашисты. Если их не изгнать, они подведут в первом же бою и принесут несчастье.

Через несколько дней Ксанти попросил у Дуррути разрешение отлучаться в свободные часы из штаба.

— Куда? — спросил Дуррути ревниво.

— Вы, анархисты, очень плохо стреляете из пулемета «максим».— Ксанти не собирался церемониться.— Хочу обучить вас и сколотить пулеметные взводы.

— Обучи и меня...

Танки капитана Грейзе взаимодействовали с колонной Дуррути, капитан часто бывал у него на командном пункте. Грейзе всегда успевал поговорить с Ксанти.

Дуррути занял пустующий особняк на окраине города, там с шиком расположился его штаб.

«Особняк на тихой улице, обсаженный большими развесистыми деревьями,— вспоминал Роман Кармен в очерке «Дыхание Мадрида».— По мраморной лестнице поднимаемся с Хаджи в бельэтаж... Массивная дверь из черного дуба охраняется четырьмя здоровенными парнями. У каждого по два маузера. Нас проводят в кабинет, где Дуррути диктует что-то машинистке. Он порывисто встает и, кинувшись навстречу Хаджи, долго жмет ему руку, словно боясь ее выпустить. Он очень нервен. В его черных глазах, всегда светящихся, сейчас — еле уловимая грусть и растерянность. Всего лишь несколько дней назад Хаджи прикомандирован к бригаде в качестве советника, а Дуррути уже не может прожить без него и часа. Он полюбил Хаджи за отчаянную храбрость, за железную волю и жесткую прямоту...

Хаджи взял его за руку, усадил на большой диван, обитый голубым атласом. Он покорно сел и опустил глаза.

— Это верно, Дуррути, что ты отводишь бригаду в тыл? — спросил Хаджи.— Ты знаешь, что резервов нет. Ты оголишь самый ответственный участок фронта.

— Да, я отвожу бригаду! — почти закричал Дуррути.— Люди устали! Устали от бомбежек и артиллерии! Люди не выдерживают!..

— Дуррути, бригада всего два дня на передовой. Ты знаешь, как хорошо расценил народ, что анархисты наконец из глубокого тыла пришли драться в Мадрид. И ты знаешь, какое нехорошее впечатление произведет уход бригады. Что тебя заставляет предпринять этот шаг?

Дуррути опустил голову и тихо сказал:

— Знаю, все, все знаю, но они требуют.

Он снова вскочил и зашагал по ковру. Стиснув кулаки, остановился и, сверкая глазами, сказал:

— Поеду в бригаду. Сейчас же.

— Я с тобой,— предложил Хаджи.

— Нет, нет! — словно испугавшись, воскликнул Дуррути.— Нет, я один поеду,— и решительным шагом направился к себе в кабинет, кинув на ходу охране: — Машину. В бригаду.

Он быстро затянул на байковой куртке пояс с пистолетом, мы вышли на улицу. К дому подъехала машина с охраной... Он кинулся в машину, и она в сопровождении четырех мотоциклистов рванула с места. Мы с Хаджи поехали в штаб обороны Мадрида.

Через час, проходя по коридору штаба, я увидел Хаджи. Он стоял спиной ко мне, глядя в окно. Я его окликнул. Он не ответил. Я тронул его за плечо. Он повернулся ко мне, и я увидел, что его глаза полны слез.

— Что случилось?

— Они убили Дуррути. Только что убили.

Предательский выстрел в спину оборвал жизнь Дуррути в момент самой напряженной борьбы его с самим собой и с «классическими» анархистами... Он был честным человеком, он готов был уже сделать правильные выводы из всего, что происходило на его родине,— и его убили».

Безоговорочно прав был советник Петрович, который советовал Дуррути освободиться от недостойных людей, скрытых врагов.

«Дуррути обещал очистить колонны от враждебных революции лиц,— писал позже маршал К. А. Мерецков.— Но должного порядка так и не навел. Последствия не замедлили сказаться. Под Мадридом его отряды сражались неудачно, а Дуррути вскоре погиб от шальной пули... Я был уверен, что это кто-то из «своих» отомстил ему за попытки наладить дисциплину. Мне очень жаль было этого отважного парня с невообразимой путаницей в голове, но лично честного и по-своему принципиального».

А что касается военного советника у анархиста Дуррути, дважды Герой Советского Союза генерал армии П. И. Батов вспоминал, что этот человек обладал «страстной целеустремленностью и неутомимой изобретательностью в борьбе с врагом... В Испании наш дорогой Ксанти (так его там величали) помогал защитникам республики организовать разведку. К сожалению, еще не настало время, чтобы в полный голос рассказать о деятельности этого человека, а когда настанет — люди будут читать, и удивляться, и радоваться, что среди них живут такие натуры...»

8. Встреча на крыше

По свидетельству Долорес Ибаррури, танкисты капитана Грейзе «вели бои непрерывно, причем большую часть времени без поддержки пехоты, так как наши командиры еще не научились правильно использовать ее. Республиканские танки внезапно обрушивались на врага, сеяли панику в его рядах, уничтожали вражеские батареи.

С рассвета до заката танкисты очищали от противника подступы к городу, возвращались с темнотой, за ночь приводили в порядок машины и, опрокидывая все технические нормы и нормы человеческой выносливости, на следующее утро возвращались в бой».

Бывало, маленький отряд перебрасывали с места на место девять раз на дню и каждый раз посылали туда, где трещала и рвалась линия обороны Мадрида.

Капитан и его боевые товарищи, покрытые гарью и пылью, похудели так, что комбинезоны висели на них, как на вешалке. Покачивались от усталости, мучительно хотели спать, досыта поесть, утолить жажду.

Капитан Грейзе уже стал легендарным «танкисто русо».

В обеденное время Арман приехал на ремонтную базу в Алькала-де-Энарес. Он был обеспокоен: предстоял сложный ремонт нескольких танков, вышедших из строя.

Неподалеку от памятника уроженцу этого местечка Сервантесу Арман встретил огорченного полковника Кривошеина.

— Сегодня получен приказ,— сказал Кривошеин.— Наш отряд отзывается на Родину. Со дня на день нас сменят другие товарищи на других танках. Выезжать нужно срочно. Через несколько дней пароход, на котором нам предписано отплыть, уйдет из Картахены в Одессу.

Но нельзя уехать, не попрощавшись с нашими военными советниками, не повидаться напоследок с Висенте Рохо и другими товарищами из комитета обороны Мадрида.

В Центральном Комитете испанской компартии их приняли Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Антонио Миха, их соратники.

— Солдатам от приказа деваться некуда,— горестно развел руками Кривошеин, через несколько дней он навсегда перестанет называться полковником Мелле.— Вот если бы вы попросили Москву, товарищ Диас, может, оставили бы...

— Кое-кого выпросили, а остальным придется уехать.

— Может, в «кое-кого» и мы угодили? — спросил Кривошеин.

— Угодили, да не все. Вам об этом скажет ваше начальство. Например, капитану Грейзе прощаться рано. А с вами, полковник Мелле, и с группой ваших храбрых танкистов мы расстаемся с большим сожалением.

Теплые слова благодарности, дружеские объятия...

Из здания ЦК Арман на своем броневике заторопился к «Телефоника-сентраль», чтобы с высоты шестнадцатого этажа уточнить боевую обстановку на реке Мансанарес.

На макушке «Телефоники» он застал Берзина, который утром приехал из Валенсии; еще одна — какая по счету? — ночь в куцых обрывках сна. Обязанности главного военного советника принуждали его поддерживать постоянный контакт с сбежавшим из столицы коалиционным правительством, с военным министерством. Но как только появлялся просвет, Берзин мчался по уже наезженной им дороге «номер семь» в истекающий кровью Мадрид.

Шоссе постоянно забито беженцами со скарбом и скотом или сиятельными грандами с тяжеловесными обозами, вереницами телег и карет. Автомобили, повозки, двуколки, мотоциклы, велосипеды, детские коляски, навьюченные лошади, мулы, ослы. Уже много раз мчался навстречу громыхающему, скрипучему, голосистому потоку Берзин, чтобы через день-два снова в неотступной тревоге спешить в тыловую Валенсию, куда его властно звали обязанности.

Берзин стоял на крыше «Телефоники» во весь рост, слегка расставив крепкие ноги, в шляпе, в светло-сером костюме. Он изучал пригородную линию фронта, в руках бинокль, но не обычный артиллерийский, а двенадцатикратный, так называемый адмиральский.

В свободную минуту Арман заговорил с ним о самой свежей новости. Рад, что его оставляют здесь,— постарается и дальше быть полезным командованию.

Берзин продолжал вглядываться, не отнимая бинокля от глаз. Потом с удовольствием рассмеялся, и Арман понял, что никакой новости он сюда, на шестнадцатый этаж, не доста-

вил. Берзин признался, что сам обратился к Хосе Диасу с просьбой оставить капитана Грейзе в Испании, и его включили в список самых нужных военных специалистов.

— Это было мое предложение. Не возражаешь? Ну, я так и знал...

Со своим латаным-перелатанным танком и со своим многострадальным экипажем капитан Грейзе расстанется в самые ближайшие дни. Арману надлежит провести в Арчене курс занятий не только с новобранцами-испанцами, но и поделиться опытом с вновь прибывающими танкистами комбрига Павлова. Надо обратить особое внимание на разведку перед боем, на взаимодействие танков с пехотой, с артиллерией, на связь в условиях боя.

И еще одно поручение Арману — срочно наладить изготовление запасных частей и боеприпасов на заводах под Барселоной, в Валенсии, в других городах и местечках Каталонии.

— Был бы тут со мной Альфред Тылтынь, я бы поручил это ему. Талантливый военный инженер, светлая голова. Но Альфреда здесь нет, и поэтому его заменит младший брат. Кто, если не мы, непосредственно с поля боя,— Берзин обвел панораму широким жестом левой руки, в правой он держал бинокль,— укажем нашим конструкторам на слабые и сильные стороны наших танков?.. Истребители наши не уступают немецким — пока не уступают! — а скоростной бомбардировщик СБ, несомненно, превосходит по всем статьям машины подобного назначения. Однако новые истребители «Мессершмитт-109», «Капрони-113» и некоторые другие модели таят в себе много скрытых угроз.

Куда бы ни забрасывала Берзина военная судьба — на Дальний Восток или в Испанию,— он всегда думал о завтрашнем дне Красной Армии, им владело святое творческое беспокойство, он оставался дальнозорким сам и отучал от технической близорукости других.

Берзин еще помнит, как в начале тридцатых годов нашим танкистам рассылали инструкцию, согласно которой бензиновые моторы, опасные в эксплуатации, следовало заводить в присутствии пожарников; он бывал на таких запусках с Альфредом Тылтынем.

Начался сильный огневой налет, били шрапнелью по небоскребу, белые облачка разрывов повисли над головами наблюдателей.

Все, кто был на крыше, спустились на этаж-два пониже. Ушли Берзин и Воронов с постоянной спутницей-переводчицей. Ушли наблюдатели-летчики и зенитчики.

Арман заторопился к своим танкам, спрятанным в узком закоулке, застроенном высокими домами прочной кладки, между мостами Принцессы и Андалузским, в двух шагах от набережной...

9. Талавера-де-ла-Рейна

Группа подрывников готовилась к налету на аэродром Талавера-де-ла-Рейна, а в штабе батальона еще не было необходимых разведданных, касающихся предстоящей операции. Город Талавера в отрогах Сьерра-де-Гвадаррамы; это недалеко от Толедо.

Предполагали, что в Талавере базируются самолеты более легкие, чем на аэродроме в Табладе, и радиус их действия поменьше; скорее всего истребители и легкие бомбардировщики. По некоторым сведениям, там стоят и двухместные истребители новой модели «Капрони-113». В воздушных боях над Мадридом они устраивают своеобразную карусель, прикрывая хвосты один другому; при таком построении их трудно атаковать. Подобную карусель называют «пескадилья», есть такое рыбное блюдо у испанцев.

Много ли знали в штабе об аэродроме в районе Талаверы? Город на правом берегу Тахо, в плодородной долине. Скрыт в густых рощах шелковичных деревьев. В одной из церквей — чудотворный образ девы Марии, к нему стекается много паломников.

— Хорошо бы, не сработала «пятая колонна» и дева Мария осталась бы в неведении о наших планах,— пошутил Хаджи, занятый подготовкой к предстоящей вылазке.

Поздней осенью фашисты, для поднятия духа наступающих на Мадрид, отправили в войска статую девы Марии, покровительницы города Севильи. Предполагалось, что статую ввезут в Мадрид в первый час после его захвата. Однако задание оказалось деве Марии не по силам, и она вернулась ни с чем...

Герильерос из местных крестьян посоветовали: к аэродрому в Талавере удобнее подобраться с юга. Если идти с севера — не миновать двух переправ: через реки Тахо и Альберче. На участке между двумя переправами проходит железная дорога, ее наверняка охраняют.

Костяк боевой группы составили участники диверсии в Табладе. Они сожгли там восемнадцать самолетов, в том числе несколько тяжелых транспортных «Юнкерс-52» и «Савойя-81»...

Прожектор высвечивал взлетную дорожку, темнели приземистые силуэты легких бомбардировщиков и истребите-

лей, стоящих шеренгами по обеим сторонам посадочной полосы.

Цветков и Людмил прятались под плоскостью двухмоторного «капрони». Они видели сквозь шасси ноги разводящего и часовых. Те прошли, гулко топоча, совсем близко.

Трое во главе с долговязым Куртом подались влево, на дальний край летного поля. Для них обратная дорога будет еще опаснее.

— Как только дадите прикурить своим самолетам — сматывайтесь цурюк кружным путем,— успел Цветков шепнуть Курту.— Бойтесь прожектора, а пуще — собственного зарева...

Баутисто и двое герильерос благополучно переползли со своим ящиком и мотком шнура через посадочную полосу. Цветков и Людмил с ранцами поползли вправо. Они подобрались к «капрони», привязали пакет со взрывчаткой к шасси и стали отползать, разматывая шнур. Едва Цветков успел поджечь шнур, раздался взрыв в дальнем краю аэродрома. «Это Баутисто. Через пять минут откликнется Курт». Цветков при отблесках занявшегося вдали пожара посмотрел на часы. Они с Людмилом бесшумно поползли по-пластунски в высокой траве.

В эту минуту они заметили человека, бегущего от «капрони» в сторону, где прогремел взрыв и откуда доносились крики, выстрелы. Человек бежал стремительно, но вдруг споткнулся и упал.

— Зацепился за шнур, бродяга,— прошептал в ярости Цветков.

Фашист увидел ползущий по траве зловещий огонек, прижал шнур к земле ногой, прицелился и отстрелил горящий конец. Цветков, потрясенный неудачей, неосторожно приподнялся — где же затухающий огонек? — и достал наган из кобуры.

Фашист заметил Цветкова, вскинул карабин, выстрелил. Цветков упал. В то же мгновение раздался другой выстрел, это Людмил снайперской пулей сразил фашиста.

Цветков потерял сознание, а очнулся от страшной боли и простонал:

— Возьми бутылку...

Людмил достал из сумки Цветкова бутылку с бензином, рванулся через лужайку к порозовевшему от дальнего зарева «капрони», вскочил на крыло, зажег тряпку-затычку и швырнул бутылку в кабину пилота с такой силой, что она разбилась.

Пламя занималось вяло. Это было на руку Людмилу. Надо быстрее и подальше оттащить Цветкова от неминуемого взрыва. Он стал приподнимать Цветкова, но тот простонал:

— Беги. Сейчас взорвется. У меня пуля в кишках...

Людмил, не отвечая, взвалил Цветкова на богатырскую спину...

Шли впятером. Два крестьянина из Эстрамадуры, долговязый Курт и герильеро из Саламанки, тяжело дыша, несли Цветкова на самодельных носилках из жердей и плаща.

Сзади, прихрамывая, обвешанный карабинами, брел Людмил. Герильеро из Саламанки рассказал, как фашисты волокли раненого Баутисто по взлетной дорожке. А помощника его убило гранатой.

Тропа становилась круче, все труднее дышали носильщики. За крутым поворотом сделали привал на каменистом плато.

С мертвенно-бледным лицом лежал Цветков, прижимая сильные руки к животу. Лепестки неведомого цветка прилипли к его светлым и мокрым волосам.

— Пи-и-ить,— попросил он.

— Нельзя пить,— Курт склонился над раненым.— Ферботен.

Все обернулись назад, где в предутреннем тумане оловянно посвечивала река Тахо. Голубое небо над аэродромом сделалось серым. Было безветренно, и космы дыма, черные столбы копоти не торопились сливаться наверху в одно грязное облако.

Последним усилием открыл Цветков глаза, попытался приподнять, повернуть голову, тоже поглядеть на долину. Он хотел что-то сказать, но лишь беззвучно пошевелил серыми губами.

Скрежет железа о камень. Двое крошили каменистый грунт навахами, третий — пряжкой солдатского ремня. Людмил отгребал щебень котелком. Курт — каской. Мелькали руки над растущим могильным холмиком, он венчал каменную гряду. Камнем же придавили листок бумаги, на котором Людмил написал «Васил».

Каждый из пятерых нес теперь свое оружие сам, а Людмил еще и наган Цветкова...

10. Глядя в завтрашний день

Главный военный советник при правительстве Ларго Кабальеро назывался генералом Гришиным. Под этим именем его знали в штабах Центрального, Мадридского и других фронтов. Но можно не сомневаться, что его настоящее имя известно и контрразведке Франко, и итальянской ОВРА — тайной полицейско-шпионской и террористической организации, и абверу германского вермахта, и гестапо.

...В тихом московском переулке, в доме, который разведчики называли Центром, Берзина заглазно звали Стариком.

Прозвище породила преждевременная седина. Берзин, возглавляя тринадцать лет военную разведку, оставался молодым, полным творческой энергии. Казалось, эта энергия накапливалась с годами напряженной, изнурительной работы, все больше знаний хранилось в его памяти, и многое он не позволял себе забывать. У него прошли выучку немало талантливых учеников и преданных помощников, среди них — Рихард Зорге и Лев Маневич. Он учил их предугадывать, предусматривать, разгадывать головоломные загадки, добывать вражеские секреты, зорко вглядываться в завтрашний день.

За месяцы напряженной работы в Испании Берзин не раз убеждался в том, что многое из нашего вооружения следует совершенствовать и обновлять.

Да, как ни печально, нужно признать, что мы пока отстаем в технической оснастке армии от стран, заключивших «Стальной пакт». Не только от гитлеровского вермахта, а кое в чем и от итальянцев. Это касается разных видов оружия. Да и что в этом невероятного, если страна наша сделала, в сущности говоря, только первые шаги в освоении сложной техники!

Американцы, немцы, англичане, шведы за большие деньги помогали нам в первой пятилетке строить доменные печи и турбины, тракторы и автомобили. Но если капиталисты, хотя и втридорога, продавали нам свой опыт, свое умение, то в военной промышленности мы не рассчитывали даже на самую щедро оплачиваемую помощь. Надо было полагаться только на свои силы.

В речи, обращенной к хозяйственникам, Сталин сказал: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Да, мы шагаем вперед семимильными шагами. Иначе были бы невозможны полеты Чкалова, Громова, Коккинаки, новые ледоколы, Московский метрополитен. Вот уже вторая пятилетка, мы справедливо гордимся скоростью нашего движения вперед. Но полезно чаще напоминать себе, что отставание недопустимо.

Для того чтобы добиться победы в будущей войне, требуется кроме всех достоинств советских бойцов еще и более современная техника.

Но при зорком взгляде в будущее ни на один день нельзя было отвлекаться от тревог и забот сегодняшнего дня, закрывать глаза на опасности и угрозы. И все расширялся круг злободневных вопросов, которые приходилось решать главному военному советнику Гришину, врачевать многочисленные «болевые точки».

Много усилий требовало восстановление танков, пришедших в негодность, изготовление запасных частей к ним; танки воевали на износ.

И подобно тому как Арман старался уберечь от гибели каждого своего подчиненного, так танковые лекари старались продлить жизнь каждого танка, броневика.

Военинженер третьего ранга Николай Николаевич Алымов на ремонтной базе в Алькала-де-Энарес слыл тихим, скромным человеком. Но в боевой обстановке становился неузнаваемым — смелый, решительный, предприимчивый, смекалистый.

В начале ноября подбитые танки эвакуировали с поля боя сравнительно легко. Но уже к концу месяца фашисты, зная, что русские обязательно попытаются вытащить раненый танк или поползут к нему, чтобы снять дефицитные агрегаты, приборы, детали, стали поджидать в засаде наших ремонтников, оружейников. Даже при подозрительном шуме в темноте, не говоря уже о выхлопах мотора и скрежете гусениц по каменистой почве, противник открывал огонь, не позволял приблизиться. Алымов приспособил длинный трос: с его помощью, используя складки местности, подбитый танк оттягивали в укрытие. А там уже, где-нибудь на обратном скате высотки или за грядой камней, танк брали на короткий буксир. Бывало, уволакивали инвалидную машину с «ничейной» земли ночью сцепом двух буксиров.

Но во многих случаях раненый танк не удавалось спасти; он загорался и, если не все боеприпасы израсходованы,— взрывался. Казалось бы, и гореть особенно нечему — а горел! Да так, что плавились алюминиевый картер, коробка передач. В обугленном танке, если и влезешь в него, уже ничем не поживишься для ремонта.

Когда республиканцы начали испытывать недостаток боеприпасов, генерал Гришин с неиссякаемой энергией взялся за дело. Он нашел нужным привлечь к этому и Поля Армана, разлучил его с танком (благо подоспела замена).

Поль Арман колесил теперь без сна и отдыха по дорогам Каталонии, бывал на заводах Барселоны, Валенсии, Сагунто, Картахены, Альбасете.

Из числа добровольцев были отобраны специалисты по военному производству. С этими специалистами теперь встречался капитан Грейзе.

Борис Михайлович Слонимер, член КПСС с 1924 года, участник национально-революционной войны, директор научно-исследовательского института, в годы Отечественной войны — главный инженер оборонного завода, вспоминает:

«По характеру своей деятельности мы встречались с Берзиным несколько раз и всегда уходили от него заряженные его оптимизмом, сознанием важности выполняемого нами интернационального долга.

— Нас беспокоит,— говорил Ян Карлович, когда мы встретились с ним впервые,— обеспечение боеприпасами прибывшего в республику стрелкового оружия. Помогите сейчас наладить в Валенсии восстановление стреляных гильз — их уже набралось около миллиона. Затем поезжайте в Эльче и Новельде: туда прибыло закупленное во Франции оборудование для двух патронных заводов, их надо быстро построить и пустить в эксплуатацию...

Две недели ушло на то, чтобы помочь испанским товарищам в перестройке и наладке в Валенсии двух заводов, которые раньше производили различные металлические изделия, а теперь перешли на переобжим, то есть восстановление, стреляных гильз».

11. Вынужденная посадка

Фашисты настойчиво наступали на Малагу. Надо было во что бы то ни стало остановить их натиск, и отряд Хосе Муньоса Гомеса подрывал дороги, мосты, ведущие в Малагу из Гранады. С 25 января по 4 февраля 1937 года было уничтожено пять мостов.

И во всех операциях принимала деятельное участие невысокая, худенькая, но выносливая, сильная духом переводчица Хосефа.

Наверное, не только Артур, но и Хосефа, и Хосе Муньос Гомес, и легко раненный в грудь жизнерадостный подрывник, отказавшийся отправиться в лазарет, и молчаливый шофер Паскуаль надолго запомнили печальное расставание с Малагой.

Неистово цвел в садах и палисадниках миндаль, но его горьковатый аромат заглушали запахи горелой земли, резины, пороха.

Паскуаль не заглушал мотора, и можно было рассчитать предстоящий бросок к мосту до минут. На заднем сиденье «форда» лежали два тяжелых ранца: в одном динамит и пироксилиновые шашки, в другом — моток бикфордова шнура.

Подрывники должны оставить Малагу последними, чтобы по Приморскому шоссе успели уйти на восток огромные толпы беженцев и группы безоружных парней, которые так и не дождались винтовок. Хосе со своими отпальщиками должен взорвать мост своевременно, не раньше и не позже самых кри-

тических минут... Чтобы взрыв моста не вызвал на шоссе панического бегства, которое испанцы называют «чакетео»...

Артур не собирался со своим отрядом принимать участие в «чакетео» после ухода из Малаги. Нужно сделать все, чтобы Приморское шоссе стало непроезжим и непроходимым для франкистов.

Вскоре после трагического дня 8 февраля, когда республиканцы все же сдали Малагу, случилась большая беда. Около полудня зенитным огнем был подбит и совершил вынужденную посадку наш СБ — скоростной бомбардировщик. Это произошло на берегу Средиземного моря, восточнее Малаги, в районе Мотриля.

Поспешно отступая, милисианос помогли экипажу, пострадавшему при аварии. Два летчика — высокий и низенький — вытащили из кабины раненого товарища, донесли его до шоссе, уложили в машину. Фашисты были уже совсем близко, и, по заверениям летчиков, не было никакой возможности разоружить СБ, снять пулеметы новейшей модели. Каждый из них — с металлической лентой, набитой патронами, весит больше пуда, а турельный пулемет в хвосте демонтировать еще сложнее. Два спаренных пулемета из кабины штурмана сумели утопить в глубокой канаве, а два других и ленты к ним милисианос унесли с собой, рассчитывая использовать в отступательных боях.

Но самолет уничтожить не успели, чем были крайне встревожены летные командиры. Советник вызвал к себе майора Артуро.

— Машина уникальная, за ее чертежами гоняются разведчики нескольких стран. К этому самолету Туполева приложили руку Архангельский и другие талантливые конструкторы. Скорость СБ до 445 километров в час. Только новейшие истребители у немцев и итальянцев показывают скорость немногим большую. Самолет, совершивший вынужденную посадку, наверняка привлечет внимание противника. Как только о бомбардировщике узнают в Севилье, где стоит немецкая эскадрилья «Кондор» и эскадрилья Физелера, они пришлют лазутчиков. Мы не можем позволить его фотографировать, измерять, демонтировать. Вам надо во что бы то ни стало уничтожить машину! В казарме полка на окраине селения нужно разыскать испанского майора. Он находился в колонне отступающих, знает, где именно СБ совершил посадку, и может указать это место.

Сложность задания усугублялась его срочностью. Ночью фашисты наступать не станут, а утром наступление возобновится. Поэтому дорог каждый час. Чем дальше фашисты

успеют продвинуться вдоль берега на восток, тем самолет окажется глубже в тылу и тем удлинится маршрут подрывной группы. Придется пройти-проехать по тылам больше двадцати километров.

Испанского майора нашли быстро. Он был растерян предложением и неуверенно согласился принять участие в поисках.

Какая досада — отряд сержанта Хосе сейчас на боевом задании и Артуру придется идти на операцию с теми, кого ему наскоро выделили в штабе, с незнакомыми и совсем необстрелянными парнями. Мануэлю 16 лет, Леон на год старше, Сальвадору — 18 лет, надежда на двадцатидвухлетнего Ретамеро, на шофера Паскуаля и, конечно, на испанского майора. Артуру еще дали в помощь пулеметчика Володю, он будет полезен и как переводчик.

Артур быстро разработал план операции. Поедут в тыл к мятежникам на двух машинах — впереди четырехместный «форд», за ним шикарный лимузин — восьмиместная «испано-суиза».

В час дня советник расстался с Артуром. Заехали к летчикам, чтобы ознакомиться с некоторыми характеристиками подбитого самолета.

Скоростной бомбардировщик, двухмоторный, моторы по 1050 л. с. водяного охлаждения. Конструкция цельнометаллическая. Трехлопастные металлические винты. Двухколесное шасси убирается назад. Четыре бензобака. Экипаж: пилот, штурман и стрелок. У штурмана прозрачная полусфера, спаренный пулемет. Пилот сидит чуть повыше штурмана, тоже в стеклянном фонаре.

— Вроде бы с самолетом я познакомился. Только неясным осталось, где расположены бензиновые баки. Вы ведь из авиации, Лиза. Может, знаете? — спросил он Паршину. Хосефу.

— Понятия не имею.

От штаба отошли два автомобиля.

Артур приказал снять ветровое стекло на своей машине, сел рядом с водителем, пулемет в руках. Когда-то, еще будучи кремлевским курсантом, он с отличием окончил пулеметную школу. На заднем сиденье устроились майор, бледный, молчаливый, и Лиза Паршина.

Хорошо были снаряжены эти «андалузские тачанки». Три ручных пулемета, несколько редких в ту пору американских автоматов «томпсон», да еще у всех гранаты.

Артур решил не брать с собой динамита. При сверхбыстрой езде по дороге-серпантину их может подстеречь и камень, упавший с крутого обрыва, и воронка, если дорогу бомбили. Все это очень опасно — динамит может взорваться от сильного

удара, толчка. Недавно произошел такой случай: на мула, чей путь лежал в тыл мятежников, погрузили коробки с динамитом. Погонщик стеганул мула хворостиной; медлительный, ленивый мул круто повернулся и взбрыкнул, тщась ударить погонщика, слегка подпрыгнул, встряхнув коробки. Артур похолодел: сейчас взорвутся и мул, и динамит в коробках, и погонщик со своей хворостиной, и все остальные. Но, слава богу, обошлось.

«Брать с собой канистру с бензином? Пожалуй, нет смысла. Вряд ли СБ сел из-за нехватки горючего. Такое могло случиться, если бы он тянул к себе на аэродром и не дотянул. А он летел к Гибралтару».

Скорее всего, горючее в СБ осталось, на него Артур и надеялся. На взрывчатку рассчитывать нельзя — не пойдет самолет на посадку, тем более вынужденную, с бомбовым грузом.

Дорога петляла мимо виноградников, лавровых, апельсиновых, мандариновых, померанцевых рощ, кукурузных полей, чайных плантаций.

Из городка выехали на полной скорости, но на шоссе скорость уменьшилась.

По дороге в ранних сумерках двигались беженцы на тележках и пешком. Это были жители побережья из районов восточнее Малаги. В неторопливом движении толпы по приморскому шоссе была та степень усталости, когда точнее сказать — не идут, но плетутся из последних сил, бредут, превозмогая изнеможение.

Скрипучие двуколки на огромных колесах, доверху груженные домашним скарбом. Коровы, козы, такие же замученные, страдающие от жажды, как и их поводыри. Лошади, мулы, ослы навьючены тюками. К седлам приторочены с обоих боков плетеные корзины, а в них детишки. В больших решетах под обрывками сетей куры, сонные на этом сумасшедшем качающемся насесте...

Попадались и здоровые, молодые мужчины. Около пяти тысяч желающих вступить в ряды народной милиции, так и не дождавшись винтовок, обещанных им социалистами и анархистами, уходили из Малаги безоружные.

Беженцы опасливо поглядывали на небо, не покажутся ли воздушные пираты?

Проехала длинная вереница повозок с тяжелоранеными. Тех, кому не хватило места, несли на одеялах.

Поездка к линии фронта навстречу потоку беженцев и раненых — не всем оказали даже первую помощь — была далеко не безопасной. Милисианос с оружием в руках требовали, чтобы машины повернули обратно и эвакуировали раненых,

которые нуждались в срочной помощи. Группы возбужденных беглецов то и дело останавливали машину. Не объяснишь же каждому, куда они мчатся сломя голову. Поэтому Артур несколько раз предостерегал Лизу на остановках:

— Будь осмотрительнее в ответах. Сейчас все зависит от тебя.

Вооруженная до зубов команда Артура одета кто во что горазд. Встречная толпа, принуждая головной «форд» к остановке, обращалась только к майору; на нем комбинезон с молнией, офицерская сумка. Майор отвечал невнятно, чаще оглядывался назад, нежели смотрел вперед. Лиза несколько раз перебивала майора, поправляла его, отвечала вместо него.

Некоторые раненые недоверчиво косились на майора. В те дни немало офицеров перебегали к противнику, и вид пожилого майора, грузного, с поседевшими висками, едущего в сторону мятежников, вызывал подозрения.

Быстро смеркалось, дорога становилась пустыннее. Группа воинственно настроенных милисианос пыталась заставить Паскуаля и второго шофера повернуть назад, но, с опаской поглядывая на грозно вооруженных пассажиров, отстала. Артур понимал, что могут открыть огонь вдогонку, и приказал увеличить скорость.

Вскоре им встретился раненый, ковылявший по дороге.

— Меня все обогнали. Я самый последний. Дальше никого из наших нет. Я не имел права уйти раньше, чем убедился — от моей роты никого не осталось. Ехать нельзя. Дальше — фашисты.

— Вот мы и должны точно выяснить, где сейчас это «дальше».

Раненый понимающе кивнул.

А «дальше» Артур остановил машину, прислушался — не слышна ли канонада или перестрелка?

Где-то близко линия фронта, которую здесь точнее было бы назвать не линией, а пунктиром.

Артур решил разведать дорогу. Три или четыре раза уходил вперед, издали светил Паскуалю карманным фонариком, показывая — можно ехать.

Последний раз он довольно близко подошел к домику под черепичной крышей и заметил слабенькие огоньки — они то затухали, то разгорались. Он понял — курят часовые. Скорее всего, в домике застава.

В чем огромное достоинство Артура как военного разведчика? Он умел думать за врага, предугадывать ход его мысли, предусматривать его поступки.

И тут Артуру пришла идея: первая машина пойдет на

третьей скорости с включенными фарами, а вторая последует за ней во тьме.

«Мчится освещенная машина, я не прячусь, значит, свой,— подумают фашисты. За красных нас не примут. Не психи же едут, в самом деле! Фашисты издали огня не откроют. Скорее всего, машину с фарами подпустят ближе, чтобы остановить».

Приказав Паскуалю поддать газу, он на полном ходу щедро прострочил из пулемета шоссе и домик, тут же погасил фары, и обе машины промчались в тыл к фашистам.

Проехали по шоссе километров семь-восемь. Испанский майор все больше нервничал и не очень уверенно сказал, что дальше ехать нельзя. Левее шоссе, у моря, скоро покажется деревенька, а за ней нужно искать плантацию сахарного тростника, куда спланировал подбитый самолет.

Водители зарулили в тень скалы, в небольшой грот обочь дороги, где за редкой рощицей трудно заметить машину.

Шоссе петляет здесь по узкой террасе, выдолбленной над крутым берегом моря; с севера над шоссе нависает горная гряда, отрог Сьерра-Техада.

Замаскировались вовремя: с запада послышался шум моторов, он приближался.

Артур дал команду всем залечь в при́дорожной канаве. Огонь открывать только в случае, если группу обнаружат.

Мимо медленно проехали машины франкистов, никого и ничего не заметив.

Поднялся Артур из канавы и не увидел Мануэля и Леона. После недолгих поисков Артур понял — сбежали. Проклятья на их головы! Но ручной пулемет и сумка с патронами и дисками остались в канаве, поэтому парней трудно заподозрить в измене; они просто струсили.

Артур протянул Лизе брошенный пулемет, диски и сказал:

— Держи, будешь пулеметчиком...

Под тяжестью ноши Лиза невольно пригнулась. Увидев это, Артур молча отобрал у нее пулемет и передал Сальвадору, а сумку с двумя дисками все же оставил ей.

Перед тем как расстаться с водителями, он приказал Паскуалю развернуть машины на восток, потому что неизвестно, найдется ли потом время на разворот. А вдруг придется удирать без оглядки?

— Если мы к утру не вернемся, машины вывести из строя,— приказал Артур.— Сами с оружием уйдете в горы.

Группа свернула налево и, сторонясь проселочной дороги, двинулась к морю — по виноградникам, по садам — в юго-западном направлении.

Под ногами появились лужи, почва становилась все более болотистой, парило. Кто-то споткнулся — низенькая дамба, сложенная из камней.

«Что за странная кукуруза без початков? — подумала Лиза.— Наверно, это сахарный тростник». Рослые стебли, густо растущие, хорошо маскировали, но одновременно лишали всякого обзора и облегчали противнику возможность скрытно приблизиться.

Пришлось елозить по мокрым кочкам, выдирать ноги из цепких корней, прикрытых жидкой грязью, перепрыгивать через канавы. В Средней Азии такие канавы называют арыками. Артур подумал, что правильно сделал, не взяв динамита. Мог ведь кто-то упасть неловко, и неизвестно, удалось бы ему благополучно подняться с таким взрывоопасным багажом.

Больше всех доставалось Хосефе. Сумка с дисками тяжелая.

«К нашему счастью,— вспоминала Е. А. Паршина спустя много лет,— вода на этом участке оказалась спущенной, только жидкая грязь да сникшие стебли, переплетенные таким причудливым образом, что ноги легко попадали в их скользкую плетенку. Вытаскивая из тины то один, то другой ботинок, я плелась сзади. Так мы прошли несколько десятков метров, пока на пути не оказалась глубокая канава, выложенная по краям камнями. Канава была не очень широкая. Товарищи легко перепрыгнули, но мне не удалось последовать их примеру. Я заносила ногу над канавой, но чувствовала, что на другой край не попаду — диски тянули книзу. Попробовала перебросить диски, но рука не поднималась. Шаги товарищей постепенно затихли. Надо было торопиться, чтобы не потеряться, а я металась вдоль канавы, теряя драгоценные минуты. Наконец прыгнула наудачу и... прямо в канаву. Вода обдала меня с ног до головы, но дно оказалось твердым. Все попытки вылезть ни к чему не привели, края скользкие и довольно высокие. Хорошо, если мне вообще удастся выбраться отсюда. Теперь только к морю, другого пути нет. Кое-как мне удалось перебросить диски пулемета, а без них я выбралась сравнительно легко. Сидя на другом краю канавы, я едва переводила дыхание, но чувствовала себя совершенно счастливой. У меня каким-то чудом сохранилась «астра»; пистолет болтался на ремешке, завязанном у запястья, с него стекала темная жижа...

Однако долго отдыхать нельзя. Надо разыскать товарищей. Пока я блуждала по канаве, потеряла направление. Пришлось идти наудачу...

Неожиданно услышала шаги сзади. Отступив в гущу тростника, остановилась и прислушалась. Шаги быстро приближа-

лись. Не дойдя до меня, человек тоже остановился и затих. Так мы стояли друг против друга несколько секунд, сдерживая дыхание. Затем человек прошел мимо, я узнала Сальвадора и тихонько свистнула.

Оказывается, он ищет меня. Никто не заметил, когда именно я потерялась. Вскоре мы нагнали и остальных. Все это время они обшаривали тростник, но самолета не нашли, а ночь перевалила уже на вторую половину...»

Ночь, слегка подсвеченная из-за облаков новорожденным месяцем, была на этот раз их союзницей.

Как найти в зарослях самолет?

Плутая в темноте по жидкой грязи, измотались. Хосефа ниже всех ростом, ей труднее пробираться в высоких зарослях. Когда раздвигаешь острые листья тростника, недолго порезать руки. Корневища петляют в тине, липкой земле, хватают за ноги... правда, если во рту пересыхает, можно отломить кусок стебля и пожевать сладкую мякоть.

Они уже дважды прошли-проползли по плантации, не приближаясь к крайним домам деревни, в радиусе километра — никаких следов самолета.

Артур тихо окликнул майора один раз, чуть погромче второй, еще громче — наконец он появился, жалуясь на слабость и на сердце. Ни идти, ни ползти дальше не в состоянии. Хочет вернуться к машинам и там подождать.

В провожатые ему выделили Ретамеро.

Поиски продолжали четверо: Артур, Сальвадор, пулеметчик Володя и Лиза. Они тихо пересвистывались, окликали один другого, теряя и находя друг друга.

А может, фашисты успели утащить самолет? Но тогда тростник полег бы широкой полосой в направлении к шоссе или проселочной дороге.

Месяц, запеленутый в рваные облака, выглянул на какие-то минуты и пришел на подмогу. А то бывает в разведке и так: луна шляется всю ночь по небу и только мешает, демаскирует тебя.

В тростнике, неподалеку от крайнего дома деревни, забрезжил тусклый отблеск.

Артур ускорил шаг — так и есть: металлическое тело самолета.

12. «Во-о-оздух!!!»

В один из теплых зимних дней в кабинет Главного военного советника на первом этаже особняка (дверь из вестибюля налево) вошел приехавший сегодня в Валенсию Ян Августович Тыкин.

Последний раз они виделись лет десять назад в штабе Ленинградского округа на маневрах, а может быть, на разборе учений в штабе. Не раз встречались на жизненных перекрестках. Тыкин, участник штурма Зимнего дворца, член партии с 1918 года, преподавал в военной Академии имени М. В. Фрунзе. Его считали одним из лучших специалистов Красной Армии по противовоздушной обороне. Чем чаще и безнаказанней бомбили фашисты позиции республиканцев и мирные города, порты, тем чаще вспоминал Берзин о своем старом приятеле, пожизненном зенитчике Тыкине. Тот еще во время гражданской войны успел сбить несколько разведывательных аэропланов, подаренных интервентами Деникину и Врангелю, не то французского, не то английского происхождения... Высшее командование нашло просьбу Берзина обоснованной, не стало медлить, так что встреча двух старых приятелей была далеко не случайной.

Ян Тыкин никогда прежде не видел Яна Берзина в штатском. В Курземском латышском стрелковом полку он не снимал шинели, всю жизнь не расставался с военной формой, а сейчас на нем элегантный светло-серый костюм, к нему жилетка и галстук яркой расцветки.

Они обнялись, обменялись дружескими приветствиями, и тут же завязался важный, не для посторонних ушей, разговор.

«Я слушал его с большим интересом,— вспоминал Ян Августович Тыкин в 1965 году,— и поражался его компетентности. Я был специалистом в этом деле, а он политическим работником, но его осведомленности мог только удивляться. Он нарисовал мне полную картину воздушного пиратства «юнкерсов», «фиатов», беззащитность городов, портов. Обрисовал политическую картину Испании, правительства и лиц, с которыми я буду иметь дело. Он дал характеристику министру авиации Прието, правому социалисту, отнюдь не революционеру, но очень влиятельному среди испанцев человеку; заговорил о полковнике Сарабия — начальнике всей противовоздушной обороны, я буду состоять при нем советником. Потом уже, после отъезда Берзина, я долго вспоминал, насколько правильны и метки его характеристики».

Первый «экзамен», который главный военный советник устроил доценту Академии — срочно выехать в Картахену, найти на местном судостроительном заводе честных специалистов, республиканцев и с их помощью перестроить, переоборудовать там старые, вернее, старинные, а еще точнее — древние батареи. Нельзя недооценивать важность этого порта, где разгружаются суда под советским или республиканским флагом, суда, которым удается прорваться невредимыми с вооружением,

продовольствием, боеприпасами, оборудованием сквозь блокаду мятежников.

Ян Тыкин убедился, что зенитки установлены неправильно, расчеты обучены скверно, зенитных прожекторов нет вовсе, зенитчики — как слепые котята. А что касается гражданской противовоздушной обороны — она вообще отсутствует. Картина, прямо сказать, плачевная, учитывая стратегическую роль Картахены.

Нашлись строители, нашлись артиллеристы, и батареи в Картахене переоборудовали. Мятежники предприняли очередной налет на порт, но неожиданно для себя встретили такой энергичный, хорошо организованный отпор, что поспешно ретировались. Их «авионес» понесли урон.

В следующий раз Берзин вызвал доцента, сильно обеспокоенный тем, что фашисты усилили бомбардировки крупных городов, терроризируют их жителей и разрушают, сжигают эти города, стремясь подавить сопротивление республиканцев.

— Что делать, Ян Августович? — спросил Берзин.— Зенитная артиллерия малочисленна. Авиация пока еще слаба. А люди гибнут.

Берзин был взволнован, но сохранял самообладание и говорил спокойно.

Тыкин сокрушался, что в Испании напрасно пренебрегают крутыми склонами в гористых местностях. А их можно отлично использовать для быстрого сооружения бомбоубежищ.

Берзину понравилось предложение, он встал из-за стола и в нетерпеливом возбуждении зашагал по кабинету.

— Я не подумал об этом! Да всюду, где это возможно и удобно, надо использовать крутости горного рельефа!

Не прошло и двух месяцев, как соорудили сотни бомбоубежищ. Они предназначались в первую очередь для женщин, детей, стариков, для моряков, портовых грузчиков. В жаркую погоду в таких каменных или земляных погребах отдыхали от зноя, духоты. Хорошо оборудованные убежища появились не только в Валенсии, Мадриде, но и в Мурсии, Аликанте, во многих городах, селениях.

Яну Тыкину и его помощникам удалось усилить зенитные средства. Росло число городов, районов, где фашисты не летали безнаказанно чуть повыше телефонных столбов, прилежно выискивая цели. Зенитчики заставили их подняться на высоту в два-три километра и еще выше. Швырять бомбы в цель воздушным пиратам стало труднее, но все же бомбежки уносили немало жертв, отчасти из-за беззаботности, легкомыслия, военной безграмотности жителей.

Испанцы учились строить в горах, в холмистых местностях убежища, склады. В Альбасете соорудили подземные арсеналы, близ Аликанте — бензохранилище. Окрепла местная противовоздушная оборона. Сотни тысяч глубоких, узких окопчиков было вырыто; глубокие щели уберегали от лишних жертв, от паники. Своевременно подавали сигналы воздушной тревоги: улучшилась служба наблюдения и оповещения. Зенитчики старательно охраняли небо над приморским городом Сагунто, под Валенсией: о безопасности городка и дымивших там заводских труб, о ночных отсветах плавок тревожился главный советник. Усилили противовоздушную оборону системы электростанций на севере Каталонии, они питали военную промышленность Барселоны.

Испанцев учили светомаскировке и ликвидации последствий налетов. Ян Тыкин слышал, как новый премьер-министр Негрин предупредил полковника Сарабия, когда зашла речь о создании санитарных и пожарных команд: «Проследите, чтобы туда не попали фашисты из «пятой колонны». Мы бедны вооружением, но сильны духом. Если мы сделаем хотя половину того, что нам посоветовали русские товарищи, наши потери от бомбардировок уменьшатся более чем наполовину».

Ко дню отъезда Берзина из Испании интернациональный зенитный дивизион получил орудия с потолком стрельбы до десяти километров. Но оставались на вооружении и устаревшие зенитки «шкода».

Пестрая публика собралась в этом зенитном дивизионе — немцы, французы и югославы. Ни русского, ни испанского языка не понимали. Ян Тыкин владел только немецким. Пришлось перейти на практический показ, больше доверять интуиции зенитчиков интербригады. А рвения у них было много. Решили все светлое время суток — с раннего утра допоздна — с небольшими перерывами на обед и ужин изучать сложное зенитное дело.

Боевое крещение многие приняли на Хараме, в феврале, и они не подвели — стреляли метко и не позволяли фашистским ястребам снижаться меньше, чем на 3—4 километра.

Берзин был доволен действиями зенитчиков. В нелетную погоду или в часы, когда не было налетов, они быстро устанавливали стволы орудий и тяжелых пулеметов в горизонтальное положение. Отсутствие щитов, оберегающих номера расчетов от пуль и осколков, не остановило добровольцев. Сильным заградительным огнем пулеметов и орудий они отражали атаки марокканцев.

Берзин был взволнован: «Кто же до этого первый додумался? Из какой страны приехал такой умница? Может, сам и

не подозревает, какая это богатая идея. И какая длинная жизнь ждет эту идею на полях будущей войны, когда забудут и про Хараму! Об этом стоит серьезно задуматься!»

«Вопросы противовоздушной обороны Испании и беседы со мной, которые являлись ориентиром в моей работе,— заключает свои воспоминания Ян Августович Тыкин,— это только маленькая, может, сотая часть тех вопросов, которыми занимался Берзин.

Это был действительно советник, не только военный, но и политический, культурный советник и помощник испанскому народу, которому сочувствовал и страстно желал счастья и свободы».

13. Зарево за спиной

Все четверо обошли самолет вокруг — ни души. Караульные давно бы услышали их хлюпающие шаги (только Артур умел ступать бесшумно), жесткий шорох тростника.

Шасси сломано, брюхо самолета смято.

Из стеклянной полусферы, из фонаря, где сиденья пилота и штурмана, исходило тусклое мерцание. Как необходим лунный свет при поисках самолета, скрытого в зарослях тростника! И в то же время лишь благодаря плотной, ночной темени удалось приметить смутное сияние.

Артур вынул маузер и подошел к кабине вплотную — никого. Что же это за таинственный полусвет за стеклом?

Он осторожно поднялся на крыло и заглянул в кабину. Мерцание исходило от подсвеченной доски приборов: фосфоресцировали цифры, стрелки.

Еще несколько быстрых движений, и Артур шагнул в раскрытый настежь фонарь.

Осмотрелся при светлячках приборов. Нет на месте пулеметов новейших конструкций. Не видать и турельного пулемета и пулемета кинжального действия, бьющего по низко идущим целям.

Артур неплохо ориентировался в самолете, был в свое время инструктором парашютного спорта; за его сильными плечами, оттянутыми лямками парашюта, более ста прыжков.

Как поджечь, как взорвать эту металлическую махину? Прежде всего надо выяснить, осталось ли горючее. «Где баки? Подскажите, пожалуйста, товарищи Туполев, Архангельский или кто другой, кто колдовал над этой моделью».

Баки могут прятаться и в плоскостях, и в центроплане. Между мерцающими приборами он увидел бензочасы. Они по-

казывают расход горючего, но сейчас мертвы, хотя в баках наверняка что-то осталось.

Перерезал одну тонкую трубку — никаких признаков жизни. Из второй трубки закапало масло. Перерезал третью — тонкой струйкой полился бензин.

Парашют пилота лежал сложенный, а парашют штурмана раздернут. Видимо, фашисты из любопытства выдернули кольцо, ранец раскрылся, виднеется макушка купола.

Артур вытянул парашют метра на четыре и подложил шелк под струйку. Теперь надо набраться терпения и подождать, пока бензин намочит парашют.

Время будто остановилось. А только что минуты бежали наперегонки.

По приказу Артура собрали все гранаты, и Сальвадор связал их крепким парашютным шнуром в гремучую гроздь. На предохранителе граната или нет — сейчас не играет роли, лишь бы капсюль-воспламенитель был на месте. От огня он сработает и без ударника, без пружины. Гранаты осколочные, типа наших «лимонок».

Сперва Артур хотел подложить связку гранат под шасси, но какой в этом смысл? Шасси и так сломано, утонуло в тине, а металлическая обшивка фюзеляжа не позволит огню быстро набрать силу.

Бензин неслышно впитывался шелком, струйка текла тихо, Артур услышал тиканье часов. Он обернулся и увидел вмонтированные в панель приборной доски часы. Циферблат, покрытый фосфором, светился и был вправлен в ободок. Ободок — не что иное, как большая рифленая гайка: когда ее повертываешь, часы заводятся.

Кончиком ножа он осторожно выковырнул из панели светящийся ободок. Часы, размером с компактный удлиненный будильник, спрятал в карман.

В каких приборах СБ таятся секреты, из-за которых сегодня у командования авиации столько волнений и тревог?

Тем временем в кабину натекло масло. На полу изрядная лужа бензина, пары его все сильней бьют в носоглотку.

Поджигать парашют в самой кабине — сразу вспыхнет, сам сгоришь ни за понюшку табака. Он вытянул намокший купол на крыло, благо парашют семиметровой длины. Уложил связку гранат между приборной доской и сиденьем пилота.

Когда зажег спичку и поднес к намокшему парашюту, заметил, что пальцы у него слегка дрожат; никогда он за собой такого не замечал. Даже неловко стало перед Лизой, он передал ей коробок спичек.

Как только на крыле занялось пламя, он увидел розовые, пунцовые, алые отсветы на низких облаках; из них вышел теперь ненужный месяц.

Едва СБ воспламенился и языки пламени вырвались из разбитой кабины, со стороны деревни раздались выстрелы. Судя по крикам, фашисты в двухстах метрах от самолета, не больше.

Как пригодились бы сейчас и Ретамеро, и молодые парни с пулеметом, и майор. Еще по дороге сюда Артур потерял половину своей наспех собранной боевой группы.

Но выстрелы не приближаются, значит, фашисты не решаются подойти ближе, боятся получить пулю в лоб из засады в тростниках.

Фашисты стреляли беспорядочно.

Артур приказал уходить, низко пригнувшись или ползком. На огонь не отвечать, себя не обнаруживать. Шальные пули жужжали, как разбуженные среди ночи шмели, соблазнившиеся сладким соком тростника.

Время снова стало на вес золота. Как можно скорее отбежать от самолета, где ты ярко освещен, маячишь мишенью. Собраться всем на дальнем краю плантации.

Сколько им предстоит пройти? По подсчетам Артура, километра четыре-пять, чтобы выйти к шоссе, где в укромном гроте их ждут автомобили. Дай бог, поспеть до рассвета...

Отряд продвигался вдоль берега, когда за их спинами раздался взрыв. Он прозвучал раскатисто, видимо, гранаты взрывались в связке не одновременно.

Можно было подумать, что возле самолета началась горячая перестрелка. Артур объяснил Лизе: рвутся патроны в пулеметных лентах.

Взрывчатка придала зареву новую силу. Все четверо увидели море, подсвеченное темным пурпуром. Вода светилась безбрежным рябым зеркалом, отражавшим зарево. Слышался шум волн, обессиленно падающих на мокрую гальку.

Восточный склон одной из вершин Сьерра-Техада был освещен робкими лучами еще не показавшегося солнца. Кактусы, мимо которых быстро шли подрывники по каменистому плато, отбрасывали причудливые, почти фантастические тени.

Когда добрались до знакомого шоссе, услышали два глухих взрыва. Артур объяснил Лизе: взорвались баки с остатками горючего.

В сером предрассвете показались силуэты двух автомобилей в тени скалы.

Как всегда в сложных обстоятельствах, Артур поставил себя на место противника. Если мятежники, проехавшие по

шоссе, обнаружили наскоро замаскированные автомобили, они перебили шоферов и устроили засаду. Пассажиры-то наверняка вернутся! Не в ночную же таверну Мотриля они отправились.

Жаль, не условились о звуковом сигнале, чтобы Паскуаль знал — идут свои.

Сальвадор подобрался к беззвучным машинам с гранатой. Одна-единственная граната — все, что осталось в арсенале отряда. Он заглянул в машины: Паскуаль, второй шофер, юные Леон и Мануэль спали на мягких сиденьях и видели сладкие сны. Не слышали ни винтовочной стрельбы, ни взрывов. Майор и Ретамеро бодрствовали. Только сейчас, продрав глаза, Мануэль и Леон увидели зарево, майор же смущенно отвернулся. Ретамеро с ненавистью глядел на майора, из-за которого он лишился возможности участвовать в боевой операции вместе с товарищами.

С наслаждением сел Артур на свое место в передней машине без ветрового стекла. Положив на колени пулемет, который за эту ночь только однажды согрелся длинной очередью, проверил, все ли на местах, и подал команду «Трогай!».

Теперь, когда прошел главный страх — за успех дела — и спало нервное напряжение, Артур почувствовал озноб. Это в Андалузии-то! А все потому, что полночи проходил по жидкой грязи и ноги промокли до колен.

Уже сев в машину, пожалел вслух, что не взяли с собой еды. При отъезде каждая минута была на учете, но все же кто-то сунул в карман банку с сардинами, горсть маслин, лепешку. Да, он обязан был позаботиться обо всех. Хорошо бы обойти сейчас оба автомобиля с фляжкой коньяка, угостить тех, кто заслужил; в крайнем случае сгодилась бы местная малага — то ли вино, то ли ликер.

Проехали с десяток километров, Артур обессиленно склонил голову на плечо. И уже в полусне счастливо улыбнулся: «Вот операция! Все время держали в руках оружие, а ни одного выстрела, кроме очередей по сторожевому домику, не сделали!..»

А еще он успел подумать, что группа его не понесла никаких потерь. Ни единой царапины ни у одного человека. Берзин его за это обязательно похвалит...

На обратном пути они подобрали семь раненых, их довезут до Альмерии...

Когда майор Артуро докладывал генералу Гришину об операции, тот, видимо, торопился. И все посматривал на свои ручные часы. Артур вспомнил: «Да у меня же есть подарок для Старика!» Он достал из оттопыренного кармана брюк

часы, которые вывинтил в кабине СБ, и протянул Берзину, сказав что-то по-латышски.

— Идут? — Берзин приложил часы к уху.

— С гарантией!

Берзин широко улыбнулся и положил часы на стол, просторный, чистый, не захламленный бумагами.

— Неплохая вещественная улика! — засмеялся Берзин.— Похоже, ты и в самом деле выполнил поручение «Вецайса».

Не раз приезжал майор Артуро и в предместье Барселоны, в Каса Роха. Ждал здесь возвращения Берзина из Мадрида, готовился здесь к операциям, обучал молодых подрывников, минеров, разведчиков работе в тылу у франкистов.

Майор Артуро за время работы в Испании принимал участие в подрыве нескольких поездов. Особо ответственными были задания в дни генерального наступления фашистов на Мадрид, когда дорога из Севильи на Толедо была забита воинскими эшелонами, а позже — итальянским экспедиционным корпусом, который перебрасывался к Гвадалахаре.

— Действуй, как сумеешь и как будет удобней,— сказал тогда Берзин при прощании.— Но чтобы расписание железнодорожных поездов, идущих к Мадриду, было нарушено ко всем чертям.

В мае 1937 года Берзин срочно вызвал к себе Спрогиса и приказал готовить операцию по захвату «языка» на участке Мадридского фронта, где проходит железная дорога на Гвадалахару. В генеральный штаб поступили сведения о том, что фашисты снова накапливают войска, готовят наступление. Уже неделю разведчики с Мадридского фронта безуспешно пытаются захватить «языка». Вот и решили привлечь к этой операции разведгруппу Артура.

«Нащупав свободный проход в обороне противника на стыке двух полков,— вспоминали Паршина и Спрогис,— пятеро наших разведчиков углубились на несколько километров в тыл противника и вышли к шоссе. Вскоре послышался цокот копыт, на дороге показалось несколько конных. Схватка была короткой. Трое фашистов были убиты, а двух захватили в плен».

Это было последнее личное поручение, данное генералом Гришиным майору Артуро незадолго до своего отъезда из Испании.

Прошли, сменяя друг друга, все четыре времени фронтового года. Генерал Гришин навсегда покинул предместье Барселоны Пинс-дель-Вальес, очутился далеко от берегов Испании. Только старожилы Каса Роха помнили это имя. Теперь многими боевыми операциями в «малой войне» руководил подполковник Хаджи Мамсуров — Ксанти.

14. Прощание

Уже две недели новоявленный оружейник Грейзе не залезал в люк танка, не усаживался на верткое маленькое креслице в башне у пушки, не тряся под огнем в бронированной коробке, не ловил целей в перекрестие прицела.

А вчера не вытерпел и на отремонтированном танке махнул в Мадрид — каких-нибудь 28 километров от ремонтной базы.

Побывал на переднем крае в Университетском городке и успел вдребезги поругаться с командиром отряда анархистов Паласиосом. Ничего, кроме презрения, не вызывал этот обвешанный гранатами толстяк, всегда подвыпивший хвастун. Он изощрялся в скабрезной ругани, нагло обвинял танкистов в трусости и уверял Грейзе, что позиция марокканцев совершенно неприступна. Надо бы этому горлопану, пьянствующему под знаменем «Смерть или победа», показать, как воюют настоящие танкисты!

Танк Армана и в самом деле блестяще атаковал утром позицию марокканцев. А назавтра в Алькала-де-Энарес, у отеля «Сервантес», появился связной на мотоцикле с коляской. Генерал Гришин вызывал капитана Грейзе в штаб обороны Мадрида...

Арман застал в бронированном подземелье Хаджи Мамсурова. Тот сказал, что Берзин узнал о последнем бое Армана в Университетском городке и рассердился. Ждет Армана в отеле «Палас». Там лазарет, но в левом крыле осталось несколько номеров с постояльцами.

Берзин хмуро поздоровался с Арманом и, не пригласив сесть, спросил:

— Для чего тебя оставили в Испании? Чтобы ты один отбивался от Франко, Гитлера, Муссолини? Чтобы очертя голову играл в жмурки с их новыми противотанковыми снарядами «бофорс»? Решил показать этому анархисту безумство храбрых? Однако не славу нужно петь такой храбрости, а ругать за нее! Категорически запрещаю подобные променады под прямой наводкой противника! За каким дьяволом тебя понесло к зданию философского факультета? Самый опасный участок! Несколько германских пушек в засаде. Окна первого этажа — как амбразуры...

— Дело в том, что я не успел сдать экзамен на отделении философии Рижского университета. И увез «хвост» с собой в Париж. Идеалистическая философия Канта. Вот я и решил сдать экзамен в Мадриде. Не все ли равно, где факультет? — Арман рассмеялся.

— Ты, кажется, считаешь себя очень остроумным? — глаза Берзина стали жесткими, ледяной тон не предвещал ничего хорошего.— А мне, Пауль, почему-то не смешно. Вот не на шутку меня разозлить тебе удалось. Юморист-самоубийца...

Арман готов был провалиться сквозь землю, румянец выступил на его впалых щеках.

— Ремонт, запасные части, занятия...— невнятно оправдывался он.— Затосковал по горячему делу, по танку. Защищать Мадрид в тот момент на том участке было некому. Я ведь не демобилизовался!

— А я демобилизовался? Меня ты не считаешь защитником Мадрида? Я ни разу не стрелял из орудия. Не прострочил ни одной ленты из «максима». Только один раз палил из нагана в пилота, который вел «юнкерс» на бреющем полете. Если бы ты помчался в атаку со своим экипажем — полбеды. Ты же хвастался, что, когда идешь в бой со своим экипажем, у танка и броня толще. Но ты нырнул в башню и поскакал с зелеными юнцами. Может, и хорошие ребята эти испанцы-новобранцы. Но все же — не экипаж капитана Грейзе! Не для того Хосе Диас просил здесь тебя оставить, чтобы ты цирковые номера представлял! Знаю, ты давно интересовался театром. Но не цирком же! — Берзин говорил не повышая голоса, спокойным тоном, но в нем слышались негодующие ноты. Приходится высказывать неприятные вещи человеку, которого любит, кому доверяет. И больно утратить хотя бы крупицу этого доверия.— Чтобы это было в первый и последний раз!

— Не один, а два таких первых раза на моей совести. Не сердитесь, Ян Карлович. Обещаю, не повторится...

— Не повторится прежде всего потому, что я запрещаю безрассудно себя вести. Не забывай, что и смелость должна быть осторожной, и риск — умным. Да, запрещаю. Но одновременно обещаю не жаловаться Альфреду на его младшего не всегда разумного брата.

Арману было вдвойне стыдно: подобное безоглядное ухарство на переднем крае против его собственных взглядов и принципов. Сколько раз сам посмеивался над липовыми смельчаками, предостерегая на занятиях молодежь от дешевой храбрости, и — на тебе!..

— Перед каждым из нас солнце закроет черную дверь,— сказал Берзин раздумчиво.— Но пусть наше расставание с жизнью произойдет как можно позже. Нужно сделать как можно больше и не торопить свою разлуку с солнцем. Подумай об этом, Пауль! Прошло немного времени, как ты стал Героем Советского Союза. До тебя это звание получили одиннадцать человек, и все — летчики. У тебя номер двенадцатый. Ты

первый герой-танкист в Красной Армии. Ты представляешь меру своей ответственности? И как будет счастлив Альфред, узнав об этом постановлении ЦИК СССР! — После сосредоточенного молчания он продолжал: — Наверное, ты подумал: Берзин сегодня не в духе и потому сделал такой строгий выговор. Да, я навсегда запрещаю тебе дешевое мальчишество! Подставлять под пули и осколки свой лоб, когда мы каждый день несем невосполнимые потери...

После жесткого нравоучения, выслушанного от Берзина, Арман с новой энергией и повышенной ответственностью занялся его поручением. Оно касалось изготовления запасных частей к танкам, которые воевали на износ.

В конце января нового 1937 года Берзин вызвал Армана к себе в Валенсию. Арман хорошо знал небольшой двухэтажный дом № 8 на тихой улице Альборая.

Разговор был коротким: Арману надлежит сдать все дела здесь и срочно вылететь в Москву. Ему поручено доложить руководителям партии и правительства о танковых боях за Мадрид. Рассказать о тактике боев, дать сравнительную характеристику танков разных серий, рассказать о новинках противотанковой обороны противника.

Отъезд в конце недели. Попрощаются в Мадриде, куда Берзин выезжает сегодня ночью, а Арману следует быть в Мадриде послезавтра.

Их последнее свидание под испанским небом состоялось после того, как Арман уже попрощался со своим танковым экипажем, Толей Новаком, помпотехами, Хаджи Мамсуровым, Михаилом Кольцовым, с неутомимым штабистом Висенте Рохо.

Берзин по-прежнему был встревожен тем, что противник слишком хорошо осведомлен о наших планах на мадридском участке фронта. Он ходил из угла в угол номера в отеле «Палас», потирая лоб и поглаживая седой ежик — признак сильного волнения. Продолжается утечка информации из штаба. Он убежден, что там сидит осведомленный офицер из «пятой колонны». А генерал Гришин бессилен! Нужна контрразведка, а ее нет. Если бы не Хосе Диас и компартия, оборона Мадрида давно бы развалилась...

— Я сегодня богачом стал,— неожиданно сказал Берзин, и Арман понял — хочет переменить тему неприятного разговора.

Берзин показал телеграмму из Парижа от Международной комиссии по оказанию помощи республиканской Испании. Согласно квитанции из Риги поступило еще 4710 франков в фонд «Красной помощи». Зашла речь о подпольной солидарности латышей. Берзин показал воззвание ЦК и рижского

комитета «Красной помощи» ко всем трудящимся. Сбор средств для поддержки борцов за свободу Испании начали еще в сентябре. Берзина взволновало письмо от политзаключенных рижской центральной тюрьмы, присланное на днях.

«...Пусть со всех концов земли протянутся руки помощи жертвам фашизма! Народ Латвии должен помочь своим братьям и сестрам в далекой Испании. Это обязан сделать каждый честный человек.

Политзаключенные рижской центральной тюрьмы сообщают, что они отказываются получать поддержку от «Красной помощи», чтобы со своей стороны помочь героической борьбе с международным фашизмом. Пусть пример политзаключенных побудит всех находящихся на свободе оказывать братскую помощь жертвам фашизма в Испании, обильно политой кровью ее народа.

Нет борьбы без победы! Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

— Думаю, Пауль,— Берзин закрыл папку,— если б мы с тобой сидели сейчас в рижской тюрьме, тоже отказались бы от «Красной помощи» в пользу республиканцев.

Арман полез в планшет, насквозь пропахший гарью, достал томик стихов Яна Райниса и подарил Берзину — Старик любит его стихи.

— А вчера мне один латыш из интербригады подарил приказание министра внутренних дел Латвии,— Берзин показал Арману бумагу.— Надеюсь, переводчик тебе не требуется.

«Основываясь на принятом Кабинетом министров решении о запрещении гражданам Латвии участвовать в гражданской войне в Испании — постановляю:

1. Запретить:

а) открытие контор по вербовке добровольцев в Испанию;

б) вербовку добровольцев при помощи публикации в печати или сообщений по радио и на собраниях; запрещена также вербовка на дому и рассылка циркуляров по почте или каким-либо иным путем, как группам, так и отдельным лицам;

в) подношения или вознаграждения, обещания или угрозы, злонамеренное использование прав с целью вербовки добровольцев.

2. Гражданам Латвии запрещается предлагать свои услуги той или иной из воюющих сторон Испании.

Граждане Латвии сим предупреждаются, что поступление на такого рода службу является противозаконным и что им, по возвращении в Латвию, грозит предусмотренное наказание.

3. Чтобы пресечь возможность отъезда в Испанию из Латвии, отменить все имеющие сейчас силу иностранные паспорта.

Постановление вступает в силу со дня его принятия.

Министр внутренних дел В. Гулбис. Директор Административного департамента Аншмит».

— Должен огорчить господ Гулбиса и Аншмита,— улыбнулся наконец Берзин, пряча циркуляр.— Латыши все чаще нарушают постановление номер 50638.— Он заговорил полатышски.— Ты уезжаешь, но я не разучусь говорить на родном языке. Добровольцы из Латвии едут и едут. Торопятся в интербригады. Плюют на запрет Ульманиса. И ни один латыш не нанялся в иностранный легион к Франко. Я получаю точные сведения...

Три месяца не снимал Арман кожаной куртки или комбинезона, чаще ходил в шлеме, чем в берете. А когда подымался по лесенке французского самолета, на нем был синий костюм, синий берет, новые ботинки. Он охотно «забыл» в гостинице свой стандартный дерматиновый чемодан. В небольшом саквояже, купленном в Валенсии, лежали бритвенный прибор, платяная и сапожная щетки, полотенце, а остальное место заняли блокноты с записями.

Под крылом самолета расстилался пепельно-серый пейзаж с голыми плато, с садами и рощами в котловинах, с змеистыми ущельями, с заплатами серого снега в предгорьях Гвадаррамы и с голубым снегом на вершинах Иберийских гор.

На коленях у Армана лежал раскрытый том Сервантеса на французском языке. Он посматривал время от времени в окошко кабины, и ему мерещился то городок Алькала-де-Энарес, то деревня Эль Тобоссо, где жила Дульсинея Тобосская, обожаемая Рыцарем печального образа, то селение Ламанча и ветряная мельница — молино дель вьенто,— с которой сражался Дон Кихот и которая больше трех веков машет человечеству своими ветхими, но бессмертными крыльями.

Три месяца назад ступил он на каменные плиты картахенского порта. Почему же Арман так сроднился с испанской землей? Да потому, что тут пролили кровь товарищи по оружию, тут он оставил прекрасных людей, которых никогда не забудет.

Когда Арман в начале 1937 года покидал Мадрид, не было уверенности, что удастся закрепиться на рубеже реки Мансанарес, обтекающей западные пригороды Мадрида, отделяющей его кварталы от пригородного парка Каса-де-Кампо.

Мог ли он подумать, что этот военный рубеж на целых два с половиной года станет границей между фашистами и республиканцами, между фашизмом и народной революцией? Столица так долго держалась благодаря тому, что трудящиеся Испании показали себя горячими патриотами, благодаря ком-

мунистической партии Испании, благодаря международной солидарности и помощи Советского Союза...

С аэродрома Бурже он ехал в поздние сумерки. Город встретил его, как всех приезжих, бегущими, мигающими, зазывными разноцветными огнями — рекламная улыбка вечернего Парижа. Неужто за годы, которые он здесь не был, Париж стал настолько наряднее, шумнее, веселее? Или это впечатление рождено контрастом — здесь нет затемнения, никто не прислушивается к перестрелке, никто с тревогой не всматривается в небо, подсвеченное орудийными зарницами и заревами.

Пришлось Арману в ожидании документов прожить в Париже несколько дней, и он поймал себя на том, что, как ни истосковался по Москве, парижские дни ему не в тягость.

Он гулял по Парижу не плутая, ему не нужен был ни провожатый, ни переводчик. Бродил допоздна по бессонному городу, узнавая его в лицо и наслаждаясь его старинной и нестареющей красотой.

В советском посольстве его много расспрашивали об Испании; он встретился с группой наших военных советников, специалистов, едущих туда. Среди этих «штатских» был и Родион Яковлевич Малиновский: ему предстояло стать знаменитым полковником Малино.

Много лет спустя в воспоминаниях маршала Р. Я. Малиновского можно будет прочесть:

«В одной из комнат группа советских работников о чем-то оживленно беседовала с сухощавым высоколобым человеком в штатском. По выправке в нем легко можно узнать военного.

— Кто это? — спросил я у сопровождающего меня товарища.

— Вас познакомить? Капитан Арман. Только что оттуда.

Оттуда — это значит из Испании. Впрочем, я уже был наслышан об Армане, под руководством которого с исключительным героизмом действовали под Мадридом наши танкисты. Какое мужество проявил в этих боях сам Арман, я знал из корреспонденций Михаила Кольцова в «Правде», хотя в этих корреспонденциях, по вполне понятным причинам, Арман назывался просто «капитаном». Мне было известно, что он удостоен высшего боевого отличия — звания Героя Советского Союза.

Не удивительно, что через минуту мы уже крепко пожимали друг другу руки, и прославленный танкист вводил меня в курс испанских событий...»

Морозным январским днем 1937 года худой, обожженный испанским солнцем и огнем боев вернулся Поль Арман из Испании. Воздух Родины бодрил, вызывал прилив сил. Майор Арман был окрылен высокой наградой — скорее за работу!

С удовольствием он надел гимнастерку с танками на петлицах и шутливо вздохнул:

— Кончилась моя штатская жизнь!

В управлении автобронетанковых войск его тепло встретили, предложили отдохнуть, а за время отпуска назначат на должность.

— Хотелось бы обобщить опыт и проверить себя на командной работе,— сказал Арман.

15. В тихом переулке

Московский переулок, промерянный чеканными, медленными в минуты глубокого раздумья, шагами Берзина. Старый дом, не знающий лифта. Знакомый кабинет за плотно обитой дверью, куда проходишь мимо секретаря Наташи Звонаревой.

Громоздкий несгораемый шкаф в углу. Поблекшая с годами голубая штора во всю стену задернута, за ней географическая карта. Два потертых кожаных кресла. Письменный стол с массивным чернильным прибором. На столе никаких бумаг, папок.

Последний раз, после одиннадцати лет напряженной работы корпусной комиссар Ян Карлович Берзин сидел за этим столом в апреле 1935 года. Его внезапно назначили тогда заместителем командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией: японские самураи все чаще нарушали нашу границу. В связи с назначением нарком обороны К. Е. Ворошилов издал приказ, в котором говорилось:

«Преданный большевик-боец, на редкость скромный, глубоко уважаемый и любимый всеми, кто с ним соприкасался по работе, товарищ Берзин все свое время, все свои силы и весь свой опыт отдавал труднейшему и ответственному делу, ему порученному... Уверен, что и в будущей своей работе товарищ Берзин вполне оправдает свой заслуженный авторитет одного из лучших людей Рабоче-Крестьянской Красной Армии...»

Когда Франко начал мятеж против республики, Берзина с Дальнего Востока срочно командировали в Испанию и он пробыл там без малого год. Ему пришлось стать Главным военным советником испанской республиканской армии, и руководить советскими добровольцами, и самому принимать участие в боях. За проявленное мужество и умелое руководство боевыми действиями в республиканской Испании его наградили орденом Ленина, он получил звание армейского комиссара 2-го ранга. 9 июня 1937 года его вновь назначили начальником Разведывательного управления РККА.

Ян Карлович Берзин. 1936 г.

Уйма хлопот и забот обрушилась на занявшего свой пост Берзина. Письма, донесения, телеграммы, радиограммы поступали к нему из разных стран, на разных языках самыми замысловатыми путями...

В конце июня 1937 года перед отъездом в Белорусский военный округ к Берзину зашел попрощаться майор Поль Арман. Он получил назначение в бригаду, где служил до Испании.

— Счастливого пути в Бобруйск, Спийтниекс. Успешной службы, бывший капитан Грейзе! — напутствовал гостя армейский комиссар 2-го ранга Берзин и проводил его до глухой двери...

Вспоминаются проникновенные слова дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза А. М. Василевского; в 1975 году он писал о человеке, «которого мы, люди старшего поколения, глубоко уважали, чьей доблестью, мудростью и революционным кипением восхищались. Я говорю о замечательном коммунисте и командире Яне Карловиче Берзине, долгие годы возглавлявшем нашу военную разведку...

Став в марте 1924 года начальником Разведупра РККА, Берзин требовал от себя и от всех, кто трудился с ним вместе, умения по-ленински, руководствуясь ленинскими заветами, нести каждодневную службу на острейшем участке обороны страны. Сохранились записки-раздумья Берзина о задачах разведчиков, о правилах их поведения. Разведке требуются не просто отчаянные смельчаки, а люди незаурядные, выдающегося ума, с фантазией и воображением, умеющие самостоятельно и быстро ориентироваться в самой сложной обстановке, мгновенно принимать точные и единственно верные решения в самом тяжелом поединке, в безвыходном, казалось бы, положении».

* * *

Война с фашизмом и последующие годы унесли жизни учеников и помощников Берзина, о которых рассказано.

Армейский комиссар 2-го ранга Ян Карлович Берзин ушел из жизни 29 июля 1938 года.

Старший лейтенант Василий Цветков был смертельно ранен летом 1937 года, похоронен в Испании, на берегу реки Тахо.

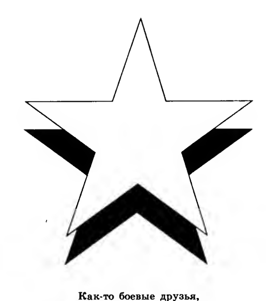
Комбриг Альфред Тылтынь умер в начале 1942 года.

Полковник, Герой Советского Союза Поль Арман, командир 122-й танковой бригады, убит в боях под Ленинградом 7 августа 1943 года, похоронен в Волхове.

Генерал-полковник, Герой Советского Союза Хаджи Мамсуров скончался в 1968 году.

Полковник в отставке, кавалер восьми орденов Артур Спрогис умер 3 октября 1980 года; прах перевезен на кладбище в Ригу.

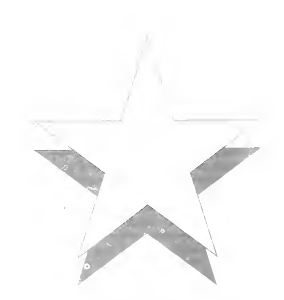
И хотя могилы этих героев-антифашистов далеки одна от другой, в благодарной памяти народа они покоятся рядом — навечно однополчане.

**Как-то боевые друзья,
собравшнсь на вечере памяти
славного своего товарнща
Хрнстофора Салныня,
попыталнсь вспомннть нанболее яркне
событня н факты нз его жнзнн.
И вновь убеднлнсь, что вся она —
однн непрерывный подвнг
профессnонального революцнонера,
кадрового военного, разведчнка.
Шанхай, Прага, Берлнн, Барселона...
Где только не доводнлось
выполнять задання командовання
брнгадному комнссару Салныню!
И он неизменно делал это
с необыкновенным бесстрашнем,
самообладаннем, доблестью.**

M. Кореневский, А. Сгибнев

Жизнь—подвиг

Христофор Салнынь

Христофор Салнынь. Это рассказ о нем — несгибаемом большевике, добровольце Красной Армии, бригадном комиссаре, замечательном военном разведчике. Это рассказ о человеке, вся жизнь которого — один непрерывный подвиг, наполненный революционной доблестью, воинским бесстрашием, необыкновенным самообладанием.

Любопытная деталь. На вечере, посвященном памяти Христофора Интовича Салныня, собрались его боевые друзья. Вспоминали встречи с ним в партийном подполье и за границей, попытались перечислить его временные профессии и фамилии, сбивавшие с толку вражеских ищеек. И выяснилось, что десятки лет провел он в разных странах под чужими именами, с чужими паспортами. И ни разу империалистические контрразведки не вышли на его след.

Итак, начинаем рассказ о коммунисте, патриоте, интернационалисте, военном деятеле.

1. Армия и еще один человек

Командующий Особой Дальневосточной армией Василий Константинович Блюхер оторвал взгляд от большой, во весь стол карты, на которой по часам и минутам была расписана Сунгарийская операция. Начальник штаба армии ждал, что же скажет командарм, но он молчал, уйдя в себя.

— Что-то не так? — чуть нахмурившись, спросил начальник штаба.— Чего-то не хватает?

— Нет, все так, как надо. И лучше, наверное, не придумаешь. Взаимодействие пехоты с флотом и авиацией — что же может быть лучше? А не хватает для этой операции еще... одного человека.

Командарм взял карандаш, сделал пометки на линии КВЖД — Китайско-Восточной железной дороги, пояснил начальнику штаба свою мысль.

— Отличная идея! — признал тот.— Итак, взаимодействие пехоты с флотом, авиацией и еще одним человеком. Но для этого требуется специалист, который бы...

— Я имею в виду конкретное лицо,— перебил Блюхер.— Сегодня же телеграфирую в Москву, чтобы прислали, если можно.

К человеку, который имелся в виду, Блюхер давно питал симпатию, родившуюся, правда, больше в заочном знакомстве, чем по впечатлениям от редких личных встреч — очень коротких, таких, когда нет возможности долго держать у себя посетителя. В 1921—1922 годах во время боев за полное освобождение Дальнего Востока тот человек — тогда он был Завадским — не раз восхищал Блюхера, совсем не щедрого на высокие оценки. Действия Завадского, заброшенного в тыл врага, были решительными, велись на очень точно рассчитанном пределе риска, а донесения — сдержанными, отмеченными большой скромностью их составителя. И еще тем, что Завадский часто выходил за пределы порученного армейскому разведчику, давал обстановку шире, поднимался до военно-политического анализа запутанных событий, до оригинально выведенных прогнозов. Все хотелось поближе узнать Завадского, да случая не было, потом депеша пришла: «Откомандировать в распоряжение...»

А три года спустя, листая личные дела командиров Красной Армии, с которыми предстояло работать на трудном посту главного военного советника при китайском революционном правительстве в Гуанчжоу (Кантоне), Блюхер открыл дело Х. И. Салныня. Глянул на фотокарточку и сразу узнал в нем Завадского. В краткой справке о Салныне говорилось, что он вполне способен помочь командованию Национально-революционной армии Китая. Последняя, кем-то подчеркнутая строка утверждала: хорошо знает обстановку в Китае.

«Когда же успел узнать?» — изумился Блюхер и решил выяснить, не ошибочна ли запись. Но нет, ошибки не было.

Оказывается, вскоре после изгнания интервентов и белогвардейцев за пределы советской земли объявился в Харбине бежавший из красной России крупный коммерсант. В отличие от многих соотечественников, чьи кошельки за границей очень быстро опустели, этот ухитрился провезти через кордон капиталец в твердой валюте. Кроме того, он кое-что держал на черный день в Гонконг-Шанхайском банке. И зажил, как в былые времена, словно и не коснулась его страшная катастрофа.

Харбин того времени был переполнен потрепанным белым войском, недобитыми генералами и атаманами. При случае, щедро угощая белогвардейских главарей, коммерсант задумчиво спрашивал: «Когда же, господа? Или вы уже совсем отказались от каких бы то ни было попыток возвратить нам Россию?» И давал понять, что готов пожертвовать крупную сумму,

если будет организовываться стоящая той суммы акция против Совдепии. Но пусть уяснят господа генералы и офицеры: денежки он выложит на бочку не раньше, чем убедится, что дело затевается реальное, имеющее шансы на успех, а не какая-нибудь авантюрка. Провалы он финансировать не будет!

Как говорил, так и поступал. Когда потом приходили битые вояки за денежками, требовал в общих чертах обрисовать задуманное. Сначала внимательно слушал, но очень скоро терял интерес к рассказу, болезненно морщился, прерывал:

— Мелко, господа, мелко! Вас, как мух, передавят, помните мое слово!

— Мелко? Да посмотрите, какие силы развертываются!

— Разве это силы? Так, пустячок. Не советую, господа. Впрочем, дело ваше. Но я — пас. Категорически. Финансовой ответственности на себя не возьму.

Короче говоря, великолепно сыграл Салнынь роль коммерсанта. Ему удалось заблаговременно предупредить советское командование о многих крупных провокациях, военных авантюрах, подготовленных белогвардейским отребьем при активнейшем участии китайской военщины и вдохновляемых империалистическими державами. Когда, выполнив задание, прибыл Салнынь в Москву и со всеми подробностями докладывал о проделанном начальнику Разведуправления РККА Яну Карловичу Берзину, тот в иные минуты не мог сдержать хохота.

— Так и не дал им ни копейки? Ну, это уже перегиб, неосторожность.— Берзин нехотя хмурился, но в его глазах мелькали веселые искорки.— Могли и заподозрить!

— Я думаю,— отвечал Салнынь,— они скорее заподозрили бы меня, начни я швыряться деньгами. В психологии коммерсанта нет места для пустой щедрости. Тут я все продумал, и дело шло как по маслу. Ну, один генерал скупердяем меня обозвал, потом извинялся, говорил, после контузии нервы ни к черту стали.

— А у тебя самого как с нервами? — спросил Берзин.

— Не жалуюсь.

— Это хорошо,— сказал Ян Карлович и почему-то помрачнел, отвел взгляд,— крепкие нервы очень нужны разведчикам и... учителям.

Салнынь пристально посмотрел на своего начальника и друга. Они были земляками, часто вспоминали чудесную Ригу — город их кипучей юности и молодости. Однако не столько землячество, сколько схожесть судеб, единомыслие скрепляли их дружбу, родившуюся еще в революционных боях 1905 года. В Разведывательном управлении Берзина называли Павлом Ивановичем. Для людей достаточно ему близких начальник

управления оставался Яном Карловичем. Салнынь был одним из немногих, кто иногда, вне службы, в задушевной домашней обстановке, называл Берзина по имени — Петерисом, как звали его по-латышски. Одним из немногих, кто знал, что настоящая фамилия Берзина — Кюзис. Документами некоего, совсем не

Христофор Салнынь

интересовавшего царскую охранку Яна Карловича Берзина снабдили Кюзиса сибирские большевики перед его побегом из ссылки весной 1914 года. Так и остался Берзиным.

Салнынь был старше друга-земляка, но, когда это однажды выяснилось, немало удивился: не верилось, что совсем седой Ян, которому так подходила почтенная кличка Старик, моложе его, Салныня, на пять лет. Да, не от возраста засеребрилась голова Яна — от пережитого. Пулевые ранения, полученные в схватках с жандармами, в боях гражданской войны. Аресты за революционную деятельность, ссылка в Сибирь. Однако же не там, а в Петрограде встретил он зарю Великого Октября. Потом был начальником политотдела 11-й стрелковой дивизии, начальником особого отдела 15-й армии, где и заприметил его Феликс Эдмундович Дзержинский, оценил и вызвал в Москву. С тех пор его жизнь была связана с Разведывательным управлением Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Вот каким человеком был начальник и друг Салныня, который еще минуту от души смеялся, слушая рассказ недавнего харбинского «коммерсанта», и вдруг помрачнел, заговорил про крепкие нервы и учителей...

— Ты на что-то намекаешь, Ян? Говори прямо!

— Забирают тебя из разведчиков. Немного отдохнешь — снова в Китай поедешь. Советником или инструктором. Суть-то одна: будешь учить китайских революционных бойцов и командиров военному делу.

Так воинская судьба вторично свела в одну разошедшиеся было дороги Блюхера и Салныня. Но и там, в Китае, не удалось Блюхеру поближе, в повседневном общении, узнать «бесстрашного и мудрого латыша», как привык он думать о Завадском. Салнынь снова оказался «на отшибе» — далеко от Кантона (Гуанчжоу), где находился штаб Блюхера. Его направили в Калган — в армию маршала Фын Юйсяна.

Весьма странным был этот маршал. Клялся в своих дружеских чувствах к доктору Сунь Ятсену — главе революционного правительства Южного Китая, но на сотрудничество с революционным Югом не шел. Заявлял о своем намерении поехать в СССР, чтобы ровно семь лет отработать у заводского станка для нравственного усовершенствования, и пользовался картой, на которой «китайским» цветом были окрашены обширные советские территории. Он сам обратился к Советскому правительству с просьбой прислать к нему военных специалистов, а когда те прибыли, испугался, что они поведут в войсках большевистскую агитацию. Время шло, а маршал не торопился по-настоящему приобщить специалистов из СССР к делам своей армии.

Кроме наших специалистов у Фын Юйсяна были советники из японцев, немцев, англичан, и у некоторых из них маршал порой шел на поводу, хотя вели они его явно не в ту сторону.

К присланному Москвой инструктору по разведке Фын Юйсян отнесся внешне любезно, но этак снисходительно и скоро дал понять, что не очень-то верит в способность европейцев разгадать китайскую душу и особенности восточных человеческих отношений. А без этого — какая же разведка? Конечно, инструктору будет предоставлена возможность прочесть свои лекции, но... Порох-то, дескать, китайцы изобрели!

Присутствовавший при том разговоре близкий к маршалу офицер Сун Ши угодливо поддакнул:

— О, Восток еще много веков останется для европейцев миром, полным загадок.

И тогда Салнынь решил тут же предъявить этим «восточным мудрецам» своего рода визитную карточку, в какие-то секун-

ды взвесив все «за» и «против» такого шага. «За» перетягивало, и Салнынь спокойно сказал, глядя прямо в глаза Сун Ши:

— Не все восточные загадки так сложны, господин Мацумура!

Офицер вздрогнул, будто его электрическим током ударило; какие-то готовые было вырваться слова застряли у него в горле, ему не хватило воздуха, чтобы произнести их. А Фын Юйсян сдержанно улыбнулся и негромко захлопал в ладоши:

— Браво, браво! Это очень высокая квалификация. Мне казалось, я один знаю действительное имя Сун Ши.

«Знает ли этот маршал и то, что Мацумура — майор японского генерального штаба, профессиональный разведчик?» — подумал Салнынь. Фын Юйсян между тем продолжал:

— Интересно, как делаются такие открытия?

— Я и приехал для того, чтобы передать свой опыт.

— Но и вы, наверное, приехали не под своим именем? — попытался отыграться японец.

— В данном случае имя значения не имеет. Я приехал служить делу китайской революции.

— Я — тоже! — приложив руки к груди, клятвенно заявил Мацумура.

— Но как можно одновременно служить и китайской революции и японскому императору? Вот это для меня действительно неразрешимая «восточная загадка».

И опять, прежде чем японец нашел ответ, заговорил Фын Юйсян:

— Старшие братья не должны ссориться в присутствии младшего брата.

Манерно принижая себя, маршал любил называть советников и инструкторов «мои старшие братья».

Разумеется, не только эта, выигранная Салнынем дуэль с Мацумурой,— все слитые воедино усилия военных специалистов, честнейше выполнявших интернациональный долг, постепенно изменили отношение к ним в Калгане. И однажды, выступая перед войсками, Фын Юйсян признал, что вот «нас учили японцы, они учили нас: только поворот налево, поворот направо и больше ничего, а русские никаких тайн от нас не делают, русские говорят нам все».

Перебирая необычные эпизоды из жизни человека, которому в Сунгарийской операции отводилась особая роль, Блюхер невольно вспомнил и тяжкую пору в Китае после измены Чан Кайши. Сразу же после контрреволюционного переворота начались кровавые расправы над коммунистами, под угрозой оказалась

и жизнь советских военных специалистов. Тайными путями переправлялись они к границе и морским портам, преследуемые теми, кто еще вчера подобострастно благодарил их за науку. А Салнынь? Он остался в Китае, чтобы выполнить ответственное задание по оказанию интернационалистской помощи китайским коммунистам в борьбе против контрреволюционного отребья.

Надо было точно выяснить расстановку военно-политических сил и скрытые тенденции в них: она, эта очень сложная расстановка, определяла в то время положение и судьбу Китая. Ею, естественно, определялись и меры, необходимые для защиты наших дальневосточных границ, по ту сторону которых уже с остервенением точили зубы японские милитаристы и их китайские марионетки.

Вместе с Салнынем остался в Китае надежный помощник — болгарин Ванко Винаров, служивший с 1924 года в Красной Армии. Сорок с небольшим лет спустя издательство ЦК БКП выпустит книгу «Бойцы тихого фронта (воспоминания разведчика)». Автор — кавалер девяти советских, тринадцати болгарских орденов и медалей, Народный Герой НРБ генерал-лейтенант Винаров — расскажет своим читателям в Болгарии и Советском Союзе:

«Наша группа под руководством Гриши Салныня осталась...»

Почему Винаров назовет Салныня Гришей — это станет ясно из дальнейшего повествования.

«Когда Фын после измены Чан Кайши «переориентировался» и встал под другие знамена, мы,— вспоминал генерал Винаров,— перебрались в Пекин и Шанхай... Еще до того, как корпус советников при Блюхере выехал из Китая, наша группа незаметно «растаяла» и исчезла, превратилась в группу из нескольких бизнесменов, срочно открывших небольшие торговые предприятия...»

То было очень большим риском. Чанкайшисты прямо-таки охотились на советских людей, не успевших покинуть страну. В Кантоне они ворвались в советское консульство и зверски убили всех, кого там настигли. Убили только за то, что те были граждане СССР. Колоссальное напряжение тех дней бывший разведчик передаст так просто, так доходчиво:

«Декабрь 1927 года. В контору импортно-экспортного торгового предприятия вошел незнакомый китаец... Я наблюдал за ним, еще когда он проходил через прихожую конторы. Мы специально выбрали контору именно здесь и именно с такой прихожей, чтобы нас не могли застать врасплох неожиданные посетители. Старательно поработали над освещением в конторе и

с помощью бамбуковых абажуров и плотных занавесок на окнах добились того, что мы, находясь в глубине конторы, оказывались в тени, в то время как посетитель, стоявший у порога, ярко освещался солнечными лучами или электрическим светом, падавшим из-под китайского абажура.

Что мы выигрывали этим? Хотя бы несколько минут. Но тот, кто имел возможность познакомиться с рискованной профессией разведчика, хорошо знает, как много значит иногда минуты, даже секунды, когда они есть в запасе. Да и нам с Гришей Салнынем хватило бы всего нескольких секунд, чтобы покинуть, когда понадобится, контору через незаметный черный ход, который мы открыли после того, как наняли помещение...»

И вот как закончит генерал Винаров главу своих мемуаров, посвященную пекинско-шанхайскому периоду его работы под руководством Салныня.

«Мы покинули Китай... «Благодарю за все, возвращайтесь домой!» — передал Берзин. Мы, коммунисты, посланные оказывать помощь этой стране, ее измученному народу, сделали все, что нам велел интернациональный долг. Другим предстояло занять наши места. А остальное было делом самого китайского народа».

Конечно, читателям небезынтересно узнать, кто же были те «другие», которые приняли боевой пост у Салныня и Винарова. Это были Рихард Зорге, Карл Римм, Любовь Римм, Макс Клаузен — люди, чьи имена теперь широко известны как имена бесстрашных.

Думая о «еще одном человеке», необходимом в Сунгарийской операции, Блюхер, разумеется, не знал подробностей работы Салныня в Пекине и Шанхае после своего выезда из Китая, но по данным, с которыми ознакомили его, командарма Особой Дальневосточной, мог судить, что Салнынь зря времени там не терял, как и везде, куда его посылали с особыми заданиями.

И еще вспомнилось Василию Константиновичу, как однажды наблюдал он встречу Салныня с одним из политических советников при Национальном правительстве Китая. Человек очень сдержанный, при появлении Салныня, казалось, забыл обо всем и обо всех. Блюхер потом поинтересовался: «Что, давно знакомы?» Советник ответил: «Так это же наш Гриша!» И уже потом рассказал, что в 1905 году они вместе работали в рижском партийном подполье и что двадцатилетний Салнынь, конспиративная кличка Гришка, самоотверженно выполнял самые рискованные задания комитета РСДРП. «Это воистину бесстрашный боец ленинской гвардии,— сказал советник.— Это человек необыкновенный!»

2. С чего начинается разведчик?

«Это воистину бесстрашный боец ленинской гвардии!» Многое вместила в себя такая характеристика.

9 сентября 1905 года В. И. Ленин, находившийся тогда в Женеве, взял из пачки принесенных ему газет «солидную консервативную», по его определению, «Le Temps», привычно отыскал рубрику «Заграничные новости» и сразу же обратил внимание на заголовок «Политическое положение в России». Под этим заголовком печаталась телеграмма из Петербурга, корреспондент «Le Temps» сообщал:

«Позапрошлой ночью группа в 70 человек напала на Рижскую центральную тюрьму, перерезала телефонные линии и посредством веревочных лестниц влезла в тюремный двор, где после жаркой стычки было убито двое тюремных сторожей и трое тяжело ранено. Манифестанты освободили тогда двоих политических, которые находились под военным судом и ждали смертного приговора. Во время преследования манифестантов, которые успели скрыться, за исключением двух, подвергшихся аресту, был убит один агент и ранено несколько полицейских»*.

Можно представить себе, какое сильное впечатление произвела на Ильича такая информация, если он тут же решил написать статью по поводу рижских событий в очередной, уже верставшийся номер «Пролетария». И вот строку за строкой оставляет на листе быстрое ленинское перо:

«Привет героям революционного рижского отряда! Пусть послужит успех их ободрением и образчиком для социал-демократических рабочих во всей России»**.

За фактом дерзкого нападения на Рижский централ В. И. Ленин увидел начало действий революционной армии. Рабочие сотнями пойдут в ее отряды, предсказывал Ильич, «надо только немедленно приступить к широкой пропаганде этой идеи, к образованию этих отрядов, к снабжению их всяким и всяким оружием, начиная от ножей и револьверов, кончая бомбами, к военному обучению и военному воспитанию этих отрядов». Определяя далее условия, при которых «никакая сила не сможет противостоять отрядам революционной армии», В. И. Ленин указывает на необходимость постоянно совершенствовать боевое мастерство.

«...Не надо забывать новейших шагов военной техники. Прогресс в применении взрывчатых веществ внес ряд новинок в артиллерийское дело... Широкое применение сильнейших

---

* Цит. по: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 268.

** Там же, с. 269.

взрывчатых веществ — одна из очень характерных особенностей последней войны» *.

Но где же раздобыть столько револьверов, бомб, динамита, чтобы можно было вооружить целую армию пролетариев? Что-то можно отобрать у жандармов, что-то боем взять в царских арсеналах. Немало принесут перешедшие на сторону революции солдаты и матросы. Да ведь того для целой армии будет недостаточно. А транспортировка запретных грузов из-за границы сопряжена с такими неимоверными трудностями...

«Не будем падать духом по поводу тяжелых неудач, сопровождающих попытки массовой доставки оружия,— отвечал на это Ильич.— Никакие неудачи не сломят энергии людей, чувствующих и на деле видящих свою тесную связь с революционным классом, сознающих, что за их ближайшие цели борьбы поднялся теперь действительно весь народ» **.

Ленинская статья «От обороны к нападению», опубликованная в восемнадцатом номере «Пролетария», разумеется, охватывала куда более широкий круг проблем, чем очерченный несколькими приведенными здесь выдержками. Из многогранной работы мы процитировали лишь те строчки, которые удивительно, в чем убедится читатель, переплелись со строчками биографии Христофора (Криштьяна, Кристапа) Салныня. Он был среди рижских героев, чей подвиг побудил Ильича взяться за перо 9 сентября 1905 года. Он и потом не раз восхищал вождя революции безграничной храбростью, проявленной в борьбе с царским самодержавием.

В одном из архивов нам показали его личное дело.

Из анкеты. «Год рождения — 1885. Отец — рабочий, к 1934 году, когда заполнялась анкета,— персональный пенсионер, член ВКП(б) с 1898 года. Сам Христофор вступил в партию большевиков четырьмя годами позже. Состоял ли в других партиях? Да, состоял некоторое время. В Компартии Америки. Избирался там членом бюро латышской ячейки. Знание языков? Латышский. Немецкий и английский — сносно. Русский — хорошо. Служба в Красной Армии — с 1920 года, пошел добровольно».

Из автобиографии. «С сентября 1905 года вынужден был перейти на нелегальное положение, потом эмигрировать за границу, откуда неоднократно нелегально возвращался в Россию по партийным делам».

Из аттестации и партийных отзывов. «Все возложенные задачи, по существу требующие большого риска и самопожертвования, выполнял безотказно». «Любит дисциплину и сам дис-

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 269—270.
** Там же, с. 270.

циплинирован». «Мандат, выданный Лениным, сохранил во многих поездках...»

Посетители Рижского музея революции подолгу задерживаются у впечатляющей экспозиции, которая воспроизводит миг отчаянной операции по освобождению из тюрьмы двух революционеров. Художникам не пришлось напрягать творческое воображение, чтобы показать эпизод жаркой схватки во всех подробностях. Эти подробности, понятно, в своеобразной окраске, едва ли не целый месяц уточнялись полицейскими репортерами множества газет.

«Предварительно перерезав телефонные провода, злоумышленники подставили к стене, которая вышиною в 3 сажени, лестницу и по ней взобрались на стену, а оттуда спустились во двор по веревочной лестнице. Здесь часть толпы вступила в перестрелку с тюремными надзирателями...»

«Согласно донесениям, выяснилось, что, когда злоумышленники стали со стороны Матвеевской улицы лезть через забор и одна часть их стала перестреливаться с надзирателями, другие посредством отмычек отперли две входные двери одиночного корпуса и, разбив там в двух камерах откидные форточки и увеличив отверстия, вывели из камеры арестантов...»

«Когда надзиратели по тревоге своего старшего выбежали из корпуса, где они живут, у подъезда этого корпуса нападавшие устроили засаду и стреляли по выбегавшим надзирателям...»

В тот жестокий бой двадцатилетний Христофор Салнынь пошел переодетым в форму врага. Попросил у приятеля-подпольщика студенческую шинель, приладил к ней офицерские погоны. Стоя перед зеркалом, примерял фуражку с ненавистной жандармской кокардой. Ну чем не фараон? Некоторые неточности скроет темнота. Конечно, на этот маскарад особенно рассчитывать не приходится, но секунду-другую, в течение которых рука охранника заученно взметнется к козырьку, он, Христофор, выиграет!

Узнав об этой маленькой детали, мы обрадовались пришедшим было строчкам, показавшимся сначала весьма логичными: «Не с того ли переодевания начинается Салнынь-разведчик? Ведь потом при выполнении боевых заданий за границей ему еще много раз приходилось переоблачаться в чужие одежды и выдавать себя то за белогвардейца, то за бизнесмена, то просто за богатого бездельника, странствующего по свету в свое удовольствие».

— Не точно будет! — предостерег нас знавший Салныня опытный разведчик Герой Советского Союза Николай Архипович Прокопюк.— Не с переодевания начинаются такие пути,

какой пройден Салнынем. Неизбежный, вынужденный маскарад — это частность, рабочий момент, сильно преувеличенный авторами детективных фильмов и повестей. Большой разведчик всегда начинается с глубокой идейной убежденности.

И верно, идейная убежденность, беззаветная преданность пролетарскому делу да еще неукротимая активность и жажда смертного боя с классовым врагом особо и прежде всего подчеркиваются всеми сохранившимися характеристиками Христофора Салныня. В революции он шел за Лениным, ловил каждое ленинское слово, совет, указание.

«Отряды должны *тотчас же* начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же,— писал Ильич петербургским боевикам 16 октября 1905 года.— Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания, третьи — маневр или снятие планов и т. д.»*

Именно так и действовал в то время Христофор Салнынь — представитель большевиков Прибалтийского края в Боевой технической группе ЦК РСДРП. В его активе — участие в боевых схватках с карателями под Либавой, в вооруженном нападении на рижское полицейское управление, в конфискации из кассы либавского почтового отделения 28 тысяч рублей на нужды Боевой технической группы.

Из материалов царской охранки. «17 января 1907 г. в 8 час. утра Чоке, Делинь и Гришка после короткого переговора получили револьверы системы маузера и браунинга, отправились в полицейское управление. На лестнице их остановил стоящий у входа городовой, спросив, что им нужно, и, получив ответ, что они пришли на встречу к арестованному — вымышленному Карклину, двух из них пропустил...

У входа в сыскное управление им преградил дорогу стоящий часовой. Не вынимая руки из кармана, один из злоумышленников выстрелом убил часового, а затем он освободил арестованного Кунгса, у которого тоже был браунинг, переданный тем же утром вместе с продуктами. Освобождение Кунгса произошло очень быстро...»

«Одним из выдающихся деятелей революции в Прибалтийском крае несомненно является крестьянин ** Скрунденской волости Голдинского уезда Курляндской губернии Криштьян Индрикович Салнынь, 23 лет (22 года), бывший ученик Рижской художественной школы и чертежник завода «Феникс», известный под кличкой Гришка, совершивший целый ряд

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 338.

** Данные охранки не совсем точны: ко времени рождения Криштьяна его отец Инт был уже рабочим-грузчиком в Риге.

убийств и грабежей, дважды вырвавшийся из рук полиции. Приметы его: немного выше среднего роста, очень худой, блондин, заикается, носит калоши № 14.

В случае обнаружения его надлежит препроводить в Ригу, принять чрезвычайные меры охраны.

Гришка участник нападения на Рижскую центральную тюрьму...»

«Привез из Петербурга около 20 штук кирпичных и японских бомб, начиненных динамитом, пироксилиновые шашки...»

«У Гришки была сестра Екатерина (блондинка)».

* * *

Доводилось ли Христофору Салныню встречаться с Владимиром Ильичем Лениным? Мы не можем определенно сказать, что доводилось: нет у нас документа, который бы прямо подтвердил это. Но Салнынь приезжал в Женеву, когда там находился Ленин, у Салныня был подписанный Лениным мандат на право представлять Боевую техническую группу ЦК РСДРП в заграничных социал-демократических организациях. Наконец, мы нашли документ, в котором сказано, что летом 1907 года Салнынь отправился в Лондон «по личному заданию Ленина». Сопоставляя эти сведения, трудно допустить, что Ильич не воспользовался бы возможностью повидать, порасспросить, лично проинструктировать «героя революционного рижского отряда» — активиста Боевой технической группы, чьей работе придавал огромное значение. Но вполне вероятная встреча Салныня с Ильичем — пока только исследовательское предположение, требуются еще кропотливые поиски, дабы убедиться в его безошибочности. А до того, как и требует документальное повествование, будем держаться лишь фактов, строго выверенных многими путями. Итак, поездка в Англию по личному заданию В. И. Ленина. Цель — приобретение оружия.

Из письма родным: «В Англии никто из «мальцов» не арестован, как и конфискаций не было, все это лишь с воздуха схвачено».

«Работаю за 4-х людей».

«В будущую неделю на 2—3 дня поеду в Шотландию. Поездки выходят довольно часто».

«Жизнь была бы хороша, только иногда нападает страшная тоска по России. Нужно иметь большое самоотрешение, чтобы эти чувства заглушить».

Христофор Интович часто писал из Лондона и родным и товарищам по партии. Жаль, многие письма не сохранились, точнее сказать, пока не найдены. А тот, кому посчастливится найти

их, пусть не тратит времени на выяснение родственных связей Салныня с часто упоминавшимися в его переписке дядями, тетями, Полиной Карповной. Условный «дядя» означал динамит, «тетя» — бомбу, Полина Карповна — пикриновую кислоту.

Транспортеры (так называли тогда людей — доставщиков оружия и взрывчатки) везли закупленный в Англии динамит на родину в конфетных коробках, перевязанных шелковыми ленточками, а капсюли-детонаторы... Вот бы найти для музея упомянутый в редком документе дамский корсет, кокетливую форму которого вместо каркасных костяшек поддерживали 300 запалов с гремучей ртутью!

Крупный груз — несколько десятков маузеров и браунингов — Салныню удалось отправить в Россию на пароходе «Великий князь Михаил Александрович»: спасибо штурману этого парохода латышскому социал-демократу Яну Страутману. До Риги тяжеленные чемоданы везла Е. А. Молчанова, подпольная кличка Лена, а из Риги до Петербурга — она же и Е. И. Салнынь-Журавская, та самая «блондинка», которую уже взяли на учет шпики царской охранки.

Мы по крупицам собирали эти факты: ведь столько лет прошло, все меньше и меньше остается живых участников и свидетелей революционной борьбы в первом десятилетии нашего века. И вдруг, когда, казалось, все пути уточнения давних событий уже пройдены, получаем большой пакет от Любови Ивановны Римм, самоотверженной Луизы, работавшей в Шанхае вместе с Рихардом Зорге. «При нашей встрече,— пишет она,— вы спрашивали о X. И. Салныне. Отправляю вам некоторые материалы, присланные мне недавно из Риги сестрой Салныня Е. И. Салнынь-Журавской».

Сколько же лет сестре и соратнице Христофора Салныня, если еще в 1907 году ей доверяли тайную перевозку оружия? Надо звонить! И в любом случае собираться в дорогу.

Рига, улица Гривас, 11. Вот в этом доме живет почетная дружинница революции 1905 года Екатерина Интовна Салнынь-Журавская.

Представляемся, объясняем цель своего визита. Завязке нашего разговора так хорошо помогает семейный альбом. На первых его страницах — фотокарточки родителей Христофора и Екатерины.

— Отца нашего звали Интом Юрьевичем, маму — Линой Савельевной, она украинка, в девичестве — Зубава. Отец родился в семье батрака и сам батрачил. Потом они с мамой поехали на заработки в Ригу. Здесь отец с трудом устроился на пивоваренный завод, мама брала белье в стирку. Бунтарски настроенного Инта Салныня работодатели подолгу у себя не держали.

Рабочий на пивоваренном, подсобник на винном складе, грузчик на деревообделочной фабрике. Получал гроши. От недоедания тяжело болела старшая дочь Августа, умерли близнецы Мария и Юрий. Из десятерых детей Инта и Лины выжили лишь Христофор да я. Представляете, как мы были дружны!

— В 1898 году,— продолжает рассказ Екатерина Интовна,— отец организовал на деревообделочной фабрике один из первых в Риге рабочих марксистских кружков, навсегда связав свою жизнь с рождавшейся в ту пору партией рабочего класса России. А четыре года спустя партийцем-подпольщиком стал и семнадцатилетний Христофор. Вот его фотокарточка тех времен. Теперь это, как любят подчеркивать журналисты, редкий снимок. А в революцию 1905 года десятки, если не сотни, точно таких снимков раздавались всякого рода полицейским шпикам и провокаторам, которые искали Гришку по всей России.

Весной 1906 года близкие люди из подпольщиков сообщили Екатерине, что ее брат под фамилией студента Сиппола живет в центре Риги на улице Лиелас Невас (ныне Баумана) в квартире Валерьяна Журавского. Христофор просил проведать его, но так, чтобы не потянуть за собой «хвостов».

И вот — встреча. Расцеловав сестру, Христофор представил ей хозяина квартиры:

— Знакомься, Катя, это — Валерьян. Студент политехнического. Доверяй ему, как мне.

Валерьян был стройным, красивым юношей чуть моложе брата.

— Смотри, какую квартиру подобрал: все подступы из окна просматриваются, два выхода. Очень важно!

Встреча и разговор были до обидного короткими: Христофор только и сказал, где и как встретятся они в следующий раз.

А при следующей встрече Катя узнала, что Валерьян арестован.

— Пойди в полицейское управление, назовись невестой Журавского. Будешь ему передачи носить,— наставлял Христофор.— Помогай выкрутиться, заявляй, что с бунтовщиками твой «жених» никогда не знался. Улик против него нет.

В тот раз Журавскому действительно удалось выкрутиться: юношу «из хорошей семьи» не могли осудить без улик. Но матерый начальник рижского сыскного отделения Грегус знал свое дело! Одному из его осведомителей была известна конспиративная квартира по улице Мельничной в доме № 2. Зимой 1906 года провокатор-осведомитель, работавший «под боевика-революционера», послал на Мельничную Журавского, чтобы передать подпольщикам пистолет. Валерьян попал в засаду при оружии...

Катя узнала об этом от брата, который в начале января 1907 года, пренебрегая опасностью, снова появился в Риге.

— Вот где твой «жених» Валерьян, читай! — Христофор указал на столбец «Борьбы» — газеты латышских социал-демократов.

«На Театральном бульваре есть серое, отталкивающего вида, каменное здание. На дверях его написано: «Городская полиция»... А внутри этого полицейского вертепа помещается застенок, носящий название «сыскное отделение». Знаете ли вы, граждане, что делается там? В то время как вы предаетесь обычным занятиям, отдыхаете, спите или веселитесь, в застенке льется кровь и раздаются стоны. Это царские опричники пытают и мучают попавших в их когти борцов за свободу...»

— Сестра, сыграй еще раз «невесту», сходи к властям, разузнай...

— А мне теперь не надо играть,— сказала Катя, смутившись.

Власти сообщили ей, что военно-полевой суд приговорил Валерьяна Журавского к смертной казни, которая заменена двадцатью годами каторги, так как «государственному преступнику еще не исполнилось восемнадцати лет».

— Да не сломит тебя это, сестричка! Борьба продолжается! — говорил Христофор.— Твое место в наших рядах.

Осенью того же 1907 года друзья пригласили Екатерину (в подполье — Паулину) в ресторан парка «Аркадия». Метрдотель вместе с меню подал ей записку от Гришки. Условными фразами Христофор сообщал, что метрдотель Заринь — человек свой и его надо выслушать. Улучив момент, Заринь рассказал:

— Купленные нашими в Лондоне маузеры, браунинги, взрыватели доставлены в Ригу революционными моряками парохода «Великий князь Михаил Александрович». А тебе, Паулина, часть этого дорогого для нас груза предстоит свезти в столицу...

И вот в мягкий вагон поезда Рига — Петербург вошла стройная, элегантно одетая блондинка. Носильщик, упарившись, тащил за ней тяжелые чемоданы.

— Осторожно! — хмурилась блистательная пассажирка.— Там хрусталь, саксонский фарфор.

Те же предупреждения — петербургскому носильщику, который с трудом оторвал чемоданы от платформы, закачался под их тяжестью.

Вот и Тучкова набережная, вот и дом, где должна быть явочная квартира.

Как обрадовались там драгоценному грузу из Лондона.

— Спасибо, Катюша!

Это сказал Леонид Борисович Красин — руководитель Боевой технической группы ЦК РСДРП.

— Что попросите в награду? — спросил Леонид Борисович, улыбаясь.

— Встречу с братом!

— Сейчас это едва ли возможно. Христофор за границей.

Партийные дела задержали Христофора Салныня за границей до 1920 года. О совершившейся в России Февральской революции он узнал в Соединенных Штатах Америки. Рванулся домой, прибыл во Владивосток. Но партия велела возвратиться за рубеж, дать бой меньшевикам, свившим себе гнезда в социал-демократических организациях политэмигрантов из России. Это и другие партийные поручения Христофор Интович выполнил блестяще.

Из автобиографии. «В 1921—1922 годах до окончания оккупации Дальнего Востока иностранными войсками и белобандитами работал в тылу противника по заданиям 2-й Амурской армии, потом 5-й Краснознаменной армии...»

О том, как работал Салнынь-Завадский в 1921—1922 годах и где был после того, мы уже знаем.

Вот какого человека ждал из Москвы Василий Константинович Блюхер накануне Сунгарийской операции.

3. «Внимание: собирается гроза!»

Сунгарийская операция. Она началась утром 12 октября 1929 года залпом с монитора «Ленин» Амурской военной флотилии, и менее чем за два часа речная флотилия провокаторов, насчитывавшая 11 боевых кораблей, была почти полностью уничтожена. К 15 часам того же дня под ударами полков 2-й стрелковой дивизии, нанесенными одновременно с северо-востока и с юга, пали город и крепость Лахасусу — средоточие главных сил китайских реакционеров. Второе из крупнейших вражеских гнезд — в Фугдине — было раздавлено буквально через несколько дней. Блестящие победы Особой Дальневосточной заставили китайских провокаторов просить перемирия.

Но какое же отношение ко всему этому — к решительным действиям пехоты, флота, авиации — имеет «еще один человек», о котором шла речь в штабе Блюхера незадолго до начала боев?

На карте, что лежала тогда перед командармом Особой Дальневосточной, было видно, сколь широкие возможности для маневра крупными силами открывает милитаристам подло захва-

ченная ими КВЖД. И Блюхер решил, что к моменту намеченных ударов по главным опорным пунктам противника она должна быть парализована. И кто же, как не Христофор Интович, отлично знающий Маньчжурию, сможет надежно перерезать дорогу в нескольких местах в точно назначенный час — не раньше и не позже.

Салнынь, чьим помощником, к удовольствию Блюхера, и на этот раз оказался Ванко Винаров, выполнил задачу образцово. И сразу же, как велел Берзин, выехал в Москву. И уже там узнал, что награжден орденом Красного Знамени. Недели не проносил гимнастерки, украшенной боевой наградой, как снова пришлось переодеваться в штатское, привыкать к новой фамилии. И вот уже он, так недавно ползавший по-пластунски у железнодорожного полотна близ Цицикара, сидит одетый по последней моде в ресторане одного из берлинских вокзалов.

Медленно, без видимого интереса оглядывает соседние столики. Так же медленно, слегка расслабясь, отпивает глоток остывшего и потому, наверное, совершенно безвкусного кофе. Ему вспоминается ароматный напиток по-харбински, входивший в тело желанным теплом и бодрящей силой. На мгновение, как в кино, вспыхивает видение страны, которую лишь недавно покинул: сопки, облитые розовым солнцем; мягкий шелест берез, чудом оказавшихся в шанхайском парке, где любил гулять; таинственное мерцание фонариков, зажигаемых сумерками. И еще людские толпы — нищие, обездоленные, с жаждой свободы, зревшей неотвратимо, с готовностью к борьбе против угнетателей.

Он давно заметил, что, когда мыслью возвращался в Китай, ему чаще всего виделись не идиллические пейзажи, а кровь народа, безумие правителей, сплошные измены. Словно змеи в клубке, схлестнулись чуждые трудящимся интересы...

Шум за окном вернул Салныня к берлинской действительности. Вернее, барабанная дробь, пронзительная, резкая, колющая. Многие привскочили в лакейском экстазе. Редкие лица, редкие взгляды отразили тревогу, боль, протест. Мимо вокзала с вызовом, с необузданной силой, наглой, уничтожающей, шагали штурмовики. Салнынь не видел всего строя, перед ним в исступленном ритме — обрубленные коричневые туши и ниже их, отделенные деревянным переплетом рамы, так же нагло и исступленно в такт барабанам, вышагивали ноги — толстые, грубые, обтянутые крагами.

Шеренги надвигались сурово, неприступно, готовые раздавить все живое, если оно вздумает противиться их безумному натиску. Да, обстановка в Германии изменяется быстрее, чем предполагали самые дальновидные наблюдатели. Нацистский

туман одурманил многих немцев. Кружило голову превосходство «высшей арийской расы». К тому же большие европейские страны — и тайно, и открыто — с самого начала повели линию, чтобы сшибить лбами Германию и СССР. В эту авантюру более чем охотно втягивались и малые страны. В них Салнынь еще побывает, но как хорошо, что Берзин посоветовал ему начать поездку с Германии. «Разведчик должен быть политиком,— говорил Берзин.— Четкая ориентация во всем происходящем — незаменимый компас».

— «Майн кампф», «Майн кампф»...— послышалось рядом. Юноша в куртке «гитлерюгенда» протягивал соседу по столику книгу. Глаза воспаленно горели. Он даже и не представлял, что кто-то может отказаться принять эту «книгу книг», эту «библию».— «Майн кампф», «Майн кампф»...

По реакции соседей можно было определить, как вздувается, вспенивается злая фашистская стихия. Вот уже к парню тянутся руки — и нам, дескать, дайте, и нам подарите. Салнынь знал: это страшная, страшная книга! Вся она напичкана бредом, отравлена ядом расовой ненависти. В ней попираются элементарные нормы человеческой морали. Плевать на совесть, на честь! Немецкая молодежь будет воспитана, как стая диких зверей. Чтобы не знала страха, не знала жалости. Чтобы не дрогнула, когда прозвучит сигнал: «Дранг нах Остен!»

Где-то в углу, под потолком, ожил репродуктор:

— Поезд на Прагу отправляется...

Салнынь поднялся из-за столика, признательно кивнул кельнеру. Тот в ответ тоже кивнул, переломившись в поклоне, но задержал на нем взгляд на секунду больше, чем подобает. Что бы это значило? Успокойся, Христофор, тебе просто показалось. Ты держался, как и положено. Все отшлифовано, все отрепетировано годами. Гарантия успеха — самообладание. Стабильная «железная» психика. Предельная осмотрительность. Собранность.

На середине перрона Салнынь приостановился. За ним увязался неопрятного вида мужчина. Что-то шептал. Блудливо улыбался. Уж не эстафета ли, протянувшаяся от кельнера? Странная личность проскользнула почти рядом. Тут-то все открылось: он предлагал порнографию.

Купе оказалось уютным, удобным. Успокоившись, Христофор раздвинул занавески. Побежали в сторону дома, заклеенные какими-то лозунгами, свастикой. С плакатов, от которых рябило в глазах, самодовольно смотрел Гитлер.

Салнынь впервые проезжал через Саксонию. Красивые, очень красивые места. Покатые холмы, прикрытые вековыми лесами. Долины, полные акварельной свежести. Деревни, ка-

менные, нахохлившиеся, связаны между собой темно-серыми паутинками дорог. Как жаль, что все это нагло, стремительно захлестывает фашистская чума. Неужели не опомнятся те, кто не раз уже был бит за авантюризм своих руководителей? Неужели не очнутся от кошмарного сна? Ведь есть же люди здесь, в Германии, которые всеми силами противятся приходу фашизма, видят в нем смертельную угрозу прежде всего самим немцам. Из Берлина, Дрездена, Гамбурга в Москву поступают сообщения. Одно из них начиналось со слов: «Внимание: собирается гроза!» Кто-то их подчеркнул, эти тревожные, мобилизующие слова толстой красной линией. Да, идет, собирается гроза. Противопоставим ей свою готовность, свою волю, свой подвиг! — такова была позиция немецких коммунистов.

Прага. Центральный вокзал, низкий, утопающий в зелени, мало походит на железнодорожные сооружения подобного рода. Ни чадящих паровозов на путях, ни перронного шума. Все вылизано, вычищено — ни клочка бумажки, ни окурка, ни обгорелой спички. В малочисленной группке встречающих Салнынь радостно приметил знакомые глаза, согретые теплотой привета. Он пошел за коренастой, в порыжелой кожаной куртке фигурой. Они еще не обмолвились ни словом, но Христофор Салнынь — по уверенности друга, по той четкости, с которой из Берлина дошла до него команда встретить,— понял, что тут все в порядке. Сотни три-четыре торопливо-степенных шагов; еще — незаметный со стороны — сигнал, дескать, я отрываюсь, ухожу вперед, следуйте на удалении за мной.

И только после всех этих предосторожностей они обнялись, крепко, по-братски, в небольшом, скудно обставленном домике, затененном деревьями, поднявшимися до крыши. Зашипели на кухне кнедлики, обожаемые чехами. Стол на глазах превращался в манящий кулинарный натюрморт. Потчуя гостя, Янек, хозяин домика, не терял времени, докладывал о делах, людях, планах. Чехословакия, с ее довольно-таки значительным оборонным потенциалом, наводняется западными визитерами. Янека особо волновало, что на местных заводах размещены небывалые для мирного времени заказы на оружие. Вовсю производятся новые автоматические винтовки, скорострельные пулеметы, противотанковые орудия, портативные полевые радиостанции. «Антифашисты в курсе всего,— сообщил Янек.— Можем вынести по частям любое оружие. Многие, очень многие люди, настроенные патриотически, видят, что государственные деятели Чехословакии предают собственную страну, и поэтому осознанно помогают нам, подпольщикам».

Салнынь слушает чеха и с любовью думает о нем, о его товарищах. Это не шпион, продавшийся другой стране. Шпионы ра-

ботают за деньги. Рискуют за деньги. Умирают за деньги. Янек не имеет тайного счета в банке. И не будет иметь. Став разведчиком, он в первую очередь помогает своей стране, своему народу. После 1917 года сложилась новая обстановка. Задачи защиты первого в мире социалистического государства родили новый тип бойца-подпольщика. Они оставались преданными сыновьями своего народа. Но они дальше смотрели, дальше видели, чем другие. Они были интернационалистами. Вчера их голос звучал на весь мир: «Руки прочь от Советской России!» Вчера собирали, отрывая от себя, хлеб, чтобы дать его российским пролетариям. Вчера, простившись с семьями, надевали добровольно красноармейские шинели, чтобы вместе с Рабоче-Крестьянской Красной Армией, под ее знаменами бить интервентов, белогвардейщину. Сегодня их солидарность состоит в том, чтобы разоблачать вражеские замыслы, срывать покровы с тайного, преступного.

Янек — подпольщик, а Богумир, инженер со «Шкоды», добровольно помогающий ему, вроде бы внешне далек от политики. «У меня,— сказал он Янеку,— достаточно любви к великому русскому народу, чтобы всегда быть с вами». По приказу пролетарской чести боролся и старый рабочий-оружейник из Пльзеня, инвалид войны. Его дочь Ярмила, копировальщица, снимает копии с каждого чертежа, а он в деревянном протезе проносит их через проходную. Когда, рассказывал Салныню Янек, предложили ему деньги, чтобы как-то возместить расходы на поездки, старик наотрез отказался от них.

Сейчас Янек ждал еще одного антифашиста. Инженера. Из обеспеченной семьи.

— Надежный? — спрашивает Салнынь.

— Заслуживает полнейшей веры. Пришел к нам по убеждению...

На долю инженера Яна Досталека выпало трудное задание. Вот почему Салнынь захотел лично присутствовать при разговоре Янека с ним. Салнынь уже знает, что Досталек, перспективный технический специалист, допущен в сферы, где хозяева говорят обо всем откровенно. Ян понял, насколько продажны владельцы заводов, как они во имя выгоды пресмыкаются перед иностранными боссами. Ян Досталек изобрел радиопередатчик особого типа. Для своей страны, ее пользы, ее защиты. Но вскоре он увидел, что его детище показывают англичанам, французам, торгуются с ними, кто больше даст. Это вызвало резкий перелом в настроениях инженера. Он хотел уничтожить чертежи, разбить передатчик. Друзья-подпольщики уговорили его остаться на заводе, не конфликтовать с хозяевами. Ян согласился продолжать работу. Согласился прийти и на эту беседу.

— Кто кроме него? — спросил Салнынь.

— Есть и еще надежные люди, антифашисты. В частности, на пулеметном заводе.

Салнынь взволнованно произнес:

— Это очень хорошо. Надо знать, из какого пулемета собираются враги стрелять в рабочих...

Тоненько, прерывисто прозвучал звонок. Янек приоткрыл дверной глазок. Да, это Досталек. Спокойный. Как и всегда, добротно, по моде одет.

Янек усадил гостя. Заговорили они без особых вступлений, так как знали, для чего встретились и о чем нужно вести речь. «Нельзя спокойно взирать, как России готовят в спину удар. Надо действовать». Голос Яна звучал возбужденно, страстно. Чувствовалось, что решение им принято твердо, выношенно.

— Да, ему можно верить! — сказал Салнынь, когда под прикрытием вечерней темноты Досталек вышел из домика Янека.

Не просто высказать это. А вдруг все же подведет? Надо уметь отыскать грань, которая убедит в правильности вывода. Доверие всегда связано с риском. Но у Салныня выработались качества, которые не описать, не разложить, как формулу, но они его еще ни разу не подводили.

Не ошиблись антифашисты в Досталеке. Несколько лет самозабвенно совершал он свой безвестный подвиг. Ян передал техническую документацию своего изобретения. Потом — по деталям — вынес из лаборатории пять аппаратов. Собрал их. Наладил. Обучил радистов. С его помощью три новейших по тому времени передатчика сразу же вышли в эфир. Остальные пролежали в надежных укрытиях до начала войны. Сквозь атмосферные разряды в Центр шли радиограммы. Они были своеобразным паролем мужества.

А сам Досталек, арестованный к тому времени фашистами, молчал. Он не назвал ни одного из тех, с кем работал в подполье. Ни тогда, когда его зверски пытали, ни перед самой смертью, оборвавшей жизнь патриота.

4. Операция «Телеграф»

Время летело быстро. Командировка подходила к концу. На пути были другие города, другие страны. Однажды поздним вечером он увидел перед собой столицу, в которой мог преспокойно обойтись без провожатых — до того хорошо изучил ее по книгам, картам и справочникам. Вот эта улица выходит к шумному, густо-зеленому парку. Отсюда можно пройти к дворцу, известному всем туристам. А если чуть повернуть влево, держаться

ближе к реке, набредешь на садик с кафе, в котором любил отдыхать любимый им поэт. Именно здесь, в присутствии почитателей, впервые прозвучали строки, взволновавшие его в молодости. Эти строки рождали возвышенные чувства.

Но почему же сегодня не поет душа? Не радуется встрече с городом, о которой когда-то мечталось? С видом независимого дельца он беззаботно бродит по улицам, играя тросточкой, а под холодящей чесучой костюма гневом полнится сердце коммуниста. Его, старого подпольщика, обладающего особой зоркостью, тревожит второе обличье города: вчера он видел, как на одной из площадей буйствовали молодчики, похожие на берлинских штурмовиков; факелы окрашивали все вокруг в угрожающие тона.

Все это приметы внешние, хотя тоже дающие много для раздумий. Есть приметы, не лежащие на поверхности, но еще более беспокоящие. О них Салнынь знал до выезда в командировку. О них подробно рассказывал Иван Винаров. Это мужик умный, глаз у него цепкий.

Сейчас обстановка усложнилась. Центру, о чем Винаров был поставлен в известность, удалось добыть сведения, согласно которым крупные западные государства усиленно пытались превратить некоторые соседние с Советским Союзом страны в военный и политический плацдарм для своей будущей агрессии. Не зря с полгода назад здесь побывал Берзин — скрупулезно сопоставлял различные сведения, подвергал все тончайшему анализу. Теперь вот прибыл Салнынь, встретился с боевыми соратниками. «Надо проследить за развитием этих тревожных событий»,— сказал он им. Каким образом? И, дорожа временем, тут же приступил к разработке плана действий. Как известно, посольства в те годы не имели собственной радиосвязи. Они пользовались международными радиотелеграфными службами. Вот это и нужно учесть!

«Можно не сомневаться, что и среди телеграфистов найдутся антифашисты»,— убежденно произнес Салнынь.

За окнами фешенебельной квартиры, достойной главы процветающей торговой фирмы, покачивалась под легким ветром уличная осветительная лампа. Изредка в круг света вступал размеренно вышагивающий полицейский: в соседнем доме располагалось полицейское отделение. Знали бы стражи, кого приютили толстенные каменные стены, о чем говорят меж собой чопорные с виду обитатели квартиры...

А план действий все более конкретизировался. В тот вечер он получил кодовое наименование «Телеграф». И уже через полтора-два месяца Центр изучал первые копии документов, отправленных иностранными представителями своим хозяевам.

Люди, обученные Салнынем и его ближайшими помощниками, работали быстро, уверенно. Одни могли перед уничтожением шифрованных посланий регулярно снимать с них копии. Другие получали эти копии и перепрятывали в тайники. Третьи заботились о том, чтобы надежно переправить их через границу.

Приезд Салныня дал толчок еще одной идее. В распоряжении разведчиков было несколько фактов, которые разрозненно не имели значения, но кадровый военный, каким являлся Салнынь, сразу почувствовал в них нечто значительное. В самом деле: в одном из цехов предприятия, наводнявшего магазины зонтами, с необъяснимым рвением колдовали над противогазными масками. В другом городе, и тоже на сугубо «мирном» предприятии, специалисты опробовали всевозможные аварийные костюмы, предназначенные якобы для пожарных.

— Тут, товарищи, что-то есть,— сказал Салнынь, ознакомившись с донесениями.

Пока бумажные клочки, в которых постороннему не разобраться, горели в огромной керамической пепельнице, советский разведчик, встречавшийся с Салнынем, обдумывал новое задание, утвержденное репликой: «Тут что-то есть».

Вскоре ему удалось устроить своего знакомого в школу пожарных. Почему именно в такую школу? Да потому, что в Европе тех лет пожарные команды не были подконтрольны полиции, имели самостоятельный доступ ко всем объектам, включая военно-промышленные. Юноша, закодированный в «Зет-9», побывал на практике в Берлине, Гамбурге, Мюнхене. Он многое увидел, многое узнал. В Берлине поработал на заводах ширпотреба, которые в считанные дни могли перейти на выпуск военной продукции. В Любеке, на заводе Дрегерверке, будущих пожарных познакомили с различными типами противогазов, производящихся в огромных количествах. Странно, для чего столько? Кое-что прояснилось, когда с практикантами провели занятия в особых условиях: они входили в противогазах в герметически закрытые помещения, наполненные боевыми отравляющими веществами...

Завершив практику, «Зет-9» вернулся. Он сидел со своим руководителем в той же комнате, где недавно еще был Салнынь. Руководитель держал аттестат, выданный его подопечному Берлинским пожарным центром. Кроме того, говорилось в приложении к аттестату, «за большие старания расширить свои познания и опыт во всех областях службы» слушатель удостоился вознаграждения.

— Молодец! — похвалил его старший товарищ. Он радовался первому успеху молодого разведчика. Радовался и тому, что на их невидимом фронте появился новый боец.

А сам Христофор Салнынь с той же внешней беззаботностью прогуливался по пестрым кварталам уже другого европейского города. Он всматривался в надменные особняки посольств и миссий, выдвигавшиеся парадными подъездами из парковых зарослей. Что творится в них? Что вызревает? Правительство этой страны никогда не отличалось собственной линией в дипломатии. И все же — почему такое наводнение иностранцев? Почему почти у всех, кого он видит, нескрываемая офицерская выправка?

На второй или третий день за матово-зелеными стеклами очков — единственное, чего не сменил Салнынь,— мелькнула до удивления знакомая фигура. Кто это? Где мне виделись и эти вороватo бегающие глазки, и седеющий бобрик на тыквообразной голове, и, главное, семенящая походка? Бог мой, так это же японец, тот самый, который, выдавая себя за коммерсанта, неоднократно приезжал в Калган к майору Мацумуре! Вот это встреча! Правильно говорят, что мир тесен. Теперь Салнынь окончательно уверился, что «коммерсант» связывал Мацумуру с японской разведкой. И только ли с ней? И только ли его?

Дни, проведенные в большом напряжении, обогащали Салныня сведениями. Один из товарищей доложил, что японский атташе зачастил в горы: то под видом охоты, то — невинной попойки. К чему бы это? Другой показал начало списка диверсантов, подготовленных к заброске к нам, в СССР. На вилле японского посольства, как осы, снуют предавшие родину белогвардейские офицеры, всякого рода разоренные революцией заводчики да и просто уголовный сброд.

Многое вставало на свои места, приобретало стройность, логическую завершенность. Ясно, что японцы, получив по зубам на Дальнем Востоке, не успокоились, они пакостят здесь, неподалеку от нашей границы. Ясно, что вилла и «охотничьи увеселения» соединены одной нитью.

И, как когда-то в Пекине, Сингапуре, Шанхае, Салнынь покомандирски склонялся над картами, шифровками, фотодокументами. Вот наша боевая задача, товарищи. Вот направление нашего главного удара! И уходили в новые невидимые рейды разведчики, и постепенно раскрывались замыслы врага.

В канун отъезда в Москву Христофор Салнынь узнал, что в горах, в пастуших хибарах, действует секретная шпионско-диверсионная школа, созданная японцами.

— Не спускать с нее глаз,— сказал он друзьям, остающимся здесь.

— Еще одну страничку списка диверсантов удалось добыть,— сообщили ему.

Он благодарно обнял помощника, с которым будет совместно работать много-много лет и которому выпадет солдатское счастье лицезреть мертвого Гитлера и судимого Геринга:

— Спасибо, дружище, но список нам нужен полный!

Больше в этом шумном городе уже не видели человека в черной, изящно сшитой тройке. Архивные документы и воспоминания друзей Салныня помогают нам перенестись в кабинет Берзина. Третий день сидит Салнынь у Яна Карловича — докладывает, докладывает... Оживают лица разведчиков, действующих на переднем крае борьбы, их тернистые пути-дороги, их подвиги. Берзин уточняет, переспрашивает, дает оценки. Порой умолкает надолго, изредка произнося свое излюбленное: да, да, да. Это когда очень-очень доволен. Вот Салнынь развертывает перед ним первую страницу привезенного им списка диверсантов: к нему приложены фотографии, найденные уже здесь, в Москве. Знакомые, знакомые лица! Били их под Колпино и на Перекопе, в Иркутске и под Самарой. Жаль, не добили...

Христофор Интович достает из папки новые бумаги: к первой страничке прибавляет еще четыре — всего уже пять. Теперь список незваных гостей полный. Теперь не упустить их, перехватить, когда перейдут границу!

— А знаешь, кто продал недостающие страницы?

Берзин повернулся с интересом.

— Тот самый японец, о котором я уже рассказывал. Правда, запросил много, чувствуется, жадничать стал.

И оба с презрением думают о человечке, для которого весь смысл жизни заключен в разноцветных денежных знаках...

Через минуту Берзин просит Салныня:

— Сейчас придут товарищи, ты им во всем помоги. Хорошо?

Чуть помолчав, добавил:

— Очень трудная обстановка, дорогой друг. Европу мы, как говорится, изучили, но гитлеровская «ось» включила в себя и Азию. Нам нужны сведения о Германии и с противоположного конца света.— Он подошел к огромной карте, занявшей чуть ли не всю стену.— Вот отсюда...

Дверь открылась. В кабинет вошли Рихард Зорге и Карл Римм. За окном сгустились сумерки. Лишь редкие фонари на бульваре теплились светлячками.

— Нам бы его с собой,— одновременно произносят Зорге и Римм.

— Нельзя, там его слишком хорошо знают. Но он будет поблизости — начальником разведки Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Приказ уже подписан...

Зорге и Римм стиснули Салныня в братских объятиях, поздравляя с новым почетным назначением.

А Ян Карлович взял со стола служебную характеристику Салныня, написал в ней, что из трехмесячной зарубежной поездки вернулся, с заданием справился успешно.

— Послезавтра,— объяснил он,— приказываю отправиться в Сочи, иначе будешь наказан в дисциплинарном порядке. С женой полная договоренность!

И сверху служебной характеристики, завершившей один из этапов в жизни разведчика, Берзин положил отпускной билет и две санаторные путевки.

Мы с волнением держим в руках пожелтевший документ, по которому Христофор Интович в первый раз за несколько последних лет военной службы уходил в отпуск...

5. След коронеля Хугоса

Уменьшенный расстоянием, двугорбый железнодорожный мост кажется игрушечным. Он косо перекинут через глубокую ложбину с пересохшей речушкой. А до ложбины — голая, без единой травинки, каменистая степь. Солнце, хоть и к вечеру клонится день, палит с необузданной разъяренностью, все живое, даже змеи, запряталось, исчезло. Лишь солдаты — кто в форме, кто еще в штатском — не торопятся в спасительную тень олив — в поселок, откуда пришли на рассвете. Они словно не замечают ни изнуряющего зноя, ни пота, слепящего глаза, ни белой пыли, взвешенной в подрагивающем мареве.

Это солдаты Испанской республики. А человек, который вот сейчас долгожданной командой поднял их с раскаленной земли, на испанца не похож. Светлые волосы, скупые жесты. Да, он не из обычных командиров, поставленных под ружье обстоятельствами сурового времени. Он из СССР — первой на земле страны социализма. Доброволец, военный советник. Он по-отечески говорит солдатам: не надо так жадно набрасываться на воду. Он всматривается в их лица, и взгляд его одновременно приветлив и строг.

Видит советник: люди очень устали. Он и сам дико устал: не молод. Но надо еще и еще все повторить — ползком преодолеть обжигающую степь, свалиться в лощину и там, уже совсем бесшумно, подобраться к мосту, подняться на него по опорам. Именно по опорам надо тихо проникнуть на мост, а не с железнодорожного полотна, где скорее всего будут часовые. Потом — быстро приладить к фермам взрывчатку, вставить детонаторы. Скрытно, под пилоткой, поджечь бикфордов шнур. И быстро возвратиться сюда, оставляя на пути отхода противопехотные мины. Много раз надо повторить это на сегодняшних заня-

тиях — и при свете дня и ночью. Тогда там, за линией фронта, все, что касается технической стороны дела, пойдет привычно, не будет отвлекать на себя моральные силы, столь необходимые во вражеском тылу.

Но люди так устали! Надо ободрить их, надо что-то сказать им. Сказать, что учатся они настоящему делу, что динамит, если с ним поладишь, в тысячи раз увеличивает силу человека и в труде и на войне. В той ленинской статье, что по особой причине врезалась в память на всю жизнь, разъяснялось:

«Японцы оказались сильнее русских отчасти и потому, что они умели во много раз лучше обращаться с взрывчатыми веществами»*.

О, как ликовал он, когда в Китае оказался сильнее японских инструкторов!

Пусть же задумаются окружившие его смуглые парни с горящими глазами: чем же еще, если не взрывчаткой, лучше истреблять фашизм. Чтоб в клочья, чтоб в пыль! Скажи им обо всем этом, советник, ты ведь не только военспец, ты — коммунист.

И, отклонив рукой протянутую ему флягу, он делает знак своему переводчику — давай, товарищ, переводи:

— Солдаты, скоро мы с вами отправимся в гости к генералу Франко. Правда, генерал нас не приглашал. Но мы придем со своей закуской,— советник кивнул на сложенные чуть в стороне мешки со взрывчаткой, подождал, пока веселый говорок, вызванный шуткой, докатился до задних рядов.— Мы ползаем и ползаем по этой степи, чтобы наши «дары» достались франкистам преобразованными во взрывную волну, сметающую на своем пути их штабы, аэродромы, склады боеприпасов...

Не шелохнувшись, слушали Салныня бойцы, слушала выжженная степь.

Салнынь в Испании? А где же еще мог находиться в ту пору такой человек, как он, если именно там подняла голову фашистская гадина. Потеряв след своего героя на анкетной записи — «1937 г. Командировка»,— мы почти не сомневались, что искать его надо где-то под Мадридом, Теруэлем, Сарагосой. И многоопытный сотрудник архива тут же подтвердил: конечно, там! С Берзиным уехал туда Христофор Интович. Они по документам все время рядом проходят. Смотрите: Берзин — начальник Разведупра РККА, Салнынь — его ближайший помощник. Берзин — заместитель Блюхера, командующего ОКДВА, Салнынь там же — начальник разведки. И в Испанию вместе запросились. Ищите за Пиренеями!

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 11, с. 270.

Легко сказать. За Пиренеи советские добровольцы-интернационалисты отправились под чужими именами. Как же узнать еще одно имя Салныня? В архивных документах имеется отметка: «Возвратился в апреле 1938 года». И больше — ни слова.

Одну за другой перелистываем десятки «испанских» книг в надежде, что авторы воспоминаний все-таки чем-то «выдадут» нам Христофора Интовича. И вдруг — зацепка. В дневниковых записках одного из военных переводчиков при группе советников:

«Между передовой и границами Каталонии возведено несколько мощных линий укреплений. Это составляет предмет особых забот моего нового начальника — Григория и начальника штаба — живого, умного и настойчивого Кордона...

— Нет, подождите! Республика еще скажет свое последнее слово,— повторяет Кордон.

И действительно, вскоре улыбка надежды озаряет мужественное, тонкое лицо советника Григория. В середине декабря, повторяя в больших масштабах операцию окружения Бальчите, войска соседнего Теруэльского фронта переходят в наступление...

...9 марта мы как-то случайно очутились в Лериде. Товарищ Григорий, у которого не оказалось своего автомобиля и переводчика, тут же «реквизировал» нашу машину, и мы умчались в Каспе... Это за Фрагой. Нам приходилось все чаще вылезать из машины и отбегать от дороги, которую бомбили. Дважды пришлось менять пробитые покрышки...»

Нет, не только то, что советник был Григорием, а Салныня в партийном подполье и потом много лет близкие называли Гришкой и Гришей, позволяло предположить: автор записок, может быть, сам того не подозревая, рассказал о Христофоре Интовиче. Зацепку составила еще и «реквизированная» машина. Обратите внимание на последние слова в абзаце из письма Салныня к жене, отправленного примерно в то время, о каком рассказывает переводчик:

«Родным напишу со следующей почтой, ты им передай, что у меня все, как всегда, все идет хорошо и чувствую себя прекрасно, хотя, по правде говоря, иногда в сырую погоду ноги побаливают, но это отпуск поправит... Хорошо, что вчера вышла из ремонта моя машина, теперь могу опять смело ехать, а то на чужую приходилось поглядывать».

Но и, казалось бы, «запеленгованный» с двух направлений, исчезал, терялся где-то в дыму боев в далекой стране неуловимый Христофор, «бесстрашный и мудрый латыш», как любил говорить о нем маршал Блюхер. С уверенностью заключить,

что Григорий и Гришка — одно и то же лицо, мы не можем: предположение, только предположение...

Все подряд читаем о войне в Испании, даже то, что, кажется, ну никак не может быть связано с Салнынем. И вот воспоминания А. Эйснера, бывшего адъютанта генерала Лукача (Матэ Залки), посвященные советскому журналисту Овидию Савичу. В них рассказывается, каким безграничным доверием пользовался «камарада Савич» у командиров и советников республиканской армии. Это интересно, но нам-то другое надо. Однако постойте...

«Вскоре после смерти генерала Лукача я был переведен на работу в штаб XIV армейского корпуса... Старшим советником корпуса был известный всем в Испании и тоже друживший с Савичем майор Ксанти, которого чаще звали его настоящим именем — Хаджи. В конце лета 1937 года, пока я находился в длительной командировке, Хаджи уехал домой, а на его место назначили пожилого латыша, члена партии с 1902 года, по званию — бригадного комиссара, который в Испании назывался «коронель Виктор Хугос». Отправляя меня на одно очень серьезное задание в январе 1938 года, он предупреждал:

— Только — м-м-молчок! Ник-кому! Д-даже С-сав-вичу!

...Этот боевой старик был человеком, видавшим виды, то, что называется тертым калачом...»

Вон сколько новых и более надежных, чем первые два, «пеленгов»: латыш, член партии с 1902 года, бригадный комиссар. И эти слова, разбитые черточками: «М-м-молчок! Ник-кому, п-п-понятно?» Помните приметы Гришки, зафиксированные царской охранкой: «Очень худой, блондин, заикается»?! Нет, сомнений не оставалось: коронель (полковник) Виктор Хугос — это Салнынь, и никто другой. И сразу успешнее пошел поиск. В ответ на вопросы о Салныне участники боев в Испании пожимали плечами, а коронеля Хугоса знали и запомнили многие волонтеры. Их рассказы и помогли нам найти своего героя на том разогретом каменистом поле, где он, советник XIV армейского корпуса, готовил к заброске в глубокий тыл врага группу разведчиков-подрывников.

XIV армейский корпус. Мятежники знали, что есть такой у республиканцев, но где он, на каком фронте, на каком участке — это для них оставалось загадкой. Франко одного за другим сместил нескольких начальников разведки: что толку, мол, от вас, если не можете установить дислокацию целого армейского корпуса!

А установить ее было невозможно потому, что такого армейского корпуса у республиканцев... не было. И вместе с тем он активно действовал одновременно на всех фронтах.

Но не будем интриговать читателя: XIV армейским корпусом для конспирации именовались все приведенные под единое командование партизанские группы, отряды, бригады республиканской Испании. Идея организационной централизации и планомерного использования партизанских сил принадлежала Берзину; по мере ее осуществления все более мощными становились удары по франкистам в их тылу, появилась возможность взаимодействия регулярных частей и солдат «малой войны». Помните, у Хемингуэя в романе «По ком звонит колокол» генерал Гольц, отправляя к партизанам Роберта Джордана, ставит ему задачу не просто взорвать мост, а сделать это «в точно указанный час, сообразуясь со временем, назначенным для наступления»?

Не все знают, что многое в романе Хемингуэя идет от записанного в Испании со слов Ксанти и Хугоса. А под именем Ксанти в партизанском корпусе работал майор Хаджи Мамсуров — впоследствии генерал-полковник, Герой Советского Союза.

Подрывники майора Ксанти, а с конца лета 1937 года — полковника Хугоса держали фашистские тылы в постоянном напряжении. В районах, куда проникали республиканцы, мятежники вынуждены были держать значительные силы. На охрану каждых 100 километров автомобильных и железных дорог ставился пехотный полк. Значит, на каждые 300 километров с фронта отвлекалась дивизия! И все равно почти каждый день взлетали на воздух воинские эшелоны фашистов, бензохранилища, арсеналы, пороховые погреба...

Трудно было советнику Хугосу. Диапазон забот — от проведения занятий по основам подрывного дела до разработки крупных партизанских операций. А люди, из которых надо подготовить разведчиков, хоть и полны решимости сражаться до победы, но малограмотны, не имеют нужных знаний. Однажды, отправляя сержанта-испанца за линию фронта, полковник Хугос попросил, чтобы тот, выполнив основную задачу, побывал еще в Кордове и уточнил расписание поездов на участке Кордова — Пеньярроя. Сержант кивнул: это-де проще простого. Каково же было удивление советника, когда, возвратившись к своим, сержант осторожно поставил к стене огромный фанерный щит с расписанием поездов. Не верилось, что этот парень тащил его на себе десятки километров, с ним переходил линию фронта. Да ведь надо было просто переписать! Но выяснилось: ни читать, ни писать боец не умел.

Бывают же удачи! Как раз в самый трудный момент наших поисков, когда, казалось, были уже исчерпаны возможности узнать о коронеле Хугосе что-нибудь еще, получаем из Софии

книгу воспоминаний Ивана Винарова — дорогой подарок болгарских друзей. Кстати, генерал Винаров посвятил свою книгу Павлу Ивановичу (Яну Карловичу) Берзину. «Доблестному защитнику Советской Родины и воину мира»,— сказано в посвящении. Вооружаемся болгарско-русским словарем, читаем «испанскую главу» волнующих записок.

«Итак, с Гришей Салнынем мы увиделись в Мадриде весной 1937 года... Он жил в одном мадридском отеле, превращенном в общежитие для военных специалистов. Встреча состоялась не в отеле, так как я был обязан находиться в Испании только в качестве торговца и не имел права встречаться ни с кем другим, кроме Гриши. А в Испании в то время сражались в качестве бойцов интернациональных бригад, советников разного ранга, врачей множество старых боевых товарищей с моей родины... Но нельзя было подъехать до Альбасете — центра интернациональных бригад, ибо никто из товарищей не должен был знать характера моих поручений.

Одетый в мундир офицера испанской армии, Гриша выглядел сильно похудевшим и постаревшим. Его лицо загорело под горячим испанским солнцем, а русые волосы совсем выгорели. Под глазами были черно-синие круги от истощения, а глаза все так же излучали теплоту.

— Нет и года, как я здесь, а словно провел в этой стране тысячу лет... Прекрасный народ испанцы, Ванко! Нельзя не полюбить его. И воевать умеет. Если бы ты мог видеть, как обороняли Мадрид женщины, мужчины, старики и даже дети! А как терпеливо переносят они лишения, страдания, кровь! Но анархия погубит этот народ... Коммунистическая партия и другие сознательные силы предпринимают неимоверные усилия, чтобы навести порядок, дисциплину и организованность... «Пятая колонна» — это аркан на шее республики, а анархисты — как стопудовые гири на ее ногах. И тянут ее ко дну. Если же прибавить к этому интервенцию... Мы не опустили рук, хотя уже и не питаем иллюзий о победе. Так думает и Старик. Мы все здесь работаем без сна и отдыха. Обучаем, организовываем, выступаем с лекциями, проводим практические занятия, составляем оперативные и тактические планы, чертим схемы внутренней охраны, а когда надо — беремся за оружие... Нет, мы не сложим его до тех пор, пока не будут исчерпаны все средства самозащиты... Это касается позиции, которую нельзя, которую мы не можем оставить врагу без сопротивления...

Он знал, что, хотя надежды на победу не существует, он останется до конца на своем боевом посту. Гриша Салнынь, как и Берзин, как и много других советских товарищей, был выкован из самого крепкого, самого благородного металла...»

Задание, которое привело Ванко Винарова в Мадрид, как пишет он в своей книге, касалось развертывания партизанских действий в тылу мятежников. Эти действия начались еще в первые месяцы национально-революционной войны, когда войска генерала Франко рвались к Мадриду. Передовые колонны его дивизий продвигались далеко вперед, тесня республиканские части, а их фланги вдруг оказывались под убийственным огнем. Патриоты, которые остались по заданию в тылу, или те, которых просто обходили моторизованные колонны врага, заставляли фашистов замедлять темп наступления, чтобы прочесать каждую пядь захваченной земли. Но как можно очистить землю от ее народа?!

Стихийно возникшее партизанское движение со временем превратилось в массовое сопротивление, охватывавшее почти все горные районы занятой мятежниками части страны. Однако большинство отрядов находилось под командованием неграмотных в военном отношении людей, и почти все они были плохо вооружены, не располагали взрывчаткой. Ввиду этого республиканское правительство, после настойчивых рекомендаций Берзина и Салныня, начало оказывать широкую и систематическую помощь партизанам. В отряды направлялись оружие и боеприпасы, инструкторы по военному делу, политические комиссары. Партизанские отряды превратились в подлинную грозу для франкистов.

«А знаешь ли, друг,— писал много лет спустя Винаров,— именно в этом направлении действует и Хаджи!

Сам прирожденный храбрец, Гриша горячо любил смельчаков. И когда он вспоминал о Хаджи, его глаза блестели.

Гриша долго и горячо рассказывал о подвигах Хаджи Умара Джиоровича Мамсурова, который сражался в Испании под псевдонимом Ксанти...

— А в последние дни к нему прилепился один американец,— продолжал Гриша, искренне увлеченный рассказом о Хаджи,— Хемингуэй. Эрнест Хемингуэй. Американец. Известный писатель, журналист, корреспондент американских и английских газет. Приятель Кольцова и Эренбурга. И Кольцов его познакомил с Хаджи, когда американец попросил организовать ему встречу с этим человеком. Этот американец симпатяга,— рассказывал Гриша.— Большой, бородатый, настоящий медведь. С вечно дымящейся трубкой в зубах. И попивает. Я спрашивал Кольцова, когда этот человек находит время писать свои корреспонденции. Но Эренбург и Кольцов не дают слова произнести против американца. «Может быть, и попивает,— спорит Михаил Кольцов,— но он наш. Понимаешь, честный и искренний друг республики!»

Много позже при встрече в Москве генерал Мамсуров рассказывал генералу Винарову, что Хемингуэй записывал в свой блокнот все подробности его рассказа о нескольких операциях в тылу противника. Отсюда, наверное, и поразительная точность в описании действий минера, когда в романе Роберт Джордан взрывает мост.

И как ни затруднялось дело и тупым сопротивлением дисциплине со стороны командиров-анархистов, и многим другим, усилиями советника Хугоса невидимый фронт борьбы с франкистами расширялся.

А мятежный генерал все мордовал своих разведчиков: когда же они наконец установят дислокацию XIV армейского корпуса?!

* * *

Все-таки это неправда, что талантливые разведчики не оставляют после себя следа. Он всегда останется — след человека, который смело отправлялся во вражье логово задолго до того, как выходили к нему дорогами побед полки и дивизии. Еще в тридцатом году побывал впервые Салнынь в Берлине. Великая армия, чьею невидимой частицей был Салнынь, пришла туда в сорок пятом.

Мы хорошо помним Берлин того времени. Помним ликование победителей у рейхстага, еще окутанного пороховым дымом. С тех пор сохранилась у одного из нас дневниковая запись:

«Стоит перед поверженным рейхстагом фронтовик-генерал, смотрит в задумчивости, как солдаты и офицеры пишут на серых стенах свои имена и названия родных городов.

— Эй, славяне, посторонись, дайте товарищу генералу расписаться!

— Спасибо, старшина, не надо!

— А почему, товарищ генерал? Чай, заслужили!

— Видите ли, старшина, многие заслужили это. Я вам друга одного назову, как раз о нем думал. Запомните, найдите там на стене местечко повыше и начертите: Виктор Хугос.

— Хугос? — переспросил старшина.— А звание какое?

— Коронель,— улыбнулся генерал.— Только звание писать не надо...»

Старая запись не давала покоя, пока мы не узнали все, что могли, о коронеле Викторе Хугосе и не рассказали о нем тебе, дорогой читатель.

**Имя Герхарда Кегеля
широко известио в ГДР.
После войиы ои иемало сделал
для стаиовлеиия социалистической
прессы в республике,
участвовал в формироваиии
миинистерства иностраиных дел,
возглавлял издательство
«Берлииер ферлаг»,
иаписал киигу воспомииаиий.
В предвоеиные и военные годы
Кегель в труднейших условиях вел
активиую борьбу против фашизма.
Автор очерка А. Кикиадзе
рассказывает об этом периоде жизни
аитифашиста-иитериациоиалиста.**

А. Кикнадзе

Верность долгу

Герхард Кегель

— Да, так было... В годы Великой Отечественной войны советская разведка потеряла в Германии ряд надежных и испытанных людей. Трудно восполнять эти потери... Но незримый и выдвинутый далеко вперед рубеж должен был быть обеспечен...— собеседник умолк, подавил вздох и посмотрел на меня так, будто хотел дать возможность самому себе додумать то, что не досказал.

Помолчал, привычным жестом пригладил длинные (позавидовал бы Буденный) усы, поглядел на заснеженную деревеньку, показавшуюся в окне и посылавшую в небо два или три десятка белых и ровных, как столбы, дымов. Было похоже, что Сергей Матвеевич (так звали попутчика) размышлял, а стоит ли начатый разговор продолжать. Если бы я увел беседу в сторону каким-нибудь первым же пришедшим на ум вопросом, он, без сомнения, переключился бы сразу.

Но дело в том, что мне очень уж не хотелось этого. Незадолго до того я рассказал Сергею Матвеевичу, что много лет работал над романом о советском разведчике, назвал людей, которые ему помогали (кое-кого из них Сергей Матвеевич знал), а теперь молчанием своим хотел поощрить его к продолжению занимавшего меня разговора.

— Фашистская контрразведка дело свое знала, и знала хорошо. Это в некоторых наших фильмах она предстает как сборище разгульных и корыстолюбивых недоумков, заткнуть за пояс которых не составляло особого труда. Неловко такие картины смотреть... На деле-то при всей своей омерзительной сущности эта широко разветвленная служба работала профессионально, имела колоссальный опыт.

Вероятно, Сергей Матвеевич хотел самым искренним образом предостеречь меня от такого рода «изображения» противника. Я улыбнулся, легким кивком поблагодарил его и сказал:

— Видите ли, мне довелось познакомиться с некоторыми немецкими газетами военных лет, которые писали о ликвидации «красных парашютных отрядов», об арестах «кремлевских шпионов», о приговорах и казнях. В тех лаконичных сообщениях под вершковыми заголовками было много имен. Некоторые из них нам известны... А сколько имен еще неизвестно...

— Придет пора, узнаем все, и воздадим каждому.

— Да, это так, но уходят из жизни люди, которые лучше других знали тех мужественных бойцов и их деяния. Как же важно записать воспоминания...

Мы помолчали, задумавшись.

Журналистская судьба провела меня по многим странам. В США и Англии, в ФРГ, Японии, Италии доводилось видеть фильмы, знакомиться с книгами, которые утверждали, что Москва все годы войны имела в Берлине и свои глаза, и свои уши. Допускаю, что в тех произведениях было слишком много от художественной, так сказать, фантазии... Но авторы некоторых документальных книг называли советских разведчиков по именам. Да и в нашей прессе начинают постепенно появляться материалы на эту тему. К ним особый интерес. И все же их так мало...

— А ведь были же и наши офицеры, и немецкие антифашисты, активно помогавшие нам — вы лучше меня знаете это — все годы войны. Вашу книгу прочитал с огромным вниманием и интересом. И потому, кстати, что в ней есть неописанные страницы войны. Неужели прочесть все такие страницы доведется только внукам нашим?..

— Вы никогда не задумывались над тем, что в наше время будущее наступает быстро? — ответил вопросом на вопрос Сергей Матвеевич.

Мое знакомство с генералом армии С. М. Штеменко состоялось 2 января 1972 года.

Перед расставанием Сергей Матвеевич оставил мне свой адрес и телефон. Казалось, что расстаемся ненадолго.

Оказалось, навсегда.

Но я хорошо запомнил разговор с этим душевным и мужественным человеком, большим военачальником и его слова: «В наше время будущее наступает быстро».

Мы уже узнали о многих славных делах советских военных разведчиков, антифашистов-интернационалистов. Узнали много славных имен.

К этой плеяде принадлежит и тот немецкий антифашист, которому посвящен этот очерк.

1

Зовут его Герхард Кегель, родился он в 1907 году в небольшом селении Пройсиш-Херби, что в Верхней Силезии.

Этот затерянный уголок тогда еще кайзеровской Германии находился на германо-российской границе.

Герхард успешно окончил школу и устроился учеником в филиал Дрезденского банка в г. Бреслау (ныне — Вроцлав). Перед ним открывалась возможность стать с годами солидным банковским служащим. Вместе с тем он поступил на учебу в университет Бреслау и прошел там полный курс обучения. Но еще студентом он мечтал о журналистской работе. Попробовал свои силы на этом поприще.

Молодого репортера, наблюдательного, расторопного, умеющего писать коротко и быстро, а главное — умно и интересно, печатали все более охотно. «В то время,— рассказывает Кегель,— я посещал прежде всего утренние лекции в университете, которые начинались в восемь утра... Ежедневно после обеда шел в редакцию. Получал там задание побывать вечером, например, на предвыборном митинге Коммунистической партии Германии в «Столетнем зале» Бреслау, на котором должны были выступить Эрнст Тельман и Вильгельм Пик, а на следующий вечер — на предвыборном митинге нацистов с Гитлером, Герингом».

Эти митинги, не задевавшие сердца бесстрастных хроникеров, задавали любознательному, мыслящему журналисту множество вопросов. И главным был: «С кем ты? С теми ли, кто видит будущее Германии на путях социалистического развития — без финансовых воротил и стальных магнатов, где каждый работал бы не на них, а на страну, в которой не было бы ни эксплуатации, ни безработицы, ни рабского унижения, где все равны перед законом. Или с теми, кто одурманен националистическими идеями превосходства германской расы, кто рвется к войне и к «искоренению коммунизма во всем мире»?

Ответ на это был однозначен.

В редакции газеты, в студенческом социалистическом кружке, а затем в коммунистической студенческой организации формировалось сознание будущего антифашиста. Он жадно знакомился с трудами Маркса, Энгельса, Ленина. У молодого немца усиливался живой интерес к стране, первой в мире начавшей осуществлять их заветы,— Советскому Союзу. Герхард старался не пропускать ни одного сообщения из Москвы. Буржуазные газеты, чуть не хором сулившие провал планов первой пятилетки, теперь все чаще, хотя и со скрежетом зубовным, писали о Магнитке и Днепрогэсе, о новых заводах и фабриках, позволявших молодому государству расти и крепнуть с невиданной быстротой, об авиационных рекордах, о начале строительства московского метро, премьерах театров.

Но такого рода заметки надо было выискивать на задворках буржуазных, сплошь пронацистских газет, печатались они мелким шрифтом. На первых же страницах под броскими заголов-

ками публиковались грязные статейки, изобиловавшие злобными антисоветскими выдумками.

Время шло. Кегеля назначили редактором экономического отдела в той самой «Бреслауэр нойесте нахрихтен», в которой он начинал хроникером и репортером. «Теперь... я должен был выпускать 2—3 страницы по разделу экономики...»

Герхард Кегель приобрел новые возможности общения с интересными людьми.

Появились контакты, которые должны были помочь молодому антифашисту в той работе, к которой он шел сам и к которой подталкивали его события, разворачивавшиеся в Германии, где власть захватили гитлеровцы.

Облавы, налеты на редакции прогрессивных газет, аресты и безжалостные пытки коммунистов, еврейские погромы, фашистские митинги с факелами и истошными призывами фюрера и его сообщников готовить страну к осуществлению «исторической миссии Германии», иными словами — к войне. Наконец, поджог рейхстага...

Все это он не просто видел.

Все это проходило через его сердце. «В нацистской партии я тогда увидел величайшую опасность как для нашего немецкого народа, так и для немецкого государства»,— вспоминал Г. Кегель.

До поздней ночи горланили свои песни штурмовики и рекруты вермахта.

Мы будем идти дальше,
пока ие превратим все в развалииы.
Сегодия иам приимадлежит Германия,
завтра — весь мир.

...Начинавшиеся далеко друг от друга дороги советского разведчика Павла Ивановича Петрова и молодого, полного ненависти к фашистам немца-антифашиста Герхарда Кегеля сближались все больше.

2

— Говорим: зов крови, зов предков и соглашаемся с тем, что это властный зов. Но куда сильнее голос совести. Совесть — это... это личные убеждения уважающего себя человека, она плод жизненного опыта, переживаний, глубоких раздумий. Если совесть чиста, то лучшего советчика нет. Бывает, что обстоятельства заставляют человека приглушить ее голос, и он ради сиюминутных выгод так и поступает. Это значит — пре-

дает сам себя. Активная личность не мирится, не способна мириться с несправедливостью, гнетом, ударом по самолюбию. Она восстает, хотя и понимает хорошо, чем может кончиться протест. Думаю, мы имеем право сказать, что совесть — двигатель революций. Мне довелось повидать, да что там повидать, работать с многими такими сильными личностями, они были людьми разных наций, но единых убеждений... Среди тех, кто запомнился больше всего, был Герхард Кегель.

— Павел Иванович, не могли бы вы описать его? Были ли в его внешности какие-либо броские черты?

— Во внешности нет...

— Разочаровали... Перед тем, как встретиться с вами, прочитал книгу Кетчмера «Внешность и характер»... Автор утверждает, что по глазам, носу и подбородку можно... одним словом, вы догадываетесь, что хочу сказать. Не чтим мы такого рода теории, но, согласитесь, в этом утверждении что-то да есть?

— Внешность Герхарда? Волосы светлые, глаза — скорее серые, чем синие, лицо не то что продолговатое, но и не круглое, голос ровный и неизменно спокойный... первый раз я увидел его по-настоящему взволнованным 21 июня в Москве.

— Двадцать первого июня какого года?

— Того самого, сорок первого.

— Каким же образом он оказался в это время у нас?

— Он был тогда сотрудником германского посольства в Москве.

— Но до той поры еще далеко. Не могли бы вы припомнить, как складывалась жизнь Кегеля между тридцать третьим и сорок первым годами.

...Поздней осенью 1933 года молодой журналист (Кегелю было в ту пору 26 лет) выезжает с рекомендательными письмами и удостоверением постоянного корреспондента в Варшаву. В письмах было сказано, что деятельность журналиста будет служить интересам обоих государств, и содержалась просьба оказывать ему всемерную поддержку. Герхард получил аккредитацию зарубежного корреспондента в Польше, разрешение на постоянное пребывание в Варшаве, а главное — встретил благожелательный прием в миссии фашистской Германии.

Кегель осваивался со своим новым положением, с обстановкой и активно искал пути к участию в борьбе против нацизма.

Для того чтобы изучить польский язык, Герхард вставал ежедневно в пять утра и добился больших успехов. Через три месяца совершенно неожиданно он был приглашен в качестве переводчика на какие-то германо-польские переговоры.

А в это время товарищи по антифашистской борьбе старались найти ответы на непростые вопросы: насколько Герхард

стоек в своих убеждениях, не склонен ли он на манер иных журналистов, писателей и деятелей культуры к перемене взглядов, достоин ли доверия, и если да, то в каких пределах? Одним словом, можно ли полагаться на него как на человека, который даже в минуту смертельной опасности не выдаст никого, не попытается ценой чужой жизни спасти свою?

И когда ответы пришли, Кегеля пригласили на встречу.

Герхард Кегель. 1980 г.

Тогда и сказал Герхард Кегель: «Да». И добавил взволнованно: «Мне кажется, я всю жизнь шел к этой встрече и к этому разговору».

Он услышал новые имена. А еще ему лаконично объяснили: Что, где, когда и с кем? На прощанье крепко, дружески пожали руку.

...И закончившийся незадолго до того процесс над Георгием Димитровым, и выступления Гитлера, Геринга, Геббельса и других заправил Третьего рейха, и аресты и расправы над коммунистами и другими демократами в Германии — все говорило о том, какая опасность нарастает с каждым месяцем для первой в мире страны социализма. Развитие событий было нетрудно предугадать.

Страна, над которой нависал меч, должна была выковать щит.

Щит ковался самоотверженным трудом советского народа. Лица людей, стоявших у горна, были обожжены схватками с царизмом и контрреволюцией, сердца закалены в боях и одушевлены ленинским заветом о защите социалистического Отечества.

3

— Задания, которые получал на первых порах наш новый товарищ,— вспоминал Павел Иванович,— были... как бы это точнее сказать... заданиями несложными. Надо было помочь ему освоиться, посмотреть на себя и на мир новым взглядом.

В Варшаве вместе с Кегелем и его супругой Шарлоттой в группу антифашистов вошли еще два человека. К этой поре — началу 1935 года — молодой антифашист получил неожиданное предложение — посетить германского посла в Польше фон Мольтке. (В ноябре 1934 года германская миссия в Варшаве и миссия Польши в Берлине были возведены в ранг посольств, и Мольтке получил ранг посла.)

— Господин фон Мольтке,— вспоминал Герхард Кегель,— принял меня в присутствии заведующего торгово-политическим отделом доктора Крюммера. Тут я узнал следующее: коренное улучшение отношений с Польшей и значительное расширение германо-польских торговых отношений, к чему так стремится правительство рейха, требует усиления торгово-политического отдела посольства специалистом по этим вопросам, знающим польский язык. Сотрудник посольства, который до сего времени в какой-то мере занимался этой проблематикой, в скором времени должен вернуться в Берлин... Мольтке, как и Крюммер, внимательно следят за моими публикациями, касающимися польской экономики и торговых отношений с Польшей... Министерство иностранных дел пока не имеет возможности прислать кого-нибудь в Варшаву, кто обладал бы хорошими знаниями актуальных проблем экономического развития Польши и польского языка. Крюммер и посол хотели бы спросить меня, не мог бы я взять на себя эту задачу в рамках торгово-политического отдела посольства?

Я поблагодарил за доверие, но попросил дать мне время, так как это предложение следовало всесторонне обдумать. В конце концов речь шла о коренном изменении моего профессионального и личного положения.

Посол согласился с этим... Но вопрос упирался в единственное препятствие — я не был членом НСДАП. МИД не принимает на работу не членов партии. По этому вопросу Крюммер

уже говорил с господином Бюргамом, сотрудником посольства, который одновременно был и главой организации НСДАП в Польше...

Итак, убежденному антифашисту предлагали вступить в партию фашистов.

Руководитель антифашистской группы в Варшаве сказал Кегелю:

— Предложение заманчивое, и, на мой взгляд, его надо принять.

И Герхард Кегель вступил в члены партии, которую ненавидел, против которой боролся не щадя жизни.

Я спрашиваю Павла Ивановича, сколько же лет числился патриот-интернационалист в национал-социалистской партии. И слышу ответ:

— Десять.

Трудной, неимоверно трудной была новая роль антифашиста. Сколько бывало случаев, когда арест группы подпольщиков ее участники связывали с изменой бывшего единомышленника. Кто из них мог знать, по какому высшему долгу «пошел он в фашисты»... И, желая отомстить предателю, убивали его, до самого конца войны убежденные в том, что сотворили святое дело... Много лет проходило порой, пока не выявлялась истина...

Он ни перед кем не имел права на оправдание. Никому не мог ничего объяснить. Случалось, Герхард искренне улыбался знакомому человеку, готов был приветствовать его, как вдруг рука знакомого мгновенно пряталась за спину... мимо него проходили, окатив презрительным взглядом.

Сколько таких встреч залегло в памяти и в сердце. Только одна мысль и успокаивала: «Придет, придет время, мои товарищи узнают обо всем». А от него зависит тоже, чтобы это время пришло как можно быстрее.

Герхард Кегель говорил, что ему причиняло горькую боль, когда к нему проявлял недоверие и открытую неприязнь тот или иной старый товарищ-антифашист, хотя это и было понятно...

4

Все реже идут из Варшавы в Москву сообщения, начинающиеся словами: «По непроверенным данным». Все чаще — словами: «Из достоверных источников».

Там их сопоставляют с другими, анализируют. Они помогают проникать в тайные замыслы противника.

Предоставим слово Герхарду Кегелю:

— В антисоветской политике империалистических стран буржуазная Польша играла особую роль. Она была одним из звеньев в общей цепи их мероприятий по изоляции и созданию военного кольца вокруг Советского Союза. В тот период подготовки к войне она стала государством, в котором встречались различные течения «за» и «против» войны, политические интриги и маневры империалистов, хотя, конечно, последнее слово было не за Польшей.

Варшава стала боевым наблюдательным постом... Отсюда можно было лучше наблюдать за различными политическими событиями... Здесь, в Варшаве, мы, например, могли многое узнать, подтвердив это фактами, о том, что планировалось в Берлине и каково к этому отношение Лондона и Парижа.

В этой исторически важной ситуации моя деятельность в посольстве Германии в Варшаве, так сказать в системе гитлеровского министерства иностранных дел, давала нашей небольшой подпольной антифашистской группе возможность расширить возможности сбора сведений. Мы организовали нашу деятельность на основе хорошо продуманного разделения задач таким образом, чтобы обеспечить получение сведений и максимум личной безопасности наших товарищей.

Мы не пользовались радиопередатчиками — подпольная радиосвязь в Варшаве была уязвима для технических средств контрразведки. У нас были другие возможности передачи сведений в Москву.

После 1945 года было опубликовано много документов западных правительств, содержащих важную информацию о закулисных переговорах и сделках. Конечно, некоторые из тех публикаций я прочел с особым интересом. Среди этих документов были, например, записи секретных переговоров, которые в течение ряда лет — вплоть до нападения гитлеровской Германии на Польшу — вели правительства Англии и Германии. По существу, речь шла о широком империалистическом переделе сфер влияния...

Для нашей небольшой группы антифашистов было почетной обязанностью проинформировать, насколько было возможно, Советский Союз об интригах, которые плелись вокруг первого в мире государства рабочих и крестьян.

Павел Иванович Петров:

— К сказанному необходимо добавить несколько слов. Информация, поступавшая из Варшавы, имела для Центра важное, а иногда и важнейшее значение. Доверие к ней возрастало с каждым месяцем. «Варшавяне» работали четко, соблюдая

предельные меры безопасности... О духе, объединявшем эту небольшую группу, свидетельствует такой факт: когда в сорок втором году уже в Берлине фашистской контрразведке удалось выследить и арестовать одного из бывших членов варшавской группы, Ильзе Штёбе, она не выдала на допросах ни одного своего товарища. Эта славная антифашистка-интернационалистка, верный друг и бесстрашный боец погибла на гильотине, унося с собой тайну, за которую ей была обещана жизнь.

Сведения, добывавшиеся варшавской группой, неизменно признавались достоверными.

5

Варшавской антифашистской группе удалось установить контакты с секретарем германского посольства в Варшаве Рудольфом фон Шелия, имевшим доступ к особо секретной информации и широкие связи. Он не был коммунистом, но понимал, на какие бедствия и страдания готовы обречь германский народ Гитлер и его приспешники; борьбу с ними он считал долгом немецкого патриота. Он был убежден, что антифашисты, которые предложили ему сотрудничество, работают на Великобританию. Было решено его не разубеждать.

Однажды Кегель позвонил с работы домой по телефону, чтобы обсудить с женой меню обеда. Шарлотта назвала сорт вина, что означало: с тобой ищут встречи.

Через несколько часов состоялась встреча с руководителем группы.

— Посмотри, что мне передал Шелия,— сказал тот.

— Имеем право сообщить, что из достоверного источника?

— Без всякого сомнения,— ответил руководитель группы.

6

— Как у вас с русским? — спросил осенью 1939 года Герхарда Кегеля один из советников германского министерства иностранных дел.

— Чтобы поглубже познакомиться с экономическими и политическими проблемами Советского Союза, я во время пребывания в Варшаве регулярно покупал «Известия». Уже в течение полутора лет изучаю русский язык.

Советник ведал вопросами отношений с Советским Союзом в секторе стран Восточной Европы торгово-политического отде-

ла министерства иностранных дел. В свое время он вел переговоры о торговом соглашении с Польшей, тогда-то и обратил внимание на деятельного и исполнительного сотрудника. Теперь же Герхарда включили в состав торговой делегации, отправлявшейся в Москву на переговоры.

Поздней осенью 1939 года торговая делегация Германии, в состав которой входил 32-летний Герхард Кегель, прибыла в Москву.

7

Из воспоминаний Кегеля:

«Ситуация, в которой я оказался, попав в Москву, была для меня совершенно необычной. Я впервые находился в столице Советского Союза. Однако своими впечатлениями относительно этого своеобразного города, страны и ее людей я ни с кем не мог поделиться...

В Варшаве я был членом коллектива, хотя и небольшого, единомышленников — борцов против фашизма. В Москве же я был в дружеской стране, но постоянно находился один в окружении врагов. В общении с членами делегации, сотрудниками германского посольства, представителями делового мира я всегда должен был проявлять бдительность. Свои чувства и мысли я всегда должен был держать под контролем. Мне надо было тщательно подбирать слова. Любое слово, любой опрометчивый шаг могли выдать меня и иметь самые тяжелые последствия.

Надо было готовить себя к непредвиденным ситуациям. И научиться ждать.

Я отчетливо понимал, что мои контакты с советскими друзьями могли осуществляться только через опытного, надежного связного. О том, что я вошел в состав торговой делегации, Центру сообщила Ильзе Штёбе.

Я был уверен, что скоро со мной будет установлена связь.

Однажды вечером у меня зазвонил телефон. Я поднял трубку и услышал знакомый голос...»

Они встретились сразу же. И долго гуляли в стороне от посторонних глаз. Успели переговорить о многом. А главное — о том, как поддерживать постоянную связь.

Примерно два месяца спустя Кегель познакомился с человеком, с которым позднее неоднократно встречался...

В тот вечер Герхард Кегель, пройдя несколько кварталов по центру Москвы, спустился в метрополитен и через некоторое время был уже на станции «Аэропорт». Одет, как было условлено: темно-серое пальто, серая шляпа. В правой руке держал

сложенную пополам газету и книгу. Герхард взглянул на часы — до встречи с представителем Центра оставалось несколько минут. Он сел на скамейку. Через две-три минуты к Кегелю подошел невысокий коренастый мужчина.

Поздоровался.

После обмена условными фразами они вышли из метро, сели в стоявшую невдалеке автомашину и только тогда крепко пожали друг другу руки, как давние друзья.

— Меня зовут Павлом Ивановичем... Петров Павел Иванович. Ваше имя мне известно.

— Благодарю вас.

Мужчины договорились об условиях связи на будущее. Петров сообщил Герхарду, что если у него будет необходимость в срочной встрече, то он может в любой день позвонить по известному телефону с 14.00 до 15.00...

Работа антифашиста-интернационалиста поднималась на новую ступень. Теперь не надо было сетовать на то, что информация доходит не так быстро, как хотелось бы, не надо было мучиться безвестностью: дошла или нет.

Но осторожность, бдительность, надо было возвести в квадрат.

8

Незадолго до начала войны руководитель контрразведывательной службы РСХА (Главного имперского управления безопасности) Вальтер Шелленберг приехал в Советский Союз под видом представителя химической промышленности Германии для того якобы, чтобы договориться о поставках в СССР химического оборудования. Такие переговоры действительно велись, но гость только делал вид, что это главная цель его приезда. Его познания в химии, по свидетельствам коллег, ограничивались знанием формул воды и серной кислоты.

Зато он питал особое пристрастие к другой жидкости, которую «Москва умела делать». После знакомства с ее «формулами» Шелленберг позволял себе высказывания, которые подчас бросали в холодный пот ответственных сотрудников посольства.

Высокопоставленный гость начинал рассказывать собутыльникам, что все эти переговоры сущая чепуха. Война Германии против России неизбежна...

Один из сотрудников посольства пригласил Кегеля в свой кабинет для того, чтобы познакомить его с Шелленбергом.

Встреча проходила в предобеденный час, и Шелленберг был трезв. «Он начал подробно, с большой гордостью за свою осве-

домленность рассказывать нам о состоянии подготовки Германии к войне с СССР. Он говорил, что это будет нечто вроде молниеносной войны. Победа, так сказать, у Гитлера в кармане.

...Я выразил убеждение, что при подготовке войны следует учитывать, что зима в России значительно холоднее, чем в Центральной Европе. Эти замечания лишь распалили Шелленберга. Он стал говорить, что военные приготовления достигли таких масштабов, что их трудно представить. Все до мелочей предусмотрено... Что касается зимы, то немецкие солдаты будут встречать ее в Москве, Ленинграде, Киеве, а может быть, даже в городах и селах Урала».

Павел Иванович Петров:

— В те дни мы встречались с товарищем Герхардом. Мой собеседник, стараясь сохранять хладнокровие, рассказал об откровениях Шелленберга. Память у Кегеля была замечательная, картину нарисовал он весьма образную.

Я же не мог не спросить, не является ли все это провокацией: настолько трудно верилось в то, что до такой степени может развязать язык опытный нацист. Герхард ответил, что, конечно, нужно с большим вниманием относиться ко всему, о чем говорят в посольстве. Он стремился ежедневно беседовать с руководящими работниками германского посольства.

9

5 декабря 1940 года Гитлер в целом одобрил окончательный вариант плана агрессивной войны против Советского Союза. Спустя тринадцать дней он подписал директиву № 21, ставшую известной как план «Барбаросса». План получил название по имени императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы.

План «Барбаросса» предусматривал «...нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии». Замысел заключался в том, «чтобы расколоть фронт главных сил русской армии, сосредоточенных в западной части России, быстрыми и глубокими ударами мощных подвижных группировок севернее и южнее Припятских болот и, используя этот прорыв, уничтожить разобщенные группировки вражеских войск».

Осуществление плана предполагалось начать в мае 1941 года, но в связи с операциями против Югославии и Греции этот срок был перенесен.

...Познакомившись после войны с этим бредовым документом, Кегель невольно спрашивал себя, что побудило тогда Шелленберга быть столь откровенным? Желание покрасоваться, выдать себя за персону, «особо приближенную к фюреру»? Возможно, и так.

Во всяком случае, во время своего визита в Москву Шелленберг, как говорили в германском посольстве, приглядывал себе будущую квартиру.

10

20 июня 1941 года, это была пятница, советник германского посольства в Москве пригласил Кегеля и порекомендовал ему упаковать личные вещи, собрать один-два чемодана — не больше того, что сможет унести сам. Следовало приготовиться «к любым неожиданностям».

В тот день вечером Кегель, придя домой, упаковал два чемодана и рюкзак, куда на вский случай сложил теплые вещи.

В германском посольстве начали сжигать документы.

...Печи посольства были раскалены докрасна. Печи не справлялись. Костер был разложен прямо во дворе посольства.

Вечером 21 июня состоялась встреча Кегеля с Петровым. Герхард сообщил о своей оценке сложившегося положения.

— За свои сведения ручаюсь головой,— сказал он. И спросил:

— Каким образом я смогу включиться в совместную борьбу, возвратившись в Берлин?

И услышал в ответ:

— Этот вопрос будет решен позже.

Когда, где и как сообщат, Павел Иванович не сказал.

Петров:

— Хорошо помню тот день, когда поезд с сотрудниками германского посольства ушел из Москвы. За Серпуховом я вошел в вагон, в котором ехал Герхард Кегель. Он стоял в коридоре у окна. Пройдя мимо Кегеля, глазами дал понять, чтобы он вслед за мной вышел в тамбур. Герхард понял меня, и в тамбуре я передал ему записку, в которой сообщались условия связи Ильзе Штёбе с одним из подпольщиков-антифашистов в Берлине. Герхард Кегель сунул записку в карман брюк и вернулся в свое купе. Я, довольный тем, что удалось встретиться с Герхардом, покинул поезд...

Герхард Кегель, приехав в Берлин и убедившись в том, что гестапо за ним не следит, установил связь с работавшей в мини-

стерстве иностранных дел Ильзе Штёбе. Он вновь включился в антифашистскую борьбу. 12 сентября 1942 года Ильзе была схвачена фашистами...

...Герхард Кегель и Павел Иванович Петров вновь встретились только после Великой Отечественной войны. Один был работником Министерства иностранных дел Германской Демократической Республики, другой — офицером Вооруженных Сил СССР.

— Я догадывался, что испытал, что перенес за эти годы наш боевой немецкий друг,— рассказывал генерал-майор Петров.— Верил, что мы еще встретимся. Только, когда встретились, трудно было поверить, что не виделись несколько лет... Крепко обнялись, посмотрели в глаза друг другу, я почувствовал комок, вставший в горле... Кажется, что-то похожее испытывал и Кегель. Быть может, потому и сказали мы тогда друг другу всего несколько слов. И долго молчали, вспоминая былое.

11

После возвращения в Берлин Герхард Кегель был принят на службу в министерство иностранных дел рейха. Вскоре Кегелю был пожалован крест «За военные заслуги» 2-го класса.

Этот орден он носил... обязан был носить до того ноябрьского дня 1944 года, когда был направлен на фронт и при первой же возможности перешел на советскую сторону.

Советский орден Красного Знамени и высшую награду ГДР — орден Карла Маркса Кегель носит и поныне.

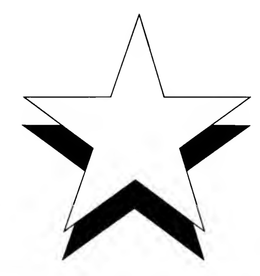
Генерал Петров:

— Аналитический ум, способность предвидеть развитие событий, умение располагать к себе не только друзей, но и врагов, высокий профессионализм в полной опасности работе... все это, умноженное на обостренную ненависть к фашизму и глубокую веру в социалистический идеал, выдвинуло нашего боевого немецкого товарища в число видных участников антифашистской борьбы. Начав свою работу в германских посольствах в Варшаве и в Москве и продолжая ее в годы войны, он не имел, и это надо подчеркнуть особо, ни одного промаха в работе, хотя фашистские службы безопасности пристально наблюдали за ним и не раз устраивали провокации, на которые мог бы поддаться человек с меньшей выдержкой и самообладанием.

В годы войны до нас через нейтральные страны доходили фашистские газеты, сообщавшие о приговорах военных трибу-

налов и казнях антифашистов. Мы потеряли много мужественных бойцов... в их лице Германия лишилась лучших своих сынов и дочерей. Они уходили из жизни так, как подобает уходить из жизни людям высокого долга, знающим, во имя чего они жили и боролись. Имена их сегодня глубоко почитаемы в Германской Демократической Республике и Советском Союзе. Многие из этих имен живут в названиях теплоходов, сельскохозяйственных кооперативов, улиц и площадей. Не забудутся и дела оставшихся в живых!

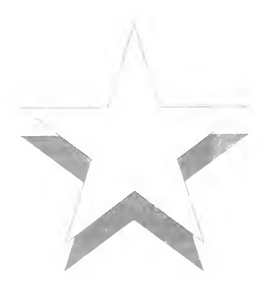
После войны Герхард Кегель отдавал свои силы созданию социалистической прессы в ГДР, формированию министерства иностранных дел, служил в бюро президента ГДР, возглавлял издательство «Берлинер ферлаг». Выпустил книгу мемуаров. У него много новых творческих замыслов.

**На встречи с молодежью
она одевает строгий черный костюм
с Золотой медалью Героя
Социалнстического Труда НРБ
и обязательио — с орденом Ленииа.
Все в Болгарии зиают,
какую самоотверженность проявила
инжеиер-путеец Свобода Аичева
в послевоеииом строительстве
железных дорог, ио у многих
возннкает вопрос: «А за что Вас
отметило Советское государство?»
Ответ дает очерк
Владимира Понизовского
«Ее имя — Свобода». Добавим лишь,
что Анчева была осуждеиа фашистами
иа смертиую казиь, ио, к счастью,
палачн ие успелн совершить
свое чериое дело:
в Болгарню пришла Красиая Армия.**

В. Понизовский

Ее имя — Свобода

Свобода Анчева

1

Память о детстве связана была для нее с руками. Мягкими и сильными руками отца: не пугалась, когда он подбрасывал в самое небо и ловил; с шершавыми, пахнущими мылом руками матери, когда она рано утром ласкала ее: «Пора подниматься, доченька, опоздаешь...»; с множеством добрых рук, протянутых к ней, чтобы защитить, оградить от беды, помочь, передать свое тепло...

Она родилась в Болгарии, но помнила лишь Софию. А все, что осталось от ощущения отца,— это упоительный восторг взлета в синее небо и черные глаза, устремленные на нее снизу. Только это. Ни фотографии, ни клочка бумаги, исписанной его рукой. Вычистили, унесли после обыска. Зато, как сказала позже мать, это он, отец, дал ей имя Свобода.

Михаил Костов Анчев был народным учителем, а когда семья переехала в Софию, стал типографским работником. Да, в памяти девочки остались и узкие полоски бумаги, влажные, со смазывающимися строчками черных букв...

Ночью, весной — уже цвели у их дома вишни,— громко постучали, ворвались в комнату какие-то люди, начали топать сапожищами, кричать, взламывать шкафы, сбрасывать с полок книги и все переворачивать вверх дном. Распотрошили вещи, а отца увели. Больше Свобода его не видела. Только много позже узнала: ее отца убили в софийской охранке. Тогда впервые пронзило ее душу слово «фашизм».

После того как не стало отца, они бедствовали — мать прежде не работала, ухаживала за детьми, содержала дом. А теперь, куда ни пыталась устроиться, отовсюду изгоняли: «Жена коммуниста!» Они пошли бы по миру, если бы время от времени не приходили в их дом какие-то люди и не приносили конверты с монетками и замусоленными левами. Не мать, а она, совсем еще малышка, первой пристроилась на работу — в типографию, подавать лист за листом в плоскопечатную машину. Кто-то из товарищей отца помог найти хоть такое место. «Пора подниматься, доченька...» — будила ее утром мать.

Однажды, вернувшись из типографии, Свобода увидела за столом пожилого человека. Смуглое от загара морщинистое лицо, потертый воротник, грубые руки с узловатыми пальцами.

— Сядь, доченька. Вот... Это один из товарищей отца по партии. Товарищи хотят отправить тебя в Советскую Россию,— глаза матери наполнились слезами.

Мужчина положил ладонь на ее плечо. Потом обернулся к Свободе:

— Международная организация помощи революционерам, МОПР называется, вместе с нашей партией решила отправить в Советский Союз детей коммунистов, которые погибли или работают в подполье. Там, в Москве, ты не будешь голодать. Ты сможешь учиться. Сможешь стать кем угодно — хоть доктором, хоть учительницей. Даже инженером! Мы верим, что ты станешь такой же революционеркой, каким был товарищ Михаил, твой отец.

Мать собрала маленький чемоданчик. Пальто у Свободы не было. Проводила на вокзал. Предстояло ехать с незнакомыми молодыми людьми, мужчиной и женщиной. Девочку предупредили: если кто-нибудь спросит, куда она едет, должна ответить: «К тете в Вену». Стояли на перроне и плакали навзрыд. Хоть и мала была Свобода, а понимала: предстоит расставание на долгие годы, если не навсегда.

Потом, от Видина, поплыли по Дунаю. В Венгрии девочку приняла другая молодая пара. В Австрии, в Вене, Свобода присоединилась к большой группе болгарских детей — были в ней и пятилетние, и двенадцатилетние,— и вот тут-то их опекуном стал дядя Иван, высокий, черный, в очках, строгий и добрый. А еще он хорошо пел и играл на скрипке. Уже много позже дядя Иван признался, что никогда прежде не был воспитателем: сам — холостяк, а по профессии — инженер. Но такое специальное задание дала ему партия. И он хорошо управлялся с шумной ватагой. От дней, проведенных в Вене, запомнился парк Пратер с качелями и магазины, где им всем купили платья, костюмчики, пальто и игрушки. Из Вены все вместе выехали в Германию, в Детский дом МОПР, открытый немецкими коммунистами в одной из деревень горной Тюрингии. С болгарскими детьми жили в том доме и немецкие — тоже сироты, чьи родители-революционеры погибли. В играх болгарские мальчишки и девчонки обучились немецкому языку. Впервые встречали Новый год с елкой, со снегом, с санками, летящими в белой веселой метели со склонов гор. Дядя Иван оделся Дедом Морозом и для каждого нашел подарок в своем щедром мешке.

В апреле целым вагоном выехали в Советский Союз. Была ночь, когда пересекли пограничный рубеж. Вошли военные в остроконечных, похожих на старинные богатырские шлемы шапках с красными звездами, розовощекие, улыбчивые, заго-

ворили на непонятном, но чем-то родном языке. Мальчишки и девчонки стали смеяться и кричать. Никто, кроме самых маленьких, так и не уснул до утра. Прилипли к окнам и смотрели, смотрели в темень, просвечиваемую огоньками, на занимающуюся над лесами зарю. Еще не осознавая того, пытались вобрать в себя впечатления от страны, которая отныне и на годы становилась их родным домом. В Москве на Белорусском вокзале их торжественно встречали. Оркестр, флаги, много людей. Повели в ресторан. Перед каждым поставили по большой тарелке гречневой каши с молоком. Гречневую кашу они тоже ели впервые...

Тогда, девчонкой, Свобода могла лишь радоваться, что так хорошо ей, что столько добрых людей заботятся о них, детях из далекой страны. И только много позже азбукой политграмоты, реальным образом понятий «солидарность» и «пролетарский интернационализм» стали для нее те бережные руки болгарских, венгерских, югославских, австрийских и немецких коммунистов, которые несли их через границы, одевали и согревали.

В Москве ребят распределили по разным детским домам. Свобода и еще две девочки-болгарки оказались в Доме юношества имени Тимирязева. Трехэтажный, посреди парка, он был населен бывшими беспризорниками — хулиганистыми, потерявшими отцов и матерей в гражданскую войну, в послевоенные голодные годы. Ребята острые на язык, быстрые на кулак. Но Свободу и ее подруг детдомовцы приняли по-особому, оберегали и опекали: «Ты на кого лезешь? Они ж из Болгарии!..»

Без всякого труда, само собой, Свобода выучила в повседневном общении со сверстниками и русский язык. Начала ходить на уроки в школу, трудиться на садовом участке, заниматься в бесчисленных кружках самодеятельности. По субботам устраивалась «поголовная» баня. После бани, отмытые, отглаженные, они собирались в зале и танцевали польку, цыганочку, лезгинку, вальсы. Оказалось, что Свобода без ума от танцев, готова плясать до упаду. И петь. И смеяться...

В Доме юношества ее торжественно приняли в пионеры, а потом послали даже делегатом на первый Всесоюзный слет в Кремль. Море красных галстуков, сверкающие огнями залы, золотые сабли Оружейной палаты Кремля, куда повели на экскурсию...

Напротив их Дома юношества, по другую сторону Ленинградского шоссе, строили стадион «Динамо». Когда его открыли, ребята стали пропадать на футбольных матчах, заниматься физкультурой на превосходных гаревых дорожках и площадках.

Все было замечательным в Доме юношества. Там ее приняли в комсомол, а когда уже совсем подросла, щедро предложили на выбор: «Кем хочешь стать? Агрономом, зоотехником — направим в сельскохозяйственный техникум; учительницей — пошлем в пединститут; если мечтаешь о профессии врача, вот путевка в медицинский». Она выбрала — ученицей токаря на завод. Отчего, почему? Может быть, потому, что в ту пору всюду писали и все говорили: «Выполним пятилетку в четыре года! Догоним и перегоним!..» — и самой важной считали профессию рабочего? Да, наверное, именно поэтому.

Свобода простилась с друзьями, переселилась в заводское общежитие. Расставалась с привычным укладом, испытывая тревогу: как-то сложится жизнь в новой среде? Напрасные тревоги. В комнате общежития их было четверо: две Насти, светлокудрая красавица толстушка, тоже сирота, и худющая, черная, как уголек, грубоголосая и любившая командовать, и Ася, маленькая, быстрая, первая модница. Девушки работали на разных заводах. А жили коммуной. Дни получки у них не совпадали, и каждый такой день превращался в маленький праздник: перво-наперво шли в магазин восточных сладостей в Столешниковом переулке, и вообще еду покупали повкусней. Правда, потом, до следующего пиршества, приходилось жестко экономить, зато какие талии! Но и здесь подруги заботились о Свободе особо. Частенько вернется, девчонок нет, а на столе поверх тарелки, прикрытой газетой, записка-приказ: «Свободка, все съешь!» Когда она поступила на рабфак, подруги, видя, что занимается, примолкали, «улетучивались».

В день получения паспорта Свобода записала национальность: «болгарка», с гордостью указала гражданство: «СССР».

Ученицей токаря она работала на заводе со смешным названием «Самоточка». Завод, однако же, был серьезным, выпускал он токарные станки с особенной маркой «ДИП» — «догнать и перегнать!», самые лучшие в стране. Работала, училась на рабфаке. На этом же заводе коммунисты приняли ее кандидатом в партию.

Советская девушка, уже почти забывшая родной язык... Но кровные связи не прерывались. Жадно ловила вести из Болгарии. Посещала болгарскую секцию Интернационального клуба. Удавалось даже — очень редко! — обмениваться письмами с матерью. Весточки шли кружными путями, через другие страны, чаще всего не по почте, а с оказиями. Узнавала из тех листков: мать мыкается, работала уборщицей в аптеке — выгнали, устроилась ночной санитаркой в больницу — узнали, что вдова коммуниста, выгнали... А мать радовалась успехам

дочери, гордилась за нее, а между строк сквозила тоска: придет ли час свидеться?.. Как горько...

Эта горечь помогала осознавать, почему девчонки в общежитии, да и все советские люди так по-особенному заботливы, почему считают, что ей нужно больше внимания и душевности, чем им, таким же сиротам: потому, что с ними, вокруг них, в них самих всегда их Родина, великий Союз... В стенах Интерклуба Свобода ощущала себя как бы ближе к Болгарии: звучит родной язык, оркестр играет национальные мелодии, танцуют «хоро́»... Там знакомились друг с другом болгарские политэмигранты. От делегации Интерклуба Свобода ходила встречать освобожденного из немецкой фашистской тюрьмы Георгия Димитрова. Потом Димитров нередко приходил в их секцию.

Свобода окончила рабфак и поступила в институт. Выбрала станкостроительный — влюбилась в свои ДИПы на заводе. Да и во всех газетах лозунги: «Даешь индустриализацию! Даешь сталь, чугун, станки!» В студенческое общежитие она не перешла; к счастью, разрешили остаться в заводском со своими девчатами, ставшими как родные сестры.

Но вот одна подружка выскочила замуж, другая...

— Свободка, неужто ни на кого глаз не положила? Парни мрут: ты ж у нас такая красотка!

Что уж скромничать, и вправду — не урод. Серые-серые глаза в пол-лица, брови будто нарисованы, нос точеный, волосы густейшей каштановой волной. Да и фигурой не оплошала, разве что ростом не вышла, птичка-невеличка. В институте ребята обхаживают. И на улице редко какой не проводит взглядом. А у нее — покой на сердце. Спеть? Поплясать? В походы с ночевками в общих палатках? Дружески хлопнуть по спине или чмокнуть парня в щеку? Пожалуйста! Первая плясунья и заводила. Но только не воображай, не суйся с руками — так огреет, что не устоишь на ногах!..

Оказалось, покойно на сердце было лишь до поры. Однажды пришла в гости к болгарам-политэмигрантам, а там — незнакомый молодой человек. Вроде бы ничего особенного нет в его наружности. Молчун, за весь вечер два слова не выдавил. А что-то екнуло в груди. Отчего? Почему?..

Там же встретила его и в другой раз. Пошел провожать. Всю дорогу молчал. Только на пороге общежития предложил: «Пойдем в кино?» Банально, все такое предлагают. Но она уже не замечала его некрасивости, редеющих волос на темени. Видела глаза — открытые, хорошие. Вслушивалась в мягкий тембр голоса.

Согласилась пойти в кино. Не от него, а в той семье, где они встретились, узнала — активный антифашист, не так давно он

выбрался из Болгарии. В Москве работает на строительстве метрополитена.

И сам он с гордостью сказал:

— Наше метро будет лучшим в мире!

А о себе — молчок. Она только и знала, что зовут его Гиню.

Сходили в кино. Свобода повела его в магазин сладостей, угостила рахат-лукумом и пахлавой. Гиню снова сдержанно попросил о свидании. Но в назначенный час не пришел. Она рассердилась — уязвлено самолюбие. Подумаешь, нашелся какой! Нужен больно!.. А потом, истерзавшись, поняла: полюбила этого молчуна. Нужен ей только он!..

Гиню же передал через знакомых: в тот раз прийти не мог, были дела. Вот и все объяснение.

Пошел уже второй год их редких молчаливых встреч. Она ждала: когда же скажет? Как это будет?.. А он все молчал. Свобода не вытерпела, сама завела разговор: что он думает о будущем? Об их будущем?.. Он посмотрел на нее так, что не надо никаких слов, но отозвался странно: «Когда кончишь институт, поговорим».

В мае она блестяще защитила дипломную работу: «Гидравлическая передача токарного станка». Профессора в ученом совете рекомендовали подать авторскую заявку, подготовить статью в научный журнал, поступать в аспирантуру. Дирекция завода «Красный пролетарий», где Свобода проходила последнюю практику, пригласила на работу в конструкторское бюро. Но она хотела работать в цехе.

В книжице диплома: «Инженер-станкостроитель»! Да еще золотом: «С отличием»!.. Во всей Болгарии нет ни одной женщины-инженера! Какое изумительное слово: инженер!..

Гиню тоже не скрывал своей радости. Пришел в новом темном костюме, с галстуком. Принес букет пунцовых тюльпанов и ее любимых, памятью связанных с родиной, цветов — роз. Они едут по каналу, меж недавно одетых в гранит набережных. Пароходик делает остановку у Нескучного сада. Крутые склоны, поросшие кустарником, вековые деревья. Никого нет, только они — она и Гиню. А за Москвой-рекой широкое зеленое поле, и за ним поднимаются дома необъятного города... Свобода ждет от Гиню тех слов, которые он обещал сказать ей после того, как она защитит диплом. Ну же!..

Она опускается на траву. Если он сейчас не скажет, она уйдет! Навсегда! Хватит терзать ей нервы!..

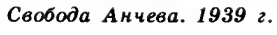
— У нас будет очень серьезный разговор,— он садится рядом.

Отсюда, со склона, видно закатное небо и далеко-далеко — уже загорающиеся огни.

Она улавливает в его голосе суровость и напрягается: «Таким тоном делать предложение?..»

А он начинает: Свободе известно, конечно, что правящая монархо-фашистская клика — это «пятая колонна» фашистской Германии в Болгарии? Что Гитлер добивается присоеди-

Свобода Анчева. 1939 г.

Гиню Стойнов

нения их родины к антикоммунистическому пакту Рим — Берлин — Токио?.. Ей, конечно, должно быть ясно, против кого готовят фашисты и империалисты удар?.. Против Советского Союза — первого государства рабочих и крестьян!..

«Зачем эта лекция? — с обидой думает она.— Я и без него все прекрасно знаю и понимаю, сама — политинформатор в Интерклубе... Бездушный сухарь! В такой день!..»

— Любая попытка сорвать планы Гитлера, ослабить фашистов — наш долг,— продолжает Гиню.— Это нужно и советскому, и болгарскому народам. Это наш долг как патриотов-интернационалистов.

— Конечно,— сердито соглашается она,— ты совершенно прав. Но ты мог бы прочесть мне лекцию о международном положении и завтра. А сегодня!..— слезы брызжут из ее глаз, она уже готова вскочить и опрометью броситься со склона.— А сегодня!..

Он берет ее за плечи, с силой удерживает. Поворачивает к себе, смотрит глаза в глаза и, не отводя взгляда, как бы требуя полной откровенности, говорит:

— Да, сегодня. Сейчас я скажу тебе то, что ты должна будешь забыть в следующую минуту. Я должен тебе сказать. Должен, чтобы ты поняла: пока у нас с тобой ничего не может быть, хотя я люблю тебя больше жизни!

Вот они, те долгожданные слова! Но какие слова!.. Она не сдерживает слез. Что значит это суровое предупреждение: забыть?..

— Я не только болгарский антифашист. Я — разведчик.

Она чувствует, как тяжелы стали руки Гиню на ее плечах.

— Судьба нашего народа зависит от мощи Красной Армии. На эту работу я пошел по зову сердца своего, искренне желая бороться против фашизма...— Он останавливается, но не отпускает ее.— Это еще не все. Через некоторое время мне предстоит вернуться в Болгарию. Теперь ты сама все понимаешь.

— Понимаю! — сквозь слезы улыбается она.

— Веселого мало. Но это мой долг.

— И мой.

— Что? — не понимает он.

— Я поеду вместе с тобой.

— Шутишь?

— Ты сказал, что любишь меня. Выдам секрет: я тоже тебя люблю. Я буду женой советского разведчика. Буду помогать тебе.

— Это крайне опасно.

— Я поеду с тобой! В конце концов, это — мой долг перед второй родиной, перед Советским Союзом. Здесь я выросла, получила высшее образование, полюбила эту страну. Наше участие в антифашистской борьбе необходимо и для нашей родной Болгарии!

По небу полыхает заря. За рекой — огни Москвы. А для нее с этого часа начинается новая, неожиданная жизнь.

2

— Вам придется оборвать все связи, отказаться от встреч со всеми друзьями.

Она согласно наклоняет голову.

— Вам придется забыть, что вы — инженер. Забыть собственное имя...

Свобода с удивлением смотрит на майора: зачем все эти слова? Она же — жена Гиню. Странный этот майор: вроде бы

отговаривает, а тон такой, словно советует: соглашайся. Молодой, а среди темных волос белые прядки. Молодой, а звание высокое, и орден Ленина над карманом гимнастерки.

И майор, в свой черед, внимательно разглядывает молодую женщину. Хороша, ничего не скажешь! Какие выразительные глаза!.. Но это и плохо: лицо разведчика не должно быть приметным. А на такую посмотришь — не скоро забудешь. Овал лица мягок, мил. Но подбородок волевой. Воля, решимость — в твердой складке губ, во взгляде. Сдержанна в движениях. Видимо, сдержанна и в проявлении чувств. Стойнову нужен помощник, опытный радист. Почему бы — не радистка? Жена? Ну и что же?.. Любовь — надежный стимул для совместной работы в *тех* условиях. Хотя, когда Стойнов доложил: так, мол, и так, решила ехать со мной куда угодно,— майор насторожился. Кадры в разведку подбирают иным способом. А позднее убедился: безупречна и достойна.

— Вам придется многому обучиться заново. В самые сжатые сроки, время не терпит.

— Я согласна.

Из характеристики на Свободу Михайловну Анчеву

...Настойчива. Инициативна. Политически хорошо развита. Спокойна. В разговоре сдержанна. Изучение языков дается легко. Скромна. О себе говорит мало. Добросовестно изучила радиодело. Может самостоятельно изготовить радиопередатчик и вести непрерывную двустороннюю радиосвязь. Показала умение и хорошую оперативность работы в эфире...

26 ноября около 8 часов утра парусно-моторная шхуна «Дельфин», приняв разведчиков на борт, вышла в море и взяла курс к болгарским берегам.

28 ноября перед рассветом разведчики благополучно высадились на берег в одном километре южнее селения Карапча.

3

У самой воды берег пологий. Белый, будто светящийся в темноте, песок, хрустящие под ногами ракушки, цепляющиеся за туфли сухие водоросли. Волны накатываются к самым ногам.

Когда плыли, Свободе казалось: двенадцатый вал! А моряки: «Не беспокойтесь, всего четыре балла». Все равно выверну-

ло всю душу... Зато, когда шхуна бросила якорь, улыбчивый матрос-украинец так сноровисто подвел шлюпку к берегу, что та носом вползла на песок — они даже обувь не замочили.

Матрос шепотом пожелал счастливого пути. Бесшумно, как крыльями, взмахнул веслами. Шлюпка растворилась в ночи...

Позади мерно дышало море. В нескольких шагах впереди круто поднимался берег. Склон темнел бурьяном. Там, за морем — Советский Союз. Здесь — Болгария. Ее земля. Родина... Сердце Свободы сжималось. Вот и вернулась. Тайно уезжала, тайно вступила вновь на родную землю... Двенадцать с половиной лет прошло с того дня, как мать проводила ее к поезду. Уезжала несмышленой девчонкой, вернулась членом боевого содружества антифашистов-интернационалистов. Не ошибся тот старый рабочий с натруженными руками, который сказал, что товарищи отца решили послать дочь Михаила в Советский Союз...

Свобода и Гиню поднялись по тропинке на берег. Отсюда на десятки километров простиралась Южная Добруджа, а дальше — города, порты и военные базы... И с этого часа, с ночи 28 ноября сорокового года, начиналось выполнение задания, к которому они готовились так тщательно.

С того разговора на склоне Нескучного сада — такого необычного их объяснения в любви — весь уклад жизни Свободы резко переменился. Новые люди. Новые города. Уединенные квартиры... Заниматься приходилось очень много, инструкторы были строги. Ей помогали техническая «жилка», институтские знания. Иногда все же думала: «А как же мой инженерный диплом, моя специальность?..» Отгоняла эту мысль иной: «Что бы сказал отец, если бы мог узнать?» И еще: «Там, в Софии — мама...» Во время учебы распростилась со своим именем. Для служебных документов стала Верой, для будущей работы — Милкой Владимировой, женой Петра Владимирова Мирчева. Гиню легко освоился с новым именем — даже разбуди ночью, отзывался только на Петра. А она привыкала трудно, жаль ей было своего, такого хорошего имени — Свобода!.. Все было отработано до мельчайших деталей: и легенда, и задание, и как вести себя на первых порах...

Теперь они в темноте вышли на дорогу. Кругом — ни огонька, ни живой души. Вздремнули под вязом, а когда стало светать, зашагали вдоль моря, в направлении Каварны. Берег охватывал синеву воды подковой, впереди на мысу поднимался конус маяка. Пронзительно синяя вода — и, насколько хватало взора, выжженная солнцем золотисто-желтая долина...

Их нагнал крестьянин на арбе. Гиню почтительно поздоровался. Спросил:

— Не в Каварну ли путь держите?

— Туда. Подсаживайтесь,— предложил старик.— Не здешние?

Гиню опробовал на крестьянине легенду: да, не здешние, из Белграда — работы там нет, с весны искали счастья в других местах. Работал в Бухаресте на заводе, да уволили, потому что болгарин. Вот и решил с женой податься сюда, в Добруджу, разыскать родственников... Старик кивал головой: да-да, гонит судьба-горемыка, многие пытаются найти счастье. Только Золотая Добруджа — не для всех золотая...

Казалось, были учтены все мелочи. Но когда подъехали к городку, простились с крестьянином и подошли к автобусной остановке, Свобода увидела полицейского в мундире — и обмерла. Охолодила мысль: «По глазам узнает, кто мы такие!» Муж, почувствовав, как она задрожала, стиснул ее руку:

— Спокойно.

Однако она долго не могла отделаться от испуга. Это был не только страх. Образ полицейского означал в яви, что она вернулась в старый, вычеркнутый было из ее жизни мир. Что ж, вернулась добровольно и, значит, должна подчинить воле свои чувства...

Они благополучно добрались до города Добрич. Сняли небольшую квартиру на улице с громким названием «Царь Колоян»: две комнаты в доме с черепичной крышей. И начали жить неприметной жизнью людей, немного накопивших про черный день и теперь привыкающих к новому месту.

Осматривались. Надо изучить обстановку, сориентироваться, постараться найти надежных помощников.

Вскоре Гиню начал подбирать группу. Еще готовясь к заданию, он наметил себе в помощники одного молодого человека. Они познакомились десять лет назад, когда оба плавали в команде парохода. Гиню создал среди матросов коммунистическую ячейку. Привлек и светлоголового парня, проходившего на борту стажировку. Ясный ум, горячее сердце, жажда активной деятельности... Знакомство их было недолгим. Гиню пришлось бежать, иначе предстать бы ему перед военным судом. Но и потом, бывая в Болгарии, он не упускал знакомого из виду. Знал, что он взглядов своих не переменил.

Гиню дал жене адрес этого знакомого, описал его внешность.

— Спросишь только одно: хочет ли он встретиться со мной.

Он обрадовался. Приехал в условленное место. Рассказал: имеет много знакомых. Понимает, что война приближается. Ненавидит фашистов. И не желает участвовать в войне... Он согласился собирать сведения о гитлеровцах. А при очередном свидании передал Гиню детали, необходимые для сборки рации.

Вторым человеком, на которого рассчитывал Гиню, была Зара Стойкова, его родственница, жившая в Варне. Ее муж, столяр по профессии, не очень-то интересовался политикой. Зара, не страшась преследований, распространяла среди рабочих варненских заводов листовки. Но что стало с нею за те пять лет, что Гиню не был в Болгарии?..

Свобода приехала в Варну, нашла домик на окраине, у канала со сточными водами. Представилась:

— Я жена Гиню.

Черноволосая сухощавая женщина — крупные черты лица, крепкая фигура — внимательно оглядела ее. Сдержанно поинтересовалась, где Гиню, как он себя чувствует.

— Жив-здоров... Здесь его нет... А как вы живете?

Сидели друг против друга, перебрасывались незначительными словами — понимай, как пожелаешь. Когда же Свобода стала прощаться, Зара сказала:

— Передайте Гиню: у меня ничего не изменилось — те же друзья и те же дела.

Свобода, вернувшись в Добрич, поделилась с мужем своими впечатлениями: его родственница — опытный конспиратор и, по всему видно, решительный человек.

— Хорошо. Через два дня отправишься снова в Варну и привезешь Зару сюда.

Зара не скрыла радости, опять увидев Гиню, боевого товарища. А Гиню, рассказав о цели группы, прямо спросил:

— Будешь работать с нами?

— Мог бы и не спрашивать.

— Вот ты и приступила к работе,— скупо улыбнулся он.— Но нам нужна в Варне группа надежных товарищей, которая будет самостоятельно передавать по радио донесения в Центр. Радисткой группы будешь ты.

— Смогу?

— Сможешь. Оборудуем станцию. Милка научит тебя работать на рации.— Он помолчал.— Прошу тебя поверить, что это задание очень важно. Ну как, согласна?.. Подумай, с ответом не тороплю.

Зара оставила их дом растревоженная. Они договорились — она даст ответ через две недели. В назначенный срок приехала. Посуровевшая, с темными кругами под глазами. Сказала:

— Согласна.

Наступило 15 февраля 1941 года.

Подготовлены первые радиограммы: просьба разрешить оборудовать вторую станцию в Варне и утвердить радисткой Зару Стойкову; сведения, собранные группой. Для первого сеанса — достаточно.

В полночь, в погруженной во тьму комнате, Гиню садится за передатчик. Светится шкала «Телефункена». Кружок света под лампой падает на листки радиограмм. Свобода наблюдает за мужем: «Ну же!..»

Гиню спокоен. Неторопливо, как бы даже с ленцой, настраивает приемник. Одной ладонью прижимает наушник. Ага, встрепенулся! Поймал волну Центра!.. Рука легла на ключ.

Он уверенно и быстро передает тексты радиограмм, слушает, записывает. Молча подзывает жену, протягивает наушник.

Группы цифр — точками и тире азбуки Морзе...

Спокойствие покидает Гиню. Он обнимает жену, подхватывает на руки, кружит по комнате, опрокидывая стулья. Таким она еще никогда не видела молчуна-мужа.

Потом они читают принятую радиограмму. Центр уточняет задание, предупреждает о бдительности, желает успеха.

4

Болгария — и Германия... Прежде Свобода узнавала о событиях, происходивших в ее стране, из советских газет и передач радио. Эти сообщения тревожили. Но она могла лишь читать или слушать о них. Теперь же она сама делала выводы из разрозненных фактов. Она как бы оказалась приобщенной к судьбе своей родины — пусть в малой степени. Она и Гиню должны знать, как будут развиваться события и что в будущем сулят они Болгарии. Какая огромная ответственность!..

Она снова и снова вспоминала разговор с Гиню в Нескучном саду. Тревоги мужа оказались не напрасными — именно об этом свидетельствовало и последнее предупреждение Центра, которое получили разведчики.

Берлин усиливал давление на Софию, стремясь покрепче привязать Болгарию к агрессивному блоку, прибрать к рукам экономику страны, превращая ее в аграрно-сырьевой придаток Германии. Рейху теперь Болгария стала нужна и как база для дальнейшей агрессии, и как резерв «пушечного мяса».

1 марта 1941 года правительство Софии, вопреки интересам страны, подписало соглашение о присоединении Болгарии к блоку фашистских держав. Гитлеровские дивизии хлынули на болгарскую территорию. Повсеместно производились аресты коммунистов, прогрессивно настроенных людей.

Во время очередного радиосеанса Гиню передавал: «По железной дороге непрерывно перевозятся немецкие войска и снаряжение. По всем шоссейным дорогам прошли моторизованные части. Через Добрич на юг непрерывно движутся мотоциклы,

грузовики, легковые машины, танки, артиллерия всех видов, перевозятся моторные лодки, каркасы для мостов. В городе располагаются немецкие части...»

Свобода снова приехала в дом Зары. Теперь ей предстояло прожить здесь месяц. Для соседей она — знакомая учительница, которая будет заниматься с дочкой Стойковых, десятилетней Геневевой. В потрепанном чемоданчике «учительницы» меж учебников были детали для передатчика.

Днем Свобода действительно разбирала с девочкой математические задачки. А ночами, когда дом засыпал, паяла, монтировала — и уже давала уроки матери, учила Зару радиосвязи, разведработе. Зара занималась с усердием, помноженным на желание принести как можно больше пользы общему делу. Случалось, вернется из города, без сил опустится на скамью, сидит, оцепенев:

— Как они смотрят! Только что не плюют в лицо...

Пока шла подготовка, она подбирала помощников. Тщательно обсуждали каждого кандидата в будущую разведгруппу.

Со временем в Варненскую группу были включены два антифашиста.

...Подготовка группы завершена. Варна установила связь с Центром.

Первые сеансы Свобода и Зара проводят вдвоем, пока помощница не обретает уверенности работы «на ключе». Уезжая из Варны, Свобода оставляет два передатчика. Если выйдет из строя один, Зара сможет работать на втором, а ей напишет: «Больна, приезжай». За этот месяц они подружились и расставались как родные.

Они еще не знают, что подготовка операции завершена перед самым ответственным моментом.

5

Каждый день Свобода и Гиню слушали по радио «Последние известия» из Москвы. И в тот день, в воскресенье 22 июня, привычно настроили «Телефункен» на волну. И вдруг комнату заполнил тревожный голос диктора:

— Фашистская Германия без объявления войны вероломно напала на Советский Союз!..

Свобода похолодела. Гиню припал к приемнику. Потом положил свою ладонь на ее руку:

— Садись. Спокойствие. С сегодняшнего дня будем передавать донесения в Центр ежедневно.

Ночью Москва, приняв радиограммы от Гиню, пожелала разведчикам бодрости и удвоенной энергии.

С первого же дня войны правящие круги Болгарии в печати и по радио развернули яростную антисоветскую кампанию. Однако народ встретил известие о вероломном нападении на СССР с возмущением и гневом. 22 июня Центральный Комитет Болгарской рабочей партии обратился к народу с воззванием, призвав «ни в коем случае не допустить использование своей земли и своей армии для разбойничьих целей германского фашизма». Одновременно партия приступила к организации активного вооруженного движения Сопротивления. Правительство обрушило новые репрессии на патриотов-антифашистов. Облавы сменялись облавами. Шли массовые аресты. Всюду — шпики...

Несмотря на чрезвычайно сложную обстановку, группа Гиню усиливала работу.

Время от времени Свобода наезжала в Варну. Перепроверяла донесения, собираемые группой Зары, сама собирала разведданные: ездила и в порты на Дунае, и в Бургас, даже в Софию. Приезжая в столицу, дальними улицами обходила родной дом. Не имеет она права встретиться с матерью...

Однажды Гиню сказал:

— Нам нужно перебраться из Добрича в Пловдив, более полезное для работы место.

Пловдив — второй по численности населения город Болгарии, крупный железнодорожный узел и, что особенно важно, главная военно-воздушная база германских «люфтваффе».

Нелегко оказалось подыскать службу или «дело» в Пловдиве. А это надо непременно: и чтобы не вызвать подозрения властей, и чтобы иметь средства на жизнь и работу. Гиню решил открыть магазин по торговле овощами. Такая «крыша» даст возможность без риска колесить по стране «для закупок товара».

22 мая 1942 года Гиню радировал: «Начинаю работать из Пловдива. Установил наблюдение над пятью аэродромами...»

Поток самой разнообразной информации, поступавшей от группы, нарастал. После каждого сеанса разведчики тщательно уничтожали листки радиограмм. Но где-то за морем, за тысячи километров от Пловдива и Варны их сведения значками ложились на стратегические и оперативные карты в штабах Красной Армии.

Из характеристики Анчевой Свободы Михайловны

...Тов. Анчева С. М. на протяжении всей войны находится в тылу противника... Своей честной и безупречной работой, сопряженной повседневно с исключительным риском, т. Анче-

ва, своевременно и регулярно информируя Командование по интересующим вопросам, активно помогает разгрому немецко-фашистских захватчиков...

6

Однажды Свобода обратила внимание на объявление, напечатанное в местной газете: молодые женщины приглашаются на вокзал для ухода за ранеными. Показала заметку Гиню.

— Это может стать важным источником информации,— одобрил он.

Она пришла на вокзал. Все помещения и даже перроны были заполнены ранеными. Стонущие, изможденные солдаты. Только что прибыл очередной эшелон. Санитары выносят и складывают на асфальте, на соломе перебинтованных солдат. Первое чувство — жалость. Но тут же как молния мысль: «Это фашисты! Оттуда, с Восточного фронта!..» Она вернулась домой. Виновато сказала:

— Не могу... Не могу на них смотреть! Выдам себя!

— Нервы,— Гиню был недоволен.

— Да, нервы! — вспылила она.— Я живу на одних нервах уже больше двух лет!

— На неделю освобождаю тебя от всех заданий. Будешь спать. Готовить обед. Отдыхать.

— Ты с ума сошел!

— Это приказ.

— Нет!

— Ты должна подчиниться.— Он положил ей руки на плечи.— Нервы должны быть у нас стальными. Нам работать еще очень долго.

А наутро Свобода получила письмо от Зары: «Заболела, приезжай». С трудом скрыв волнение, показала листок мужу.

— Хорошо, поезжай.

Через час она уже ехала в Варну.

Поломка в передатчике Зары оказалась пустяковой. Быстро починила, а неделю, которую должна была отдыхать, решила использовать по-хозяйски — в окрестных селах купить для дома кое-какие продукты. Договорилась с подругой, что на обратном пути снова наведается к ней.

— Встретимся как обычно: будешь ждать меня на вокзале у выхода на площадь.

Поезд пришел вовремя. У Свободы — большая сумка с продуктами. Перекинула ее через плечо, направилась к выходу с вокзала. Сейчас увидит Зару.

Подруги не было. Подождала пять минут, десять... Опаздывать не в правилах опытной подпольщицы. В чем же дело?..

Свобода сдала сумку в камеру хранения. Идти или не идти? По законам конспирации, если товарищ не пришел на явку или даже если опоздал, нужно немедленно уходить прочь. Но неизвестность — хуже любой опасности. Она пойдет...

Несколько остановок от вокзала Свобода проехала на автобусе. Сошла раньше. Медленно зашагала по противоположной стороне канала. Дом Зары — на следующем углу. Краем глаза наблюдала: вроде бы ничего не изменилось. Только почему-то никого нет во дворе. Поравнялась с домом. И тут на мгновение в окне показалась дочь Зары Геневева. Девочка резко махнула рукой, как бы отталкивая: «Не подходи!» — и скрылась.

Свобода завернула за угол. А навстречу ей с тазом белья — соседка из дома, что рядом. Запыхалась. Смотрит встревоженно. Когда поравнялись, шепнула:

— У Зары жандармы! Полон дом!..— и дальше.

Значит, увидела «учительницу», нарочно выбежала с тазом, чтобы предупредить. Та-ак... Надо собраться с мыслями. Который теперь час? Половина девятого. Примерно в это время к Заре должен был зайти один антифашист. Схватили и его?.. А если еще не приходил? Надо попытаться предупредить его — у него в кармане могут быть разведсведения. Она знает, в каком доме он останавливается, когда приезжает в Варну.

Вот калитка. Она нажимает на ручку двери. Не успевает отпустить, как подходит молодой мужчина. Плохо одет, плохо выбрит.

— Кого ищете?

— Семейство Петровых. Кажется, ошиблась адресом.

Она поворачивается и, не оглядываясь, идет прочь, к центру города. Останавливается у витрины ресторана. В отражении, как в зеркале, тот же мужчина. Она идет дальше. Направляется к толпе зевак и солдатни. Небритый вышагивает следом. Свобода останавливается и, показывая на него, начинает кричать:

— Люди, этот пьяница пристает ко мне! Помогите!

Образовалась толпа. На шпика наседают солдаты и припортовые парни. Свобода спешит за угол, заходит в кондитерскую. Садится в углу комнаты так, чтобы в окно была видна улица. Шпика нет.

Потом она кружит по городу до темноты и только вечером выходит к вокзалу. Выбирает купе, где уже сидит женщина с ребенком.

— Какой чудный малыш!

Она берет малыша к себе на колени. По перрону, по вагонам проходят немецкие офицеры, полицейские, штатские — кого-то высматривают. Она отвернулась к портьере, покачивает младенца. Успокаивается, только когда поезд набирает ход. Так, на радость мамаше, всю ночь возится с ее ребенком.

В Софии пересадка. А мысли обгоняют ход поезда: как там, в Пловдиве?..

Приехав, прежде всего спешит к магазину. Он на запорах. Еще очень рано. Дворник подметает улицу. Нужно узнать, был ли вчера Гиню в магазине. Заводит с дворником разговор.

— Вот, пришла пораньше, а мужа нет.

— Загулял? — подмигивает дворник.— Вчера-то затворял поздно.

Значит, вчера все было еще в порядке. Скорей домой!..

Едва переступив порог, она выпаливает Гиню:

— Зара арестована!

Муж ссутулился. Глаза отражают все, что происходит в его душе: боль за товарища, опасение за судьбу жены, решимость... Она научилась читать его мысли по глазам. Но он говорит лишь:

— Растопи печь. Принеси передатчик и тетрадь.

Вот что он решил! Свобода стискивает руки на груди.

— Неси.

Вспыхнули, скручиваясь в огненные жгуты, исписанные листки тетради. Начали неподатливо плавиться конденсаторы и лопаться лампы передатчика. Словно по живому перерезаются нервы — их связь с Центром.

Гиню проверил, все ли необходимое уничтожено. Выгреб еще горячие детали, спустился в подвал, чтобы закопать их. Вернулся.

— Садись. Повтори легенду.

Проверил, помнит ли она свою вымышленную биографию. Проверил ее фиктивные документы. Все остальное — уничтожить, стереть из памяти.

— Пошли.

Она в последний раз оглядела комнату. Что бы ни случилось, но что было — этого уже у них не отнять. Здесь они были счастливы!

— Не падай духом,— обнял он ее.— Этого нужно всегда ожидать. Хорошо, что не застали нас врасплох. Пошли.

Вот тут-то она и приняла решение. Заперла дверь. Сжала в кулаке ключ. Так и держала в кулаке, все еще выжидая момент, когда скажет.

Они шли по вечернему городу. По пустынной улице, ведущей к вокзалу. Она прислушивается, не гудит ли сзади, настигая, машина, не стучат ли сапоги?.. Нет. Только их подошвы скрипели по покрытым изморозью булыжникам, да черные деревья смыкали, шурша, ветви над их головами.

Еще не выследили? Или уже ждут на вокзале? А может, за тем углом?.. Не распускаться!.. Сейчас ей нужно быть спокойней, чем когда-либо раньше.

Она искоса посмотрела на мужа. Гиню неторопливо шагал, поддерживая ее под локоть. В другой руке у него был маленький чемоданчик. По выражению его лица, по его фигуре никак не догадаться, какой тревогой охвачена его душа.

Но она чувствует. Его молчание так выразительно. Они всегда были малоразговорчивы. За эти годы научились понимать друг друга, часами ведя молчаливые диалоги. Если она сомневалась в чем-то, смотрела в его глаза. В них читала одобрение или укор.

Сейчас ему трудно. Через несколько минут, через несколько шагов, когда она скажет, ему станет еще трудней. Она знает, что он ответит. Но впервые за все время она не подчинится его приказу. Потому что на этот раз права будет она.

Скоро и вокзал...

Она останавливается. Крепко стискивает в кармане ключ:

— Послушай, Гиню... Я решила... Ты должен уехать один!

— Ты с ума сошла,— с досадой отвечает он.

— Погоди. Давай обсудим.— Она торопится.— Ты сам знаешь, здесь нам укрыться негде. А потом ты говорил мне, когда еще были в Москве, что тебя здесь заочно приговорили к казни. Они схватят тебя и убьют!

— Это не аргумент.

— Выслушай меня. Мы не имеем права терять ни минуты. Последний поезд на Софию — в двадцать один час. Ты должен ехать, а я должна остаться. Ты нужней для дела, чем я. Ты отвечаешь за работу группы перед командованием Красной Армии!

— Все это так. Но почему нам не уехать вместе?

По его тону она почувствовала — он начинает понимать.

— Потому что, если гестаповцы придут, а никого из нас не будет, они перекроют все дороги, блокируют все поезда — и нас непременно схватят...

Он оборвал:

— Значит, ты, женщина, хочешь остаться и принять удар на себя?

— Не надо громких слов. Я просто попытаюсь обмануть их, направить по ложному следу. А ты тем временем скроешься.

— Нет.

— Пойми: иначе мы попадем в их лапы оба. Тебя они знают. Тебя непременно убьют. А мое настоящее, прошлое неизвестно никому, даже Заре. Для всех я — лишь твоя жена, неграмотная крестьянка. В крайнем случае скажу, что работала по твоему принуждению, ты меня заставлял.

Не выпуская ключа из руки, она обнимает мужа:

— Не теряй времени. Запомни адрес моей мамы в Софии — его не знает ни одна душа. Запомни...

Она называет адрес. Он молчит. Она повторяет:

— Пойми, это единственно правильное решение. Я останусь... Если они до утра не явятся, уйду из дома и с первым же поездом выеду следом за тобой.

Он смотрит на часы и делает шаг. Она облегченно вздыхает: убедила.

Они снова идут по городу. Вдоль тротуаров тянутся черные дома. Свобода думает: Гиню — мужественный человек. Она-то знает, сколько душевной борьбы потребовалось ему, чтобы согласиться. Удивительно: то, что другим могло бы показаться трусостью, на самом деле — и для него, и для нее — проявление великого мужества. Ему было бы в сто раз легче поменяться местами с ней. Но свои поступки он всю жизнь привык соизмерять с делом, которому служит. И сейчас его решение — это понимание его ответственности перед Красной Армией.

Они уже приближаются к вокзалу. И тут Гиню останавливается:

— Не могу...

Она прижимает его к себе. Шепчет:

— Мы решили... Так надо.

Они стоят на темной улице, прижавшись друг к другу. Как влюбленные на первом свидании после разлуки... Дыхание паром обволакивает их лица на морозном воздухе. Они молчат и знают: разожмут объятия, отойдут друг от друга — и начнется для нее и для него что-то неизведанное и страшное.

— Пора,— мягко высвобождается она из его рук.

И снова, уже на перроне, они стоят в стороне, у столба, пока паровоз не дает гудок. Гиню прыгает на ступеньку. Не отпускает ее руку, словно пытается удержать ее, сохранить все, что у них было.

Вагон трогается.

— Завтра я жду тебя!..

Перрон пустеет.

Она идет домой. Какое сегодня число? 21 февраля... Свобода смотрит на часы. Четверть десятого. Поезд придет в Софию

в пять утра. Если за это время с ней ничего не произойдет, она сразу же уйдет из дома.

Но, может быть, они уже ждут ее? Или ворвутся через час? Или на рассвете?.. Страх сжимает ее сердце.

7

Все забыть! Все!..

Но сейчас, чем ближе к дому — черному, надвигающемуся на нее, будто мчащийся поезд,— все вспоминается особенно явственно... А может быть, в этой памяти заключена сила, чтобы одолеть любое, что может с нею случиться?.. Три года и три месяца работы — не так уж и мало, если представить, *какие* это были месяцы, дни и часы...

Тревожно шелестят вдоль улицы замерзшие деревья. Ноги поскальзываются на покрытых пленкой льда булыжниках. Она идет, не замедляя, но и не убыстряя шаг. Надо пройти улицу, потом свернуть за угол и по переулку дойти до конца. Последний дом, за которым обрывается граница Пловдива и начинаются огороды. Отсюда они были связаны с Москвой. И вот теперь связь оборвана.

Все забыть! Все!..

Дом, пустой и чуждый, стоит на углу, за низкой оградой. Кажется, никого нет... Ключ в ладони стал горячим и влажным. Она отпирает дверь. Скрипят ступени. Свобода торопливо шарит по стене, ища выключатель. Зажигает свет в коридоре, в первой комнате, во второй. Никого.

Снова, теперь уже не спеша, проверяет, не осталось ли следов. Ворошит золу в печке. Ни записей. Ни передатчика.

Ну, кажется, все... Остается только ждать. Теперь ей почему-то уже не страшно в этом наполненном ожиданием доме. Она разбирает постель, выключает свет. За окном — луна. Голубые разграфленные квадраты ложатся на пол и стену. Ветер колышет голые ветви, и по полу и стене беззвучно скользят тени.

Свобода закутывается по самую шею, сжимается калачиком. Спать она не будет. Будет ждать утра или того мгновения, когда они придут. В темноте, просветленной лунными бликами, мысли приобретают рельефность и нижутся неторопливо и спокойно. Ей вспоминается гречневая каша с молоком на Белорусском вокзале, Дом юношества у стадиона «Динамо», общежитие «Самоточки», две Насти и Ася... Трудно представить, как живет сейчас Москва. Военная, без огней... Может быть, подруги на фронте? Или в этот самый час, в ночной смене, работают в цехе — делают конечно же что-нибудь для фронта?..

Тишина. Такая, что от напряженного вслушивания в нее начинает звенеть в ушах, будто зовет телефон. Целую вечность она не разговаривала по телефону... Странно... Даже не лают собаки. И ветви деревьев за окном мечутся под ветром беззвучно, как в немом кино... Сто лет она не была в кино. Пожалуй, с того самого дня — с защиты диплома.

Все началось с того дня. Отсчет новой жизни, как будто тогда только и родилась. Ничего себе дитятко, в полцентнера весом... А ведь и правда, будто родилась заново: не Свобода, а Милка...

Луна или утонула в тучах, или уже зашла. Пора?.. Нет, еще рано. На часах только половина третьего...

Сказываются вторые сутки без сна. Глаза слипаются.

Свобода уйдет из дома в пять утра, когда поезд с Гиню уже прибудет в Софию. Она заводит будильник. Как только зазвонит, это будет означать, что Гиню в безопасности.

Может быть, они не придут и все эти страхи, вся эта тягучая ночь напрасны? И напрасно она терзала Гиню своим решением? Каково теперь ему! Неизвестность всегда хуже явной опасности. Но Варненская группа провалена, они это знают. Сейчас Гиню уже подъезжает к Софии, рация уничтожена, а она готова ко всему... Она может еще гадать, придут или не придут. А в эти самые минуты, когда она греется в постели, Зару пытают, чтобы вырвать признание. Зара будет молчать. Но если схвачены и другие, знавшие о пловдивской рации, о Милке и о Петре, выдержат ли они?..

Луна выглянула из-за туч. Но она поднялась высоко, свет ее ушел из комнаты. Только голубым серебристым бруском мерцает подоконник. Ох, как длинна зимняя ночь!.. А все равно и эта ночь, полная тревог, должна же кончиться!

Пересиливая мысли, побеждая тревогу, по телу исподволь, умиротворяя, разливается истома. «Ничего... Будильник разбудит...»

8

Она очнулась от резкого звука. Сразу поняла: это хлопнула дверца машины. Еще хлопок, еще. И тотчас — топот ног. Властный голос:

— Окружить дом!

Она сжалась.

В дверь забарабанили. Кулаками. Сапогами. Прикладами. «Вот как это бывает...» Она вдруг вспомнила, что так было, когда пришли за отцом... Странно, лицо отца она не помнит —

только руки, подбрасывавшие ее в небо, и смеющиеся глаза внизу. А вот теперь вспомнила и эти звуки. Странно...

Она встала, не торопясь, оделась. Вышла в прихожую:

— Кто там?

Дверь уже поддается, трещит.

— Полиция! Открывай!

Она повернула ключ. В проеме — трое мужчин. В руках оружие.

— Руки за спину! Иди вперед!

Двое были в гражданском пальто. Одного из них, кажется, видела где-то. Рядом с ним верзила в гестаповской форме.

— Садись на кровать! — приказал гестаповец.

А те, что в пальто, сразу же бросились обыскивать квартиру.

— Где передатчик?

— Я ничего не знаю...

— Встать!

Ее ведут в соседнюю комнату. Открывают гардероб. Один из тех, в пальто, засовывает руки в ворох белья...

В комнатах начинается погром. Переворачивают, взламывают, вспарывают, потрошат — тоже воспоминание из ее раннего детства... Сыщик, что помоложе, садится напротив Свободы, достает из портфеля стопку бумаги:

— Начнем. Где твой муж Петр Владимиров Мирчев — он же Гиню Георгиев Стойнов?

— Не знаю.

— Где передатчик?

— Не знаю.

— Взять ее. В машину!

Ее вталкивают в автомобиль. Бросают следом мешок, набитый вещами, взятыми при обыске. В кабинете следователя первым вопросом снова:

— Где муж?

— Не знаю.

Повалили на пол, притиснули к душному ковру. Сорвали туфли и резиновыми прутьями стали бить по ступням. Дикая, пронизывающая раскаленными иглами боль.

— Я скажу! Он вчера вечером пошел к знакомым!

Она называет адрес. Начинает смертельно опасную игру, к которой готовилась.

— Взять живым!

Она слышит, как отъезжает машина. Сколько-то времени выиграно. Но от нее не отступают. Снова удары, пронзающие от пяток до головы.

— Где у мужа родные?

— Брат в Варне... Больше никого не знаю...

Она слышит, как по телефону кто-то приказывает блокировать поезд, идущий в Варну. И снова наклоняется над нею:

— Где передатчик? Где шифр?

И опять — резиновыми прутьями по ступням. Она теряет сознание. Окатывают ледяной водой. Усаживают на стул. Раздувшиеся, посиневшие ноги опускают в ведро.

— Где?.. Ты у нас заговоришь!

Возвращаются посланные контрразведкой к «знакомым»:

— Такого адреса в Пловдиве вообще нет.

— Наверное, от боли я перепутала... Вот адрес... Только не мучайте!

Звонит телефон. Она напрягает слух.

Контрразведчик бросает трубку. Его физиономия искажена яростью:

— Водишь нас за нос? Он не у знакомых, и не в Варне!

И снова приказывает по телефону:

— Обыскать все поезда, идущие из Пловдива! Прежде всего — софийский!

Гестаповец описывает его внешность: среднего роста, черные усы, круглое лицо, большая лысина, документы на Петра Владимирова Мирчева.

Неужели все напрасно?..

В мешке, брошенном тут же, в углу кабинета, начинает что-то трезвонить. Будильник! Значит...

Снова телефонный звонок. Контрразведчик слушает. Поворачивается к немцу-гестаповцу:

— Пять минут назад поезд пришел в Софию и все пассажиры уже сошли с него.

«Ушел Гиню!..» Свобода проваливается в глубокий обморок.

9

У болгар и по сей день в обиходе старославянские красивые, богатые по смыслу имена: Славко, Свобода, Зара... Родители, давая их своим детям, хотят видеть сыновей и дочерей достойными этих имен.

Зара — это утренняя заря, всегда чистая и несущая надежды.

Свобода и Зара увидели друг друга через несколько дней после ареста, в комнате следователя варненского полицейского участка. Перед тем каждая перенесла ужасающие пытки. И теперь они с трудом узнали одна другую. Свободу приволокли в кабинет — она не могла ступить на ноги. Лицо Зары было

сплошь в кровоподтеках. Узнали по взглядам — прямым и открытым, без слов сказавшим, что женщины не сломлены.

Перед тем Свободу выспрашивали уже не только о Гиню и шифре: о том, где обучалась, что передавала, об остальных членах группы. Она твердила: родилась в деревне, неграмотная...

— Напрасно пытаешься выкрутиться,— следователь начал зачитывать отрывки из лежащих перед ним документов...

Да, как и опасалась Свобода, контрразведка кое-что знает и о Гиню, и о Заре, и о ней, Милке... Оказывается, немецким контрразведчикам удалось запеленговать рацию Зары. Гестаповцы нагрянули в конце сеанса радиосвязи. В квартире была организована засада...

За время следствия Свобода виделась только с Зарой. Но даже каменные тюремные стены имеют уши. Она узнала, что арестованы все члены Варненской группы.

Третья рация так и не начала работать.

Следствие длится два месяца. Наконец арестованных оставляют в покое — больше не истязают, не возят на допросы. Значит, скоро суд.

Суд — военно-полевой. За столом одни лишь офицеры. На сукне разложены вещественные доказательства: найденные у Зары передатчики, приемник, донесения, которые она не успела уничтожить. Из квартиры Свободы — приемник «Телефункен». В зале суда — полицейские, гестаповцы, типы в гражданской одежде. А на скамье подсудимых — Свобода и другие схваченные члены группы...

Разбирательство длится недолго. После короткого перерыва председательствующий зачитывает:

Сегодня, 17 июня 1943 года, Шуменский военно-полевой суд на судебном заседании в Варне...

Свобода испытывает странное спокойствие — будто то, что произносит судья, не имеет к ней никакого отношения.

— ...Слушалось дело по обвинению Гиню Георгиева Стойнова, Милки Петровой Владимировой...

Она усмехается: «Так и не узнали моего настоящего имени...»

— ...В судебном заседании присутствуют все подсудимые за исключением Гиню Георгиева Стойнова...

«Ушел Гиню! Он жив, он борется! Значит, я была тогда права... Когда вместо двух солдат в бою погибает один, когда командир остается жив — это победа. Пусть маленькая, но победа...»

— ...Суд приговорил: подсудимого Гиню Георгиева Стойнова — за то, что с 1941 года по февраль 1943 года он собирал

и передавал в интересах Советского Союза сведения военного и политического значения, представляющие государственную тайну; Милку Петрову Владимирову, уроженку села Курча Измаильской околии, домохозяйку, первую помощницу мужа, посвященную в его деятельность и со своей стороны вложившую все усилия для успешного ее выполнения...

Да, все усилия, всю жизнь!.. И даже сейчас она спокойна и ни о чем не жалеет...

— ...Зару Стойкову Георгиеву...

«Милая моя подруга... Прости... Но я знаю: ты не захотела бы прощения. Потому-то ты и родная мне. Родная по духу...»

И особенно торжественно, зловеще:

— ...К смертной казни через повешение...

Она ждала такого приговора. Она и те, сидящие за судейским столом, болгарские фашисты — смертельные враги.

Не удалось ей облегчить участь Зары... Зато другим суд определил лишь различные сроки тюремного заключения... Уже хорошо. Товарищи доживут до свободы. Доживут — и расскажут...

— Приговор прочитан сегодня, 17 июня 1943 года, в 16 часов в городе Варна и подлежит немедленному исполнению.

Значит, все — без обжалований, без ожиданий...

После суда им дают короткое свидание с родственниками. У Свободы никого из родных нет.

Их выводят из здания суда попарно закованными в наручники.

В камере выдают по листку для последнего письма.

Свобода спокойна. Думает лишь: «Где сейчас Гиню? Восстановил связь с Центром? Продолжает работу?..»

10

Приговор «подлежит немедленному исполнению...»

Наступила ночь. Ночь ожидания в камере смертников. Почему не исполняют приговор? Может быть, потому, что день суда совпал с днем рождения сына царя, принца Симеона? Или повлияли какие-то другие причины?..

Ни в ту, ни в последующие ночи ничего не произошло. Если не считать, что каждую минуту она ждала, не в силах сомкнуть глаз. Побороть ожидание смерти было выше ее сил. Ночи превращались в бесконечную душевную пытку.

Потом начались ее скитания из тюрьмы в тюрьму, из одной камеры смертников в другую. За полтора года, прошедшие со дня суда, Свобода сменила целую вереницу тюрем — Вар-

ненскую, Шуменскую, Софийскую... И вот теперь она в камере самой страшной, самой гнусной тюрьмы — Сливенской.

Она знает: расправа над ней свершится в темноте — приговоры приводятся в исполнение от полуночи до трех утра. После вечерней поверки она заставляет себя заснуть, а в двенадцать часов просыпается — и не смыкает глаз до рассвета...

Та ночь миновала. Часто ночами она слышала, как сколачивают из тяжелых бревен в тюремном дворе «бесилку» — виселицу. Слышала выкрики:

— Прощайте, товарищи!

И вот теперь, когда Красная Армия уже подошла к границам Болгарии, по тюрьме распространяется слух:

— Получен приказ из Софии все смертные приговоры привести в исполнение!..

Когда расправятся с ними палачи — этой ночью или завтрашней?

Август сорок четвертого года. Арестовали ее в конце февраля сорок третьего... Неужели несколько дней не хватит ей до уже брезжущей свободы?..

Свобода прислушивается. Окно прорублено высоко под потолком камеры. Оно обращено во двор тюрьмы. Слышно, как шаркают тяжелые шаги и скрипят бревна. Свобода догадывается, что означают эти шаги и этот скрип: в тюремном дворе сооружают новую «бесилку»...

Ночь с седьмого на восьмое сентября 1944 года. Воздух наэлектризован и тяжел, как перед грозой. По тюрьме новый шквал слухов: Советский Союз объявил войну фашистскому правительству Болгарии; войска Красной Армии с часу на час перейдут в наступление!

А за стеной камеры смертников — шаркающие шаги и скрип бревен.

Шаги... Шаги... Тишина. Теперь она не может отвести глаз от окованных железом дверей. Повернется ключ, отворится дверь?..

Но ночь проходит. А к утру за стенами тюрьмы собирается бушующая толпа:

— Товарищи, Красная Армия вступила в Болгарию! Советские войска вошли в города Русе, Туртукай, Силистра, Добрич... Уже освобождена Варна!

И тысячегласное:

— Свободу патриотам!

Лязгают двери камер. Топот. Ликующие голоса. Рыдания.

Свобода!.. Боже мой, какое это чудесное слово: свобода!

Солнце над головой. Ветер. Люди!.. Нет сил сделать навстречу им даже один шаг. Освобожденных из камер смертников

подхватывают на руки и несут — к солнцу, на ветер, в толпу радостно приветствующих их людей.

В момент выхода из тюрьмы не стало Милки Петровой Владимировой — Свобода вернула себе свое настоящее имя. На телегах, попутных машинах она устремилась в Софию, на поиски Гиню. По дороге, в одной из деревушек, она встретилась с передовыми частями Красной Армии. И не выдержала. Выдерживала пытки, часы страшных испытаний. А тут зарыдала, обняв какого-то пожилого с орденами на груди, улыбающегося русского солдата.

Красная Армия катила на машинах и танках.

Свобода смотрела на солдат со звездочками на пилотках. Она — тоже солдат. Но никому, даже генералу, седому и багровому от загара, предоставившему ей место в машине, она не вправе сказать этого...

Через день Свобода была уже в Софии, в доме матери. Что говорить об этой встрече — встрече с матерью через двадцать лет?!

В первую же минуту она узнала: нет больше Гиню...

Она начала по крупицам собирать свидетельства о его жизни за эти полтора года. Муж так и не смог установить связи с Центром. Но он разыскал партийное подполье и стал выполнять задания Центрального Комитета. Дом матери Свободы превратился в явочную квартиру. А весной 1944 года он был направлен в Радомский партизанский отряд. В мае отряд попал в окружение. Гиню и еще пятеро партизан, прикрывавшие отход остальных товарищей, погибли... Это случилось всего за три месяца до освобождения Болгарии.

В Софии Свободу Анчеву разыскал советский офицер:

— Командование высоко оценивает вашу работу, вашу стойкость, мужество и отвагу, товарищ Анчева.

— Передайте товарищам: несмотря на то что этой работе я посвятила свои лучшие годы и потеряла на ней мужа, я нисколько не жалею о выбранном в свое время жизненном пути антифашиста. Наоборот, я горжусь, что поставленную перед нами задачу считают выполненной.

Всякое повидал на своем веку этот офицер разведки, сам много лет выполнявший во вражеском тылу труднейшие задания, но теперь, глядя на молодую женщину с серыми строгими глазами, он не мог не подивиться ее выдержке.

— Наконец-то моя родина очищена от немецко-фашистских захватчиков и их прихвостней,— спокойно и твердо сказала она.— Здесь предстоит очень много работы. Я и мой муж часто думали о том, что должны будем делать, когда наш народ станет свободным. Теперь это мой долг — за нас обоих.

...Седьмого ноября 1944 года останки Гиню Георгиева Стойнова — разведчика и партизана — были торжественно перезахоронены в центре Софии, в парке Свободы.

В этот день, в 27-ю годовщину Великого Октября, Красная Армия уже освобождала Польшу, Чехословакию, Югославию, Венгрию, вела бои в Восточной Пруссии... В этот день над всем миром радиоволны разносили из Москвы слова:

Теплая встреча на Московском заводе шлифовальных станков (бывшей «Самоточке»)

— ...Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, сержанты, офицеры и генералы! Трудящиеся Советского Союза! В Великой Отечественной войне мы отстояли свою Родину от захватчиков, окончательно ликвидировали угрозу порабощения народов СССР фашистскими извергами и стоим теперь накануне полной победы!.. Да здравствует наше свободное Советское Отечество! Да здравствует наша Красная Армия и Военно-Морской Флот! Да здравствует великий советский народ! Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Родины!..

В этот день над Москвой и освобожденными городами грохотали орудийные салюты.

Как же сложилась судьба Свободы Анчевой после войны?

Прошли годы, у Свободы Михайловны образовалась новая семья — хорошая, добрая. Выросли дети, сын Петр и дочь Людмила.

Свобода Михайловна, как мечтала когда-то, стала первой женщиной-инженером новой народной Болгарии. Трудилась на заводе. Возглавляла отдел в министерстве... Но ни в семье, ни на службе многие годы никто не ведал о героическом ее прошлом. Целые десятилетия она строго хранила тайну. Разве это не еще один подвиг разведчицы?..

Пришло, наконец, время, и стало возможным рассказать о Свободе и Гиню...

Побывала Свобода Михайловна и в тех местах, где работали она, ее муж, Зара... Она возвращалась в края, с которыми связала самые яркие и самые тяжкие годы своей жизни...

Трудно дыша, взбирается она по отвесному склону у селения Карапча, где вступила на берег родины 28 ноября 1940 года. И как много-много лет назад, под ногами скрипят ракушки, песок и накатываются на берег гряды волн. А за гребнем берега лежит золотая долина с уже скошенным, сложенным в скирды хлебом. Морской ветер треплет волосы. Свобода Михайловна стоит у кромки воды и молчит...

Потом, в Добриче, на улице Царя Колояна, 20 — с этой квартиры впервые заговорила с Центром их рация — к Свободе бросилась, узнав, пожилая женщина, соседка:

— Милка! Жива!..

Варна, красавец-курорт, влекущий к себе туристов со всего мира. Многоязыкие пестрые толпы. Сонмище машин. Белые суда на рейде. Указатели на суше: «Солнечный берег», «Золотые пески», «Албена», «Дружба» — название великолепных городков-курортов... А в годы войны с этого рейда уходили вражеские корабли и подводные лодки на Севастополь и Одессу, и здесь, в Варне, был страшный фашистский застенок...

Возвращалась она с побережья в Софию. По дороге заехала в Пловдив, вышла у дома 30-а на углу улицы Бунтовнишка. Отсюда Свобода и Гиню вели последнюю передачу...

С особым волнением она относилась к поездкам в Советский Союз. Несколько раз побывала в Москве, встречалась с бывшими воспитанниками Дома юношества имени Тимирязева, с подругами — с теми, с кем работала на «Самоточке», с кем училась на рабфаке и в институте. Побывала и на заводе, где овладела профессией рабочего. Только теперь это не скромная «Самоточка», а известный на весь мир своей уникальной, точнейшей продукцией завод.

С. М. Анчева была удостоена высшей награды Советского Союза — ордена Ленина. На родине она удостоена высшей награды — ордена Георгия Димитрова и звания Героя Социалистического Труда НРБ, многих других орденов.

**В очерке Валентнна Томнна
собраны малонзвестные данные
о патрнотах-ннтернационалнстах
братьях Стаффордах.
Под этнм нменем
сыновья одного нз соратннков
Эрнста Тельмана, участннка
III конгресса Комннтерна
Бернарда Кенена Внктор н Альфред
по долгу сердца, выполняя
задання командовання, велн
в годы Велнкой Отечественной войны
самоотверженную борьбу
в тылу немецко-фашнстскнх войск.
В одном ряду с советскнмн воннамн
онн сражалнсь во нмя Победы.**

В. Томин

Баллада о Стаффордах

Виктор и Альфред Кенен

1

Было обычное летнее воскресенье, солнечное и прохладное с раннего утра.

Голубое небо, свежая листва на деревьях московских бульваров, на улицах города — мужчины и женщины, вступающие в выходной день, который еще не стал тем роковым днем 1941 года...

Двадцатилетний слесарь Альфред Стаффорд, рабочий московского автозавода, проснулся поздно. У него не было в тот день никаких особых планов, было только радостное ощущение предстоящего отдыха.

«Встречу воскресенье в городе»,— подумал Альфред и, выйдя из дома на улицу Обуха, где он жил с родителями и братом, зашагал в центр. И там, неподалеку от Красной площади, он услышал чей-то тревожный голос, прокричавший страшные слова:

— Война! Германия напала на нас!

Война... Она жестоко и властно вторглась в мирную жизнь советского народа. На рассвете 22 июня 1941 года бесчисленные гитлеровские полчища ворвались на нашу землю. От Баренцева до Черного моря запылали пожарища, загрохотали взрывы.

Было воскресенье, но в ворота московского автомобильного завода имени Сталина уже непрерывным потоком вливались рабочие, инженеры, служащие. Перед дверьми парткома и комитета комсомола выстроились длинные очереди людей, изъявивших желание встать в строй защитников Родины. Альфред тоже направился туда в ожидании приема и вдруг увидел в коридоре своего брата Виктора, который торопливо шагал к нему... Его решение, как и решение Альфреда, было мгновенным и непреклонным — сражаться против фашизма вместе с советскими людьми. В этом единодушии в час опасности, нависшей над их новой Родиной, проявилось то, что вызревало в их душах в юности и отрочестве, в годы классовых битв в Германии, во время их жизни среди советских людей.

— Я видел отца,— сказал Виктор брату,— он с нами согласен.

Иначе и не могло быть. Старый немецкий коммунист Бернард Кенен не мог дать другого совета своим сыновьям.

1918 год. Ноябрьская революция в Германии.

В стране, сбросившей оковы монархии, повсюду идут собрания и митинги. Звучит «Интернационал». Над колоннами демонстрантов проплывают алые полотнища с лозунгами: «Долой войну!», «Да здравствует русская революция!»

В те дни среди рабочих Галле и Эйслебена вряд ли нашелся бы хоть один человек, которому было незнакомо имя «красного советника» — Бернарда Кенена, руководителя Совета рабочих делегатов «Лойны», крупного химического предприятия в Средней Германии.

Судьба этого человека схожа с судьбами многих немецких революционных пролетариев, стойких борцов за социализм. Куда только ни забрасывала судьба молодого рабочего — в поисках заработка Бернард Кенен в 1907 году покинул родной Гамбург, исколесил всю Северную Германию, побывал в Бельгии, Швейцарии, Франции, даже в Тунисе и Египте. Знакомство с жизнью трудящихся других стран стало для него настоящей школой интернационализма, сформировавшей его как стойкого борца за дело пролетариата.

Неотвратимо назревала первая мировая война...

Когда раздался провокационный выстрел в Сараево, послуживший поводом для развязывания первой империалистической войны, Бернард Кенен находился в Германии. Как и многие другие честные социал-демократы, он думал, что руководство их партии воспротивится развязыванию войны. Но этого не произошло. Оппортунистические лидеры партий II Интернационала выступили в поддержку своих правительств, деятельно помогали им скрыть от народов грабительский характер начавшейся войны, изменили рабочему классу.

4 августа 1914 года социал-демократическая фракция германского рейхстага проголосовала за кредиты на империалистическую войну. Рабочий класс Германии, еще недавно принимавший на своих собраниях антивоенные резолюции, был застигнут врасплох и деморализован открытой изменой своих лидеров. Только левое крыло II Интернационала, в авангарде которого была партия большевиков во главе с В. И. Лениным, выступило против милитаризма, шовинизма и войны. Большевики призывали трудящихся всех стран добиваться поражения своих правительств в войне, превращения империалистической войны в войну гражданскую, революционного свержения власти буржуазии и помещиков.

Немецкий социал-демократ Бернард Кенен был призван в кайзеровскую армию, но не изменил делу рабочего класса. Он и там, в окопах, нашел верные и нужные слова, которые доходили до сознания и ума людей, обманутых националистической буржуазной пропагандой, слова правды, убеждавшей солдат в том, что они сражаются за чужие интересы, что им не нужна война, грозящая гибелью им самим и их народу. Бернард Кенен говорил об этом повсюду — в солдатской казарме, на учениях, во фронтовых траншеях. И даже... офицеру, арестовавшему его, когда тот вел Бернарда в штаб, подталкивая его в спину дулом револьвера.

За антивоенную пропаганду солдат Бернард Кенен был в декабре 1916 года демобилизован из армии и направлен на работу на одно из химпредприятий «Лойна» в городе Галле.

Победоносная Октябрьская социалистическая революция в России дала мощный толчок революционному движению пролетариев всех стран, в том числе и в Германии.

«Невозможно себе представить, как сильно действовала на нас русская революция,— вспоминал впоследствии Бернард Кенен.— Настроение рабочих завода «Лойна» было боевое. Все дали клятву продолжать дело рабочих России. Именно под влиянием русской революции немецкий рабочий класс активизировал свои выступления против гнета и бесправия».

25 ноября 1917 года в Берлине, а затем и в других городах Германии состоялись массовые рабочие демонстрации, приветствовавшие Советскую Россию и требовавшие немедленного прекращения войны.

В октябре 1918 года на «Лойне» был создан революционный Совет рабочих делегатов; Бернарда Кенена избрали его председателем.

Ноябрьская революция в Германии была в разгаре.

По решению Совета на «Лойне» прекращается выпуск военной продукции, устанавливается восьмичасовой рабочий день, с завода удаляются реакционные мастера и инженеры, вводится оплата сверхурочных работ. Над цехом № 15/24, где работает Бернард Кенен, развевается красный флаг. Его энергия и работоспособность поистине удивительны — он возглавляет работу предприятия «Лойны», брошенного владельцами, налаживает производство другой, мирной продукции, выступает перед горняками и химиками, металлистами и строителями, идет в первых рядах демонстрантов. Вскоре Бернард Кенен становится руководителем Совета фабрично-заводских комитетов химической промышленности, членом Центрального совета революционных фабзавкомов Германии, депутатом прусского ландтага, куда его избрали трудящиеся Средней Германии.

В 1920 году он вступает в КПГ и сразу принимает активное участие в ее работе. В 1921—1924 годах Бернард Кенен был членом расширенного руководства Коммунистической партии Германии.

В середине марта 1921 года правящие круги страны, напуганные нараставшей борьбой трудящихся, решили спровоцировать рабочих Средней Германии на неподготовленное выступление. Этот район был выбран, видимо, потому, что на выборах в прусский ландтаг коммунисты собрали здесь до 40% голосов избирателей. И реакция решила нанести удар. Под предлогом пресечения «краж на производстве» на многие предприятия области 19 марта ввели части вооруженной прусской полиции. По призыву коммунистической партии возмущенные рабочие начали забастовку, которая стала перерастать в вооруженное восстание.

Одними из первых взялись за оружие 20 тысяч рабочих «Лойны». На заводе были созданы роты самообороны, усилена охрана предприятия, построен рабочий бронепоезд «Лойна» с красными звездами на броне. Оборону предприятия возглавил «Комитет действия», председателем которого стал Бернард Кенен.

Более недели продолжались революционные бои рабочих «Лойны» с карателями. И только когда в ход была пущена артиллерия, полиции удалось ворваться на территорию завода. Десятки рабочих были убиты, сотни ранены. Владельцы концерна объявили об увольнении всех коммунистов. Обращаясь к выброшенным за ворота рабочим, чиновник заводской администрации торжествующе выкрикнул:

— Вон отсюда! Теперь ни один коммунист не попадет на «Лойну».

— Рано радуетесь,— ответил Бернард Кенен.— Коммунисты не пришли сюда откуда-то. Они выросли именно здесь, на заводе. На наше место встанут новые борцы. И чтобы вы ни делали, пока существует завод, на нем всегда будут коммунисты!

22 июня 1921 года в Москве открылся III конгресс Коммунистического Интернационала, на котором присутствовало 605 делегатов из 103 партий и организаций. Конгресс наметил программу дальнейшего развития коммунистического движения в соответствии с требованиями времени.

На конгрессе 1 июля выступил В. И. Ленин со своей знаменитой речью в защиту тактики Коминтерна. В этой речи Владимир Ильич показал, как должны действовать революционеры-коммунисты, сталкиваясь с изменением обстановки. Он показал, что нельзя придерживаться старых лозунгов,

правильных в прошлом, но снятых с повестки дня самой реальной действительностью, жизнью; нельзя ограничиваться повторением общих положений марксизма, а следует конкретно анализировать новую обстановку и соответственно менять политический курс, тактику.

«Чем организованнее пролетариат в капиталистически развитой стране, тем больше основательности требует от нас история в деле подготовки революции и с тем большей основательностью мы должны завоевывать большинство рабочего класса»*,— говорил на конгрессе В. И. Ленин.

Вскрыв ошибки «левых» коммунистов, Ленин призвал открыто, мужественно признать и исправить эти ошибки. «Мы не должны скрывать наши ошибки перед врагом. Кто этого боится, тот не революционер,— говорил он, заканчивая свою страстную речь.— Наоборот, если мы открыто заявим рабочим: «Да, мы совершили ошибки», то это значит, что впредь они не будут повторяться и что мы лучше сумеем выбрать момент. Если же во время самой борьбы на нашей стороне окажется большинство трудящихся,— не только большинство рабочих, но большинство всех эксплуатируемых и угнетенных,— тогда мы действительно победим» **.

В числе активистов Компартии Германии, приехавших на III конгресс Коммунистического Интернационала был и Бернард Кенен. Он находился в президиуме конгресса, когда выступал В. И. Ленин.

«Видеть Ленина и слышать, как он говорит,— вспоминал впоследствии Бернард Кенен,— уже само по себе было большим событием. Тем большим событием должен был стать этот доклад. Ленин делал его на немецком языке, лишь по кратким заметкам, стоя не на трибуне, а у рампы сцены, Ленин развивал свои идеи ясно, концентрированно, глядя далеко вперед... Несравненная сила убеждения Ленина произвела на меня незабываемое впечатление. Не только я, но и другие слушатели удивлялись тому, как Ленин самыми простыми, обычными словами разъяснял смысл своего доклада.

Конгресс выслушал речь Ленина с огромным вниманием. Когда Ленин закончил ее, одну секунду длилась тишина, а затем вспыхнула овация. Раздались крики «ура».

Окрыленный встречей с вождем международного пролетариата, Кенен с энтузиазмом и вдохновением снова включается в партийную работу. Вернувшись в Германию, вновь возглавляет деятельность коммунистов завода «Лойна», выполняет

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 37—38.

** Там же, с. 33.

обязанности секретаря районной организации, является редактором газеты «Классенкампф» в Галле, работает в областном комитете КПГ.

В 1930 году во главе делегации революционных германских кооперативов Кенен снова побывал в Советском Союзе.

Не хватало суток, не было ни одной свободной минуты. Но именно такая жизнь, до отказа заполненная работой, и соответствовала натуре коммуниста. Перед ним всегда стоял пример — жизнь его отца, гамбургского рабочего Генриха Кенена, соратника Фридриха Энгельса, Августа Бебеля, Вильгельма Либкнехта, Клары Цеткин.

Революционная эстафета не прерывается. Дело отцов продолжают сыновья.

И узнав о нападении нацистов на Советский Союз, Бернард Кенен благословил своих сыновей на борьбу с фашизмом, злейшим врагом всех трудящихся.

2

Очереди добровольцев, собравшихся на московском автозаводе, двигались медленно. Каждому было о чем подумать, что вспомнить. И для каждого человека в этих молчаливых очередях мысли о себе, о судьбе своих семей неразрывно переплетались с мыслями о Родине, с острым ощущением своего единства с людьми, стоящими рядом, своей причастности к священной войне народа, поднимающегося на борьбу.

— Ваша фамилия?

— Стаффорд Альфред.

Человек, сидевший за столом, поднял глаза от бумаг.

— Как вы сказали?

— Стаффорд Альфред. Я немец. Политический эмигрант...

И перед ним, словно кадры немого кинофильма, промелькнули картины недавнего прошлого. Изувеченный, окровавленный отец. Измученная мать. Лица нацистских штурмовиков, искаженные злобой. Нелегальные переезды с квартиры на квартиру. Отчаянная мальчишеская ненависть к людям в коричневой форме...

Альфред смотрел в глаза работника заводского комитета комсомола.

— Я и мой брат Виктор — комсомольцы. Мы хотим воевать против германских фашистов.

Человек за столом улыбнулся.

— Хорошо. Я вас запишу... Ждите решения. Вам сообщат. А пока работайте. Армии нужны не только солдаты, но и боевая техника. До свидания.

В коридоре Альфреда ожидал Виктор. Он уже побывал на приеме.

— Ну что же, подождем. Не расстраивайся. Нам не могут отказать.

Но Виктор, более нервный и эмоциональный, решительно тряхнул головой и сказал:

Виктор и Альфред Кенен (Стаффорды). Москва, ноябрь 1941 г.

— Нам нельзя ждать. Надо сегодня же написать: заявление в райвоенкомат. Мы не можем, не должны сидеть сложа руки...

Вечером того же дня братья написали заявление.

«Мы, два брата Альфред и Виктор Стаффорд, по национальности немцы, желаем вступить добровольцами в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию. Мы — сыновья немецкого революционера, раненного в 1933 году при кровавом столкновении с фашистскими штурмовиками в г. Эйслебене (Германия), сознаем всю важность нашего поступка. Мы хотим в рядах нашей Красной Армии бороться против фашизма, который, нагло разорвав договор о ненападении, напал на нашу родину, на родину всего трудящегося человечества, всего мира, и хотим принести народам Германии Красное знамя пролетарской революции. Мы работаем оба на Автомобильном заводе им. Сталина. Альфред работает в механосборочном цехе № 3 в отделении механика слесарем, Виктор в инструментальном цехе

№ 1 в отделении восстановления инструмента слесарем. Живем мы оба на ул. Обуха, дом № 3, кв. 85. Просим вас убедительно не отказать в нашей просьбе и зачислить нас в любую часть нашей доблестной Красной Армии.

Альфред Стаффорд
Виктор Стаффорд».

23 июня 1941 года они отнесли это заявление в Красногвардейский райвоенкомат.

Потянулись томительные дни напряженного ожидания. Казалось, вся жизнь юных антифашистов-интернационалистов заново прошла перед ними. День за днем. Месяц за месяцем... Германия, затоптанная нацистским сапогом. И их путь в Советский Союз, в Москву...

Был 1933 год...

Поезд шел на восток.

Братья стояли у окна вагона и слушали шепот матери.

— Будьте осторожнее, мальчики. Не забывайте, нас ищут...

— Мы все понимаем, мама,— Виктор дотронулся до ее плеча.— Мы ведь уже большие...

— Да, конечно,— мать слабо улыбнулась.— Вы должны понимать. Вы ведь не хотите, чтобы нас забрали полицейские...

Виктор взглянул на брата. Альфред стоял насупившись, еле сдерживая слезы. Мать только что обнаружила у него и бросила в окно нарукавную повязку с эмблемой «Союза красных фронтовиков» — боевой организации немецких рабочих, запрещенной правительством.

— Мальчики,— снова заговорила Фрида Кенен.— Вы уже взрослые. Вы знаете, что мы едем в Советский Союз по чужим документам, нелегально. Любое неосторожное слово — и нас арестуют. И не надо на меня обижаться, Альфред. Скоро должна быть проверка. Ты представляешь, что могло бы случиться, если бы полицейские обнаружили твою повязку?

Альфред кивнул:

— Понимаю...

Они уже многое понимали — тринадцатилетний Виктор и двенадцатилетний Альфред.

Когда это произошло? Год, два или пять лет назад? Если бы братьев спросили, они бы не сразу смогли ответить на этот вопрос. Это было всегда. Вся жизнь семьи революционера Бернарда Кенена и его детей была подчинена борьбе за осво-

бождение рабочего класса Германии. Сыновья Виктор и Альфред с детских лет впитали идеи отца, ставшие для них неотъемлемой частью их жизни, ее смыслом.

Это приобщение к революционным идеалам произошло вроде бы само собой. Бернарду Кенену не часто удавалось поговорить с сыновьями. Целиком захваченный своей работой, он поздно возвращался домой, много разъезжал. Но когда находились свободные минуты, Бернард охотно рассказывал детям о своей встрече с В. И. Лениным, об Октябрьской революции, об СССР — стране, где он побывал... Жизнь их семьи, пример отца и матери, дух рабочей солидарности и борьбы сыграли свою роль.

Сыновья тоже встали на путь революционной борьбы. Вначале их поручения были несложными — обойти квартиры, собрать пожертвования для семей томящихся в тюрьмах товарищей, отнести по адресу письмо...

Трагедия произошла в воскресенье — 12 февраля 1933 года.

Бернард Кенен в тот день должен был вернуться домой вечером. Жена и сыновья ждали его, как ждали всегда. Время было опасным. Коммунисты округа Галле готовились к всеобщей стачке протеста против захвата власти национал-социалистами. Банды штурмовиков рыскали повсюду, охотились за антифашистами.

— Ложитесь спать, мальчики, уже поздно,— Фрида Кенен ободряюще улыбнулась детям.— Скоро придет отец...

И когда раздался негромкий стук, мать бросилась к двери. Там стоял один из товарищей отца, коммунист Курт Линднер.

Он медленно переступил порог, прислонился к притолоке. Лицо его было бледно, правая рука перевязана окровавленным платком.

— Где Бернард? Что с ним?

— Он ранен. Мы отнесли его в больницу...

И Курт Линднер рассказал Фриде о происшедшем...

В тот день в городе Эйслебене в помещении небольшого спортивного клуба собрались около пятидесяти местных коммунистов. В зале было двадцать три пионера, которые пришли приветствовать старших товарищей и выразить им свою солидарность. Коммунисты готовились к всеобщей забастовке. Как представитель окружкома КПГ на этом собрании присутствовал и Бернард Кенен.

Заседание уже закончилось, он вышел на улицу и вдруг увидел там толпу людей в коричневых гимнастерках, перехваченных портупеями. «Штурмовики!» Из ближайшего переулка тоже послышался гулкий топот сапог. Кенен вернулся в здание клуба, запер за собой дверь.

— Товарищи! Нас окружили нацисты! Забаррикадируйте двери и окна! Они будут атаковать...

А здание клуба было уже плотно охвачено тесным кольцом нацистских головорезов. Всей этой сворой командовал сторонник Гитлера, граф фон Альфенслебен, недавно проигравший коммунисту Бернарду Кенену на выборах в ландтаг. И нацист, мстя за поражение, решил уничтожить своего политического противника при помощи фашистских молодчиков.

Штурмовики били камнями оконные стекла, выкрикивали оскорбления, колотили сапогами в дверь, но рабочие не поддавались.

Граф решил пойти на провокацию. Приказав одному из своих молодчиков выстрелить, он крикнул:

— Коммунисты стреляют! Бей их!

Загремели выстрелы, дверь была сорвана, и штурмовики, вооруженные пистолетами, кастетами и дубинками, ворвались в дом. Коммунисты отчаянно отбивались стульями, укрывая детей... Но силы были неравными — сотни нацистских головорезов против пятидесяти антифашистов. Кровавая расправа продолжалась недолго... Когда к месту побоища подоспели на помощь товарищам рабочие, все было уже кончено. На полу, в лужах крови среди обломков мебели и спортивных снарядов, лежали убитые и раненые. Среди них был и Бернард Кенен. Нацисты ранили его в голову, выбили глаз, сломали руку и несколько ребер. Но он был жив. Друзья доставили его в больницу.

На следующий день прямо в больничной палате изуродованный фашистами Бернард Кенен был арестован полицией, как «виновник столкновения и нарушитель общественного порядка». Узнав об этом, рабочие вышли на улицы города.

«Свободу Кенену! Свободу борцу за справедливость!» С такими лозунгами шли по улицам Эйслебена колонны демонстрантов. И власти вынуждены были Бернарда Кенена выпустить из тюрьмы. Он был очень слаб, нуждался в срочном лечении, и товарищи, скрыв его местонахождение, поместили своего любимца к знакомому врачу.

Но штурмовики не угомонились. Спустя три дня в квартиру семьи Кенен ворвались гитлеровцы.

— Где твой муж? Где ваш отец? — орали они, пытаясь узнать о нем у его жены и детей. Но Фрида и ее сыновья молчали.

Наглые люди в коричневых рубашках и высоких сапогах приходили почти ежедневно. И каждый раз задавали один и тот же вопрос: «Где Бернард Кенен?» И, не получая ответа, сыпали проклятия и угрозы.

Спустя некоторое время товарищи сообщили Фриде Кенен, что ЦК КПГ, спасая жизнь Бернарда, принял решение организовать переезд его в Советский Союз.

Пограничная проверка строга — многие немцы, подвергавшиеся нацистским преследованиям, стремились покинуть фашистскую Германию. Но документы швейцарского гражданина Йозефа Шенвальда были в полном порядке, а акцент, который Бернард приобрел в годы юности в той стране, не вызывал сомнений в том, что высокий, болезненно-бледный человек в длинном пальто — действительно швейцарец.

В мае 1933 года Бернард Кенен прибыл в Москву.

В СССР он сменил имя и фамилию и стал Генрихом Стаффордом.

Находясь среди друзей, окруженный заботой и вниманием, он не мог оставаться спокойным, думая о родине. В Германии бесчинствовали фашисты. По ночам улицы многих городов оглашались ревом автомобильных моторов. Слышались резкие выкрики команд, грохот отворяемых дверей, крики жертв, проклятия и плач. Нацисты безжалостно расправлялись с коммунистами и социал-демократами, с антифашистами и их семьями. Крытые грузовики уносили в ночь, навсегда, отцов, братьев, матерей... Оставшаяся в Германии, скрывавшаяся от нацистов семья Кенен жила под постоянной угрозой. И было решено отправить Фриду Кенен с сыновьями к мужу, в Советский Союз.

Восточный вокзал в Берлине. Народу на перроне немного, и поэтому сыщиков, шныряющих вдоль вагонов, можно определить без особого труда. Они впиваются глазами в лица прохожих, переглядываются с кондукторами. Никто не обратил внимания на скромно одетую женщину, проскользнувшую в вагонную дверь...

— Мама уже там,— Виктор толкнул локтем брата,— теперь должны идти и мы...

Братья вскочили в вагон, когда до отправления оставались считанные секунды.

Прошел час.

— Внимание! Приготовьте документы! Проверка!

Кондуктор быстро прошел по вагону, словно заведенный повторяя эту фразу перед каждым купе.

Фрида Кенен с трудом сдерживала волнение. За себя она спокойна. Но вот дети... Мальчишки всегда остаются мальчишками... Все может случиться...

Чиновник медленно листал швейцарский паспорт пассажирки, затем спросил:

— Вы — фрау Елена Боттин?
— Да.
— Вместе с детьми едете в Ленинград?
— Да, к моему мужу. Он работает там по контракту фирмы...
— А что делает ваш отец в России, ребята? — не унимался со своими вопросами назойливый чиновник.
— Отец — инженер,— независимо произносит Виктор.— Он строит там фабрику.
— А когда закончит работу, вернется домой,— поддерживает брата Альфред.
— Как тебя зовут, мальчик? — Вопрос звучит небрежно, но задан он не без умысла. Чиновник великолепно знает, как зовут сыновей фрау Боттин. Ведь их имена указаны в ее паспорте.
— Альфред...— отвечает он и спустя мгновение добавляет: — Альфред Боттин.
— Как же это получается? — голос чиновника вкрадчив, а глаза так и впиваются в лицо.— По паспорту вы — швейцарцы, а говорите по-немецки так, словно никогда и не слышали швейцарского диалекта?
— Очень просто,— улыбается Виктор открыто и наивно.— Мы родились в Германии. И выросли там. Наша мама, кстати, тоже немка.
— Да, это так,— подтверждает фрау Боттин,— я стала швейцарской гражданкой после замужества.
— Да? — В голосе чиновника все еще слышится сомнение. Но документы в порядке... И он спешит дальше.
— Желаю счастливого пути!
Фрида Кенен прячет паспорт в сумочку.
Граница совсем рядом. До нее несколько десятков метров. Видны даже пограничники, стоящие у шлагбаума... Наконец поезд трогается, и гитлеровская Германия остается позади...
16 июня 1933 года Бернард Кенен, лечившийся в Крыму, в Ялте, получил телеграмму от председателя ЦК МОПР СССР Елены Дмитриевны Стасовой: «Жена и дети приехали в Москву...»
Отныне вся семья Кенен, родители и дети, были вместе, в стране, которая стала для них настоящей Родиной. После недолгого отдыха и лечения Бернард Кенен (он же Генрих Стаффорд) по решению руководства стал работать секретарем Исполкома МОПР и возглавил один из отделов.
Международная организация помощи борцам революции (МОПР) создана в конце 1922 года. Ее эмблема — рука с зажатым в кулаке красным платком, протиснутая сквозь прутья

тюремной решетки, была знакома многим трудящимся всего мира. Она была символом борьбы, мужества и стойкости. МОПР напоминал людям, что ни одно преступление буржуазии не останется тайным и любая жертва будет отомщена, и залог этого — интернациональная солидарность пролетариата. Целью этой международной организации являлась защита трудящихся от белого террора и помощь его жертвам, оказание материальной, юридической, моральной поддержки политзаключенным, политэмигрантам и их семьям, семьям погибших революционеров. Эта организация помогала преследуемым участникам февральского вооруженного выступления в 1934 году в Австрии, октябрьских боев в том же году в Испании, национально-революционной войны испанского народа в 1936—1939 годах. Совместно с другими международными объединениями проводила кампании за освобождение Георгия Димитрова, Эрнста Тельмана и других антифашистов.

3

Братья Виктор и Альфред быстро освоились в новой обстановке. После кратковременного пребывания в Ивановском интернациональном детском доме имени Е. Д. Стасовой они переехали в Москву, где стали учиться в средней школе, носившей имя Карла Либкнехта.

Еще до революции существовала в Москве школа, где учились дети немцев, живших в России. Преподавание там велось на немецком языке. В тридцатых годах эта школа почти ничем не отличалась от всех прочих, только немецкому языку здесь по традиции уделялось гораздо больше внимания. Когда в Советский Союз приехали семьи немецких антифашистов, их дети пошли учиться в эту школу.

Школе было присвоено имя Карла Либкнехта.

Здесь, в школьных стенах, неоднократно бывали и выступали перед детьми известные деятели германского и международного рабочего движения: Вильгельм Пик, Фриц Геккерт, деятели культуры: Вилли Бредель, Эрих Вайнерт, Альфред Курелла, Фридрих Вольф. Учащиеся этой школы активно собирали средства для нужд МОПРа, проводили митинги солидарности, организовывали интернациональные вечера. Приезжал сюда и знаменитый немецкий певец Эрнст Буш. Иногда он выступал на московских предприятиях и в концертных залах в сопровождении школьного хора.

«Готовьте себя к испытаниям, ребята. Вам еще придется драться с фашистами» — эти слова не раз говорили им учителя, родители и политэмигранты, приходившие в школу.

И школьники готовили себя к предстоящим боям с врагом.

Спустя два года братья Кенен перешли в лесную оздоровительную школу, находившуюся неподалеку от Москвы. Скоро юных немцев уже трудно было отличить от других ребят. Виктор и Альфред быстро нашли себе друзей среди пионеров — вместе ходили на занятия, играли в футбол, бегали купаться на Волгу, читали книги, строили шалаши в лесу, сидели у пионерских костров.

Лесная школа, друзья, педагоги, удивительная атмосфера дружбы и доверия произвели на Виктора Кенена (Стаффорда) такое глубокое впечатление, что он даже описал эту жизнь в своем дневнике.

Две старые ученические тетрадки в клетку, исписанные карандашом. Обрывки записей на русском языке перемежаются с немецким текстом. На полях кое-где нарисованы смешные рожицы... Записям этим более сорока лет. Каждая страница бесхитростных, в чем-то наивных воспоминаний дышит добротой и любовью к людям.

«Тихо протекают мимо лесистых берегов широкие воды Волги. Над ними вьются чайки. Они низко опускаются над мелкими водами, выхватывают клювом рыбу и быстро улетают вверх. Их вспугивают плоты, медленно плывущие по реке. Иногда проносится глиссер, поднимая белую пену.

На берегу стоят три деревянных корпуса, совсем укрывшиеся в лесу. Влево — еще домики, дачи. Все это вместе, и корпуса, и домики, составляет лесную школу. Вокруг густой лес, с утра до вечера поют птицы, бегают по деревьям быстроногие белки. Изредка доносится однообразный крик кукушки».

Со страниц, исписанных четким угловатым почерком подростка, встают образы учителей и друзей по школе, эпизоды интересной и увлекательной жизни. Как-то ребята задумали построить в лесу «тайный лагерь Чапаевской дивизии». В состав этой «дивизии» входили почти все ученики лесной школы, и роли все четко распределены: имелся свой Чапаев, свой Петька, Фурманов, Анка-пулеметчица и два «комбрига», одним из которых был избран Альфред Кенен. И подобным выдумкам и играм не было конца. Романтический мир мальчишек, радостный полнокровный мир, главное в котором — дружба, жизнерадостность и жажда приключений и подвигов.

...Вновь и вновь вспоминалось братьям пребывание в Ивановском интернациональном детском доме имени Е. Д. Стасовой, куда они попали в летние каникулы... Там жили дети зарубежных революционеров — болгары, поляки, венгры, немцы, их товарищи по судьбе. Сыновья и дочери казненных, по-

вешенных, расстрелянных, томящихся в тюремных казематах и концентрационных лагерях, скрывающихся от репрессий, но непокоренных бойцов. Дети борцов, поднявшихся на революционные баррикады, нашли свой родной дом в Пустошь Боре, на окраине старого русского города Иваново, столицы «красных ткачей».

В семейном архиве Альфреда Кенена сохранилось несколько листков с записями брата Виктора, посвященными тем счастливым дням... Там, на берегах реки Талки, сыновья немецкого коммуниста Бернарда Кенена впервые услышали от любимого учителя Николая Кузьмича Силина рассказ о первой русской революции 1905 года в России, о собраниях рабочих на Талке, где был создан первый в нашей стране Совет рабочих депутатов — прототип будущей революционной диктатуры рабочих и крестьян, победившей в Октябре 1917 года.

«Михаил Фрунзе — красный командарм...»

Эти слова, написанные рукой немецкого пионера, навсегда остались на тетрадочной странице, бережно хранимой в семье Кенен... И совсем не случайно сделал эту запись старший брат Виктор... Слишком уж похожи судьбы революционеров — немецких и русских,— посвятивших свою жизнь борьбе за народное дело.

Выдающийся советский партийный и государственный деятель, полководец и военный теоретик, один из активных организаторов и создателей Советских Вооруженных Сил, Михаил Васильевич Фрунзе особенно заинтересовал братьев Кенен.

Так же как и их отец, этот русский революционер-большевик с юных лет принимал участие в борьбе против господства помещиков и буржуазии, был окопным солдатом, сидел в тюрьмах, в камере смертников, ожидая своего приговора...

Но ничто не смогло сломить стойкого революционера, решившего посвятить свою жизнь освобождению народа от гнета капиталистических оков.

М. В. Фрунзе был участником острых классовых битв пролетариата России — вместе с ивановскими большевиками собирал народ на реке Талке, активно сражался в Москве на баррикадах Пресни в декабре 1905 года, командовал двухтысячным отрядом ивановских ткачей, принимавшим участие в Московском вооруженном восстании 1917 года. С особенной полнотой раскрылся его талант выдающегося военачальника и полководца в годы гражданской войны, когда под руководством М. В. Фрунзе был разработан и осуществлен ряд крупных наступательных операций, закончившихся полным разгромом

врага — на Восточном фронте против Колчака, на Южном фронте — против Врангеля. Оценивая действия войск, возглавляемых М. В. Фрунзе, В. И. Ленин на VIII Всероссийском съезде Советов говорил: «Одна из самых блестящих страниц в истории Красной Армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем»*.

Братья Кенен хорошо запомнили слова выдающегося советского полководца и большевика М. В. Фрунзе о войне в защиту социалистического Отечества. Это война, говорил он, война революционная, классовая, всеобъемлющая и решительная.

Были в тех тетрадках Виктора Кенена и другие записи.

«Жизнь дается человеку один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое». И ниже: Н. Островский. «Как закалялась сталь».

«Форвертс, Хекал. Вперед, лейтенант Матраи! Ты объявил войну войне и теперь идешь, чтобы организовать миллионы друзей и товарищей, которые повернут дула винтовок против тех, кто заставляет их драться!» Матэ Залка. «Добердо».

«Смелей, Арнольд, смелей! Ты борешься за великое, правое дело. Ты солдат армии пролетарских борцов за свободу самой многочисленной, самой могучей армии в мире. Так смелей же, Арнольд!» Вилли Бредель. «Твой неизвестный брат».

— Мальчики, нас всех ждут суровые испытания. Фашизм — это война. Будьте готовы,— говорил сыновьям их отец, Бернард Кенен.

Почти ежедневно радио и газеты приносили тревожные вести. Германский империализм наращивал силы. Ему уже стало тесно в границах Германии, и он свирепел, словно зверь, готовясь к прыжку. Виктор и Альфред хорошо знали, что такое фашизм. Еще свежи были в памяти страшные дни 1933 года...

Братья жили в мирной стране. Здесь они стали комсомольцами. Окончили семилетку, поступили в ФЗУ при московском автомобильном заводе. Они стали рабочими, как их отец и дед. Они строили своими руками новую жизнь на своей новой Родине — в СССР.

И когда 22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, когда запылали мирные города и села, подожженные гитлеровскими оккупантами, для немцев Виктора и Альфреда Кенен не было сомнений, с кем быть в священной войне. Этот выбор был давно сделан.

---

* *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 42, с. 130.

4

Дорогие мама и папа!

Мы чувствуем себя отлично. Можете за нас не беспокоиться. Уезжаем на фронт. Скоро вы о нас услышите. Рот фронт!

Альфред, Виктор

В коридоре, перед комнатой, где находилась комиссия по приему в ряды Красной Армии, толпились добровольцы; были среди них и австрийцы, болгары, испанцы, поляки, немцы... братьев Кенен наконец-то зачислили в ряды Красной Армии.

Немецко-фашистские войска, используя внезапность нападения, мобилизовав для войны экономические ресурсы почти всей оккупированной Европы, продвигались в глубь советской территории. Наша армия, ведя тяжелые бои, отступала. Гитлеровское командование планировало покончить с Советским Союзом в течение нескольких недель. Привыкшие к легким победам на Западе, зарвавшиеся агрессоры считали, что разгром Красной Армии будет не более чем «военной прогулкой». Но ни бомбы, ни снаряды, ни воздушные десанты, ни танковые клинья не могли сломить сопротивления советских воинов, мужественно отстаивавших каждую пядь родной земли. Становилось ясно, что планы так называемого «блицкрига» («молниеносная война») терпят провал.

В те летние июльские дни 1941 года, когда братья Кенен вступили в ряды Красной Армии, положение на фронтах было очень серьезным. Наша страна напрягала все силы, чтобы остановить продвижение захватчиков, обескровить их, измотать в долгих оборонительных боях. Шли дни, и обстановка становилась все тревожнее. Наступление гитлеровцев продолжалось. Наши войска оставили города Львов, Минск, Витебск, Могилев, Житомир...

11 июля 1941 года Виктор и Альфред были направлены в находившуюся под Москвой воинскую часть. Недавние школьники, вчерашние рабочие становились солдатами. Молодым антифашистам предстояла работа в тылу гитлеровских войск.

В том же подразделении проходили службу сотни юношей и девушек, комсомольцы из Москвы, Вязьмы, Смоленска, Ярославля, и среди них люди, чьи имена впоследствии прославили Советскую Отчизну и вошли в историю Великой Отечественной войны: Зоя Космодемьянская, Елена Колесова, Вера Волошина, Константин Заслонов...

Неподалеку от небольшого подмосковного дачного поселка, где тогда разместили добровольцев части особого назначения,

и состоялось первое знакомство братьев Кенен со своими товарищами и командирами. Комсомольцы-москвичи, прибывшие сюда на несколько дней раньше, сообщили новичкам, что неразговорчивый командир части — майор Артур Спрогис, бывалый человек, участник национально-революционной войны в Испании.

На партизанскую науку были отведены считанные дни.

Седой сапер разложил перед юными бойцами мины самых разных образцов: и новейшие с часовым механизмом, и нажимного действия, и противопехотные, и противотанковые. У каждой — свои секреты, свое действие, свое назначение. Минер ошибается только раз в жизни...

Тактические занятия нередко проводил сам Артур Спрогис. Он учил будущих бойцов ориентироваться в лесу, определять азимут, читать карту и настойчиво повторял: «Надо подчинять свои чувства во имя главной цели — выполнения задания. Ведь вам придется действовать в самой гуще вражеских частей. Потеряешь выдержку — пропадешь. Выдержка — важнейшее качество разведчика...»

Альфред Кенен на всю жизнь запомнил беседу с комиссаром части Н. Д. Дроновым, смуглолицым человеком в долгополой артиллерийской шинели с черными петлицами, и его слова, посвященные знаменитому красному командарму М. В. Фрунзе. Никита Дорофеевич рассказывал:

— Михаил Васильевич принимал активное участие в строительстве Красной Армии в период ее зарождения, руководил боевыми действиями войск на различных фронтах гражданской войны, разрабатывал многие важные вопросы советской военной науки... Фрунзе был полководцем нового типа, полководцем армии социалистического государства; ему были свойственны гибкий и всесторонний подход к оценке обстановки на фронтах, умение учесть все ее элементы и найти оптимальное решение, выбрать наиболее целесообразные формы и способы боевых действий для победы над врагом. Фрунзе, опытный подпольщик, с самого начала пребывания на фронте старался создать умелую, умную разведку. При выработке боевых приказов, директив и распоряжений он активно опирался на сведения, добытые разведчиками. Михаил Васильевич не уставал повторять в своих приказах требование усилить в величайшей степени службу разведки. Он обязывал начальников немедленно организовывать тщательную разведку, дабы все время быть в курсе передвижений и намерений противника и принимать меры к его разгрому, не ожидая особых приказаний.

В решении многих вопросов Ленину и партии пришлось идти неизведанными путями: российскому пролетариату вы-

пала трудная, но почетная роль первопроходца в создании нового общества. Одной из центральных проблем в начале гражданской войны являлось строительство многомиллионной армии с железной дисциплиной и центральным управлением. В то время партия направила свои лучшие силы в армию на различные командные и административные должности. На военную работу был послан и Михаил Васильевич Фрунзе.

По воле партии он остался на военной работе до конца своей жизни.

В середине августа братьев Кенен перебросили ближе к линии фронта.

Первое боевое задание... Они должны были укрыться в населенном пункте, через который проходила передняя полоса нашей обороны, затем дождаться, пока оставленную территорию займут наступающие гитлеровцы, и выяснить, какие воинские части противника наступают.

Два неприметных худощавых паренька в потрепанных пиджаках и разбитых ботинках, проходившие мимо колонн военной техники, не вызывали у фашистских солдат подозрений и никак не вязались с представлением о разведчиках Красной Армии.

Скоро братья Кенен достаточно точно знали номера наступающих частей, количество танков и артиллерии. Задание было выполнено, и пора было выходить к своим. И тут возникла трагикомическая ситуация, чуть было не стоившая им жизни. После благополучного перехода линии фронта противника Виктор и Альфред были задержаны советским сторожевым постом. Против них говорило все: и то, что они перешли передний край, и то, что у них нет никаких документов, и конечно же их немецкий акцент...

Положение было критическим.

Попасть к своим и оказаться в таком положении — к этому братья не были готовы. Через несколько часов томительного ожидания их отправили в тыл. И там, к счастью, все прояснилось.

В октябрьские дни 1941 года, когда шли ожесточенные бои на подступах к столице, Альфред и Виктор Кенен получили задание проникнуть в район деревни Скирманово.

Одетые в гражданское платье, братья преодолели линию врага и вышли на окраину деревни. Там их остановили гитлеровцы.

— Сапоги, снимай сапоги,— немецкий унтер-офицер ткнул ногой в кирзовое голенище Виктора.— Не понимают, славянские тупицы,— он обернулся к своим солдатам.— Ничего, скоро все поймут! Скоро мы их всех научим настоящему порядку. Немецкому порядку!

Солдаты дружно загоготали.

Веселые, мордастые, наглые, они чувствовали свое явное превосходство рядом с этими двумя одетыми в обноски парнями, которых занесло на передний край. И радуясь своей силе, желая продлить ощущение своей власти и безнаказанности, солдаты не торопились отпускать их. А те озирались по сторонам, наивно улыбались, переминались с ноги на ногу, бормотали что-то по-русски...

Группа разведчиков — бойцов 16-й армии (в первом ряду крайний слева — Виктор, крайний справа — Альфред). Западный фронт, ноябрь 1941 г.

— Ничего не понимают! — весело повторил унтер. Он и мысли не допускал о том, что эти казавшиеся деревенскими увальнями парни все великолепно понимают. Он даже не представлял себе, что мельком брошенные фразы, пулеметы в траншее, танки, неподвижно застывшие за нею, замечены и что новый рывок гитлеровцев от деревни Скирманово на восток не станет для советского командования неожиданностью.

Они все прекрасно понимали, Виктор и Альфред Кенен, но им не хотелось идти босиком по октябрьской, схваченной первым ночным морозцем земле. И потому они молчали.

— Иван, до Москвы далеко? — спросил гитлеровец по-немецки.

И снова в ответ недоумевающие глаза и растерянные улыбки.

— Ничего не понимают... Москва, ферштеен, Москва... Километры... Ну? — выдавил фашист на ломаном русском языке.

Альфред пожал плечами, ответил:

— Далеко... восемьдесят километров.

Те поняли, возбужденно заговорили. Им казалось, что Москва ближе, за видневшимися неподалеку холмами. А, оказывается, до нее еще идти и идти... Начался спор, как быстрее добраться до Москвы, по каким дорогам; солдаты говорили, какие силы будут двинуты в наступление отсюда, из Скирманово, а унтер-офицер, между прочим, упомянул о соседних частях...

О братьях забыли. Забыли и об их сапогах. Виктор и Альфред молча стояли в окружении фашистов. Мозг привычно фиксировал каждую деталь, а в душе комом росла ненависть к врагам. «Гранату бы! Гранату! Зубами в глотку! Кулаками по сытым мордам! Но сейчас нельзя...»

— Проваливайте!..

Альфред сделал движение в сторону и вдруг почувствовал, как брат вцепился в полу его пиджака. Он увидел побледневшее лицо Виктора, и его прошиб холодный пот: «Фашист сказал это по-немецки...»

Унтер-офицер толкнул Альфреда в спину:

— Прочь, прочь!..

Братья пошли через деревню, мимо крестьянских изб, мимо крытых брезентом грузовиков. Навстречу по дороге брела группа раненых красноармейцев, захваченных гитлеровцами в местной больнице. В грязных окровавленных повязках, опираясь на палки, на плечи друг друга, с лопатами в руках, они понуро шагали под охраной автоматчиков в сторону фронта.

На околице братья увидели небольшой бревенчатый домишко. Пар валил из маленького окошка, прорезанного в верхнем венце. От колодца к домику, пыхтя, шел мальчишка в немецкой форме и нес ведро воды. И такая радостная беззаботность сияла на его румяной физиономии, что, глядя на него, Альфред невольно улыбнулся.

Вокруг никого не было видно.

— Дай напиться, дружок!

Мальчик удивленно поставил ведро на землю.

— Вы говорите по-немецки?!

— А ты думал, что ты один умеешь говорить по-немецки? — усмехнулся Альфред.

— Нет, но вы так одеты...

— Одежда — это еще не все...

— Вы были в тылу у русских?

— Да,— Альфред похлопал мальчишку по плечу,— в следующий раз возьмем с собой и тебя. Хочешь?

— Я русского языка не знаю.

— Ничего. Научим.

— Скорее идите в штаб. Вот мой отец обрадуется, когда вы придете к нему...

— Мы уже доложили другому командиру,— сказал Виктор,— так что твоему папе докладывать не нужно. А кто он такой?

— Мой папа — майор, командир батальона,— с гордостью ответил мальчик,— он здесь самый главный. Вон его штаб.

— Где?

— Вон там, в конце деревни каменный дом.

— Хорошо. В другой раз обязательно зайдем. А пока до свидания.

Скирманово осталось позади, впереди виднелась новая деревня, тоже опоясанная траншеями, а дальше — овраг и опасный путь к своим. Этот рейд продолжался три дня. В октябре и ноябре братья Кенен неоднократно переходили линию фронта. Шла будничная работа разведчиков. Работа на краю гибели.

В начале декабря 1941 года Альфред был направлен в отряд особого назначения, которым командовал майор В. В. Жабо. Много лет спустя в своих воспоминаниях маршал Г. К. Жуков так писал о нем: «Владимир Владиславович Жабо родился в Донецке в 1909 году. Кадровый офицер-пограничник, он отличался большим мужеством и храбростью. Мне его рекомендовали как исполнительного и решительного командира. Я принял его лично. В. В. Жабо понравился мне своей готовностью идти на любое ответственное дело...»

В. В. Жабо разработал план — взять несколько трофейных грузовиков, посадить на них бойцов, переодетых в немецкую форму, и выехать в тыл противника. Такой отряд, хорошо подготовленный и мобильный, мог бы многое сделать для разгрома врага. Но для его успешного осуществления требовался человек, в совершенстве владевший немецким языком. Майор В. В. Жабо направил в штаб Западного фронта просьбу прислать в отряд переводчика, и его просьба была удовлетворена. Он вызвал к себе начальника разведки и сказал ему:

— Поедешь в штаб фронта, возьмешь там товарища, который будет у нас переводчиком и разведчиком.

Начальник разведки выполнил приказ и, вернувшись в расположение отряда, представил Альфреда Кенена командиру.

— Как твое имя? — спросил его майор Жабо.

— Альфред Стаффорд.

— Стаффорд?! Странно... Это английская фамилия.

— Я — немец. Политический эмигрант.

— Очень хорошо. Будем работать вместе. Только вот что, Альфред, хватит тебе быть Альфредом... У нас ты будешь Юрой. Так будет удобнее. И тебе. И нам. Ясно?

Так Альфред Кенен стал Юрой. Под этим именем его и знали бойцы отряда особого назначения.

5

Это произошло 2 февраля 1942 года. Стоял тридцатиградусный мороз. Отряд майора В. В. Жабо готовился к очередному переходу линии фронта, с тем чтобы выйти в тыл гитлеровских войск в районе города Вязьмы. Но обстоятельства сложились так, что гитлеровцы отсекли наши передовые части, двинувшиеся в наступление, и осложнилось положение войск в районе Юхнова, юго-западнее Москвы.

Находившийся вблизи фронта отряд майора В. В. Жабо подготовился к схватке с врагом. Бойцы немедленно заняли позиции в лощине между холмами на берегу замерзшей реки Вори.

Было тихо. Только поскрипывали на ветру обледеневшие деревья и слышалось громкое дыхание бойцов, спешно отрывавших в снегу окопы.

Прошло уже несколько часов, но обстановка не прояснилась.

Вдруг из леса, прямо перед позициями отряда, показалась колонна людей, одетых в белые маскировочные халаты. Кто это? Фашисты? Или прорвавшиеся из окружения советские части?

Колонна приближалась все ближе. Как выяснили наблюдатели с холмов, их было не меньше батальона.

Разведчики, и среди них — Альфред Кенен, выдвинулись чуть вперед. Неизвестная колонна была уже метрах в ста от позиции отряда. И впереди шел знаменосец с развернутым Красным знаменем!

Свои?! Но части Красной Армии не ходят в походной колонне с развернутым знаменем. Нет, этот «парад» неспроста...

Альфред решил рискнуть и крикнул по-немецки:

— Стой! Какая часть?

Авангард колонны остановился.

— А вы кто такие? — раздалось в ответ на чистейшем саксонском диалекте. В морозной тишине до Альфреда донеслись обрывки немецкой речи. Сомнений больше не было... Меткие автоматные и пулеметные очереди отбросили фашистов назад к лесу, заставили их залечь.

И начался бой, жестокий и кровопролитный.

Атаки гитлеровцев следовали одна за другой. Против трехсот красноармейцев были брошены танки, артиллерия.

Но бойцы отряда особого назначения, многие из которых были ранены, стояли насмерть. Тот бой длился восемнадцать часов. Погибло более половины личного состава отряда, кончались боеприпасы, одежда покрылась ледяной коркой и уже

Командир отряда особого назначения Владимир Жабо. 1942 г.

не грела... И только на рассвете, когда за спиной, в тылу, были оборудованы новые оборонительные позиции и свежие советские части сменили их, отряд Жабо смог отойти.

В последней группе среди двадцати пяти человек, прикрывавших отход отряда, находились майор В. В. Жабо и Альфред Кенен. В предрассветной тьме они внезапно наткнулись на вражеский заслон.

— Стой! Кто идет?!

Альфреду суждено было еще раз спасти товарищей.

— Ты что, с ума сошел? — крикнул он по-немецки солдату.— Не видишь? Кто тут может быть, кроме своих?

И группа советских бойцов беспрепятственно прошла дальше.

15 февраля 1942 года Альфреду Кенену было присвоено воинское звание лейтенант, а неделей позже, 23 февраля, в день годовщины Красной Армии, ему вручили медаль «За боевые заслуги».

Весной 1942 года после непродолжительного отдыха отряд особого назначения получил приказ выйти в тыл противника, на помощь партизанам Брянщины. Бойцы прощались со своим любимым командиром майором В. В. Жабо, получившим назначение на должность командира партизанского отряда на Смоленщине.

Бойцы и командиры выстроились. Майор В. В. Жабо подходил к каждому, жал руку, говорил несколько слов.

Альфред Кенен до конца дней своих будет вспоминать, как майор, обхватив его за плечи, крепко обнял, прижал к себе и сказал:

— Будь счастлив, Юра. Возвращайся в Германию победителем.

В. В. Жабо не дожил до победы. Он пал в бою с фашистами, освобождая родную советскую землю.

Имевшие уже немалый опыт боевых действий в тылах вражеских войск, бойцы и командиры отряда особого назначения должны были укрепить партизанские силы на Брянщине.

В начале 1942 года там побывал специальный корреспондент газеты «Правда» Михаил Сиволобов. Позже в своих корреспонденциях он рассказал читателям о том неизгладимом впечатлении, которое на него произвел этот партизанский край.

Районный центр Дятьково — небольшой городок, известный своим стекольным производством. Объединенные силы партизан мощным ударом выбили захватчиков из Дятькова и освободили весь район.

Глубокий тыл гитлеровцев. Бои идут на востоке. Вокруг — захватчики, и вдруг — целый район, где функционируют органы Советской власти, где живут и работают советские люди. Карательные экспедиции гитлеровцев оканчивались провалом — партизаны стойко и самоотверженно защищали освобожденные земли...

В конце марта 1942 года отряд особого назначения передислоцировался в поселок Сухиничи для пополнения и довооружения, а несколько дней спустя 450 бойцов и командиров двинулись к линии фронта. Недалеко от города Кирова Калужской области отряд благополучно перешел в тыл врага и направился на юго-запад, по направлению к Дятьковскому партизанскому району.

На рассвете 3 апреля, когда отряд находился на марше, он был обнаружен фашистским самолетом-разведчиком. И когда утомленные многокилометровым ночным переходом бойцы располагались на отдых в деревне Дубровка, гитлеровская авиация обрушила на них удары с воздуха. Бойцов спешно стали выводить из деревни в ближайший лес. Во время бомбежки был тяжело ранен Альфред Кенен.

Итог первого дня во вражеском тылу был неутешителен. Трое раненых. Один — убит. Отряд еще не приступил к боевым действиям, но уже есть жертвы. Что делать? Как быть с ранеными?

— Надо их в больницу отвезти,— порекомендовал старик-крестьянин.

— А где она? — спросил командир отряда.

— В селе Бытошь, верстах в двадцати пяти...

— Фашисты там есть?

— Вроде бы нет...

— А лошадь с санями дадите?

На этот вопрос командира ответили сразу несколько голосов.

— Конечно, дадим. Вы не сомневайтесь. Остались еще у нас лошади, не всех увели...

Жители Дубровки устроили раненых в санях, обложили сеном и отправили в сопровождении вооруженного партизана по неизведанному пути в Бытошь...

Впоследствии, в октябре 1943 года, Альфред Кенен писал в своей автобиографии:

«...Три дня я был полностью без сознания. В течение нескольких недель я не мог вспомнить ни своего имени, ни имен окружавших меня товарищей. Постепенно память возвращалась. Самым тяжелым было то, что в результате ранения я полностью утратил зрение обоих глаз от центра поля зрения вправо, которое не улучшилось вплоть до сегодняшнего дня. Первые недели после ранения я лежал у крестьянина в с. Бытошь...»

Жители села Бытошь, знавшие о раненых, приносили для них продукты, бинты, медикаменты, предупреждали об опасности, когда в село наведывались гитлеровцы или полицаи, помогали укрывать раненых от вражеских глаз...

И немецкий антифашист поражался, глядя, как крестьяне, которых оккупанты ограбили и пытались запугать, делятся последним с ранеными бойцами, понимая, что за это им угрожает смерть. И он учился у этих простых людей самоотверженности, человеколюбию, решительности и стойкости.

Дятьковская партизанская бригада, в состав которой вошел отряд особого назначения, вела бои с гитлеровцами. Партиза-

ны, приезжавшие в Бытошь проведать раненых товарищей, рассказывали им о своих боевых делах. Альфред Кенен понимал, что он не может долго оставаться в гостеприимном доме, что его место там, рядом с друзьями, в засадах на лесных дорогах, в боях с карателями. Он рвался в свой отряд. И как только немного оправился от ран, смог самостоятельно передвигаться, вернулся к товарищам.

Партизанская бригада располагалась тогда в большом селе Ивот, на территории Дятьковского района. Альфред был еще очень слаб, и на первое время командование освободило его от непосредственного участия в боях. Целые дни проводил он в штабе, разбирая трофейные документы, допрашивал пленных. Временами нестерпимо болела голова, уставали глаза — сказывалось тяжелое ранение, но молодой антифашист стойко переносил все трудности. Помогали ему и новые друзья — партизаны, сердечно принявшие его в свою боевую семью.

В конце мая обстановка в районе действий отряда резко осложнилась. Оккупанты активизировали карательные операции против партизан. Начались тяжелые сражения.

Позже, вспоминая те трудные дни и ночи, Кенен не мог понять, как он выдержал, откуда брались силы. В довершение всего начало резко ухудшаться его зрение. Он слеп. Необходимо было срочно спасать «разведчика Юру».

В период короткого затишья между боями командование отряда связалось с Большой землей и вызвало самолеты, чтобы вывезти раненых партизан. В своей уже упоминавшейся автобиографии в октябре 1943 года Альфред Кенен писал:

«По приказу нашего командира, после того, как я еще переболел цингой, я был доставлен самолетом на операцию в Москву.

Я не намерен далее иллюстрировать примерами то, что я выполнял свои задания против фашистов как коммунист.

Я хочу лишь упомянуть о том, что после перехода в партизанский район три члена партии рекомендовали меня в кандидаты партии, среди них — комиссар нашей части...

Я был в госпиталях Москвы, Мурома, Нижнего Тагила, Свердловска. Однако операцию не делали. Цингу вылечили. Восемь месяцев я находился в офицерском резерве, в Свердловской области...»

Находясь в госпиталях, Альфред пытался навести справки о своем брате Викторе, с которым он расстался еще в декабре 1941 года, но безуспешно. Тревожила Альфреда и судьба родителей. В Москве их не оказалось — они были эвакуированы оттуда еще осенью 1941 года, и никто из знакомых точно не знал — куда.

Находясь в резерве, Альфред попытался снова попасть на фронт, но ему отказывали: болен, нестроевой... Тянулись дни, однообразные, как осенний дождь. Вспоминая бои и друзей, он испытывал гнетущую тоску. Кенен стал работать на оборонном предприятии в Свердловске. Временами ему казалось, что голова расколется от напряжения и усталости, нестерпимо болели глаза. Но он не жалел себя, чтобы хоть как-то участвовать в великой справедливой битве, которую вел советский народ против германского фашизма.

Однажды в ответ на его многочисленные просьбы об отправке на фронт его вызвали на медкомиссию. Врачи определили, что Альфред Кенен не годен к военной службе, и он был уволен в запас. Однако Альфред не примирился с таким приговором врачей и решил вернуться в строй бойцов.

6

...Я, сын немецкого народа, преисполненный любви к своему народу, своей родине и своей семье, клянусь бороться против гитлеровского фашизма и его режима до тех пор, пока народ мой вновь не станет свободным и счастливым, пока позор фашистского варварства не будет сметен с лица земли, а гитлеровский фашизм уничтожен...

Из клятвы участников движения
«Свободная Германия»

Когда сыновья Альфред и Виктор уходили на фронт, отец обнял их и сказал: «Мальчики! В нашей семье никогда не было трусов. И, надеюсь, не будет. Молодые должны продолжать наше дело. Мы уже старики. Но и мы тоже кое на что способны».

Братья Кенен с оружием в руках сражались во имя новой Германии, во имя торжества справедливого дела, ради которого боролся и их отец.

Крупные поражения немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, особенно после разгрома гитлеровцев на Волге, способствовали расширению среди военнопленных антифашистского движения. В то же время представители компартии Германии вели пропаганду за создание национального фронта. Многие немецкие военнопленные встали на путь последовательной борьбы против фашизма.

В 1943 году усилилось антифашистское движение в Германии и в союзных ей странах. Обострение политической обстановки в Германии способствовало росту активности коммуни-

стической и социал-демократической партий. Уцелевшие от разгрома подпольные организации Сопротивления в условиях жестокого террора вели самоотверженную борьбу против войны и гитлеризма. Эту борьбу возглавила Коммунистическая партия Германии, стремившаяся объединить все слои немецкого народа в едином антифашистском фронте.

Особое значение в антифашистском и антивоенном движении немецкого народа имело создание в СССР по инициативе ЦК Коммунистической партии Германии в 1943 году Национального комитета «Свободная Германия».

В подмосковном городе Красногорске 12—13 июля 1943 года была созвана учредительная конференция, в которой приняли участие германские коммунисты, антифашистски настроенные депутаты рейхстага, писатели, рабочие и бывшие солдаты вермахта. Они обсудили положение на фронтах, внешнюю и внутреннюю политику гитлеровской Германии, настроения солдат и гражданского населения внутри страны и пришли к выводу, что единственная возможность для Германии избежать национальной катастрофы — это низвержение гитлеровской клики и прекращение преступной войны.

С докладом «Путь чести нашего народа» на конференции выступил известный немецкий писатель-коммунист Эрих Вайнерт. Он дал подробный анализ разбойничьих целей войны, ведущейся гитлеровской кликой, убедительно показал неизбежность разгрома гитлеровской Германии и крушения кровавого фашистского режима.

«Советское правительство,— заявил Эрих Вайнерт,— не чинит никаких препятствий нашей конференции. Это значит, что Советский Союз не скрывает своих симпатий к истинному немецкому освободительному движению. Это значит, что Советский Союз не смешивает немецкий народ с Гитлером, несмотря на те невыразимые страдания, которые причинили немецкие солдаты этой стране. Это означает, что Советский Союз питает доверие к людям, которые поднялись на борьбу против Гитлера. И это доверие мы оправдаем».

Главное внимание делегатов привлекал вопрос о будущем Германии, о судьбе страны после разгрома фашизма и окончания войны. Об этом подробно говорил в своем выступлении председатель ЦК КПГ Вильгельм Пик. Он отметил, что последствия будут очень тяжелыми, если немецкий народ в своем большинстве и дальше пойдет за Гитлером. «Однако,— сказал он,— создание Национального комитета «Свободная Германия» укажет немецкому народу пример объединения всех честных немцев. Это должно помочь немецкому народу на родине и на фронте покончить с преступной войной».

С речью на конференции выступил писатель Вилли Бредель. Оценивая сложившуюся обстановку, он еще раз предупредил: кто идет с гитлеризмом, тот идет по пути гибели Германии, тот борется против немецкой нации. «Перед Национальным комитетом,— подчеркнул Бредель,— стоит большая, поистине огромная задача... если мы отдадим себе отчет в этом и таким образом приступим к работе, то мы сделаем Национальный комитет фактором силы, и тогда Германия, может быть, и будет избавлена от полного разорения. В самый горький для Германии час, в труднейшие для нее дни докажем, что мы являемся лучшими сыновьями нашего народа, докажем это нашим делом и нашей работой».

Участники конференции единодушно пришли к решению создать Национальный комитет «Свободная Германия» — руководящий орган антифашистского, демократического движения. В его состав вошли видные политические деятели Вильгельм Пик, Вальтер Ульбрихт, Вильгельм Флорин, писатели Эрих Вайнерт, Фридрих Вольф, Иоганнес Р. Бехер, Вилли Бредель, а также прогрессивно настроенные военнопленные солдаты и офицеры.

Руководящим ядром, душой вновь созданной антифашистской организации были немецкие коммунисты. На первом заседании Национальный комитет единогласно избрал своим председателем немецкого писателя-коммуниста Эриха Вайнерта.

Программа Национального комитета, его цели и задачи были изложены в Манифесте, с которым только что образованный Национальный комитет обратился к германской армии и германскому народу.

«Образование Комитета и распространение Манифеста будут способствовать тому, что ряды противников гитлеровской тирании в самой Германии, в немецкой армии и в немецком населении будут теперь увеличиваться еще быстрее. В этом прежде всего и заключается политическое значение образования Национального комитета «Свободная Германия»,— писала газета «Правда» в своей передовой статье 1 августа 1943 года.

В августе 1943 года находившийся в Свердловске Альфред Кенен наконец получил долгожданную весточку от родителей, вернувшихся из эвакуации в Москву. Они писали: «Дорогой Альфред! Вчера приехали сюда. Мы были девять дней на пароходе... Поездка была очень интересная... Мы оба хорошо поправились... Вчера долго разговаривали с Вильгельмом Пиком о прошедшей работе и о большом значении нового Национального комитета «Свободная Германия». Его образование означает

для нас еще более интенсивную работу. Мы очень довольны и надеемся, что скоро увидим успехи...

С коммунистическим приветом папа и мама».

Спустя несколько дней Альфред Кенен, получив соответствующие документы, выехал из Свердловска в Москву. Там был отец, и он надеялся с его помощью снова попасть на фронт. По приезде Альфред обратился с просьбами-заявлениями в Центральный штаб партизанского движения, в Народный комиссариат обороны, в Главное политическое управление Красной Армии. Его снова вызывали на медицинские осмотры и снова, теперь уже окончательно, врачи объявили: «К строевой службе в рядах армии не годен».

Альфред был в отчаянии. Казалось, рушились все его надежды и мечты вернуться в строй борцов против фашизма.

И вдруг ему неожиданно предложили работу по линии Национального комитета «Свободная Германия». Прежде чем согласиться, он долго беседовал с отцом, расспрашивал его о движении «Свободная Германия». Молодому антифашисту хотелось как можно больше знать о той обстановке, в которой предстояло работать.

В ноябре 1943 года, получив новое назначение, Альфред Кенен весь ушел в работу. Теперь почти вся семья Кенен: Бернард, Фрида и Альфред боролась вместе, в одном строю, во имя одной цели, во имя новой, демократической Германии.

Лишь о Викторе долго не было ничего известно. Значительно позже они узнали, что Виктор Стаффорд был направлен командованием для выполнения особого задания в фашистский тыл. Они понимали, что Виктор не имеет возможности ничего сообщить о себе, и потому терпеливо ждали, как ждали весточек от своих сыновей и близких сотни тысяч советских людей. Но время шло, а вестей от него не было. Беспокойство и ожидание сменилось тревогой. Где Виктор? Что с ним?

Бернард Кенен и Альфред пытались навести справки, посылали запросы в разные адреса и инстанции в надежде хоть что-нибудь узнать.

В одном из своих заявлений в Народный комиссариат обороны Бернард Кенен писал: «По совету товарища Вильгельма Пика я обращаюсь к вам по следующему вопросу. Я прошу вас помочь нам узнать судьбу моего сына Виктора, который в июне 1941 года вступил добровольцем в ряды РККА... Я о Викторе с января 1942 года сведений не имею... Ответ прошу передать тов. В. Пику, так как я, наверное, временно еду в командировку. С коммунистическим приветом Стаффорд».

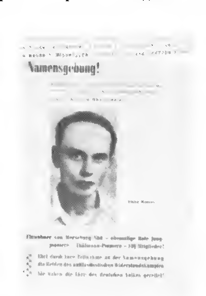
За этим запросом последовали другие, но найти следы немецкого антифашиста Виктора Кенена-Стаффорда оказалось нелегко.

Сведения о нем были отрывочны и противоречивы. Офицер, отправлявший его на задание, вскоре погиб, его товарищей, которые могли что-нибудь знать, разбросала война, и найти их оказалось невозможно.

Лишь много лет спустя после окончания Великой Отечественной войны, в результате настойчивых и активных поисков, Альфред Кенен узнал, что его брат Виктор в составе десантной

Лейтенант Красной Армии А. Кенен. 1943 г.

Листовка, выпущенная в связи с присвоением имени В. Кенена школе г. Мерзебурга. ГДР, 1965 г.

группы был заброшен самолетом 25 января 1942 года в глубокий тыл врага...

На другой день в Центре была принята радиограмма: «Приземлились благополучно. Приступаем к работе...»

Это была первая и единственная весть от отважных парашютистов. Напрасно радисты Центра снова и снова вызывали группу; напрасно ночи напролет сидели они, не снимая наушников, у раций,— антифашисты не отзывались. Тайну их последнего боя поглотила война...

В книге «Немецкие борцы Сопротивления. Биографии и иллюстрации», выпущенной издательством ГДР «Дитц» в 1970 году, в первом томе, на с. 513 говорится:

«Виктор Кенен зимой 1941 года принимал участие в обороне Москвы, а позже сражался на стороне польских партизан против оккупантов. Он попал в руки фашистов и был убит».

Идя по следам жизненного пути своих героев, мне не раз довелось побывать в Германской Демократической Республике — первом на немецкой земле государстве рабочих и крестьян. Там я повстречался с ветеранами жестоких классовых битв, старыми членами КПГ и молодыми людьми, парнями и девушками, только начинающими жить, с теми, кто, выполняя заветы павших борцов, строит социалистическое общество в ГДР.

В городе Галле, где долгие годы жил и работал первый секретарь окружного комитета СЕПГ Бернард Кенен, бережно хранят память о нем. Одна из улиц этого города химиков и горняков носит имя стойкого коммуниста. Я побывал в воинской части Национальной народной армии ГДР, носящей имя Бернарда Кенена, встретился с солдатами и офицерами, с сыновьями тех, кто вместе с коммунистами этого края боролся против нацистского режима.

Немецкие друзья привезли меня на Мансфельдский комбинат имени Вильгельма Пика — один из главных центров цветной металлургии ГДР. Там я познакомился с рабочими шахты имени Бернарда Кенена, узнал об их жизни и труде.

В городе Эйслебене услышал и навсегда запомнил рассказ старого немецкого коммуниста Курта Линднера, боевого соратника Бернарда Кенена. В тот памятный день — 12 февраля 1933 года — он был в здании клуба вместе с товарищами, когда на них напали штурмовики... О событиях того дня читатель уже знает. Многие антифашисты погибли, были брошены в тюрьмы, эмигрировали. За Куртом Линднером была установлена слежка. Но боевой дух мансфельдских рабочих сломить не удалось.

Товарищ Линднер показал мне помещение спортивного клуба, носящего ныне имя известного немецкого антифашиста Вернера Зееленбиндера. В тот час в зале, где когда-то состоялся неравный бой, шли занятия. Мальчики и девочки, совсем еще малыши, видимо первоклашки, старательно выполняли упражнения на спортивных снарядах. Мы молча смотрели на детей, и отблеск подвига их отцов виделся мне в их глазах.

Имена павших в бою будут вечно жить на земле, за которую они отдали свою жизнь. Неподалеку от Галле, в небольшом городке Мерзебурге, есть школа, которая вот уже более двадца-

ти лет носит имя Виктора Кенена, отважного немецкого юноши, бойца-антифашиста. В зеленом районе Берлина — Грюнау живет бывший подполковник Национальной народной армии ГДР товарищ Альфред Кенен. Много раз бывал я у него в гостях, слушая его рассказы о товарищах, о себе и своей семье. Высокими боевыми наградами отмечен его жизненный путь.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 мая 1970 года гражданин ГДР Альфред Кенен за активное участие в борьбе против германского фашизма был награжден орденом Отечественной войны первой степени.

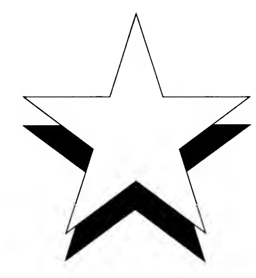
Недавно, в июле 1981 года, ко многим его наградам прибавилась еще одна. За активное участие в строительстве и развитии социалистического общества и укреплении ГДР А. Кенен был награжден золотым орденом «За заслуги перед Отечеством».

Советские друзья, его боевые побратимы, никогда не забывают своего немецкого друга, «разведчика Юру».

— С той далекой военной поры прошли годы,— сказал однажды Альфред Кенен.— Но ни время, ни расстояние никогда не сотрут из моей памяти имена тех, с кем вместе сражался против фашизма.

Каждое поколение имеет свою память и свои воспоминания.

Размышляя о судьбе семьи Кенен, я думаю о поколении тех немцев, которые выбрали путь Октября, стали друзьями нашей страны. Я думаю о немцах, выбравших революционные баррикады и тяготы антифашистского подполья, беспокойную жизнь солдата и бойца за освобождение своего народа от капиталистического гнета и нацистской тирании. Я думаю о немецких интернационалистах, вместе с нами, в одном ряду сражавшихся во имя Победы над силами реакции и войны. Грядущие поколения должны знать о подвиге своих отцов.

**Летом 1942 года
штаб Бряиского фроита
иаправил в тыл противиика
группу разведчиков, которая
должиа была по радио
сообщать командоваиию сведеиия
о вражеских войсках. Группу эту
возглавил Петр Вершигора,
которому пришлось пройти
по иеприятельскому тылу длиииый
и трудиый путь... П. П. Вершигора
в качестве заместителя
по разведке комаидира партизаиского
соедииеиия С. А. Ковпака участвовал
во миогих боевых операциях,
в том числе — легеидариых Карпатском
и Польском рейдах ковпаковцев.
Автор очерка Петр Брайко лично зиал
Петра Петровича Вершигору
и длительиое время работал
в тылу врага под его руководством.**

П. Брайко

Одержимый человек

Петр Вершигора

Миллионы людей знают генерала Вершигору как прославленного партизанского командира. Как талантливого писателя, рассказавшего о подвигах многих патриотов. Но никто долгие годы не знал Петра Петровича как разведчика, кроме тех, разумеется, кто посылал его на задание в тыл врага.

Даже для нас — людей, которые воевали бок о бок с Петром Петровичем, его разведывательная деятельность оставалась тайной.

Впервые я увидел Петра Петровича Вершигору в августе сорок второго года. Это произошло вскоре после того, как мы, ковпаковцы, вторично — после дерзкого двухмесячного рейда по Сумщине — разгромив с ходу крупный вражеский гарнизон в Старой Гуте, прорвались в Брянский партизанский край.

Погода стояла теплая, сухая, будто по специальному заказу партизан. Отряды Ковпака располагались в лесу. В летнее время мы в населенных пунктах не останавливались на дневку, чтоб не подводить под удар мирное население.

Штаб Ковпака размещался в новеньком трофейном автобусе, тщательно замаскированном под развесистыми густыми елями.

В тот день я, как помощник начальника штаба по разведке, только-только успел заслушать доклады командиров разведгрупп, вернувшихся со спецзаданий, и, примостившись на травке под сосной, в сотне шагов от штабного автобуса, принялся составлять разведсводку. Едва я набросал ее вчерне и стал проверять, не упустил ли чего-нибудь, как вдруг вижу: на бумагу наплыла чья-то тень. Солнце уже было почти на верхушках деревьев. Не поднимая головы, перевел взгляд в ту сторону, откуда легла тень, и увидел совсем рядом добротные новые армейские сапоги. «Откуда такие? — мелькнула мысль.— У нас в отряде нет таких сапог ни у кого...»

Поднимаю голову — и верно, передо мной стоит человек, недавно прибывший в штаб, в свежей, почти новой военной форме с двумя шпалами в петлицах. Роста он был невысокого, но сложен на редкость хорошо: плотный, плечистый, стройный. Чуть улыбаясь одними глазами, незнакомец, словно прицели-

ваясь, щурился на мой трофейный штурманский планшет, служивший мне письменным столом.

— Над чем колдуешь? — спросил он дружелюбно. И присел рядом на мягкую, как бархат, моховую подушку.

«Интересно, кто же он такой? И откуда приехал к нам?..» — подумал я, вспоминая, что видел, как он утром появился в партизанском лагере. На небольшой одноконной пролетке он подъехал к развилке дорог вблизи нашего штаба. Дальше часового пролетку не пустили. Неизвестный оставил ее, съехав на обочину, а сам направился к трофейному автобусу, у которого стояли командир партизанского соединения Ковпак и его комиссар Руднев.

— Суммируешь данные? — догадался незнакомец, краем глаза глянув на мою работу.

— Да вот думаю...— уклончиво ответил я этому бородатому крепышу, а сам с любопытством и какой-то невольной симпатией смотрел на его доброе, открытое лицо. Но полугодовой опыт борьбы во вражеском тылу приучил всех нас относиться с осторожностью к каждому новому человеку. А разговаривал он со мной, как с равным, несмотря на разницу в возрасте и звании,— было мне тогда, лейтенанту, чуть побольше двадцати. Словом, мне нравилось в нем все: и его плотная, коренастая фигура, и темно-русая бородка лопаточкой, придающая преждевременную солидность его румяному добродушному лицу, и манера щуриться, и мягкий спокойный голос, и задумчивый взгляд.

— Вершигора, из штаба брянских партизан,— отрекомендовался он. Потом, подумав, добавил: — Приехал к вам на смотрины. У нас там, под Навлей, изо дня в день ширятся слухи: в Брянские леса пришел с Украины, прорвавшись сквозь многочисленные фашистские заслоны, какой-то крупный отряд. Одни говорят, что командует этим отрядом цыган, семью которого уничтожили фашисты. Вот теперь он якобы и колесит по тылам оккупантов и рассчитывается с ними за кровь своих родных. Другие утверждают, что это полковник, у которого все рядовые — не ниже старшего лейтенанта, что он имеет танки и даже самолеты...

Рассказывая, Петр Петрович незаметно, сквозь узкие щелочки прищуренных век, наблюдал, какое впечатление производит на меня его рассказ. И, видя мою заинтересованность, продолжал с чуть заметной ухмылкой:

— Говорят, что отряд скоро снова уйдет на Украину. Отдохнут, мол, хлопцы немного, отоспятся — и опять в поход, пускать кровь фашистам... Вот я и решил поехать посмотреть на этот грозный и таинственный отряд.

— Ну и какое у вас впечатление?

— Интересно,— проговорил он после паузы в раздумье.— Ваш образ жизни действительно напоминает что-то цыганское, а точнее, казацкое, что-то от далекой Запорожской Сечи. И люди у вас — не такие, как в других отрядах. Какая-то у всех особая лихость... Вот только танков и самолетов я еще у Ковпака не видел.— При этом глаза Вершигоры сверкнули озорными огоньками.

Было понятно: в ковпаковские танки, тем более самолеты майор не верит. И чтобы не разочаровывать его, я заметил двусмысленно:

— Ничего. Придет время — увидите и танки, и самолеты!..

Он рассмеялся, поняв, о чьих танках может идти речь здесь, в тылу врага. Оккупационное командование не скупилось на военную технику, стремясь уничтожить партизан.

— Меня они особенно и не интересуют. У нас танки тоже есть... А вот вы, с танками или без танков, как вольный ветер гуляете по оккупированной территории и гоняете фашистов, словно зайцев. Не даете им ни ночью ни днем покоя... Такая война мне по душе! Так что,— подмигнул он,— дело не в танках, а в людях... Конечно, постоянно ходить так, как ходите вы, и вести непрерывные бои — намного труднее!

— А по-моему, все это — дело вкуса, привычки. Вот мы, например, привыкли все время жить в движении. Нам кажется, что так удобнее и намного легче.

Вершигора удивленно вскинул брови.

— Не верите?

— Нет,— покачал Петр Петрович отрицательно головой.— Что удобней — согласен, а вот что касается легкости — сомневаюсь: топать каждую ночь по полсотни километров, да еще с боем, а днем вместо отдыха тоже вести бой — вряд ли это легче. А уж твоим разведчикам — вдвое труднее. Они все время на ногах, отдыхать им совсем некогда. И вообще в рейде, наверно, очень трудно организовать и вести разведку?..

В его ясном дружеском взгляде были искреннее сочувствие и в то же время интерес.

— Как вам сказать? — ответил я ему вопросом на вопрос.— Смотря какую разведку... Непосредственную разведку противника, в интересах своего партизанского командования, вести во время рейда, по-моему, легче. Этому способствует само движение отряда. А вот заниматься дальней разведкой... то есть работать в интересах командования регулярной армии в ходе рейда, конечно, намного трудней...

Брови Вершигоры изогнулись и прыгнули вверх.

— Серьезно? А я думал, что в движении это делать легче.

— Но для этого, во-первых, надо иметь специально подготовленных людей. А у нас таковых нет, и времени на их подготовку тоже нет. Утром мы остановились в одном районе, а вечером ушли дальше, в другой... Во-вторых, у нас отсутствует материальная база, необходимая для дальней разведки: нет средств связи и немецких документов, необходимых для наших разведчиков.

— Ну, документы, положим, можно достать любые,— заметил Вершигора.

— Где, откуда вы их возьмете? — вырвалось у меня.— Не так-то просто это сделать в ходе непрерывного движения. Местному отряду намного легче в этом отношении: он может устроить своего человека в ближайшую немецкую комендатуру и добывать кое-что там. Мы же только случайно можем заполучить какой-либо документ и то — не всегда тот, что надо... А вообще-то, если бы мы имели необходимую документацию и средства связи, можно было бы обеспечить Верховное командование ценными разведданными о состоянии вражеского тыла.

— Ты так думаешь? — спросил он.

— И думать нечего!

На лбу Вершигоры опять, словно крылья чайки, взметнулись беспокойные брови. Он, видимо, что-то прикидывал, взвешивал в уме мои слова.

— Само собой разумеется, все эти задачи можно решить успешно только при условии, что этим делом будет заниматься знающий, опытный человек, профессионал. А я для такого дела еще не созрел.

— Это ты так решил? — удивился он моей откровенности.

— Да. Трудно заниматься тем, о чем имеешь только смутное представление.

— Но ведь ты уже занимаешься этим делом... И судя по отзывам командования, справляешься неплохо.

— Только еще пытаюсь заняться.

— Ничего! — подбодрил он меня.— Война, судя по всему, кончится не скоро, так что еще успеешь научиться...

Так мы беседовали часа два, анализируя удачи и промахи. Петр Петрович давал дружеские советы. Я слушал его и думал: «Вот бы поработать с ним!..»

— Ну ладно, дружище,— сказал он, поднимаясь.— Надо возвращаться к своему начальству.

Я сжал его крепкую, плотную ладонь с чувством сожаления. Казалось, мы знали друг друга уже очень давно. Расставаться с ним не хотелось.

Вечером Вершигора уехал.

* * *

Через неделю-полторы он прикатил снова на том же куцем орловском возке. Только на этот раз Петр Петрович был не один, а с какой-то белокурой девушкой и высоким голубоглазым парнем, с культями вместо рук.

Возок и спутников своих Вершигора оставил у развилки: подъезжать к штабу вплотную не разрешалось никому.

По лагерю мгновенно разнесся слух. Бывалые партизаны таинственно, почти шепотом, передавали друг другу.

— Из Москвы, прямо из партизанского штаба прилетел разведчик... с культями вместо рук! Но сделали ему врачи так, что теми обрубками он может брать все, будто клещами. И стреляет он — хошь из автомата, хошь из пистолета — лучше любого рукастого. Силища у него неимоверная: толкнет кого под дыхало — тот и с копыт долой!.. Видать, мастер по «языкам». И сопровождает его какой-то майор!..

А в это время Петр Петрович медленно, вразвалку подходил к трофейной машине, где в то время находились Ковпак и Руднев.

— Опять к вам приехал.

— Бачу, шо приихав,— улыбнулся Ковпак, подавая Вершигоре руку.— А чого?

— Есть к вам серьезный разговор.

— Ага,— кивнул Ковпак.

Долго бродил Петр Петрович по лесу с Дедом Ковпаком. Потом, тоже прогуливаясь, завел беседу с комиссаром Рудневым. А когда комиссар и Петр Петрович вернулись опять к штабу, Вершигора, заметно повеселевший, уверенно шагнул к Ковпаку и, лихо приложив руку к пилотке, отчеканил:

— Ну, Диду, принимай меня в свою партизанскую академию!

Ковпак внимательно посмотрел на Вершигору, потом перевел быстрый, почти неуловимый взгляд на Руднева, как бы спрашивая у комиссара: «Как, возьмем его?» Затем ответил:

— Дило твое. Тильки смотри, нэ обижайся потом.— И озорно помахал перед носом Вершигоры своей плеткой, с которой он, как старый кавалерист, не расставался никогда.

Руднев улыбнулся в свои черные пышные усы и дружелюбно похлопал Вершигору по плечу:

— Ничего, майор, не робей. Дед шутит.

Но майор совсем не робел; напротив, даже обрадовался.

— Где я могу разместиться со своими людьми? — спросил Вершигора, обращаясь к Деду Ковпаку и комиссару одновременно.

Руднев засмеялся и широко развел руки в стороны:

— А вот, выбирай поблизости от штаба место под любой сосной и располагайся. Жилплощади у нас, как видишь, пока хватает.

Вершигора, довольный таким исходом дела, повернул к своему возку, возле которого его терпеливо поджидали необычный автоматчик с культями вместо рук и белокурая девушка.

Спустя час Петр Петрович снова пришел в штаб. Присев рядом со мной на пенек, он сказал:

— Ну что, будем вместе трудиться?

— С удовольствием, товарищ майор! Может, научите меня чему-нибудь хорошему?

Карие глаза Петра Петровича сузились в усмешке:

— Еще неизвестно, кому у кого придется учиться. У тебя уже есть опыт.

— Какой там опыт? Только взялся за эту работу... А вы, наверное, на этом деле уже не одну собаку съели.

Он опять улыбнулся,— улыбка почти не сходила с его лица.

— Нет, пока еще не съел ни одной. Я ведь всего два месяца как на оккупированной территории. И год, как надел эту форму. А до этого вообще был гражданским человеком.

Этому трудно было поверить, хотя чувствовалось: говорил он искренне. Да и во всем его облике было много гражданского. Но я, с моими лейтенантскими познаниями, никак не мог представить, чтобы человек, не кончавший никакого военного учебного заведения, за год стал майором. Тогда я еще попросту не знал, что встречаются на свете люди, которым незаурядный ум и талант позволяют за один год увидеть, узнать и осмыслить то, чего обыкновенный, даже бывалый служака не постигнет и за всю свою жизнь.

— А как это произошло? Как вам это удалось?

— Очень просто,— ответил он. И, помолчав, добавил: — Все самое интересное и важное в жизни происходит просто.

Но тут перед нами, будто из-под земли, вырос посыльный из штаба и позвал майора к начальству...

Через несколько дней в расположении нашего лагеря появилось десятка два автоматчиков во главе с худощавым черноглазым капитаном — Иваном Бережным. Все они были в новой военной форме. Все, как один, рослые, крепкие, с финками и гранатами, а главное, все с новенькими автоматами ППШ, вызывавшими немалую зависть у наших разведчиков. Таких «инструментиков», как в шутку, но уважительно называли их партизаны, у нас тогда во всем соединении было несколько штук.

Расположились автоматчики рядом с палаткой майора Вершигоры. И я понял: это его люди. Только непонятно было, что они делали под его командой прежде и чем будут заниматься теперь у нас. Но задавать такие вопросы майору было, разумеется, неудобно.

Сам же Петр Петрович не заводил об этом разговора. Он больше спрашивал меня. Иногда мы вместе обсуждали, как лучше провести разведку того или иного объекта. А вообще-то он почти все время ходил по нашему партизанскому лагерю и спокойно, с дружелюбным вниманием присматривался к ритму работы штаба, к будням подразделений, к быту людей.

Через неделю все были удивлены неожиданным событием: Ковпак подписал приказ о создании новой оперативной группы — № 13. Ее командиром назначили майора Вершигору.

Сам Петр Петрович, когда его поздравляли, отнесся к этому назначению так, будто ничего особенного не случилось. Только когда кто-то в шутку заметил, что номер группы Петру Петровичу выпал не совсем удачный — чертова дюжина,— он улыбнулся и ответил:

— Почему — неудачный? А для меня число тринадцать — самое удачное, везучее. На фронт я ушел добровольно тринадцатого июля сорок первого года. И мне, надо сказать, сразу же повезло: за месяц вырос из рядового до командира батальона. А главное — уцелел. Немножко, правда, поцарапали, но это ерунда... В тыл врага меня тоже забросили тринадцатого числа — тринадцатого июня нынешнего, сорок второго года. И тоже удачно. Через два месяца даже орден Красного Знамени получил. К вам в соединение тоже пришел тринадцатого сентября. И уже верю, что тут все получится, как задумано. Чувствую, что и эта чертова дюжина будет везучей...

* * *

Какими же путями пришел в нашу боевую семью этот скромный и доброжелательный человек, ставший впоследствии одним из «трех китов» ковпаковского соединения?

Война застала Петра Петровича на Киевской киностудии, где он работал тогда режиссером. Как творчески ценный работник, он получил броню: мобилизации не подлежал. Но от брони Вершигора отказался и сам попросился в действующую армию.

Его направили во вновь формируемую стрелковую дивизию. Боевой путь Вершигоры начался с футбольного поля полтавского стадиона, на котором и формировалась эта дивизия. Командир полка, узнав, что Вершигора окончил музыкально-

драматический институт и киноакадемию, решил сделать его своим интендантом, ничуть не смутившись тем обстоятельством, что оба эти высшие учебные заведения не имеют никакого отношения к хозяйственной деятельности. Но спустя некоторое время комполка отстранил его от этой работы и с досадой спросил:

— Куда же мне тебя девать? Военное образование у тебя есть? Действительную служил?

Вершигора ответил ему, что служил музыкантом в военном оркестре. Комполка беспомощно развел руками, потом подумал и почему-то назначил Вершигору на должность помощника командира взвода...

2 августа на рассвете стрелковая дивизия, где служил Вершигора, заняла оборону у села Степанцы. Батальон, в который он был назначен, начал окапываться на свекловичном поле по обе стороны дороги, идущей на село Степанцы и далее к Каневу.

Утром, едва были вырыты индивидуальные окопчики, гитлеровцы начали артподготовку. А минут через десять двинулись в атаку.

Батальон начали обходить вражеские автоматчики. Вдруг кто-то крикнул:

— Командира убили-и!

И тут Вершигора увидел, что кто-то из бойцов взвода поднялся и по свекловичному полю побежал в Степанцы... В этот же момент Вершигора заметил и первого немца — в камуфляжном костюме, с автоматом в руках фашист полз в сторону Вершигоры, но еще не видел его, увлекшись быстрым успехом: этот автоматчик стрелял в спины бегущих. Когда вражеский солдат подполз к Вершигоре вплотную, он бросился на фашиста и задушил его. Обожженный приливом ненависти к врагу, Вершигора понял, что обязан теперь заменить убитого командира взвода. Схватив немецкий автомат, Петр Петрович догнал бойцов и приказал всем залечь. Отстреливаясь и организованно отходя по команде Вершигоры, солдаты успели забраться в свои окопы, отрытые заранее на окраине села. А там все сразу почувствовали себя по-иному...

В этом первом своем настоящем бою Вершигора навсегда усвоил истину, которую затем повторял не однажды:

— На войне нельзя показывать врагу свою спину. Солдат, показывающий противнику спину, вызывает у того уверенность в успехе и служит хорошей мишенью. Даже отступать надо лицом к врагу!

Так, постигая азы военного дела на практике Вершигора стал командиром взвода...

А бои на окраине села Степанцы с каждым днем становились все ожесточеннее: фашисты намеревались прорваться вдоль этой дороги к переправам через Днепр возле Канева.

Позднее во время сражения, в ходе которого сменились четыре комбата, Вершигоре пришлось возглавить и роту, и затем поредевший батальон, ставший непреодолимой преградой для гитлеровских войск. Только обеспечив переправу дивизии и других наших частей на восточный берег, Вершигора сам перебрался через Днепр.

Но главное, думается, даже не в том, что в ходе упорных боев Вершигора вырос от рядового солдата до командира батальона, а в том, что Петр Петрович Вершигора, кинорежиссер, произведенный волей случая в интенданты, быстро сумел понять, каким должен быть настоящий командир. Он понял: самым главным командирским качеством является высокое чувство ответственности.

— Без чувства ответственности перед своей совестью никогда не станешь настоящим командиром, настоящим руководителем боя! — не раз повторял он.

Как-то группа командиров сидела у штабного автобуса. Между делом вспоминали о своих военных путях-дорогах. Вершигора тогда сказал:

— Пришлось мне побывать и в окружении противника... Случилось это уже под Прилуками. Из кромешного ада, который был в бою под Степанцами, я выбрался со своим батальоном на восточный берег Днепра целым и невредимым. Уже стал этому радоваться, как вдруг рядом разорвалась мина.

Я слушал его рассказ о том, как осколок впился ему в ногу повыше колена (рана, к счастью, оказалась не опасной и скоро зажила), как Петра Петровича откомандировали в штаб Юго-Западного фронта, в роту резерва командного состава,— и все время думал: как же ему удалось выбраться из окружения?..

— После боев под Степанцами мне присвоили первое воинское звание,— Вершигора весело подмигнул.— Звание интенданта второго ранга.

— Почему же вдруг интенданта?! — спросил кто-то.

— А черт его знает! — развел он руками.— Видно, не решились сразу присваивать командирское звание гражданскому человеку. Посмотрели: боем батальона человек руководит, а военного образования нет, звания — тоже нет, зато два гражданских вузовских диплома. Вот и решили произвести меня в интенданты второго ранга. Ну и бог с ними! — махнул он рукой.— Спасибо и за это... Приезжаю, значит, в роту резерва под Прилуки, а на третий день узнаю: рота резерва — в окружении.

— Оказывается, мы с вами — друзья по несчастью,— сказал я, возвращаясь к взволновавшей меня теме.— Только наша часть попала в окружение под Киевом и выбраться из окружения мы так и не смогли. Четыре месяца я блуждал в поисках выхода... пока не напал на след партизан!

— А я был в окружении только четверо суток. И за эти четверо суток понял: выходить из окружения следует сразу, быстро. Или же...— тут он сделал многозначительную паузу,— не выходить вообще, а продолжать борьбу в тылу врага новым, партизанским способом, если уж перейти линию фронта невозможно. Это первое. Во-вторых, я понял, что окружение — не такая уж страшная штука, если смотреть на это как на специфические условия борьбы. Главное — не растеряться, не поддаться ощущению безысходности. В-третьих, убедился, что на захваченной врагом территории можно воевать так же успешно, как и на фронте, а разведку можно вести даже более эффективно!.. В общем, братцы, это четырехсуточное окружение было для меня первой репетицией перед настоящей партизанской борьбой в тылу врага.

Мы слушали его рассказ с таким вниманием, что боялись пошевелиться.

Тогда, во время первой своей четырехсуточной «репетиции» в тылу противника, Вершигора твердо решил выходить на восток, чтобы соединиться с советскими войсками. Его группа (с ним было всего несколько человек) в первый день использовала лошадей, на которых бойцы отмахали добрых 60 километров. Потом, на следующий день, группа Вершигоры, захватив в предрассветной мгле у фашистов грузовую машину, переодела своего шофера в немецкую форму и пустилась напрямик к своей цели. За этот, второй день они приблизились почти к самому фронту, преодолев расстояние более чем в сотню километров по изрытой воронками дороге. А напоследок, конечно, пришлось им добираться пешком и даже, где надо, ползти по-пластунски, чтобы незаметно пробраться к своим передовым частям. На эти последние считанные километры потребовалось столько же времени, сколько на весь предшествующий путь по вражеским тылам. В общем, за четверо суток добрался Вершигора со своей группой к Богодухову, где были тогда наши войска, а оттуда уже — к Харькову...

— Ну а что было потом, когда вы попали наконец в Харьков? — поинтересовался я. Мне хотелось быстрей узнать, как же он снова очутился здесь, в тылу врага.

— В Харькове политуправление, узнав, что я до войны работал кинорежиссером, направило меня в политотдел 40-й армии руководить бригадой фронтовых кинофотокорреспондентов.

На лице Петра Петровича появилась какая-то особая усмешка, обращенная как бы к самому себе. Конечно, понюхав пороху, он принял свое назначение в бригаду кинофотокоров без особого энтузиазма: его уже непреодолимо тянуло в бой.

Но «шастая» по передовой и снимая прямо с ходу, в траншеях отражение вражеских атак или переход наших войск в контратаку, что особенно нравилось читателям дивизионных газет, Вершигора понял: здесь тоже можно пройти большую и очень важную боевую стажировку.

Разъезжая по войскам 40-й армии и заезжая в штабы, беседуя с бойцами, а то и отражая в одном строю с ними вражеские атаки, он не только делал снимки для дивизионных газет, но одновременно с этим учился воевать. А учиться уже было у кого!..

Сначала Вершигора попал в 1-ю Московскую мотострелковую дивизию, там он увидел, как бегают от русского солдата гитлеровцы. Это случилось в последних числах сентября, восточнее города Сумы. Две фашистские дивизии, побросав всю свою хваленую технику, драпали до самого Конотопа. Там-то Петр Петрович со своими коллегами-военкорами и облюбовал себе новенький трофейный «опель-блиц», которым потом долго пользовался при поездках в части действующей армии.

Позднее побывал он в воздушно-десантной бригаде. Был и во 2-й гвардейской дивизии... В общем, после нескольких месяцев фотокорреспондентской работы Вершигора почувствовал, что стал бывалым солдатом. Тут-то он и задумался: пришло время найти свое настоящее место в этой войне, такое место, где бы он смог принести максимальную пользу Родине. «Вот к партизанам бы!» — думал он.

Мысль об этом возникала все чаще. И все настойчивей Вершигора твердил самому себе: «Надо проситься в тыл врага — к партизанам!..»

И вот однажды — это было в первых числах мая сорок второго года — Вершигора поехал в штаб Брянского фронта. Там Петра Петровича встретили сразу два человека: плотный, среднего роста, с торсом тяжелоатлета майор и стройный синеглазый лейтенант, чем-то особенно приглянувшийся Петру Петровичу.

Когда Вершигора представился и напрямик выложил, зачем он приехал и чего хочет, майор и синеглазый лейтенант молча переглянулись. Потом майор заметил многозначительно, с еле заметной усмешкой на губах:

— Да-а, просьба у вас серьезная... Для начала расскажите нам, пожалуйста, о себе подробней.

Пришлось Петру Петровичу выложить о себе все начистоту. Рано потеряв родителей (отец, сельский учитель, умер, когда будущему партизанскому командиру исполнилось всего три года, а затем умерла и мать), Вершигора с детства привык к самостоятельности. Он собственными руками зарабатывал свой хлеб. Пас коров. Потом, когда подрос, работал грузчиком на мельнице... Однако мечта об учебе не оставляла его никогда. Помня заветы родителей, что учение — свет, подросток бежал с принадлежавшей попу мельницы в соседнее местечко Рыбницу, где в двадцать первом году, шестнадцатилетним пареньком, поступил в профтехшколу.

Но проучился Петр только одну зиму: весной начался голод и неизменный спутник его — сыпной тиф... Пришлось пареньку бросить учебу и вернуться опять в родное село Севериновку, где жили родственники отца. Сначала Вершигора работал попрежнему грузчиком на мельнице. Потом его — чуть ли не единственного на всю деревню грамотного батрака — избрали председателем комбеда и секретарем сельсовета. Пришлось тогда Вершигоре делить землю между односельчанами, участвовать в борьбе с бандитами, свирепствовавшими в то время на Украине, заведовать избой-читальней, руководить сельским драмкружком. Да еще в придачу ко всему этому, научившись играть на трубе, он стал непременным участником всех празднеств в селе.

Затем была действительная военная служба — его определили в музкоманду. После демобилизации окончил Одесский музыкально-драматический институт. Работал некоторое время в театрах рабочей молодежи ряда городов, а затем на Киевской киностудии. Позднее, увлекшись новым искусством — кино, поступил в киноакадемию в Москве. Слушал лекции знаменитых создателей фильма «Чапаев» — Васильевых; поставившего «Броненосец «Потемкин» Эйзенштейна и еще многих других известных деятелей кино.

В 1938 году Петр Петрович окончил киноакадемию и возвратился на Киевскую киностудию. Казалось, судьба его определилась. За два года работы на киностудии начинающий режиссер сделал несколько короткометражных фильмов на самые разные темы: сельскохозяйственную, оборонную, этнографическую.

Там же, на киностудии, начал Вершигора пробовать свои силы в литературе. Написал повесть, несколько рассказов и за два месяца до начала войны кончил пьесу.

Конечно, рассказывать о своих режиссерских и литературных поисках здесь, в штабе фронта, казалось Вершигоре неудобным и даже неуместным. Испытывая некоторую неловкость, он заметил:

— Пожалуй, это все уже лишнее...

Молодой синеглазый лейтенант, слушавший его с большим вниманием и симпатией, сказал:

— «Лишних» знаний у тех, кто работает в тылу врага, не бывает. Все может пригодиться!..

Впоследствии, много лет спустя после войны, этот человек, бывший еще лейтенантом при первой встрече с Вершигорой, рассказывал мне об их беседе в штабе фронта:

— Нас с майором тогда порадовали эрудиция, ум и разносторонние дарования Вершигоры. Мы, не сговариваясь, пришли к одному и тому же выводу: Петр Петрович, несомненно, представляет для нас большой интерес.

Вспоминая о своей работе с Петром Петровичем, старый разведчик добавил:

— Заниматься с ним было легко — и в то же время тяжело! Легко и приятно потому, что все, о чем я еще только начинал ему рассказывать, он понимал с полуслова. А тяжело потому, что надо было держаться на уровне, достойном такого ученика. И мне нередко казалось, что в сравнении с ним я чуть ли не ученик. Такие были способности у этого человека!..

* * *

Через три недели после начала занятий все тот же голубоглазый лейтенант сказал Петру Петровичу с чувством удовлетворения:

— Ну что ж, товарищ майор, я считаю, что я вам больше не нужен. Вы вполне готовы к выполнению задания в тылу врага.

— Как, уже? — спросил Вершигора, обрадовавшись.

— Да... Осталось только решить: под каким псевдонимом вы будете там работать?

Петр Петрович чуть прищурил глаза, в которых мелькнул лукавый огонек:

— Зовите меня Лезвием.

— А что, неплохо! — одобрил лейтенант.

Вершигоре оставалось подобрать себе надежных помощников и получить конкретные указания.

В напарники Вершигора облюбовал себе, на удивление всем, двадцатилетнего инвалида Володю Зеболова. В результате несчастного случая Володя еще в детстве потерял кисти обеих рук. Может быть, это и воспитало в нем такой несгибаемый характер — Володя не хотел поблажек ни в чем.

Когда началась Великая Отечественная война, Володя был студентом Московского юридического института. Он увлекся наукой о праве. Преподаватели ценили его пытливость и ост-

рый, глубокий ум. Казалось, он мог спокойно учиться дальше, заниматься любимым делом — мобилизации Зеболов не подлежал. Но он сам пошел в военкомат и потребовал:

— Пошлите меня к немцам в тыл!

Майор-военком, привыкший иметь дело с добровольцами, на этот раз был удивлен. Он грустно посмотрел на молодцеватого парня с неестественно короткими рукавами пиджака.

— Вас? В фашистский тыл?! Не можем... Не имеем права.

Тогда Володя Зеболов отправился в Центральный Комитет ВЛКСМ. Там его выслушали более внимательно.

— Поймите: это трудно даже для самого здорового человека, спортсмена!.. Надо прыгать с парашютом. Вы этого сделать не сможете.

— Почему?! Я прыгну! Я выполню любое задание! — сказал он, сурово насупив брови.

И в ЦК комсомола поняли: этот сделает все.

Вскоре Володя познакомился с Петром Петровичем Вершигорой. Быстро оценив личные качества этого парня, отлично знающего свои родные Брянские леса, Вершигора уже без всякой опаски отнесся к инвалидности своего помощника. «Эти культи там, в тылу врага, смогут послужить парню вместо пропуска!» — сообразил Петр Петрович.

Радистку он подобрал себе тоже родом с Брянщины. И внешностью своей она тоже меньше всего походила на военного человека: обыкновенная деревенская девчонка с хитроватым личиком и светлыми, как у ребенка, ржаными волосами.

* * *

Наконец 13 июня 1942 года был подписан долгожданный приказ, обязывавший П. П. Вершигору, который отныне стал называться Лезвием в штабе фронта, вылететь в фашистский тыл.

В задачу Вершигоры входило: информировать штаб Брянского фронта о передвижении войск противника через брянский железнодорожный узел, а также вскрыть дислокацию вражеских войск и установить точную численность их в районе действия группы.

Вечером того же дня Вершигора вместе со своими помощниками Володей Зеболовым и радисткой Аней Лаврухиной вылетел с прифронтового аэродрома, и через полтора часа, в полночь, разведчики приземлились юго-западнее Навли.

Спрятав парашют и собрав груз, выброшенный вслед за маленькой группой, Петр Петрович присел на пенек, чтобы перевести дух и собраться с мыслями. Беспокоило больше всего: где Володя и радистка, удачно ли приземлились?..

— Ну как, приземлились нормально? — вдруг услышал он за своей спиной незнакомый, но дружелюбный девичий голос.

Машинально вскинув автомат наизготовку, Вершигора обернулся. Около него, совсем рядом, стояли девушка и парень, стройные фигуры их отчетливо вырисовывались на белом фоне берез, посеребренных лунным светом.

— Пришли вас встречать,— объяснил парень.

Вскоре Петр Петрович узнал, что приземлился он со своей группой на территории, контролируемой партизанами. Вот уже несколько месяцев прошло, как советские патриоты изгнали отсюда захватчиков и являются полновластными хозяевами района.

На следующий день Петр Петрович разыскал две развед-группы, выброшенные в этот район несколькими днями раньше. Обе группы вместе с Зеболовым и Лаврухиной поступали в распоряжение Лезвия.

Когда все собрались вместе, Вершигора, окинув быстрым взглядом своих товарищей, довольно прищурил глаза. «Ну, с такой силой можно начинать действовать,— думал он.— Все-таки два десятка таких хлопцев... и три рации! Надо как можно быстрее разобраться в обстановке и приниматься за дело».

Разобраться в обстановке Вершигоре удалось быстрее, чем он сам предполагал. Буквально на следующий день ему стало известно: завтра-послезавтра состоится совещание командиров районных партизанских соединений. Петр Петрович решил во что бы то ни стало попасть на это совещание, где (в этом он был уверен) можно узнать все необходимое для полной ориентировки.

И он не ошибся. На совещании кроме делегатов от многих отрядов и подпольных райкомов партии присутствовал представитель Орловского обкома партии.

Об обстановке, сложившейся к тому времени в партизанском крае, докладывал комиссар объединенных отрядов Брянщины Герой Советского Союза А. Бондаренко. Из его доклада Петр Петрович узнал, что брянскими партизанами уже изгнаны оккупанты из многих населенных пунктов. Полностью освобождены Навлинский и Суземский районы, а Севский, Трубчевский, Брасовский, Комаричский и Выгоничский районы — частично.

За время этого совещания Вершигора, будучи человеком очень общительным, успел лично познакомиться с некоторыми командирами отрядов.

Возвращаясь с совещания в свою штаб-квартиру — облюбованный им одинокий крестьянский домик на краю лесной деревни,— он уже обдумывал план действий. «Одну группу

отправлю под Брянск — наблюдать за передвижением немецких войск по «железке» Унеча — Брянск. Другую — под Карачев, следить за «железкой» Брянск — Орел...»

Отправив своих людей на задание, Вершигора принялся «шастать» (это было его любимое словечко) по отрядам. Петру Петровичу хотелось как можно быстрее познакомиться с бытом партизан, с их тактическими приемами и способами борьбы.

Один из командиров в разговоре с Петром Петровичем сожалел:

— Ну понимаешь — нет взрывчатки! А Гитлер, зараза, как нарочно, вот уже четвертые сутки гонит из Брянска на Льгов по восемь, а то и по десять эшелонов с войсками и техникой!..

Другой командир, рассуждая об обстановке в партизанском крае, пришел к выводу:

— Поверьте, раз гитлеровское командование, напуганное бурным ростом партизанского движения на Брянщине, бросило на нас новые войска, значит, оно наверняка решило оттеснить партизан в глубь леса и там блокировать отряды. Не верите? — И для подтверждения своей правоты он перечислил населенные пункты, занятые противником за последние недели, и нумерацию вражеских батальонов и полков, располагающихся в этих селах.

Третий собеседник сокрушался: мол, очень хочется уничтожить скотобойню, которая находится в предместье города Брянска, но жаль — маловато людей для такой «операции».

— Просто зло берет! Фрицы ездят себе по деревням, забирают у населения коров и режут их на этой бойне. Каждый день двадцать шесть семей лишают молока и мяса! — ругался он.

«А ты что же думал, браток, что немцы пришли сюда раздавать коров? — иронически улыбался Вершигора, слушая его. И тут же подумал, обращаясь к своим — вдруг пригодившимся ему — интендантским познаниям: — Стало быть, в Брянске фрицы съедают ежедневно по двадцать шесть коров? Запасы делать сейчас невозможно: лето, жара, а холодильника нет. Убивают и сразу в пищу...»

— И сколько таких боен в городе? — спросил Петр Петрович.

— Других в городе нет,— отвечал командир отряда, намеревавшийся уничтожить бойню.— Только одна эта... Вот бы ее рвануть!

«Только одна? Да ведь это же ключ к разгадке: какова численность гарнизона в Брянске?» — про себя прикинул Вершигора. И тут же, припомнив суточные нормы мяса в армии

фюрера, подсчитал в уме, сколько гитлеровцев находится в городе.

Из огромного вороха стекавшихся к нему разнообразных сведений Вершигора отбирал по крупице самые ценные, самые нужные, необходимые для штаба Брянского фронта, и затем умело анализировал и обобщал их.

Вершигоре ежедневно доносили о количестве воинских эшелонов противника, проходящих через Брянск на восток, и о количестве составов, задерживающихся каждые сутки на станции; о том, сколько эшелонов уходит из Брянска на Орел, а сколько — на Льгов; и о численности вражеских гарнизонов...

Со временем к Вершигоре стали обращаться молодые партизанские разведчики за советами. Именно поэтому у Петра Петровича и возникло предложение: оказать помощь этим смелым, но еще недостаточно опытным людям, объяснить им, как с максимальной целенаправленностью и эффективностью вести разведку противника в интересах регулярной армии. Командиры партизанских отрядов к этой идее Вершигоры отнеслись одобрительно.

В тот же день Петр Петрович сообщил в штаб фронта о своем замысле. Санкция была получена.

Теперь у него работы стало вдвое больше против прежнего. Когда он замечал, что какой-то командир отряда крепко обеспокоен активизацией перевозок вражеских войск по железной дороге, Петр Петрович осторожно говорил ему:

— Так это же от нас самих зависит: ездят часто потому, что мы не мешаем.

— Как же им помешаешь? — возражал командир отряда.— Взрывчатки у меня нет, всю израсходовали.

— А если я найду ее? — многозначительно прищуривал глаз Вершигора, имевший небольшой запас: штаб фронта недавно прислал.

— Правда, найдете?! Тогда — другое дело! — радовался сразу командир отряда.

Денька через два Петр Петрович привозил ему толу и тут же советовал, где и как лучше всего пустить в ход эту взрывчатку.

Однажды гитлеровцы, начав очередное наступление против брянских партизан, внезапно прорвались к их аэродрому и штабу. Разыгрался упорный, тяжелый для партизан бой. Вершигора, находившийся с группой своих разведчиков неподалеку от атакованного немцами аэродрома, поспешил на помощь народным мстителям. В разгар сражения Петр Петрович сумел вскочить в подошедший партизанский танк Т-34, ринувшийся

в контратаку. В цепях партизан мужественно сражались и бойцы разведгруппы. Аэродром был защищен. При этом танк, в котором был Вершигора, уничтожил один фашистский танк, одну пушку и около трех десятков гитлеровских солдат и офицеров. В этой схватке очень пригодилась Петру Петровичу приобретенная раньше фронтовая закваска.

Как раз в те дни Петру Петровичу стало известно, что в Брянский партизанский край, в район Старой Гуты, пришло с Украины рейдовое партизанское соединение Ковпака и что после небольшого отдыха оно двинется в новый рейд, на Украину. Вершигора сразу почувствовал, что его место — среди ковпаковцев, постоянно находящихся в движении. «Там я смогу принести больше пользы Брянскому фронту,— рассуждал Петр Петрович.— Но как на это посмотрит мое начальство?.. Надо запросить...»

Штаб фронта удовлетворил желание Вершигоры.

Петр Петрович сел в свой орловский возок и помчался к Ковпаку. «Главное — «уломать» Сидора Артемьевича, чтобы взял меня»,— думал он в пути.

Ковпака и комиссара Руднева Вершигоре удалось «уломать» скорее, чем он даже надеялся. Ковпак и Руднев, будучи сами энтузиастами народной войны, по достоинству оценили личные качества своего нового соратника: умение заглянуть далеко вперед, находчивость и горячее стремление принести как можно больше пользы Родине. Они согласились взять его в соединение.

Таков в общих чертах тот нелегкий путь, который суждено было пройти Петру Петровичу прежде, чем он попал к Ковпаку. Здесь-то Вершигора и проявил свои незаурядные, многосторонние способности разведчика и командира.

Сначала, общаясь с этим спокойным и всегда веселым майором, я вообще не мог понять: кто он такой, зачем приехал и что собирается у нас делать?

Вел он себя со всеми, в том числе и с самим Ковпаком, просто, хотя уважительно. Иногда беседовал о чем-то с людьми.

Внимательность, которую проявлял Вершигора ко всем, невзирая на воинское звание и занимаемую должность, а также его отзывчивость, готовность оказать помощь, общительность заставляли нас видеть в нем прежде всего товарища. Повседневно, на деле я убеждался, что Петр Петрович — мой верный, лучший советник. Так между нами возникла дружба.

Всякий раз, когда он приходил в штаб и спрашивал: «Ну, что у тебя сегодня нового?» — я радовался и вместо ответа показывал ему разведсводку. Он молча пробегал ее глазами, иногда делая замечания, давал советы и просил что-нибудь

уточнить. Но особенно поражало его умение видеть в добытых сведениях о противнике то главное, первостепенное, как бы подразумевающееся разведчиками, чего, к большому сожалению, я сам еще видеть не научился. Петр Петрович как-то иначе, по-своему читал разведданные. В обыкновенном на первый взгляд факте он нередко разгадывал целый комплекс мероприятий вражеского командования.

Петр Вершигора после войны

П. П. Вершигора и С. А. Ковпак в с. Блитче

Этой своей способностью мгновенно проникать в тайные замыслы невидимого ему врага Петр Петрович просто покорил меня. Да что меня? Самого Ковпака!.. Дед, который до этого был первым и самым грозным противником увеличения штатов штаба, вдруг решил увеличить разведаппарат на два человека. Издан был приказ, в котором Петр Петрович Вершигора, ставший уже здесь, у Ковпака, подполковником, назначался заместителем командира соединения по разведке. Одновременно в штабе учреждалась должность переводчика.

Именно Петр Петрович сумел убедить Ковпака в том, что в штабе соединения, совершающего непрерывные стремительные рейды по тылам врага, нужен сильный разведывательный аппарат. И я радовался, что именно Вершигору, а не кого-то другого (впрочем, другого такого в соединении и не было!) Дед назначил своим заместителем по разведке. Теперь все нити

этого сложнейшего дела сосредоточились в надежных и умелых руках.

С этого дня Петр Петрович стал для всех ковпаковцев третьим по значимости лицом в соединении.

Внешне сам Вершигора отнесся к назначению его на должность заместителя командира соединения по разведке совершенно спокойно. И вел себя он по-прежнему просто, непринужденно. Так же неожиданно появлялся в штабе и так же подолгу, дружески беседовал то с командиром, то с комиссаром. Казалось, он все еще продолжал знакомиться с жизнью партизанского лагеря. Но это только казалось. На самом деле Петр Петрович работал очень много. Только он умел все делать без суеты, быстро, энергично и в то же время незаметно для окружающих. В общем, так, что люди ощущали не процесс этого труда, а его результат.

И результаты мы почувствовали сразу.

Ковпак, отлично понимавший значение предстоящего рейда, а также той миссии, которая выпала на долю Вершигоры, дал указание о создании в каждом отряде соединения полнокровных, укрепленных лучшими кадрами, разведвзводов. А когда наше соединение вышло в рейд, Дед издал даже приказ, которым обязывал командиров всех степеней, где бы они ни находились и какие бы функции ни выполняли, ставить своим подчиненным прежде всего задачи по разведке противника.

Высокая активность разведчиков позволяла Вершигоре систематически докладывать ценные данные о противнике.

Велика заслуга Ковпака и Руднева в том, что они, будучи оба видными партизанскими организаторами, правильно оценили ту важную роль, которую Вершигора играл у нас в соединении, и всячески помогали ему.

В общем, произошло удивительно удачное слияние сил, взаимодополняющих друг друга. Вершигора, как заместитель командира соединения по разведке, обнаруживал самые важные, самые уязвимые цели, объекты противника. А Ковпак и Руднев тут же наносили внезапные удары по этим объектам.

Так, например, когда в декабре 1942 года Вершигора доложил Ковпаку о том, что гитлеровское командование ведет усиленную переброску войск к фронту по двум параллельным дорогам Брест — Гомель и Ковель — Сарны — Киев, Ковпак, долго не раздумывая, решил «наступить Гитлеру на эту больную мозоль».

Первым делом Ковпак как снег на голову обрушился на железнодорожный узел Сарны в ночь на 5 декабря 1942 года. Тогда же ковпаковские минеры взорвали пять железнодорож-

ных мостов. В результате узел, находившийся на одной из кратчайших магистралей к Сталинграду, был выведен из строя почти на две недели. Эта одна из ковпаковских комбинированных операций стала известна под названием «Сарненский крест».

Затем Ковпак бросил несколько мелких групп на Гомельскую дорогу и на другие магистрали.

В ходе короткого, молниеносного зимнего рейда разведка Вершигоры, устремившегося за сотни километров от своего соединения, поработала особенно успешно. Партизанские разведчики сумели проникнуть в ряд тщательно контролируемых противником городов Белоруссии и Украины.

12 июня 1943 года партизанское соединение под командованием генералов Ковпака и Руднева двинулось в свой новый, уже пятый по счету рейд — рейд в Карпаты.

Узнав, что соединение идет на юг Украины, в Ровенскую, Тернопольскую и Станиславскую области, Вершигора обрадовался: «Хорошо,— думал он,— снова идем «на целину», в край непуганых фашистских зверей. Придется нам серьезно потрудиться!»

И Вершигора не ошибся: в Карпатах ему довелось потрудиться более, чем когда-либо.

Однажды Петр Петрович, докладывая командиру соединения об обстановке на маршруте движения, особо отметил:

— Вернулись мои хлопцы из-под Волочиска. Докладывают, что в последнюю неделю переброска войск по железной дороге резко усилилась.

Руднев поднял на Ковпака вопросительный взгляд.

— Может, пошлем минеров?

— Нельзя,— сказал категорическим тоном Ковпак.— Зачем раньше времени дразнить противника? Нам же нужно завтра ту «железку» переходить. Подорвать ее мы успеем и потом, когда перейдем.— И повернулся к Вершигоре: — А твоя задача — найти удобное место для перехода через эту дорогу.

— Есть,— вытянулся Вершигора.

Через час он выслал на участок «железки» Тернополь — Волочиск несколько разведывательных групп. Но разведчика Вершигору интересовало, что перевозят немцы по этой дороге. Он поставил задачу своим разведчикам — обязательно добыть «языка».

С наступлением темноты ковпаковская колонна двинулась дальше на юг. Партизаны уничтожили на протяжении нескольких километров линию связи.

Утром только-только отряды Ковпака разместились в небольшом дубовом лесочке на дневку, начали возвращаться

разведчики. Одна из групп, посланных Петром Петровичем на железную дорогу Львов — Тернополь — Волочиск, привела сразу десятка два «языков», все они были железнодорожники.

Случилось это так: наблюдая за «железкой», разведчики увидели, что поезда по ней шли через каждые пятнадцать — двадцать минут и только — на восток, и только — с войсками (больше всего — с какими-то очень крупными, новыми танками). Сначала разведчики подумали, что гитлеровцы разгружают «пробку» после какой-нибудь катастрофы. Но эшелоны продолжали катить на восток один за другим несколько часов подряд. Это вызвало у них подозрение. Решили: значит, здесь одна из самых важных магистралей у противника. Чтобы убедиться в этом окончательно, заскочили на ближайшую станцию — расспросить железнодорожников. Заглянули к начальнику станции, а там — более двух десятков человек, идет совещание. Партизаны и прихватили с собой все «совещание», чтоб никто не сбежал и не поднял тревогу.

И вот утром 6 июля вся эта компания сидела уже в лесу, у партизан. Были тут и стрелочники, и машинисты, и диспетчеры, и инженеры, и даже два начальника станции; по национальности — украинцы из западных областей и поляки.

Сначала Вершигора отзывал их по одному, по два в сторону и расспрашивал. Но все они молчали, мотая отрицательно головами,— словно отгоняли слепней.

Прошло уже несколько часов, но ни один из «языков» не заговорил. Видя, что таким путем от них ничего не добьешься, Вершигора позвал дежурного и приказал ему покормить всех. Когда железнодорожники основательно подкрепились, Петр Петрович собрал всех этих «языков» в кучу и завел с ними разговор по-украински, языком Ивана Франко, Василия Стефаника, Ольги Кобылянской, которыми зачитывался еще в юности. Пленники, увидев, что бородатый начальник — не такой уж страшный человек, да еще и умеет отлично говорить поздешнему, постепенно стали включаться в беседу: о том о сем, а там и о своей работе...

Почти все жаловались на трудности в связи с большой перегрузкой их железной дороги и на грубость оккупационных властей.

— Пока по нашей дороге проходило нэ бильше сорока поездов в сутки, было еще ничего,— говорил сухопарый путеец с жиденькой растительностью на черепе.— А з лютого мисяця, то, значить, прошу пана, з февраля, вин (что значило «он», то есть захватчик, немец) прибавил еще чуть не половину поездов!

— Шо там, вы говорите, в лютому мисяци? — воскликнул другой, с рыжеватыми, опущенными вниз усами.— В лютому

ще можно було тэрпеть. А тэпэр уже другу нэдилю вин гоныть по восемьдесят, а то и бильше эшелонив в сутки. И плеткой махаеть на нас: «Шнеллер! Быстрее!»

— Больше восьмидесяти? — удивился Вершигора.— Вы не преувеличиваете? Что-то уж очень много!..

— Так, так,— подтвердили сразу два поляка — оба начальники станций.

— А что везут немцы по вашей дороге? — поинтересовался Петр Петрович.— Машины, уголь, лес?..

— Не-е!..— замахал руками один из начальников станций, бледнолицый поляк в промасленной черной конфедератке с лакированным козырьком.— Для чего швабам (так называли поляки немцев) тэн лес? Наша колея — першей клясы! Тут везут тылько войско, танки, бомбы!

«Так вот, оказывается, почему ковпаковские минеры удивлялись, когда соединение было еще в Полесье,— подумал Вершигора.— Какой ни взорвут эшелон, он то с сеном, то с углем. Значит, Гитлер по северным дорогам, которые подвергались активным ударам партизан, перевозит второстепенные грузы. А здесь, на юге, гонит самые главные свои эшелоны!»

— А в какую сторону идет больше поездов? На запад или на восток? — спросил Вершигора.

— На заход? Не. Уже другу нэдилю по нашей колее поезда идут только на сход... на восток! — сказал убежденно начальник станции.

«Вторую неделю...— прикидывал Петр Петрович в уме.— Это, значит, после того, как партизаны вывели из строя Ковельскую дорогу. Вероятно, тут артерия, питающая гитлеровский фронт! — понял он наконец.— Вот та дорога, которую надо немедленно рубить!»

А куда катят эти восемьдесят эшелонов каждые сутки, помогла ему разгадать сводка Совинформбюро, принятая главным ковпаковским радистом 6 июля в 17.00. Она сообщала о напряженных боях с войсками Гитлера, перешедшими утром 5 июля в наступление на Белгородском и Орловско-Курском направлениях.

Обо всем этом Вершигора доложил комиссару, встретив его на полпути к Ковпаку.

— Пойдем к Сидору Артемьевичу! — сказал Руднев решительно.

Ковпак, выслушав своего заместителя по разведке, задумался: он совсем не собирался трогать эту дорогу, чтобы раньше времени не привлечь к себе внимания фашистского командования. Деду Ковпаку очень хотелось проскочить в лесистые Карпаты без шума, незаметно для оккупантов.

— Я думаю, Сидор Артемьевич, надо, не мешкая, резать эту артерию. Надо помочь нашей армии устроить фашистам второй, Курский, разгром,— предложил комиссар.

— Прыдэтся,— Дед почесал свою маленькую, клинышком бородку.

И вот в ночь на 7 июля, на исходе вторых суток невиданного в истории танкового сражения, разыгравшегося под Белгородом и Курском, магистраль была перерезана. В тот самый момент, когда фашистскому командованию как воздух были нужны сотни дополнительных новых «тигров» и «пантер», снаряды и бомбы, солдаты и патроны, эшелоны на этой дороге по воле никому не видимого Лезвия вдруг на какое-то время остановились за тысячу километров от фронта.

...Почти полтора месяца каратели гонялись за партизанами. Несколько раз окружали их, но уничтожить не смогли.

И в этом — тоже немалая заслуга Петра Петровича Вершигоры, его разведчиков, раскрывавших замыслы гитлеровцев.

Когда соединение Ковпака оказалось в кольце карателей и у ковпаковцев оставался только один выход — драться до последнего патрона, Вершигора предложил разделиться на небольшие группы, ночью незаметно просочиться сквозь вражеское кольцо, разойтись в разные стороны и на время затаиться, так сказать, исчезнуть для противника. А когда войска карателей, потеряв следы партизан, снимутся и уйдут, решив, что они покончили с ковпаковцами, отряды снова соберутся в заранее условленном месте и будут продолжать выполнять свою боевую задачу.

Ковпак согласился с предложением своего заместителя (комиссара Руднева уже не было в живых: он героически погиб в бою за город Делятин).

Тогда же, вечером, соединение было разделено на шесть групп или отрядов, по 200—300 человек каждый. А ночью все эти группы выскользнули из вражеского кольца и, действуя каждая самостоятельно, к концу сентября снова собрались в Полесье — там, откуда 12 июня выходили в свой Карпатский рейд.

Один из шести отрядов Ковпак поручил выводить своему заместителю по разведке — подполковнику Вершигоре.

Выбравшись с гор на равнину, Петр Петрович сумел за полтора месяца вывести свой отряд в Полесье, в условленный район. За это время каратели несколько раз окружали отряд Вершигоры. И всегда хитрый Лезвие, искусно маневрируя, наносил многочисленному противнику ответный удар и исчезал в неизвестном для врага направлении.

Вывод отряда из гигантской западни был для Вершигоры блестящим экзаменом на боевую зрелость и своего рода дипломом об успешном окончании ковпаковской «академии».

За время рейда ковпаковцы прошли от Белорусских лесов до Венгрии. В этом рейде Петр Петрович проявил себя как изобретательный организатор разведки. На всем пути движения соединения его разведчики собирали сведения о вражеских войсках, которые затем по радио передавались командованию. Ковпаковцы в боях уничтожили немало фашистов и боевой техники противника. Вместе с тем они помогли местным патриотам ряда районов создать подпольные боевые ячейки для борьбы с оккупантами.

А когда все отряды нашего соединения, выходившего «звездным» маневром из Карпат, собрались в Полесье, Вершигору командование вызвало в Москву, в Центр.

Петр Петрович улетел в конце сентября. Через месяц уехал в Киев лечиться раненный в Карпатах Сидор Артемьевич. Все ковпаковцы с волнением ждали: что же будет дальше? Кто теперь будет командовать соединением?

Но вот в декабре, вместо находившегося на излечении Ковпака, приехал Вершигора. Это вызвало общую радость: ведь все мы хорошо знали Петра Петровича и считали его преемником Деда Ковпака.

Отныне для всех нас, ковпаковцев, Вершигора стал командиром соединения.

5 января 1944 года соединение вышло из района Олевска Житомирской области в свой шестой по счету, Польский рейд.

Стремительно продвигаясь по северным районам Ровенской, Волынской, затем Львовской областей, ковпаковцы парализовали на несколько суток работу двух железнодорожных узлов.

В феврале соединение пересекло границу Польши и через несколько дней с помощью польских антифашистов разгромило вражеский гарнизон в городке Тарногруд, уничтожило ряд мостов на железных и шоссейных дорогах, парализовав на некоторое время переброски вражеских войск.

В конце февраля фашистам удалось засечь отряды Вершигоры. Но партизанская дивизия ускользнула от них. Сорок суток гонялись за нами каратели: сначала по Люблинскому воеводству, потом по Варшавскому и Белостокскому, но так и не смогли уничтожить советских партизан. Дивизия имени Ковпака в марте ушла к Беловежской пуще, затем — в Пинскую область.

За время Польского (или, как его еще называют, Львовско-Варшавского) рейда наша дивизия прошла с боями около

2100 километров по территории Украины, Белоруссии и Польши. Провела 139 боев, в ходе которых противник понес тяжелые потери. Во время рейда было взорвано несколько железнодорожных и шоссейных мостов, пущено под откос 12 вражеских эшелонов, было добыто и доложено командованию много ценных сведений о противнике.

Выполняя свой интернациональный долг, ковпаковцы помогали освободительной борьбе польского народа, вселяли в него веру в близкую победу над захватчиками.

За героизм, проявленный во время Польского рейда, большая группа партизан была награждена орденами и медалями, несколько человек удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе и сам Лезвие. За успешное выполнение задания партии и правительства наша дивизия была награждена Почетным Красным знаменем Президиума Верховного Совета УССР, СНК УССР и ЦК КП(б)У.

В июне 1944 года, в начале операции 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов по освобождению Белоруссии, Лезвие — Вершигора по указанию командования повел нашу 1-ю Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака из Краснослободского района Пинской области в наш завершающий, седьмой по счету рейд — по тылам группы гитлеровских армий «Центр» (впоследствии этот рейд получил название Неманского).

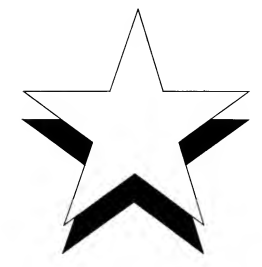
Двигаясь по тылам противника, партизанская дивизия наносила удары по гитлеровским войскам.

В этом стремительном рейде 1-я УПД прошла с боями по территории ряда областей. Достигнув берегов Немана, дивизия двигалась к Восточной Пруссии...

Во время рейда дивизия успешно выполнила поставленные задачи и своими боевыми делами вписала еще одну славную страницу в историю Великой Отечественной войны.

Соединение ковпаковцев по своему составу было многонациональным. В нем жили одной боевой семьей русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, узбеки, татары и представители многих других народов Советского Союза и иностранных государств, в частности в нем были и венгры, и чехи, и французы, и итальянцы, и австрийцы, и немцы...

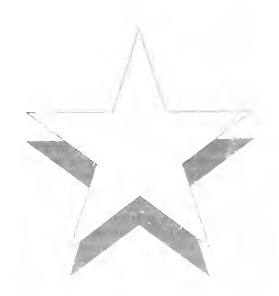
Действуя за пределами Советского Союза, эта дивизия решала важные интернациональные задачи, поскольку ее рейды оказали большое влияние на активизацию антифашистской борьбы в зарубежных странах. На примере боевых действий ковпаковцев учились братской солидарности и методам освободительной борьбы многие патриоты, антифашисты-интернационалисты других государств.

Группа советских
воениых разведчиков,
возглавляемая Аидреем Терещеико,
в конце Великой Отечествеииой войиы
действовала далеко за пределами
территории Советского Союза:
выполияя иитернациоиальный долг,
отважиые воины сражались
иа иевидимом фроите
в Восточиой Европе.
А в 1943—1944 годах А. Терещеико
вместе со своими боевыми друзьями,
людьми молчаливого подвига,
выполнял задаиие
во времеино оккупированиом
вражескими войсками Николаеве.
Группа разведчиков, ежечасио
рискуя жизнью, вела в городе
тяжелую и опасную борьбу...

И. Василевич

Явочная квартира на улице Леккерта

Андрей Терещенко и его друзья

1

Кто-то постучался в дверь квартиры. Хозяин ее, Максим Терентьевич Пархомчук, ремонтировавший изрядно поношенную обувь жены, насторожился. За два года фашистской оккупации жители Николаева научились быть осторожными: любой неожиданный стук мог угрожать бедой. Максим Терентьевич отложил в сторону гвозди и молоток, опустил на пол недочиненный ботинок и, опираясь на палку, не торопясь и по-старчески кряхтя, вышел в прихожую. Скрипнув, открылась входная дверь, и перед ним появилась невысокая, худенькая, видимо, очень усталая девушка. Переступив порог, она остановилась, прислонилась спиной к косяку. Максим Терентьевич изумленно посмотрел на девушку, вытер вспотевшие руки о бока. Кто это? Она и не она... Неужели?.. Почему оказалась здесь? Она же уехала из города в первые дни войны.

— Дочка?..— прошептал растерявшийся Максим Терентьевич.— Господи! Неужто ты, Лида! Думал, что потерял. Да как же ты? Отстала от наших, что ли?

— Не волнуйся,— тихо произнесла девушка. Ее голос дрогнул.— У меня все хорошо. Главное, не волнуйся, тебе нельзя...

Они еще потоптались как-то несмело в передней и вдруг прильнули друг к другу. Лида уткнулась в небритую щеку Максима Терентьевича. Силы оставили ее. Беззвучно плакала она у отца на груди.

— Жива?

— Жива, жива... А ты-то как? — сквозь слезы шептала Лида.

— Жив...

Потом они будто вспомнили о свойственной им обоим сдержанности.

— Как ты здесь оказалась?

Глаза в глаза отец и дочь смотрели друг на друга ясно и твердо.

— Все просто... Главное, что я дома и ты жив.

Отец помолчал, погладил Лидину русую голову. Как всегда, она была аккуратно причесана — прямой пробор, две тугие толстые косы.

— Где была? Как жила два года?

— Потом, папочка. Потом об этом...

Успокоившись немного, Лида оглянулась на спутника, оставшегося в коридоре.

— Я не одна... Андрей, заходи! Вот мой муж.

— Ты вышла замуж? — Максим Терентьевич вздохнул.

— Да, а что? Ты же знаешь, многие мои подруги давно замужем.

— Андрей Терещенко,— представился молодой человек.

— Здравствуйте,— Максим Терентьевич протянул руку зятю, вглядываясь в него пристально. Потом засуетился, проявляя внимание к гостям.

Пока мужчины знакомились, Лида обошла двухкомнатную квартиру. Все здесь было родное, безгранично дорогое. В комнатах было уютно, как и раньше, в них было чисто, аккуратно прибрано, только вот мебель обветшала. Зеркало в дальней комнате, что висит в простенке между окнами, потускнело. Она задержалась перед ним, привела волосы в порядок и мимоходом отметила, что лицо осунулось, под глазами мешки. Впрочем, это всегда, когда сердце болит — от напряжения, от усталости. У мамы тоже сердце было плохое. Дрожала над Лидиным здоровьем, а о своем не думала.

— Немцы у нас живут? — поинтересовалась Лида.

— Пока нет.

— Это хорошо.— И после небольшого раздумья спросила: — Куда шкаф делся?

— Продали. Надо же было как-то прокормиться.

В комнату вошла высокая, стройная женщина лет тридцати пяти, в простенькой кофточке и выцветшей темной сатиновой юбке. Она остановилась в растерянности у порога.

— Мама, здравствуй! — смущенно поздоровалась Лида.— А это мой муж, Андрей. Познакомься.

— Здравствуй,— низким голосом радостно сказала женщина.

— Андрей! Это моя вторая мать.

Лида оглянулась на скрип входной двери и встретилась взглядом с пытливыми глазенками девочки, которая выглядывала из-за косяка двери. Лида схватила сестренку на руки, крепко обняла и расцеловала.

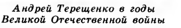
— Ну, слава богу,— сказала жена Максима Терентьевича.— Вот теперь все в сборе, живы.

У грубоватой по манерам хозяйки дома оказалось столько ласки к гостям, что обоим скоро показалась она родным и необходимым человеком.

Конец дня прошел в расспросах, разговорах. Потом женщины пошли спать, а мужчины продолжили беседу. Вскоре Андрей понял, что Максим Терентьевич, проживший немалую жизнь, человек очень осторожный и осмотрительный. И доверие его будет нелегко завоевать.

— Трудно ли устроиться на работу в городе? — спросил Андрей.

Андрей Терещенко в годы Великой Отечественной войны

Лидия Пархомчук. 1941 г.

— Все назначения на работу оформляет биржа труда.

— Хотелось бы трудиться по специальности, на железной дороге.

— Не знаю. Пытайся. Но немцев не интересует твое желание, направляют туда, где им нужнее рабочая сила.

Наутро, когда Лида и мать были заняты на кухне приготовлением обеда, к ним заглянул Максим Терентьевич. Он безошибочно угадал, что женщины шептались о чем-то серьезном.

— Что обсуждаете?

— Мои семейные дела,— ответила Лида.

— Важный, конечно, разговор.

— Маме Андрей понравился. А тебе?

— Не знаю, что и ответить. Неужели вешаешься на шею первому попавшемуся?

— Зачем же так-то, отец,— вступила в разговор жена Максима Терентьевича.— Андрей хороший человек.

— Мне дорого счастье дочери, честь семьи нашей, оттого и говорю так. Ясно? Почему Андрей не на фронте? Почему он здесь греется? За дезертира вышла замуж?

— Ну, папа. Ну не надо...

Пархомчуку стало жаль дочь. Она оставалась для него неопытным ребенком, нуждающимся в помощи. Он замолчал, но успокоиться не мог. Все-таки кто же он такой? С кем дочь связала судьбу? И не говорит, не рассказывает мне... Как они оказались в Николаеве?

2

Воскресным майским вечером 1943 года, когда после дневной жары легкий ветерок принес прохладу, по одной из кубанских станиц шел высокий, стройный, лет тридцати мужчина в военной форме. В станице было безлюдно. На земле лежали длинные тени от садов и домов. Мужчина шел неторопливо, вразвалку, любуясь садами и наслаждаясь воздухом, наполненным сладким, пьянящим ароматом весны. Где-то вдали заливались черные дрозды: война отодвинулась на запад, и они вернулись, они вновь пели свои прекрасные, дорогие сердцу человека песни. Неожиданно в небе пронеслись в плотном строю, будто связанные невидимыми нитями, краснозведные штурмовики, возвращавшиеся с запада. Там кипели бои: на Таманском полуострове войска Северо-Кавказского фронта вели ожесточенные схватки с гитлеровцами.

Мужчина проводил взглядом самолеты. Их было пять. А сколько улетало на задание? Все ли «Ильюшины» возвращаются?..

— Андрей! Терещенко! — окликнул погруженного в свои думы мужчину девичий голос. Терещенко оглянулся. У дома за палисадником он увидел двух знакомых девушек в аккуратно пригнанной красноармейской форме. Та, что помоложе, ей не более семнадцати лет, стройная, с пышными русыми волосами и большими озорными серыми глазами — Оксана Сидоренко. Другая — Лидия Пархомчук, старше подруги года на три. Невысокая, худенькая, с двумя косами, раскинувшимися по спине. По характеру она была прямой противоположностью Оксаны: замкнутая, с людьми сближалась неохотно, трудно. Вот и сейчас она приветливо глянула на Андрея и — смутилась. Терещенко вздохнул и в который раз спросил себя, зачем ее, Лидию Пархомчук, такую несмелую и

хрупкую — ветер покрепче дунет, и она переломится,— зачислили в разведку? Другое дело он, Терещенко. Он-то всей жизнью готовил себя к тому, чтобы в случае необходимости встать на защиту Родины, быть солдатом. И вот поди, тут, в штабе Северо-Кавказского фронта, увидел эту пигалицу. Что она будет делать на этой страшной, жестокой войне?

— Сводку Совинформбюро слышал? — спросила Оксана Сидоренко и, легким движением руки поправив волосы, присела на скамейку около крылечка. Рядом устроилась Лида. Загорелая, в хорошо выглаженной военной форме с расстегнутыми двумя верхними пуговицами на охватывавшем длинную, тонкую шею воротничке гимнастерки, она углубилась в какие-то думы.

— Только что слышал сводку.

— Ну и что?

— Продолжаются бои северо-восточнее Новороссийска. На других участках фронта существенных изменений не произошло.

— И все? Больше ничего не передали?

— Сообщили, что за последнюю неделю в воздухе и на аэродромах уничтожено четыреста пятьдесят шесть фашистских самолетов.

— А у тебя что нового?

— Ничего!

Андрей усмехнулся: странный народ девушки. Как и до войны, любят поговорить о новостях. А девушки, посмеявшись чему-то, уже своему, не относившемуся к нему, Андрею, ушли к себе. «Спокойной ночи, Андрей!» Будто и впрямь все будет спокойно...

«Спокойной ночи!» Но покой не шел к Лиде. Она лежала в постели с полузакрытыми глазами, подложив руки под голову. Далеко унесли ее воспоминания. Она любила на ночь вернуться к детству, к маме. Подробно, долго перебирала она в памяти все, что было связано с дорогим человеком... Мама никогда не говорила громко. Она старалась никому не мешать. Только помощь видели от нее люди. А потом Лида пошла в школу, а мама ее и проводить не могла — заболела, слегла. Больше уж и не поднималась. Через год ее похоронили. И кончилось детство.

...Отец рано утром уходил на работу и возвращался домой со своего судостроительного завода уже вечером. Лида приходила после школы в пустую квартиру и очень старалась не плакать. «Думай о папе, помни о папе... Папу я оставляю на тебя»,— не раз говорила ей больная мать. И Лида старалась, как могла. К приходу отца, как и раньше, при маме, у нее была

чисто прибрана квартира и приготовлен ужин... Много было дел и забот у Лиды.

Смерть матери, видно, подточила отцовское здоровье. Он часто болел, вскоре ушел с завода. Лида росла скрытной, необщительной, но подруги почему-то стали бывать в доме чаще. Она любила подруг и, как могла, старалась дружбу с ними беречь. Ей казалось, что в доме не так уж стало и уныло...

Нет, видно, мало было ее заботы отцу. Женился. И даже не предупредил. Вот так неожиданно в дом пришла незнакомая женщина. В квартире, раньше всегда тихой и спокойной, где по заведенному мамой обычаю говорили негромко, теперь раздавался звучный, строгий и властный голос новой хозяйки.

Нелегко у Лиды складывались отношения с ней. Понимала: отец пытается приблизить дочь ко второй жене. Сейчас-то Лида понимала, что та была совсем не плохим человеком, а девочкой не могла и не хотела соглашаться на замену родной матери.

Вскоре появилась сестренка. Хорошенькая девчушка, голубоглазая, любознательная, спокойная. Когда Максим Терентьевич был дома, она ни на шаг не отходила от него. Лида всплакнула, вспомнив сестренку. Как-то она там, в Николаеве? Как они все там, при гитлеровцах?

А воспоминания шли своим чередом. ФЗУ при Черноморском судостроительном заводе... Завод. Новые друзья. Она не хотела быть ни середнячком, ни уж тем более среди тех, кто не справляется. Все чаще стали хвалить ее за упорство в достижении цели. И наконец комсомольское собрание. Райком. Комсомольский билет...

Лида знала, чего она хочет,— она будет работать на заводе, которому несколько десятков лет жизни отдал отец.

Война перевернула, изломала, искорежила всю жизнь людей. Лида вспомнила первых беженцев — они приходили из западных областей. Враг приближался. Началась эвакуация города. Уехала и Лида. Некоторое время жила в Астрахани, потом в Сталинграде... Отец, совсем больной, инвалид, решил: что бы ни случилось, из Николаева никуда не уйдет — не сможет он перенести дорожных тягот. Если свершится страшное, если наши войска оставят город, он будет ждать их возвращения. Не мог же враг прийти навсегда. Нет, такого не будет.

Максим Терентьевич и не догадывался, что его дочь вскоре после эвакуации из Николаева твердо решила, что уйдет в армию и будет проситься на фронт. Она готова пойти медсестрой, снайпером, рядовым пехоты... Кем угодно, только не стоять в стороне от битвы. Как бы поступил отец, будь он здоров? С партизанской молодостью отца, с его рассказами о Красной Армии

были связаны первые представления Лиды о патриотизме, мужестве советских людей. С отцом она обсуждала первые прочитанные книжки. Вместе прочли «Чапаева» и «Как закалялась сталь». Ее отец был таким, как любимые герои книг. И она не может, не должна быть другой.

В начале 1942 года Лида добилась своего: ее зачислили в Красную Армию.

...За последние дни Андрея Терещенко неоднократно вызывали в штаб Северо-Кавказского фронта. С ним беседовал заместитель начальника разведотдела по политической части. Он хорошо знал из личного дела, что Терещенко родился 26 декабря 1913 года в поселке Ульяновка Минводского района Ставропольского края. Сын железнодорожника. В 1930 году окончил семь классов средней школы... Но не по бумагам знали Андрея в штабе. Опытный политработник, которого разведчики любовно называли комиссаром, пользовался каждой возможностью быть вместе с бойцами, готовившимися к выполнению заданий в тылу врага, щедро делился с ними своими знаниями, помогал добрыми советами. И разведчики относились к комиссару с уважением и тянулись к нему. Впрочем, кое-кому приходилось нелегко у требовательного политработника.

Андрею казалось, что подполковник очень точно понимал внутреннее состояние подчиненных. Добрыми советами, а другой раз шуткой и просто приветливым взглядом поддерживал тех, кто был чем-то расстроен и нуждался в искренней, доброй помощи.

— Чем огорчен, Андрей Андреевич? — спросил однажды подполковник встретившегося ему Терещенко.

— Извините, я по-простому, по-рабочему. Почему так получается? Сидим вот здесь в уютном доме, а не воюем?..

— Вы еще не готовы к работе.

— Мне совестно людям на глаза показаться,— не сдержался Андрей.— В штабе фронта я встречаю разведчиков, исцарапанных и прошитых вражескими пулями. Они после госпиталей уходят на задания. А я, здоровый, отсиживаюсь...

...И вот пришел день, когда Андрею было объявлено решение командования:

— Назначаетесь командиром группы.

Майор с красными от недосыпания глазами уточнил:

— В составе группы будет только два человека. Вы и радистка. Остальных помощников подберете на месте из надежных людей. Работать предстоит в городе Николаеве, имеющем для нас очень большое значение.

— В самом городе?

— Да. Николаев — город, богатый революционными традициями. В нем гении русского судостроения построили корабли, прославившие историю нашего флота. В нем каждая улица — дорогая нам история. Вам необходимо тщательно контролировать воинские перевозки через Николаев, прежде всего по железной дороге. Постарайтесь устроиться на работу на станцию. Это очень важно. Кроме того, надлежит собирать и докладывать в штаб фронта сведения о николаевском гарнизоне противника.

После того как майор разъяснил содержание предстоящей работы и ознакомил с обстановкой в городе, Андрей спросил:

— Когда вылетать?

— В ночь на тридцатое июня.

— Кто будет радисткой?

— Назначена Пархомчук Лидия Максимовна.

Андрей с трудом привыкал к мысли о том, что на задание отправится с Лидой. Хватит ли у нее, маленькой, худенькой, сил и смелости даже для прыжка с парашютом? Сможет ли эта необщительная девушка стать надежным товарищем по работе в труднейших условиях?

Неверие Андрея в Лидины силы со временем прошло. Она делила все то трудное, что было уже в их общем прошлом — при подготовке в штабе фронта, при десантировании в районе Николаева и в пути от места приземления до родительской квартиры на улице Леккерта (прежнее название — Малая Мещанская) в доме № 17.

И вот Лида неожиданно для родителей вернулась в Николаев. Не одна, с Андреем.

На другой день вечером, когда дома не было хозяйки квартиры, молодые подсели к отцу. Андрей, предупредив Максима Терентьевича о необходимости хранить в строгой тайне все, о чем пойдет речь, сказал, что они с Лидой разведчики. Засланы в Николаев с заданием. Ошеломленный новостью, Максим Терентьевич посмотрел в глаза дочери, потом перевел взгляд на Андрея.

— Молодцы! Когда же вас перебросили через фронт?

— Вчера. Рано, еще до рассвета. В двадцати пяти километрах юго-восточнее Николаева приземлились. Там спрятали и парашюты и кое-какие вещички. Надо будет принести в город.

— Ну и дела... А я-то поначалу подумал, что мой зятек дезертир.

— Папа! Да ты что? Андрей и не зять тебе.

— Господи! Еще новость!

— Не муж он мне, не муж.

— Да вы совсем меня запутали...

— А маму ты не путай. Держи это в секрете. Так проще. Пусть не только для фашистов, но и для всех других мы муж и жена. Понял? — требовательно произнесла Лида.— Брак фиктивный. Оформлен, чтобы Андрею легче было прописаться и устроиться на работу в городе.

— Все продумали. Молодцы. Я буду помогать. Вы и не знаете еще, как тут все трудно. Противник ваш лютый, опытный.

— Но ты сам меня учил ничего не бояться,— и Лида прижалась к отцу, как бывало в детстве, когда он рассказывал о гражданской войне.

— Спасибо, Максим Терентьевич,— отозвался горячо Андрей.

— Конечно, нелегкое это дело выведать силы противника, но надо. Обязательно. А я помогу. Только скажите, какая помощь требуется.

Максим Терентьевич рассказал разведчикам об обстановке в городе, помог им четко представить установленный в Николаеве режим. Об оккупантах он говорил очень серьезно, ничуть не приуменьшая их силы.

Рассказывая, он возвращал себя в те страшные августовские дни 1941 года, когда после упорных боев наши войска оставили город, его улицы заполнили оккупанты. Они ехали на автомашинах и конных повозках, шагали в кованых сапогах по гладкой брусчатке. Двигалась боевая техника различного назначения... И прежде чем Максим Терентьевич успел как следует разглядеть незнакомую серо-зеленую форму заполнивших улицы чужеземных солдат, в охваченном тревогой городе появились многочисленные учреждения оккупационных властей. Открылась биржа, труда — теперь всех трудоспособных мужчин и женщин возьмут на строгий учет и привлекут к работе. Кто не зарегистрируется на бирже или уклонится от принудительного труда, будет сурово наказан. На Большой Морской улице обосновались окружной комиссариат и городская управа. Там разместилось также управление гестапо, помещение 2-й городской больницы заняла фашистская служба безопасности — СД, одно из помещений в центральной части города было отведено управлению тайной полевой полиции, в районе пригородного поселка Темвод и около станции Грейгово возникли концентрационные лагеря...

Фашисты действовали с присущей им педантичностью, с натренированной деловитостью, самоуверенно, по заранее разработанному плану. Начались обыски, облавы, аресты. В застенках карательных органов пытали схваченных коммунистов, комсомольцев, подпольщиков. На площадях и пере-

крестках выросли зловещие спутники кровавого оккупационного режима — виселицы.

Враг свирепствовал, надеясь звериной жестокостью парализовать волю к сопротивлению людей, оказавшихся в оккупированном городе. Позже станет известно, что в Николаеве и Николаевской области фашисты уничтожили более 105 тысяч советских граждан. Но народ наш, воспитанный ленинской партией коммунистов, сломить было невозможно. В Николаеве, как и повсеместно в захваченных врагом советских городах и селах, действовали под руководством партийных органов патриотические подпольные организации, партизанские формирования, объявившие священную войну против захватчиков. Город корабелов мужественно боролся. В одном строю с николаевскими подпольщиками и партизанами действовали их боевые товарищи — военные разведчики.

Тяжелые потери несли бойцы «невидимого фронта». Многие из павших в боях разведчиков были героями, чьи имена известны только ограниченному кругу работников штаба фронта, не все они удостоены наград, но без их участия в войне, без их вклада в борьбу с фашизмом не была бы возможна Победа. Вместо погибших в строй вставали другие. В мае 1942 года в Николаеве появился широкоплечий, плотного телосложения мужчина среднего роста, называвший себя Палагнюком Анатолием Васильевичем. Под этой фамилией жил военный разведчик Андреев Владимир Иванович. Он приземлился на рассвете 12 мая и не был обнаружен оккупантами. Сумел устроиться на работу — возчиком в ресторане.

Родился он в начале века в сибирском городе Красноярске, стал моряком-балтийцем. В 1924 году после смерти вождя, когда в стране происходил массовый прием в РКП(б) передовых рабочих, краснофлотец Владимир Андреев подал заявление с просьбой принять его кандидатом в члены Коммунистической партии. С того времени вся его жизнь была связана с партией, созданной Лениным.

Когда началась Великая Отечественная война, Андреев учился на курсах при Военно-политическом училище имени В. И. Ленина. В начале 1942 года стал разведчиком.

И вот — Николаев. Работая возчиком, Андреев мог беспрепятственно разъезжать по улицам и собирать сведения о вражеском гарнизоне. Потом связь с Центром оборвалась — вышла из строя рация. И тогда он стал искать и нашел контакты с местным подпольем, которое было создано областной партийной организацией. Андреев оказался здесь очень полезным, но сам он все время чувствовал неудовлетворенность — нет связи с Центром. Что значили собранные им сведения о про-

тивнике, если они не сообщены командованию? И он решил направить на Большую землю связных. Выбор остановился на двух юных николаевских патриотах — Шуре Кобере и Вите Хоменко.

В среду 29 июля 1942 года Шура и Витя с котомками за плечами отправились в путь. У одного из них было надежно спрятано донесение Владимира Андреева Центру.

В Николаеве в тот день с утра шел моросящий дождь. Надоедливый, нескончаемый. Скоро пропиталась влагой одежда, мешки потяжелели, лямки врезались в худые детские плечи. Подошвы ботинок скользили по мокрой гальке шоссе.

Около двух недель пешком, а когда удастся, то и на попутных повозках, автомашинах Шура Кобер и Витя Хоменко добирались до линии фронта, покрыв по тылам противника несколько сот километров. Сообразительность, находчивость и смелость помогли им преодолеть многочисленные трудности, проверки на контрольно-пропускных пунктах, при встречах с полицейскими и военными патрулями.

13 августа ребята пришли в район Краснодара. Переночевав в станице Пашковской, продолжили путь. Лесными тропами к середине дня добрались они до реки Кубани и переплыли ее на лодке, которую дала местная крестьянка. На левом берегу Кубани ребят задержали красноармейцы и доставили их в штаб воинской части. 26 августа связные были самолетом отправлены в Москву. Донесение от разведчика Владимира Андреева было вручено командованию.

Одним из первых с Шурой Кобером и Витей Хоменко беседовал подполковник. Он поздравил их с успешным выполнением ответственного поручения. Потом расспросил об Андрееве, о том, что они видели по дороге и в Николаеве. Любая подробность об обстановке в Николаеве, о немецких войсках была тогда важной.

— А теперь расскажите о себе,— попросил подполковник в конце беседы.

— Я родился 17 ноября 1926 года,— неторопливо говорил Шура Кобер.— Поляк. По отцу. Он был солдатом до революции, а когда она совершилась, полк, в котором служил отец, перешел на сторону красных. Мама сейчас в Николаеве. В 1941 году окончил семилетку. 29 июля мы с Витей ушли из Николаева. Вот и все.

— А я украинец,— начал Витя Хоменко.— Родился 12 мая 1926 года в городе Кременчуге Полтавской области. Мой отец был служащим. Умер в 1927 году. Вскоре из Кременчуга переехали в Николаев. Я до войны окончил семь классов средней школы. Есть две сестры. Мама и сестры сейчас в Николаеве.

Через несколько дней отдыха подростки стали просить о возвращении в Николаев. Ребята хотели поскорее продолжать борьбу. Подполковник восхищался ими: быстро дети мужают в войну.

...Переброска ребят за линию фронта была поручена опытным летчикам — экипажу Еромасова.

Петр Федорович Еромасов много раз летал за линию фронта.

Александр Кобер

Виктор Хоменко

В сорок третьем он будет удостоен звания Героя Советского Союза — трудно и героически складывалась его фронтовая работа. В 1944 году Петра Федоровича зачислят в группу советских летчиков, которые окажут помощь югославским братьям по борьбе с фашизмом. В сентябре он примет участие в эвакуации ряда югославских товарищей с омываемого водами Адриатического моря острова Вис на базу в предгорье Южных Карпат. В октябре группа советских летчиков, в ее составе будет и Еромасов, вывезет офицеров Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии и членов Национального комитета с острова Вис на партизанскую площадку Дивци, близ Белграда.

Но полет, совершенный Еромасовым 9 октября 1942 года, ему запомнился особо — на борту самолета находились два отважных подростка. Им предстояло совершить прыжок с па-

рашютом в 20 километрах северо-западнее Николаева. Вместе с ребятами летела и радистка группы. Полет и приземление прошли удачно, но найти Андреева им уже не удалось — за несколько дней до их возвращения в Николаев гестаповцы схватили бесстрашного разведчика. А 24 ноября фашисты арестовали Шуру Кобера и Витю Хоменко. Десять дней их пытали. Мальчики молчали. Юных патриотов казнили: повесили на базарной площади в субботу 5 декабря 1942 года. Их руководителя Владимира Андреева гестаповцы расстреляли 29 мая 1943 года.

...Несколько дней пробыли «молодожены» у Пархомчуков. Соседи радовались за старика — видно, простила ему дочь вторую женитьбу. А потом узнали — нет, не сумели они сжиться вместе: Лида и Андрей покинули квартиру на улице Леккерта. Уехали жить отдельно. Никому и невдомек, что дело было не в людях, а в технике.

Соседи не знали, что на квартиру Пархомчуков Лида и Андрей перенесли рацию, батареи для нее и другой груз, спрятанный в лесу. Радуясь, Лида подготовилась к первому сеансу радиосвязи с Большой землей и точно в назначенное время включила радиоаппаратуру. Она посылала в эфир точки-тире, вращала ручку настройки приемника и до боли в ушах вслушивалась в доносившиеся из наушников оглушительные звуки меди немецких оркестров, крикливую речь оккупантов, бесчисленные шорохи, трески, писк, обрывки музыки и речи на чужих языках, пытаясь выхватить из этого хаоса звуков сигналы нужной ей радиостанции. Прошел час, а связь со штабом фронта так и не удалось установить. Как она раньше гордилась, что ее отобрали за хороший слух и сметливость в радистки! А на деле оказалось, что не справляется с техникой. Ну, еще раз... Еще... Нет, не получается...

— Надо уехать из центра города, вот что. Здесь сильные помехи. Меняем жилье, Андрей.

С помощью Максима Терентьевича разведчикам удалось устроиться в пригороде Николаева, в поселке Водопой, в доме 4 по 4-й Кладбищенской улице. Это был укромно спрятавшийся за молодыми деревьями и кустарником небольшой, с выходившими на улицу окнами саманный домик с двускатной черепичной крышей. Владельцы уехали куда-то в деревню.

В сарае, который был под одной крышей с домом, Терещенко оборудовал тайник для хранения рации и батарей для нее.

Во второй половине дня Лида забралась на чердак и там развернула рацию. Андрей вел наружное наблюдение. Улица пустынна, глуха.

Лида, склонившись над рацией, медленно вращала ручки на панели приемника, и ничто не могло вывести ее из состояния сосредоточенности, в котором она находилась. Рядом с рацией лежал листок бумаги с текстом первой радиограммы для штаба фронта:

«Прибыли к месту назначения. Живем по адресу...»

Минут через десять, показавшихся Андрею вечностью, он по сигналу Лиды вернулся в дом. Лида, спустившись с чердака, с улыбкой вскинула на командира взгляд искрившихся радостью голубых глаз.

— Ну как?

— Нас услышали! Счастье-то какое! — Девушка опустилась на стул.— Устала...

— Спасибо тебе,— Андрей ласково глядел на Лиду.

На следующий день состоялся очередной сеанс радиосвязи. Перечитав переданную радиограмму, Лида зажгла спичку, и узенькая полоска бумаги с текстом донесения вспыхнула...

Ночью, бесконечно длинной, Андрей почти глаз не сомкнул. Ранним утром в Водопой к Лиде пришел отец. Сегодня ей и Андрею предстояла регистрация в полиции. И он пришел проверить — все ли у них в порядке. Прежде всего надо произвести впечатление благополучных и лояльных граждан...

Лида надела самое нарядное платье. Тугие косы венцом легли на голове.

Андрей был в старательно отглаженной, привезенной с Большой земли форме железнодорожника — брюки навыпуск, однобортная тужурка, застегнутая на все пять светлых металлических пуговиц с изображением на них скрещенных молотка и разводного ключа.

Завершив приготовления и обдумав, казалось, во всех деталях предстоящий разговор, разведчики наконец пошли в полицейский участок. Идти туда, имея в кармане фальшивые документы, было до крайности опасным делом. Но разведчики шли, в разведке без разумного риска не обойтись. Они шли неторопливо. Каждый старался не выдавать волнения.

Отправляясь на задание, разведчики вооружились легендой — вымышленной биографией, которая должна помочь им жить и работать в оккупированном городе. Им надо забыть фамилии своих начальников и друзей, факты и события из реально прожитой жизни и взамен постоянно, с мельчайшими подробностями помнить тщательно продуманную легенду. В беседах с представителями оккупационных властей, с соседями по месту жительства, сослуживцами, случайными знакомыми, со всеми, с кем придется встречаться, разведчики должны будут о себе говорить только то, что предусмотрено

фиктивной биографией. Андрей мысленно повторил легенду и, убедившись, что помнит ее прочно, успокоился.

— Нам с женой надо прописаться в Водопое. К кому следует обратиться? — спросил Терещенко, подойдя к дежурному полицейского участка.

— Откуда приехали? — спросил полицейский, посмотрев на Терещенко изучающим взглядом.

— Из Кривого Рога.

— Почему убегаете от своих?

— От каких это от своих?

— От советских, конечно.

— А вы, господин полицейский, от них не побежали бы?

— Ну, ну!

В это время открылась дверь кабинета начальника участка. На пороге появился немецкий офицер.

— Что вам? — спросил офицер, глядя не на Андрея, а на его спутницу.

— Хотелось бы прописаться в Водопое,— ответил Терещенко.

— Паспорта, битте.

Офицер начал изучение документов с паспорта Лиды. Просмотрел от первой до последней страницы, проверил все отметки, штампы, печати и забросал девушку вопросами: когда родилась? Где родилась? Откуда приехала? Какими средствами добралась? Когда вышла замуж? Лида неторопливо отвечала.

Начальник полиции через плечо сказал дежурному:

— Фрау можно регистрировать.

Обращаясь к Андрею, офицер допытывался, почему тот не воюет на фронте, как оказался на немецкой территории, зачем приехал в Николаев...

Терещенко на все вопросы отвечал с каким-то скучающим видом. Он, как и Лида, очень естественно рассказывал детали выдуманной биографии.

Гитлеровец проверил документы, а потом молча поднял глаза на Андрея. Терещенко дал себя разглядеть и, выждав нужную паузу, прервал молчание:

— Будьте великодушны, прикажите прописать и меня вместе с женой. Буду честно служить.

Офицер помолчал, потом повернулся на каблуках и, отдавая паспорт дежурному, сказал:

— Зарегистрируй и его. Рабочая сила нам нужна.

Возвращаясь домой, Лида, не веря еще в происшедшее, спросила Андрея:

— Неужели прописались? Даже не верится.

— Прописались. Ох, какая же гора с плеч свалилась. Больше Эльбруса. Честное слово. Вот еще устроиться бы на железную дорогу.

Наступивший новый день, как и предыдущий, был жарким. По тихой 4-й Кладбищенской Андрей вышел на залитое солнцем Херсонское шоссе, забитое колоннами автомашин с солдатами и боевой техникой, и, свернув направо, по пыльной обочине дороги неторопливо поплелся в Николаев. Он хотел в пути еще раз обдумать предстоящий разговор с чиновниками биржи труда, но не мог сосредоточиться: разве можно думать о бирже, если враг куда-то гонит громадное количество войск. Когда и где они будут брошены в бой?

Не замечая ни зноя, ни духоты, наконец Андрей оказался у здания, в котором разместилась биржа труда. Несколько десятков пожилых мужчин кучками стояли у подъезда и с досадой косились на окна здания, из которого недавно вышли огорченными до предела. Из их разговоров он понял, что устроиться на работу в Николаеве нет никакой возможности — всех отправляют в другие районы. Расстроенный, Терещенко вернулся в Водопой, так и не зайдя на биржу. Внутренне он не был готов к тому, что узнал. Ночь размышлял... Неужели и следующий день будет истрачен даром? Его охватило нетерпение, желание действовать настойчивее.

На следующий день он решительно вошел в здание биржи. Большая комната давила на него пустотой, тишиной. Вдоль стены за застекленной стойкой с вырезанными небольшими окошечками сидело несколько служащих. Андрей подошел к последнему окошку.

— Мне надо получить работу. Поставьте на учет,— сказал, склонившись над окошком, Терещенко и, поняв, что отступать уже нельзя, взбодрил себя: «Теперь больше напора и естественности!»

— Паспорт!

Терещенко подал служащему свой паспорт. Тот полистал его, проверил отметки немецких властей. Из ящика канцелярского стола достал бланк анкеты.

— Специальность?

— Железнодорожник я. При Советах работал дежурным по станции. Имею большой опыт работы на железной дороге.

Когда анкета была заполнена, служащий порылся в многочисленных листках бумаги, аккуратной стопкой лежавших на столе, и, подняв взгляд на Андрея, тоном, не терпящим пререканий, буркнул:

— Поедешь работать в другой город. Чернорабочим на завод.

Терещенко ожидал такого оборота дела, поэтому, не раздумывая, сказал:

— Нет, никуда не поеду.— Он выпрямился, расправил плечи, поправил клапаны на карманах тужурки.— На транспорт хочу, а не на завод.

— Здесь мы решаем, куда направлять на работу. И ты поедешь туда, куда пошлем. Твое желание нас не интересует,— властно произнес чиновник.

— На завод не пойду,— с твердостью в голосе ответил Терещенко.

— Это что, неповиновение германским властям? Саботаж? Завтра же отправляйся! — закричал чиновник.— Всё. Вон!

— Да какое вы имеете право! — закричал Терещенко и стукнул кулаком по стойке так, что задребезжали стекла. Чиновники с насмешкой смотрели на коллегу, ожидая, чем закончится эта сцена.— Какое вы имеете право опытного железнодорожника использовать на черновой работе? Это с вашей стороны саботаж, черт возьми! Буду жаловаться!

В это время распахнулась дверь из соседней комнаты, и оттуда вышли начальник биржи труда и его переводчик.

— Почему так несносно кричишь! — перевел он фразу своего шефа.

— Господин директор, извините,— начал уже спокойно Терещенко.— Я квалифицированный специалист железнодорожного транспорта. Прошу дать работу на транспорте, а ваш подчиненный хочет направить меня чернорабочим на какой-то завод. Разве это целесообразно?

Переводчик бойко переводил. Начальник биржи внимательно слушал, кивая утвердительно головой и изредка бросая взгляд на посетителя.

— Я не могу понять, почему сейчас, когда рейху требуются преданные люди, мне не разрешают работать там, где я буду более полезен,— продолжал Терещенко.— Почему? Прикажите устроить меня на работу по специальности. Я многие годы работал на железной дороге.

— Гут,— наконец сказал шеф биржи и распорядился вернуть Андрею Терещенко паспорт.

Чиновник криво усмехнулся.

— Мой шеф ценит вашу настойчивость. Идите в управление южных железных дорог и устраивайтесь на работу. Сюда принесете заявку: ее выпишут в управлении.

Андрей Терещенко вышел из помещения биржи труда, отошел метров двадцать и только тогда начал осознавать, что результаты беседы на бирже для него были серьезной победой: он, видимо, останется в городе. Сделан еще шаг к тому, чтобы выполнить задание.

В тот же день Терещенко получил назначение на должность составителя поездов станции Николаев. Это было крайне важно.

На следующий день Андрей Терещенко проснулся еще до восхода солнца с тяжелой головной болью от преследовавших его кошмарных снов и до шести часов утра лежал. Спать не хотелось. Сегодня он выйдет на службу и тем самым вступит в противоборство с гестаповцами, которые бесспорно держат железнодорожную станцию под пристальным наблюдением. Наивно думать, что гитлеровцы обделят Андрея своим вниманием.

День был хмурый, душный. Железнодорожная станция встретила Андрея гудками и тяжким дыханием паровозов, лязгом железа, грохотом сцепок. Как эти звуки радовали Андрея в детстве, до войны, а вот сейчас они наполнили душу тревогой, настороженностью. Здесь Андрею Терещенко придется жить двумя жизнями — каждая потребует предельного напряжения физических и духовных сил. Одну должны видеть все. Много пар глаз будет наблюдать за этой жизнью, контролировать каждый шаг Андрея, но никто не должен сомневаться в его преданности оккупантам. Вторую, безмерно ответственную и опасную жизнь он обязан тщательно скрывать. Это — разведка. Для Андрея обе жизни сольются воедино, будут зависеть одна от другой, поведут его к новым трудностям и опасностям, надеждам и радостям.

Станционные пути забиты железнодорожными составами, сформированными из крытых товарных и пассажирских вагонов, платформ и цистерн. Некоторые из них с грохотом и скрежетом двигались в разные стороны, подчиняясь воле кого-то невидимого, руководившего жизнью станции. Только что отправился эшелон с танками, артиллерийскими орудиями, громадными ящиками на платформах. Никогда в жизни Андрей не видел такого множества вагонов с надписями на языках чужих стран. Но вагоны эти показались какими-то недомерками. Они были короче, уже и ниже советских вагонов. Тут же Андрей вспомнил, что в Германии ширина железнодорожной колеи меньше советской, размеры вагонов и локомотивов «дойче рейхсбан» тоже меньше наших.

Терещенко зачислили в бригаду, состоявшую из пяти человек. Бригадиром был австриец Хейнц. Высокий, стройный, подвижный. Взгляд внимательный, с хитрецой.

По установленному порядку к началу рабочего дня бригада собиралась у сортировочной горки и ждала своего шефа. На этот раз вместе с Хейнцем пришел и Терещенко. Австриец представил его членам бригады. Все рабочие бригады были в возрасте. На Андрея они смотрели недружелюбно. Он даже

услышал за спиной: «Наши сыны воюют, а этот бугай тут пристроился».

Терещенко понял, что нелегко ему будет наладить хорошие отношения с бригадой. А может, и вообще не удастся. Но сейчас главным было не это: ему во что бы то ни стало требовалось завоевать доверие администрации.

На сортировочную горку подали для переформирования эшелон. Хейнц посмотрел на Терещенко откровенно изучающим взглядом. Андрей догадался — бригадир хочет убедиться в том, что Терещенко не новичок на железной дороге. Андрей первое время не был сноровистым составителем — он говорил Хейнцу, что в этой работе опыта не имеет, но готов ответить на любые вопросы, касающиеся принятой в СССР сигнализации, службы движения поездов, обязанностей дежурного по станции. А Хейнц никаких вопросов не задавал, он наблюдал. И вряд ли Андрей внушил бы доверие, выдавая себя за опытного железнодорожника, если бы боялся грохота рядом проходящего поезда, вздрагивал от паровозного гудка, не мог во время движения состава к маневровой горке прыгнуть на подножку вагона. Однако Терещенко держался свободно, уверенно, и бригадир это отметил.

Все, что видел Андрей, убеждало его в том, что оккупанты цепко держат в своих руках железнодорожную станцию и зорко следят за всеми рабочими. В этих условиях вести разведку чрезвычайно сложно. Выход был один — убедительно «играть» добросовестного исполнителя, заставить гитлеровцев поверить в его преданность рейху и проявлять бдительность, осторожность. Такие опытные защитники «нового порядка», как специально обученные и натренированные сотрудники гестапо, СД, полиции, абвера и других служб, не пропустят ни одной оплошности, ни одного промаха.

Со временем бригадир как будто стал доволен новым составителем и однажды даже похвалил его, но сдержанно, сквозь зубы. А Терещенко не только втянулся в работу составителя, но уже собрал немало сведений о переброcках войск и боевой техники противника через Николаев. Мог бы сделать еще больше, если бы знал немецкий язык. Кажется, никогда в жизни он столь искренне не сожалел, что не владеет им.

Общими заботами о работе Лиде и Андрею на первых порах удавалось заглушить неловкость отношений, стеснение, которое с неизбежностью возникало после переезда в Водопой. Жизнь девушки и мало знакомого ей мужчины в одной квартире без соседей была непростой.

Поначалу Лида радовалась, когда Андрей работал в ночную смену, хотя и жутко было оставаться в доме одной. Потом

ее стало угнетать одиночество, постоянное ожидание какой-то беды. Звук проезжавшей по улице автомашины, треск мотоцикла, скрип калитки настораживали, и она бросалась к окну — узнать, что происходит за стенами дома. Ее не покидали думы о том, что в любое время могли нагрянуть гестаповцы и произвести обыск. А что, если обнаружат рацию?..

Тревога усилилась, когда услышала о новых зверствах оккупантов в Николаеве. Она не знала, что и в самой Германии давно не было покоя. Антифашисты-интернационалисты, считавшие гитлеровский режим величайшим злом, активно боролись, не жалея себя в этой битве. Многие патриоты были выслежены и схвачены. Гестаповцы их пытали, ломали физически, но не могли сломить морально. После истязаний многих стойких борцов уничтожали. В берлинской каторжной тюрьме Плетцензее, в бранденбургской тюрьме, в Галле, на стрельбище в берлинском районе Тегель истребляли людей, высшей целью жизни которых была борьба с гитлеризмом.

Перед второй мировой войной активно включилась в антифашистскую деятельность Клара Шабель. Патриотка-интернационалистка боролась за счастливое будущее свободной Германии. Но гестапо напало на ее след и осенью 1942 года арестовало. 5 августа 1943 года мужественная патриотка погибла.

В тот же день погиб ветеран-антифашист Эмиль Хюбнер. Ему был 81 год, когда перестало биться сердце. Были казнены рабочий Станислаус Везолек и его жена Фрида, дочь Хюбнера, оказывавшие в годы второй мировой войны активную помощь некоторым действовавшим в Германии патриотическим группам, боровшимся против фашизма.

Осенью 1942 года гестапо арестовало антифашистку-интернационалистку Эльзу Имме. 5 августа 1943 года жизнь славной дочери немецкого народа оборвалась...

Фашистские палачи, разъяренные мужеством и стойкостью своих жертв, принимали меры к тому, чтобы тщательно скрыть от общественности сам факт существования патриотического антигитлеровского движения в рейхе. Судилища проходили при закрытых дверях, на документах следствия и суда ставились грифы высшей степени секретности. Но мир узнал о подвигах антифашистов.

Германские патриоты, павшие в борьбе со злейшим врагом человечества — гитлеризмом, стали символом мужества немецких трудящихся, которые в сложнейшей обстановке смогли найти свое достойное место в рядах борцов за справедливость, за светлое будущее, против фашизма и отдали этому делу жизнь до последнего дыхания.

...Андрей исходил город вдоль и поперек, собственными глазами увидел, многократно проанализировал и душой почувствовал все, что оккупанты успели натворить ради того, чтобы закрепиться тут, прочно осесть.

Чем основательнее изучал Терещенко врага, тем больше возникало вопросов: раскрывались новые обстоятельства и детали, которые необходимо знать. А как найти людей, которые могли бы ему помочь в этом? Разумеется, многие оказавшиеся в оккупированном гитлеровцами городе были готовы включиться в антифашистскую борьбу или уже вели ее, но где они? Как выделить среди знакомых жителей города лиц, которым можно доверить судьбу группы и свою собственную судьбу? Разведчик за ошибки платит жизнью.

Как хотелось бы посоветоваться с кем-нибудь из опытных людей. Он вспомнил своего комиссара, обладавшего каким-то особым чутьем на хороших, надежных людей. Эх, если бы такое чутье сейчас Андрею!

По рекомендации Максима Терентьевича Андрей присмотрелся к Василию Кучеренко, часто заходившему к Пархомчукам. Ему было за шестьдесят. Жил на проспекте Ленина (в годы оккупации эта улица называлась Херсонской) в доме № 21. В 1941 году с приближением немцев к Николаеву не смог эвакуироваться. Какое-то время оставался без дела, потом голод заставил вернуться на прежнюю работу — кочегаром катера. Жена скрылась от гитлеровцев в глухой деревне. Сник Василий Андреевич, замкнулся, а душа томилась, требуя борьбы.

Терещенко не ошибся в оценке Василия Андреевича. Со временем он стал искренним другом и надежным помощником. Кучеренко был беспредельно благодарен судьбе за то, что она свела его с Андреем, и беспокоился только о том, хватит ли у него, немолодого, сил для того, чтобы оправдать оказанное доверие.

Андрей заметил, что за последнее время дядя Вася, как звали разведчики Василия Андреевича, преобразился. Сами по себе отодвинулись на задний план все житейские невзгоды, и, казалось, глаза его загорелись радостью и любовью к самой жизни. Он понимал, что не зря живет на свете, и каждый день оценивал качеством выполненных поручений Андрея.

— Дядя Вася, а было бы, наверное, лучше, если бы ты отрастил бороду,— посоветовал Андрей однажды Василию Андреевичу.— Да если бы еще взял в руки трость, то лучшего старичка во всем городе не найдешь.

— Коли это треба, бороду отпущу,— смеялся Кучеренко.— Будет во всю грудь. А трость найду...

— Только не забывай, что старики ходят сгорбившись, а ты идешь, как бравый гусар — грудь колесом. Так нельзя, дядя Вася, а то немцы сразу в гвардию определят!

— Будет для тебя настоящий дед.

Кучеренко, не торопясь, опираясь на трость, появлялся в тех районах, обстановка в которых интересовала Андрея. Его приметливый глаз разглядит и острое ухо услышит все, что может представить интерес для разведчиков. Собранные сведения обычно передавал Андрею при встречах на явочной квартире, у Лидиных родителей. Рассказывал он неторопливо, обстоятельно. В его русскую речь нередко вплетались украинские слова.

Из оккупированного противником города Николаева разведчики радировали:

«Докладываю собранные за истекшие сутки сведения о перебросках войск противника через Николаев...»

«Емкости нефтебазы Черноморского судостроительного завода в срочном порядке заполняются горючим...»

«...В районе... обнаружен крупный склад боеприпасов...»

«Докладываю сведения о гарнизоне противника в Николаеве...»

Каждый раз, когда Лида брала из рук командира листок бумаги с текстом очередной радиограммы в штаб фронта, она с гордостью думала о тех, кто добыл содержащиеся в донесении сведения,— об отце своем, дяде Васе и Андрее, по доброй воле избравших безмерно сложный и опасный путь борьбы на фронте, который не виден и не слышен. Она преклонялась перед их мужеством, старалась вовремя сообщить командованию добытые тяжким трудом сведения о враге.

Терещенко втянулся в работу составителя поездов. Члены бригады отметили, что он уже успел приобрести у администрации репутацию трудолюбивого, пунктуального железнодорожника. Они и не подозревали, что каждый рабочий день, каждый день жизни Андрея был тяжелейшим испытанием на волю, твердость характера. Тяжело было играть выпавшую на его долю роль, но еще тяжелее чувствовать злобные взгляды советских людей, работавших рядом. При встрече они бросали на него презрительные взгляды, иной раз не отвечали на приветствия. И некоторым людям в Водопое не нравился этот молодой и здоровый мужчина: ему бы винтовку в руки и драться с оккупантами, а у него на груди болтается на цепочке немецкий свисток составителя поездов. В утешение себе Андрей мог только вновь и вновь повторить, что сейчас он должен быть здесь, в Николаеве. Так надо. Таков приказ.

Уходил еще один день. Когда на город спустились сумерки, Андрей отправился из Водопоя на работу. Пересек еврейское кладбище, вышел на улицу Чигрина, затем свернул на Комсомольскую, Скороходова...

Сумерки быстро сгущались. Когда пришел на станцию, было уже совсем темно, только висевшие на высоких столбах около стрелок фонари, слегка раскачиваемые прохладным с лимана ветерком, бросали на землю пучки света. Стал почти невидим силуэт элеватора, и казалось, что разбежавшиеся по нему редкие светлячки окон повешены прямо в темноте. На элеваторе шла энергичная погрузка зерна в вагоны. Сделав эту заметку в памяти, Андрей пошел к сортировочной горке. Послышался скрежет железа, перестук колес на стрелках, и тьму пробуравили три падающих на землю луча паровозных прожекторов. Куда идет эшелон? Что везет?..

Однажды Андрей Терещенко увидел, что в Николаев пришло несколько санитарных поездов. Солдаты неторопливо, осторожно выгружали раненых. Андрей увидел измученных, с почерневшими и небритыми лицами, в состоянии полной подавленности калек, жадно глотавших свежий воздух.

— Много инвалидов увидел? — спросил бригадир Андрея.

— Очень много. Впервые вижу такую картину.

— Увидишь еще много раз,— прошептал Хейнц.

— Почему так думаете?

— Немецкие офицеры говорят, что около Курска развернулось гигантское сражение. Потери у русских и немцев огромные...— И после некоторого раздумья добавил: — Не болтай об этом... Не наше дело...

...Лида и не заметила, как привычка ждать Андрея со временем превратилась в потребность ждать возвращения в дом хорошего, надежного товарища. Когда он дома, на душе спокойно. Она твердо верила, что вместе они найдут выход из любого положения, каким бы сложным и опасным оно ни было.

Лида подошла к окну, посмотрела на улицу. Где же ее чубатый парень, Андрюша-железнодорожник? Уже пора бы вернуться домой, а его нет. Что с ним? У Лиды замерло сердце, когда на улице появились немцы: их было человек пятнадцать. Куда они торопятся? К ней в дом? Нет, прошли мимо... Вдруг она увидела Андрея. Обрадовавшись, рванулась к двери, чтобы встретить его.

Терещенко умылся, оделся по-домашнему и, войдя в большую комнату, подтянул гирю ходиков.

— Опять было много работы? — спросила Лида. В ее словах Андрей уловил теплоту и заботу.

— Очень много. Гонят на фронт эшелоны с солдатами, боеприпасами и техникой.— Андрей сделал несколько шагов по комнате. Его раздражал скрип половиц. Сел около стола.

— Откуда только берут,— с гневом произнесла девушка.

— Из всей Европы выжимают соки, гады.

— У тебя очень усталый вид,— словно не слыша последней фразы командира, сказала Лида. Андрей поднялся, подошел к дивану, опустился на него рядом с Лидой и ладонью коснулся ее локтя. Лида, ощутив прикосновение шершавой от мозолей, сильной руки Андрея, покраснела.

А через несколько дней Андрей отважился прошептать девушке, что она не такая, как другие. Лида сурово взглянула на него, ее черные брови сдвинулись над переносицей:

— А каковы же другие? Много ли знаешь других?

— Извини, пожалуйста. Я, видимо, неудачно выразил мысль.

— Следи за словами, командир,— негромко произнесла она.— А потом... Батареи садятся,— перевела разговор Лида,— скоро выйдут из строя. Что будем делать?

— Попросим помощи у Большой земли.

По рекомендации Максима Терентьевича в группу включили Николая Баркова, работавшего кучером в городском муниципалитете. Когда гитлеровцы напали на СССР, Николай Яковлевич проходил действительную службу в морской пехоте Черноморского флота. Во время боев за Крым был ранен и отстал от своей части, отходившей на восток. Оказавшись на оккупированной врагом территории, скрывался от гитлеровцев. Потом ему удалось добраться до родного дома. Вылечился, устроился на работу в топливный отдел муниципалитета. Занимался добычей торфа, заготавливал дрова. Позднее стал кучером. Николай оказался очень полезным для Андрея помощником.

Присматривался Терещенко и к своему бригадиру, который изредка поругивал фашистов. А на днях Хейнц еще больше удивил Андрея. Подошел он к Терещенко и предложил ему пройтись к дальним станционным путям. Бригадир не подозревал, что Андрей час назад там уже побывал.

— Посмотри, Андрэ, что тут есть,— сказал бригадир, когда они подошли к одиноко стоящему в тупике составу. Он внимательно наблюдал за реакцией Андрея, ждал его ответа.

Терещенко молчал, рассматривая длинный ряд платформ с разбитой в боях германской техникой. Там были главным образом изуродованные танки и самоходные артиллерийские установки.

— Это «тигры», «пантеры» и «фердинанды»,— пояснил бригадир, продолжая изучать составителя.

Танки и самоходки с разорванными стволами орудий, с оторванными башнями, без гусениц. Даже в таком виде, искореженные, казались они грозными, могучими. А какой же силой должно обладать то оружие, которое всю эту технику превратило в металлолом? И Андрей внутренне улыбнулся, радуясь могуществу Красной Армии.

Когда возвращались от эшелона, Хейнц как бы между прочим сказал:

— Понял, какая война около Курска?

Хейнц, остававшийся загадкой для Андрея, время от времени осторожно делился с ним сведениями о гитлеровских войсках.

В очередной сеанс радиосвязи Лида, передав донесение в штаб фронта, заметила, что напряжение батарей быстро падает: энергия в них иссякала. Андрей напомнил штабу фронта о необходимости скорее обеспечить разведгруппу новыми батареями для рации: накопилось много ценных сведений, но передать их скоро будет невозможно. Через день он составил очередную радиограмму и, сомневаясь, что Большая земля сможет услышать совсем ослабевшие сигналы рации, передал листок бумаги с текстом радиограммы Лиде.

— Попытайся передать.

— Ну, давай,— вздохнула она.

Опытные радисты Центра приняли и эту радиограмму.

На следующий день Лидия Пархомчук опять забралась на чердак и развернула свою рацию. Андрей вышел из дома на улицу наблюдать за обстановкой. Обеспокоенный длительным отсутствием от Лиды сигнала об окончании сеанса радиосвязи, он вернулся в дом и по внутренней лестнице поднялся на чердак. Там он увидел Лиду, склонившуюся над рацией. Правая рука девушки неутомимо, но безуспешно долбила по «блошке», как радисты называли телеграфный ключ. В левой руке, опущенной на колено она держала подготовленную для передачи радиограмму. Рядом с рацией лежали граната и револьвер. Сколько уверенности вселяло оружие в душу этой хрупкой девушки! Только хватит ли у нее сил в случае необходимости нажать на тугой спусковой крючок? Странно, но именно граната и револьвер рядом с этой худенькой девушкой вызвали у Андрея волну сочувствия и теплоты к ней.

Андрей побоялся вывести девушку из состояния сосредоточенности, в котором она находилась, и тихонько удалился с чердака. Через несколько минут Лида свернула рацию.

— Не слышат? — спросил Андрей.

Лида только покачала головой и горько заплакала от понимания собственного бессилия.

— Ну, полно, полно. Что-нибудь придумаем. Утри слезы: ты же разведчица. Вот вернемся в штаб фронта, тогда реви сколько хочешь...

— Мы теперь даже врагу не опасны,— с раздражением выпалила Лида.— Надо ли в таком случае собирать сведения?

— Надо! И сомнений в этом быть не может.

— Зачем они?

— Будем думать о налаживании связи с Большой землей. Штаб фронта наверняка тоже ломает голову над тем, как помочь нам.

— Извини, Андрей...— Лида не взглянула на командира. Ей было стыдно за свою несдержанность.— Ты удивительный оптимист...

Тяжело разведчики переживали потерю связи с Большой землей.

Радиосвязь им была необходима не только для того, чтобы вовремя передать командованию добытые сведения о вражеских войсках. Она позволяла им в любое время посоветоваться со штабом фронта. Невидимый воздушный мост, связывавший разведчиков со штабом фронта, вселял силы и уверенность.

Переживаемые вместе огорчения еще больше сблизили разведчиков. Однажды вечером Лида, как бы между прочим, попросила:

— Андрей, ты никогда ничего не говорил о себе. Расскажи.

— Все, что тебе надо знать, ты знаешь.

— Почему никогда не вспомнишь свою семью? Ты женат?

— А что?

— Значит, женат...

— Нет. У меня жены не было и нет.

— А родные есть?

— Отец умер в сороковом. Мать осталась в Ессентуках. Ничего о ней не знаю. Еще есть сестра, до войны жила на Кавказе.

— Послушай, завтра у тебя свободный от дежурства день. Пойдем прогуляемся к моим родителям? — неожиданно предложила Лида.

— Согласен,— после некоторого раздумья ответил Андрей.

— Ты не рад моему предложению?

— Не знаю... Не очень ли часто я там бываю?

— Не забывай, ты играешь роль моего мужа, надо моих родителей уважать, да и меня тоже.

— А я уважаю. Я действительно очень уважаю тебя.

После дня отдыха, когда рано утром Андрей шел на дежурство, он мысленно прожил вновь весь прошлый день. Может быть, Лида и есть та самая девушка, которую он так давно искал и не мог найти до тридцатилетнего возраста?..

Во второй половине дня, когда на город наползали сумерки, Андрей закончил работу на станции. Бригадир разрешил ему идти домой. Терещенко шел медленно, блуждая по улицам и проверяя, не следят ли за ним оккупанты. Делал это по уже сложившейся за время жизни в Николаеве привычке с большой тщательностью. Он даже улыбнулся появившейся мысли о том, что полная неожиданностей опасная работа выработала у него потребность постоянного анализа обстановки, каждого своего шага, критической оценки поведения окружавших его по службе на железной дороге людей, каждого нового знакомого, случайно встретившегося прохожего на улице. Не оставлял без внимания, казалось бы, мелкое, незначительное событие. В разведке мелочей нет.

Скрывшееся за горизонтом солнце окрасило в багровый цвет безоблачное небо. Город погружался в тревожную темноту. Андрей шагал по пустынной улице. Тишину нарушил грохот кованых сапог немецких военных патрулей. Неожиданно в небе, где-то далеко-далеко за городом послышался и вскоре исчез еле уловимый звук самолета. Андрей безошибочно узнал в нем безмерно приятный «голос» советского бомбардировщика. Разведчик вышел на 4-ю Слободскую улицу, убежденный в том, что за ним никто не следит. Вдали послышался скрип колес телеги, храп лошади, стук копыт о мостовую. Через две-три минуты его догнала груженая повозка. Рядом, держа в руках вожжи, шел кучер. Это был плотно сложенный, широкоплечий, среднего роста мужчина лет под тридцать.

— «Хвоста» нет? — негромко спросил Терещенко поравнявшегося с ним Николая Баркова.

— У нас полный порядок.

— Молодец.

— Рано хвалить, я еще мало что сделал. Давай новое задание, да посложнее, поопаснее.

— Уж если так рвешься в боевое дело, то будет к тебе просьба. Нами был выявлен склад боеприпасов. Надо проверить, не перевели ли его фашисты в другое место.

Терещенко рассказал, где находится этот склад. Предупредил Николая об осторожности, подсказал, как надо действовать.

— Не беспокойся, Андрей. Все будет в порядке. Я слишком много страдал, мне никак нельзя за бесценок жизнь отдавать.

— А что удалось выяснить по вопросам, о которых я просил?

Николай сообщил добытые сведения. Поблагодарив Баркова за информацию, Андрей на перекрестке свернул направо и исчез. По пути в Водопой он размышлял о новом боевом товарище.

С потерей связи со штабом фронта Андрей лишился покоя. Он упорно искал выход из создавшегося положения. Радиосвязь нужна как никогда раньше: за последнее время увеличились переброски немецких войск через Николаев, заметно возросло количество санитарных эшелонов... Бесспорно, информация из Николаева штабу фронта крайне необходима.

3

Ночь на 20 сентября в Николаеве была темная, безветренная. Перед рассветом в 20 километрах юго-восточнее города пролетел двухмоторный «дуглас». От него отделились две черные точки, и через несколько минут над ними вспыхнули белые ромашки парашютов. Это приземлилась десантированная в тыл противника девушка — связная штаба фронта. Недалеко от нее на парашюте покачивался грузовой тюк. Девушке предстояло доставить в Николаев запасные батареи, которые должны были оживить умолкнувшую рацию Лидии Пархомчук.

Связная благополучно приземлилась в бескрайнем поле. Спрятав в густом кустарнике свой бесценный груз, она с небольшим узлом в руках направилась в Николаев.

...На другой день связная увидела вдали силуэты зданий большого города. Николаев. По шоссе к нему с натужным ревом двигались нескончаемым потоком колонны грузовых автомашин с гитлеровскими войсками, оставляя позади густые клубы дорожной пыли, перемешанной с выхлопными газами от автомобилей.

В Николаеве связная легко нашла улицу Леккерта и дом, в котором жили родители Лидии Пархомчук. Войдя во двор, она увидела около водоразборной колонки голубоглазую лет восьми девочку с чайником в руках. Она была очень похожа на Лиду Пархомчук.

— Мама дома? — спросила связная, подойдя к девочке, набиравшей воду в чайник.

— Мамы дома нет,— ответила девочка, внимательно разглядывая гостью.

— Когда она придет?

— Не знаю.
— Жаль. Очень жаль.
— Ой, посмотрите, какой прекрасный цветок! Вы только посмотрите! — Девочка подбежала к стоявшему рядом с водоразборной колонкой сараю и замерла, склонившись над крохотным голубым цветком на низенькой хрупкой ножке, дерзко пробившимся между камнями у стенки сарая. Вырвавшийся из тьмы цветок с вызовом, не прячась, тянулся к солнцу, к жизни...

Разведчица подошла к девочке и вместе с ней разглядывала цветок. Она с радостью призналась себе в том, что за время войны не разучилась наслаждаться прелестью природы.
— А папа дома?
— Дома. Пойдемте.

Связная вошла в квартиру. По пути отметила, что это квартира номер пять. Да, здесь должны жить Пархомчуки.
— Папа, к тебе пришли! — крикнула с порога девочка.

Связная быстро окинула взглядом комнату и на стене у окна увидела фотографию Лиды Пархомчук с сестрой.
— Здравствуйте, Максим Терентьевич,— поздоровалась разведчица с вышедшим к ней пожилым, болезненного вида мужчиной.
— Здравствуй, дочка.
— Мне нужно видеть Лиду и Андрея.
— Кто же ты, дочка, будешь?
— Я подруга Лиды. И Андрея тоже,— торопливо говорила девушка.
— Садись.

Максим Терентьевич ушел на кухню и загремел чайником. Связная опустилась на стул и сразу же расслабилась, сбросила с уставших ног туфли.
— Поскорее сведите меня к Лиде и Андрею,— сказала она вернувшемуся Максиму Терентьевичу.— Они меня очень ждут.
— Отдохни хоть немного, чаю выпей.
— Нет, нет. Потом отдохну. Пойдемте к ним, прошу вас.— Связная встала, заталкивая распухшие ноги в туфли.— Ну пойдемте, Максим Терентьевич. Умоляю вас.
— Ну ладно уж, если ты такая нетерпеливая.

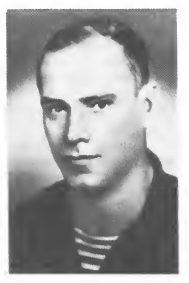
Они пришли в Водопой после обеда. Остановились у небольшого саманного дома под черепичной крышей. Максим Терентьевич открыл калитку, пропустил вперед девушку. Почти одновременно на крылечко вышла Лида. Она приветливо посмотрела на отца, потом перевела взгляд на девушку, и глаза ее округлились. Она зажала рот рукой, чтобы удержать крик радости и удивления.

— Спокойненько, спокойненько,— сказала негромко связная,— пойдем в дом,— и первая двинулась на крыльцо.

— Оксанчик, ты ли это? — воскликнула, еще не веря себе, Лида и кинулась за Оксаной Сидоренко в дом.

— Самым натуральным образом я.

Девушки целовались, обнимались, плакали и смеялись.

Николай Барков. 1945 г.

Оксана Сидоренко. 1941 г.

Оксана была тронута той искренней радостью, с которой ее встретила подруга.

На шум вышел Андрей: похудевший, как будто еще более долговязый, чем прежде, с вытянувшейся шеей, торчащим кадыком.

— Питание для рации привезла? — первым делом спросил он Оксану Сидоренко.

— Привезла, привезла. И множество приветов привезла.

Лида, обрадовавшись встрече с подружкой, всю ласку свою отдала ей. Максим Терентьевич, увидев теплоту встречи девушек, успокоился и, попрощавшись, ушел домой.

Деловой разговор разведчиков в тот день был недолгим: Андрею надо было уходить на службу.

После смены Андрей торопился домой. Хотелось обстоятельно поговорить с Оксаной. Но, вернувшись, он увидел на

двери замок. Забеспокоился. Тревога усилилась, когда вспомнил о распространявшихся в Водопое слухах об охоте гестаповцев за парашютистами, якобы недавно приземлившимися в районе поселка, но немного успокоился, найдя ключи от дома. Они лежали в тайничке в сарае, где их обычно прятали. Но где же подружки?

Оказывается, после того, как Андрей ушел на работу, девушки, вооружившись тачкой, отправились за спрятанным Оксаной грузом. Как она ни уговаривала не уходить без разрешения Андрея, добиться своего не могла — Лида была неумолима:

— Рация — мое главное оружие, и о том, чтобы это оружие действовало, заботиться должна я сама. Никому другому не доверю доставку батарей. И не спорь! — категорически заявила Лида.

На следующий день ранним утром подруги достигли цели. Там, где Оксана спрятала свой груз, крестьяне убирали уложенную в копны солому. Девушкам пришлось уйти подальше от этого места и ждать темноты. Только поздним вечером, когда поле опустело, они выкопали груз, уложили его на тачку, прикрыли сверху несколькими хозяйственными сумками с картошкой, початками кукурузы и отправились в обратный путь. В полумраке вошли в какой-то поселок и переночевали в одном гостеприимном доме. Спали на полу, подложив под головы тщательно упакованные батареи и оружие.

На другой день с рассветом продолжили путь. Шли по пыльному шоссе, пролегавшему по бескрайним полям, через перелески с крикливой жизнью пернатых обитателей, через овраги... Чем ближе к Николаеву, тем интенсивнее движение; мчатся колонны военных «бюссингов» с грузами и солдатами, стрелой пролетают легковые «опели», тянутся конные обозы. По обочинам плетутся молчаливыми группами и в одиночку пешеходы. Свернули на пустынный проселок.

Днем девушек догнала пароконная повозка с пятью немецкими солдатами.

— Стой! Хальт! — прозвучал приказ.

Двое гитлеровцев соскочили с телеги.

— Куда идешь? — оскалив в улыбке длинные зубы, спросил один из них.

— В Николаев,— ответила Лида. Разведчицы переглянулись, и взгляды их были выразительнее и понятнее, чем слова: они применят оружие, если другого выхода не будет... А сейчас — максимум выдержки.

Другой солдат — помоложе, белобрысый, в расстегнутом помятом кителе — сел в тачку.

— Вези меня. Быстро! Шнель, шнель! — кричал солдат.

Оксана, подойдя вплотную к рассевшемуся в тачке гитлеровцу, спросила:

— Ты фрау?

— Пан, пан.

— Ах, ты пан? Тогда слезай с тачки. Вег, вег! Прочь с тачки! — Оксана, громко смеясь, попыталась столкнуть солдата с тачки.— Ты же культурный пан. Ты должен везти фрау.— И, обращаясь к подруге, требовательно крикнула ей.

— Лида, помогай!

Лида одной рукой придержала тачку, чтобы не опрокинулась, другой толкнула солдата в спину.

— Садись, Лида,— предложила Оксана подруге, когда гитлеровца столкнули с тачки.

— А ну,. паны, везите фрау! Шнель! — распорядилась Лида. А Оксана подбежала к конной повозке, заливаясь смехом, дернула вожжи. Лошади побежали рысью. Когда повозка с гоготавшими тремя солдатами стала удаляться, оставшиеся с девушками немцы поспешно отшвырнули тачку и пустились вдогонку за приятелями.

— Черти, чуть батареи не вывалили на дорогу,— ужаснулась Оксана: от ее деланного веселья не осталось и следа.

— Ну и отчаянная ты! — только подивилась Лида.

Дома девушек встретил Терещенко, хмурый, словно туча.

— Это что же за самовольство? — возмущался он. Особенно напирал на Лиду: — Какое право ты имела так рисковать собой? У меня что, дюжина радисток?

Но что были сейчас Лиде эти выговоры, когда привезены батареи для рации. Забравшись в положенный час на чердак, она быстро установила связь с Большой землей и передала радиограмму:

«Связная Сидоренко благополучно прибыла к месту назначения. Груз доставлен в исправности...»

Вновь в штаб фронта от разведчиков из Николаева полетели донесения:

«Докладываю дислокацию войск противника...»

«На аэродроме... базируются самолеты бомбардировочной авиации противника. Установлено, что исправных самолетов Ю-88...»

«На железнодорожной станции Богоявленск из 55 вагонов закончена выгрузка боеприпасов...»

«Обнаружен крупный склад горюче-смазочных материалов, расположенный...»

«На станцию Песчаная доставлено 30 бронетранспортеров, 30 грузовых автомашин...»

«Сегодня на железнодорожной станции Николаев в 14.00 выгружено 40 танков «тигр», 40 бронетранспортеров...»

Оксана, успешно выполнившая задание штаба фронта, была оставлена в Николаеве и включена в состав группы, возглавляемой Андреем Терещенко. Жила она вместе со своими друзьями на правах дальней несовершеннолетней родственницы Андрея.

Теперь в группе стало трое разведчиков, и каждый внимательно вглядывался в жизнь товарищей, искренне старался помочь и беспокоился за их судьбу. Оксана чувствовала особую тревогу радистки за свою работу. Лида очень боялась, что фашисты запеленгуют рацию. Временами ей даже казалось, что она физически ощущает, как контрразведчики с пеленгаторами подкрадываются к дому, словно хитрые хищники. Для безопасности пришлось разбивать большие радиограммы на отдельные куски и вместо длительных передач проводить несколько коротких сеансов связи, но прекратить на какое-то время работу на рации она не могла: сведения, которые добывали Андрей, Оксана и помогавшие им патриоты, были настолько ценны, что их нельзя задержать непереданными. Лида понимала — эти сведения о враге нужны штабу фронта сегодня, сейчас. И она включала рацию.

Как-то девушки бессонной ночью, когда Андрей был на дежурстве, разговорились, лежа в постели. Задушевная беседа настолько тронула Лиду, что ей стало страшно от мысли о том, что скоро кончится эта ночь, непохожая на все прожитые в войну ночи, что исчезнет с рассветом возможность такой теплоты отношений с подругой и будет она снова жить своей молчаливой жизнью, тревожась об очередных сеансах радиосвязи. А так хочется общения с хорошим, близким человеком.

Оксана неожиданно спросила:

— Как Андрей? Придира, да?

— Андрей? — помедлила с ответом Лида.— Понимаешь, он такой... В общем, надежный он человек. Когда он рядом, у меня на душе спокойно, хорошо.

Лиду и в самом деле с некоторых пор неудержимо тянуло к Андрею, появилось нестерпимое желание создать ему домашний уют, быть рядом, наедине, сказать что-то ласковое, а иной раз, может быть, и просто вместе помолчать, помечтать. Ей хотелось помочь Андрею хотя бы немножко, на какое-то время снять внутреннее напряжение от каждодневного опасного труда. Но Андрей, казалось, не замечал этого: он был поглощен своим делом.

Во время очередного дежурства он увидел на ближних от вокзала путях два пассажирских поезда. Около вагонов толпи-

лись солдаты вермахта. Большинство из них — совсем юнцы, либо, наоборот, пожилые, седовласые мужчины.

«Тают резервы-то»,— отметил мысленно разведчик, мимоходом разглядывая эмблему на солдатских кителях. Сделав прицепку к находившемуся неподалеку составу, Андрей ушел к длинным вереницам платформ с сеном, стоявших на запасных путях. Хотелось узнать, какой груз спрятан под сеном.

— Ты чего тут делаешь, Андрэ? — поинтересовался усатый железнодорожник, неожиданно вынырнувший из-под платформы.

— Бригадира ищу. Не видел его? — не растерялся Андрей. Ему давно казалось, что усатый присматривается к нему, только непонятно, с какой целью.

— Здесь его нет.

— А сказали, что он где-то здесь.

— Ну, ищи, ищи.— В глазах железнодорожника блеснула хитринка. Он ушел, бросив взгляд на состав, словно хотел быстро оценить, сколько в нем платформ.

Андрей уже разглядел, что сеном замаскированы танки. Оставалось прикинуть, сколько же их. Быстро прошмыгнув вдоль эшелона, он ушел к сортировочной горке. Находившийся там бригадир опять задал Андрею загадку. Когда составители разошлись по своим делам, он подошел к Терещенко и хотел что-то сказать, но в это время донесся гул далеко пролетавшего самолета.

— Андрэ, смотри! — сказал Хейнц, вглядываясь в черную точку, двигавшуюся высоко в небе.— Это русский аэроплан.

— Да нет, это германский,— преднамеренно солгал Андрей, безошибочно распознавший двухмоторный бомбардировщик «ПЕ-2».

— Я знаю русский аэроплан,— обиделся Хейнц.

— Вот русский самолет,— смеясь, сказал Терещенко, указывая пальцем на откуда-то взявшуюся ворону, пролетавшую над маневровой горкой.

Хейнц выругался и, сердито посмотрев на Андрея, ушел.

«Все-таки, кто этот австриец? Неужели друг? — опять и опять спрашивал себя Андрей.— Поговорить бы с ним откровенно. Но нет, нельзя рисковать».

В следующую смену Хейнц был подчеркнуто строгим с Терещенко. Андрей продолжал свою игру. Только об одном он тревожился: не переиграть бы! А где в этой игре грань дозволенного? Кто ее может указать?

Через несколько дней отношения с Хейнцем улучшились. Он стал, как обычно, разговорчив.

Разведчики вели активную работу. Поток сообщаемых ими в штаб сведений нарастал.

Однажды Андрей попросил Николая Баркова и Оксану проверить позиции зенитных батарей в городе. Выполнив поручение, они возвращались домой. Темнело.

— До комендантского часа успеем добраться до своих квартир? — беспокоилась Оксана.

— Конечно,— успокоил Николай девушку и, достав карманные часы, впился в них глазами. Только сейчас он заметил, что часы давно остановились. Выругался про себя и завел ослабевшую пружину.— Неужели опоздали?

— Надо, пожалуй, тихими переулочками скорей добраться до Пархомчуков. Быстро шагая, Николай и Оксана вышли на улицу Чкалова и сразу же наткнулись на двух полицейских.

— Пропуск, предъявите пропуск!

— Мы здесь рядом живем. Быстро добежим. Разрешите.

— Пошли в полицию.

— Зачем же так строго?

— Не рассуждать.— Полицейские сняли с плеча карабины.— Идите в полицию!

Как ни упрашивал Барков патрульных, они были неумолимы. Надо бы взятку дать полицейским, но кошелек пуст.

В полиции Оксану и Николая втолкнули в комнату на первом этаже. В ней не было никакой мебели — ни стола, ни стула, ни скамейки. Под потолком еле мерцала электрическая лампочка. В двери щелкнул замок, звякнула связка ключей. Еще какое-то время полицейские, переругиваясь, спорили, кто должен будет охранять арестованных. Потом ругань прекратилась, по коридору протопали удалявшиеся люди, и все смолкло. Установилась щемящая душу тишина. Никогда в жизни Оксана не ощущала такой могильной скованности, и никогда не приходилось столь напряженно вслушиваться в звон связки ключей, шаги и разговоры за дверью. Николай, поборов первое волнение, осторожно навалился плечом на массивную дверь. Заперта. Когда глаза освоились с полумраком, узники окинули взглядом комнату — все тут сделано прочно: гитлеровцы — большие мастера по сооружению надежных камер. В углах помещения плотные кружева паутины, стены с потрескавшейся и местами осыпавшейся штукатуркой покрыты толстым слоем пыли. На полу, посередине комнаты, блеснула лужица еще не засохшей крови. Ее пролил здесь кто-то из соотечественников... Кто же он? Эта мрачная камера, должно быть, редко пустовала, она слышала много проклятий, брошенных полицейским, захлопывающим прочные двери, чтобы

потом передать жертвы в руки гестаповцев на годы, а может быть, и для того, чтобы в застенках провести в муках последний срок жизни.

Оксана остановила взгляд на окне. Оно выходило во двор. Решетка снята — не успели заменить на другую, покрепче. Николай подошел к окну. Отпер шпингалеты, надавил на створку. Глухо скрипнув, она чуть-чуть подалась. Когда на улице совсем стемнело, Николай осторожно открыл окно. Створки распахнулись, больно резанув ухо мгновенным скрипом. Во дворе и в коридоре чудилось чье-то дыхание, чьи-то осторожные шаги. По движению головы Николая девушка поняла, что надо скорее выбираться из западни. Убедившись в том, что во дворе никого нет, Оксана влезла на подоконник и, поддерживаемая товарищем за руки, спустилась на землю. Тотчас же Барков выпрыгнул из окна, и друзья быстро растворились в ночной мгле. Чем встретят городские улицы? Глухой тишиной и дадут возможность скрыться или остановят грубым окриком и пулей? Им повезло — ушли. В глухом переулке они наткнулись на пустующий сарай и укрылись в нем. Плотно прикрыв за собой дверь и приперев ее валявшейся на полу доской, Оксана и Николай прислушались к ночной тишине. Вскоре они уловили шаги приближающихся людей. Через щель в стене сарая увидели солдатский патруль. Гитлеровцы молча двигались по переулку. Спустя несколько минут они прошли в обратном направлении, не проявив никакого интереса к сараю. Друзья были вынуждены остаться в укрытии до окончания комендантского часа. Оксана устроилась в углу, на деревянном полу, прислонившись спиной к стене. Только сейчас она почувствовала усталость. Николай расположился рядом. Ни ему, ни Оксане разговаривать не хотелось. Они вслушивались в ночь. Неожиданно подул ветерок, а вскоре заполыхала молния, донеслись гулкие раскаты грома. Хлынул дождь. Только после полуночи наступила тишина. Оксана углубилась в воспоминания о прошлом. Оно было связано с Краснодаром. Навсегда остались в памяти детство и школьные годы, ушедшие безвозвратно.

Ей вспомнился родной дом. Когда Оксане исполнилось семь лет, умер отец. На плечах матери осталось пятеро детей — три дочери и два сына. В пятнадцать лет Оксана услышала слово «война». Она не могла отчетливо представить страдания, выпавшие на долю советских людей, пока беда не коснулась ее семьи, ее родного города. Старший брат, призванный в ряды Красной Армии в 1939 году и отвоевавший с белофиннами, уже сражался против гитлеровских захватчиков. Вскоре и второй брат был призван в Красную Армию. В Краснодаре

появились раненые, заговорили о первых похоронках. Оксана, а ей еще не исполнилось тогда и семнадцати, в составе роты автоматчиков сражалась с гитлеровцами, защищая родной город. А потом стала разведчицей. Как это было?.. Когда?..

...Лето 1942 года. Лес в районе станицы Хребтовой Краснодарского края. Вечер. Красноармейцы, только что вышедшие после боя во вторые эшелоны, отдыхали. Костров не разжигали. Чей-то требовательный голос напомнил о смене караулов, и сразу же в лесу раздались четкие воинские команды. Солдаты, которым предстояло заступить в караул, заняли свои места в строю.

Около толстого пня сидели на земле несколько бойцов. Курили, по фронтовой привычке прикрывая самокрутки рукой, и вспоминали родных и друзей, пережитые месяцы войны, полные героизма, горя и трудностей фронтовых будней. Солдат с забинтованной рукой рассказывал, как наши войска отступали, как под натиском врага пришлось 12 августа 1942 года оставить Краснодар.

Сидевшая рядом Оксана Сидоренко молчала, внимательно слушая бойцов. Многие из них были удостоены военных наград. Для Оксаны общение с ними стало большой школой мужества.

На небольшой высоте пролетела группа немецких самолетов и скрылась за макушками леса.

— Интересно, что там сейчас творится, в Краснодаре? — сказал пожилой солдат.

— Разве нельзя узнать? — спросила его Оксана.— Вот хоть меня бы туда послали. Это мой родной город. Там мама, сестры, я бы все узнала, все бы пересказала потом. Не подвела бы...

Словно какой-то волшебник подслушал Оксану и распорядился ее судьбой. На следующий день утром ее вызвал на беседу комиссар части. На его груди — ордена Красного Знамени и Красной Звезды, несколько медалей. Первым орденом он был награжден за заслуги в национально-революционной войне испанского народа.

Разговор получился непринужденным, откровенным. Опытный политработник, заглянув в большие серые глаза девушки, восхитился их по-детски открытым взглядом, выдававшим горячий темперамент и дремлющие еще силы. Когда они проснутся и как проявят себя? Сможет ли Оксана правильно распорядиться ими?

Эта памятная для девушки беседа в августе 1942 года определила ее воинскую судьбу: Оксану зачислили в разведку, вскоре приняли в комсомол.

Оксане поручили проникнуть в оккупированный противником Краснодар. Ранним утром 21 октября она вместе с другой разведчицей, почти на десять лет старше ее, отправилась в путь. Перейдя линию фронта, в районе станицы Крепостной разведчицы расстались, продолжая путь разными маршрутами. Преодолев все препятствия, Оксана Сидоренко добралась до Краснодара. Улицы родного города были забиты вражескими войсками — пехота, артиллерия, танки колоннами двигались в сторону Новороссийска. Оксана глядела на чужую военную технику, на людей в чужой военной форме, и слезы навертывались у нее на глаза. На другой день у железнодорожного моста через Кубань Оксана встретилась с разведчицей. Ушли в городской парк имени Горького. Прогуливаясь, они обсудили все вопросы их разведывательного задания.

Через несколько дней Оксана, запрятав в борт жакета записку с краткими заметками о войсках противника в Краснодаре, отправилась в обратный путь, в свою часть. Линию фронта она преодолела глухой ночью. Пробиралась лесом. Страх переполнял ее душу, а девушка твердила себе: «Не боюсь, ничего не боюсь. Только бы не попасть в ловушку. Живой не сдамся».

Туманным утром разведчица добралась до расположения своих войск и незамедлительно доложила командиру о результатах выполнения задания. Потом зашла к комиссару части и обстоятельно рассказала обо всем увиденном в оккупированном родном городе.

— У немцев такая силища... А эшелоны с войсками все идут и идут. Сможем ли мы одолеть такого врага?

— Сомневаешься в нашей победе?

— У них страшно много танков, пушек. Есть ли у нас столько?

— Партия принимает меры к тому, чтобы боевой техники и вооружения было у войск столько, сколько необходимо для победы.

Беседа с разведчицей затянулась. Когда Оксана вышла из кабинета, комиссар задумался, мысленно повторил весь разговор. Он высоко оценил честность, прямолинейность девушки: она откровенно рассказала о запавшей в душу тревоге. Надо бы ей помочь взглянуть в перспективу войны.

На другой день комиссар пригласил Оксану и еще одного офицера съездить в часть, стоявшую недалеко от станицы. Через несколько километров пути легковая машина, в которой они ехали, свернула с магистральной дороги, чтобы освободить путь для колонны наших войск, спешивших к линии фронта. Вслед за этой колонной прошла вторая, третья... Потом появилась могучая артиллерия, ее сменили танки. Войска шли нес-

кончаемым потоком. Комиссар, улыбаясь, посмотрел на девушку. Ее глаза выражали безграничную радость.

— Ну, что скажешь?

— Извините, товарищ комиссар, за мою вчерашнюю болтовню. Я все поняла...

— Конечно, враг силен. И победа будет не легкой. Но она будет!

— Раньше я видела только наши отступающие части...

— В нашей победе сомнений нет и не может быть. Мощь Красной Армии растет с каждым днем, и враг это уже почувствовал.

Через три дня отдыха Оксана вновь отправилась через линию фронта в Краснодар с разведывательным заданием. Смелая и осторожная, внешне хрупкая, но выносливая, она проникла в родной город, где знала каждый переулок. Справилась и с этим поручением.

Успехи воодушевляли разведчицу. Оксану неудержимо и с азартом бывалого солдата тянуло на новые дела, связанные с риском, опасностью для жизни. Еще несколько раз разведчица направлялась за линию фронта.

...Все это было. Как быстро летит время! Сейчас уже осень 1943 года. Оксана в Николаеве. Знает ли комиссар о том, что она выполнила очередное задание — доставила батареи для рации Лидии Пархомчук?

Раздумья Оксаны о прошлом прервала негромко произнесенная Николаем Барковым фраза:

— Ну вот и переночевали. Спасибо сарайчику. Комендантский час кончился.

4

— Господин майор, я делаю все, что в моих силах. Наши пеленгаторы круглые сутки прощупывают эфир, но их мало, поэтому установить точные координаты нелегальных радиостанций пока не удалось.

— Тысяча чертей! Казалось, одна радиостанция была у нас в руках. И вы ее выпустили. Теперь вам несдобровать, гауптман.

— Необходимо терпение. Еще немного терпения, и мы схватим бандитов. Да, да, схватим!

Гауптман понял, что в своих обещаниях зашел слишком далеко, и пожалел об этом. Едва успокоившись, он попросил разрешения еще раз во всех деталях обдумать план предстоящей операции по пеленгированию таинственных радиостанций.

Гауптман вышел из дома, в котором был кабинет майора, небрежно ответил на приветствие часового и в тревожных думах за свою судьбу зашагал по асфальту тротуара узкой улочки. Добравшись наконец до своего рабочего кабинета, он углубился в дела.

Многие часы провел он в раздумье над донесениями пеленгаторных станций, радиоразведчиков и осведомителей. Потом взглянул на карты с проложенными на них карандашом пеленгами, посмотрел кипу справок, аккуратно уложенных в папку с коленкоровыми корками. Документы вновь убеждали его в том, что в черте городе действуют несколько нелегальных радиостанций. Вероятнее всего, они принадлежат русским партизанам. Одну или две станции укрывают где-то на восточной окраине.

Радиорота усилила поиск. Автофургоны с пеленгаторными установками курсировали по городу. В одном из фургонов ефрейтор, прослушивая эфир, быстро прильнул к панели приемника. Какая-то неизвестная радиостанция вела передачу примерно на той же волне, что была засечена и тремя днями раньше. А направление работающей станции? Надо взять точный пеленг. По радиотелефону немедленно доложил координаты точки, в которой находился пеленгатор, и направление пеленга.

В координационном центре, куда стекались сведения о нелегальной радиостанции, зафиксированные другими пеленгаторами, на карте проложили направления всех пеленгов. Линии пересекались почти в одной точке. Рация находится в районе Водопоя.

Незамедлительно включились в работу эсэсовцы. Мобильная группа уже мчалась по улицам города в восточном направлении. Район дислокации неизвестной радиостанции установлен. Остается определить дом, из которого ведется радиопередача. На половине пути командир мобильной группы получил по радио приказ: возвращаться в отдел. Радиостанция прекратила работу. Опытный начальник отдела понимал, что повальный обыск района города, из которого велась радиопередача, только вспугнет радиста, поэтому он счел необходимым установить круглосуточное тщательное наблюдение за эфиром и, когда вновь начнет работу нелегальный передатчик, тогда постараться с помощью пеленгаторов ближнего действия определить точное место его нахождения и схватить радиста за работой. Да, гестаповцы предпочитали захватывать радистов живыми.

Терещенко не знал о том, что немецкая радиоконтрразведка уже несколько дней район Водопоя держит под особым контролем.

Наступил поздний рассвет. Закончился комендантский час. Андрей Терещенко, выйдя из дома, глубоко вдохнул свежий воздух. Дышалось легко, приятно было вбирать полной грудью чистый, бодрящий воздух, отдававший запахами опавших листьев и водорослями Ингула. Он постоял немного на крылечке, стараясь надышаться и вслушиваясь в звуки просыпающегося нового дня. Услышал удаляющийся гул автомашин, потом донеслись обрывки немецкой речи. Закрыв плотнее входную дверь, Андрей отправился на работу. Выйдя на главную улицу поселка, по привычке окинул ее внимательным взглядом и насторожился — вдали показался автофургон с антенной на крыше.

Подвижная пеленгаторная станция! Машина, словно тень, ползла в сторону Херсона. Вскоре она свернула в переулок и исчезла. Появление пеленгатора в Водопое вызвало у Андрея тревогу. Что делать? Вернуться и предупредить Лиду о том, чтобы сегодня не выходила на связь? Но возвращаться небезопасно. Приметливые немцы, если уже расставлены наблюдатели, могут обратить на это внимание. Нет, возвращаться нельзя! До очередного сеанса радиосвязи еще есть несколько часов. Надо что-то предпринять... Андрей ускорил шаг. Он спешил на улицу Леккерта, чтобы попросить Максима Терентьевича навестить Лиду и предупредить ее об опасности. Рацию сегодня включать нельзя.

Около недели автофургоны с пеленгаторами днем и ночью находились в районе Водопоя. Лидия все эти дни не включала передатчика. В штабе фронта радисты, обеспокоенные молчанием, круглые сутки дежурили у приемников в надежде услышать ее позывные, но их старания были безуспешными. И вдруг приемный центр штаба фронта поймал долгожданные сигналы из Николаева. Андрей Терещенко доложил о причинах молчания и сообщил сведения о переброска войск противника, скоплениях самолетов-бомбардировщиков на аэродроме, дислокации штабов немецко-фашистских войск, облавах на молодежь...

...В октябре в дом, где жили разведчики, поселили гитлеровского летчика — лейтенанта Ганса Вебера. Он был среднего роста, стройный. Лицо загорелое. Глаза светло-голубые, взгляд прямой и требовательный. Он занял комнату, где жил Андрей. Все, что было в помещении, пропиталось неприятным табачным дымом.

Присутствие гитлеровца связало разведчиков по рукам и ногам. К тому же он оказался очень любопытным. Приставал с расспросами: где жили раньше, чем занимались, почему не ушли с Красной Армией...

Лида, как и раньше, вела с чердака радиосвязь со штабом фронта, используя счастливые минуты, когда летчика не было в Водопое. Но случалось, что он целыми днями торчал дома. В таких случаях приходилось выжидать, когда он уснет: в нужное время Лида забиралась на чердак, а Оксана несла дозор внизу. Был уговор, если Вебер поднимется, Оксана подаст Лиде условный сигнал.

На Андрея летчик в первые дни произвел впечатление покладистого, общительного, хотя и не в меру любопытного, человека. Андрей в беседах с ним расхваливал свою работу на железной дороге, гордился ею, не упуская случая заметить, что немецкая администрация уважает и ценит его. Лейтенант хвалил Андрея за прилежание в службе.

Однажды вечером разведчик угостил Ганса самогонкой. Охмелевший офицер разговорился. Андрей терпеливо слушал, временами вставляя вопросы и ублажая летчика комплиментами. Вебер по секрету сказал, что прошлой ночью летал в составе группы на бомбежку железной дороги на участке Запорожье — Мелитополь, охарактеризовал обстановку на фронте. Квартирант показался Андрею полезным собеседником. Каждый раз, когда вечерами был дома, угощал самогоном и пьяного вызывал на нужный разговор.

Разведчики внимательно присматривались к гитлеровскому лейтенанту. Лида думала: «Нельзя же всех немцев считать фашистами! Отец рассказывал, что в годы гражданской войны за власть Советов боролись многие бойцы-интернационалисты. Среди них были болгары, поляки, венгры, румыны, немцы, сербы...»

Конец осени был дождливым. Низкие плотные облака делали погоду нелетной. Ганс Вебер рано возвращался с аэродрома и без дела слонялся по дому. Если на глаза не попадалась Оксана, с пристрастием допытывался у Лиды, куда она делась, почему долго нет. Странный, непонятный был этот Вебер.

За работой разведчики не замечали времени. Их слаженная, внутренне до предела напряженная жизнь, которая могла оборваться в любой момент, протекала внешне обыденно. Лида, Оксана и Андрей, желая показать соседям жизнь дружной семьи, изредка выходили вечерами на прогулку на берег Ингула. Иногда навещали старших Пархомчуков и по обычаю там пили чай, говорили о житейских делах: что можно продать на базаре, где купить хлеба, картошки, что из одежды родителей можно перешить, чтобы одеть сестренку Лиды. Общение с Пархомчуками не только снимало внутреннее напряжение, но и помогало разведчикам лучше понять друг друга, сблизиться, крепче подружиться. Постоянная борьба с вражеской контр-

разведкой, отчетливое понимание, что неосмотрительный поступок любого члена группы может привести к непоправимым последствиям, выработали у разведчиков заботливое отношение друг к другу, взаимное уважение и доверие. Вот так, в повседневном, полном опасности и самоотверженности труде, в стремлении во что бы то ни стало выполнить задание штаба фронта складывалась прочная боевая дружба разведчиков и помогавших им местных патриотов.

Андрей, Лида и Оксана, Максим Терентьевич, дядя Вася, Николай Барков... Это — потомственный железнодорожник, вчерашние школьницы, пенсионеры и сын рабочего... Они не просто советские люди. Они — воспитанная партией совесть своего поколения, лицо и гордость своей Родины.

В работе разведчики мужали, набирались опыта, взаимно обогащая друг друга. В их сознании слились воедино собственный опыт и многие примеры мужества, героизма и патриотизма, запомнившиеся из рассказов старших товарищей, из книг, кинофильмов и радиопередач, из многочисленных разговоров с замполитом в штабе фронта. А сколько добрых советов и предостережений передал Центр по рации! Сплав этих знаний, умело используемых в практической работе, позволил разведчикам успешно выполнять поставленные задачи и помог избежать роковых ошибок. Но борьба еще не окончена.

Разведгруппа докладывала в штаб:

«Ежедневно в Николаев прибывает до 15 эшелонов с ранеными гитлеровцами...»

«Противник укрепляет оборону по правому берегу реки...»

«Гитлеровцы продолжают демонтировать оборудование промышленных предприятий...»

Штабу фронта срочно потребовались сведения о вражеских перебросках войск, и Лида ежедневно, а зачастую и несколько раз в сутки включала рацию. Группа докладывала:

«Из Херсона в направлении Одессы противник перебрасывает автотранспортом личный состав... На кузовах автомашин опознавательные знаки...»

«Противник перебрасывает самолетами из Франции...»

«Сегодня в 17.00 из Николаева ушла колонна 100 средних танков...»

Лида, выстукивая на «блошке» комбинации из точек и тире, передавала: «Переброски войск противника...», «Переброски...», «Переброски...» И так ежедневно, несмотря ни на какие трудности работы. Подробно, достоверно.

Штаб фронта был доволен работой разведчиков. В конце ноября Лида приняла радиограмму от командования:

«От вас своевременно поступают ценные сведения... Поздравляем личный состав группы с правительственными наградами. Терещенко Андрей Андреевич награжден орденом Красного Знамени, Пархомчук Лидия Максимовна — орденом Отечественной войны II степени, Сидоренко Ксения Дмитриевна орденом Красной Звезды. Желаем вам доброго здоровья и дальнейших успехов на благо нашей социалистической Родины...»

Лида взволнованно прочитала радиограмму несколько раз. Награждены! Значит, добытые и переданные на Большую землю сведения были нужны, необходимы штабу фронта. Перед ее мысленным взором возник комиссар отдела, гордый за своих воспитанников. Ах, как хотелось ей крепко пожать ему руку в знак благодарности за добрые советы и доверие!

Андрей был благодарен своим товарищам, с честью выполнявшим гражданский долг. Успех работы определялся трудом каждого из них. Они добровольно шли в тыл врага, готовые, если придется, умереть самой страшной смертью. Конечно, известно любому солдату, что войну выигрывают не разведчики. Побеждает армия, народ. Андрей, Лида и Оксана считали себя и боевых товарищей частицей этого героического, сражающегося народа. Они вели суровый, опасный бой, не нажимая на спусковой крючок автоматов и не убив ни одного вражеского солдата. Но сколько же побед одержали наши войска и еще одержат в этой войне, потому что переданные разведчиками сведения позволили нашим штабам правильно спланировать операции и нанести по противнику сокрушительные удары. А сколько жизней наших воинов сохранено и еще сохранится!

Результаты войны без выстрелов, которую вели разведчики группы Терещенко, в штабе фронта учитывали особо.

...Стояла ненастная осень: то шли дожди, обильные, надоедливые, то на землю ложился тяжелый промозглый туман. В конце ноября дули холодные ветры с Бугского лимана, временами выпадал мокрый снег. Настроение лейтенанта Вебера резко ухудшилось: германская авиация несла тяжелые потери. А последний вылет на бомбежку окончательно лишил его покоя: пять бомбардировщиков из восьми не вернулись на свой аэродром. Лейтенант оказался удачливым — он возвратился с бомбежки без царапинки, хотя у его машины было множество пробоин. Будет ли счастливым очередной боевой вылет?

Когда лейтенант уехал на аэродром, Лида и Андрей ушли к Пархомчукам-старшим. Оксана в доме осталась одна. Ей долго не спалось. Очень беспокоило поведение гитлеровского

лейтенанта, неотступно следившего за девушками. Наконец она погрузилась в сон. Вдруг кто-то толкнул в запертую дверь комнаты, где спала Оксана. Она моментально проснулась.

— Кто там? — встрепенулась Оксана. Андрея с Лидой не было дома, Вебер на ночном дежурстве.

— Оксана, выйди,— зловеще напомнил о себе Вебер, почему-то возвратившийся домой.

— Чего тебе надо? Уходи!

— Выйди! Я должен сказать тебе что-то очень важное.

— Завтра днем скажешь.

— Завтра будет поздно.

— Ну что еще? — огрызнулась девушка и, накинув платье, вышла из комнаты.

Вебер протянул к ней руку.

— Отстань,— она ударила его по руке.

— Ах так,— он вынул пистолет из кобуры и свободной рукой схватил Оксану за плечо, крепко стиснув его.

— Ты партизанка! Я давно слежу.— Глаза лейтенанта блестели злобно.— В гестапо, марш!

— Да как ты смеешь! Хам!

Оксана в гневе замахнулась кулаком, готовая ударить лейтенанта. Тот, не ожидая такого поворота событий, на всякий случай сделал шаг назад. В это мгновение Оксана выскочила из дома и рванулась в огород. Темнота поглотила ее.

Выбежав на крыльцо, офицер увидел, как в темноте мелькнула фигура девушки, и, торопливо прицелившись, выстрелил. Потом Вебер подул в ствол «вальтера», вложил его в кобуру и со спокойной душой ушел в свою комнату.

Возвратившись утром, Лида и Андрей с удивлением обнаружили исчезновение Оксаны.

— Вы не видели Оксану? — с тревогой спросила Лида летчика, когда он вышел из своей комнаты.

— Ваша Оксана партизанка! — визгливо прокричал гитлеровец.

— Что-что?

— Пар-ти-зан-ка!

— Вы, герр лейтенант, ошибаетесь,— спокойно возразил Андрей.— Какая она партизанка? Девчонка совсем. Разве вы не видите?

— Ночью я в нее стрелял. Лежит в огороде, можете посмотреть труп.

— Что-о?! — У Лиды сжалось сердце. Она едва смогла собрать силы, чтобы выйти из дома. Следом за ней выбежал Андрей. Через минуту в огороде появился и лейтенант. Но никакого трупа в огороде не было. И не было следов крови.

Вскипевший ненавистью, Терещенко еле удержался, чтобы не броситься на лейтенанта: пыл охладила здравая мысль о том, что его задача — разведка и он не имеет права попусту рисковать собой, Лидой и Оксаной.

Андрей ничего не сказал Веберу, только посмотрел на него, как на глупца, и вернулся с Лидой в дом, который без Оксаны сразу показался пустым. Вебер, не задерживаясь, куда-то ушел.

После таинственного исчезновения подруги Лида требовала от командира каких-нибудь действий для выяснения судьбы Оксаны.

...Андрей, отдежурив на станции тревожную ночь, возвращался домой. На 4-й Слободской улице вдруг увидел Лиду.

— Почему ты здесь? Что еще случилось?

— Спешила к тебе с хорошей новостью,— улыбнулась в ответ Лида.

— Оксана нашлась? — догадался Андрей по глазам девушки.

— Да, жива-здорова. Сидит у моих родителей. Как я рада!

— Что с ней произошло? Действительно Вебер стрелял в нее?

— Да, стрелял, подлец. Но промазал в темноте. Детали она расскажет тебе сама. Пойдем к ней.

Они направились в сторону улицы Леккерта. Когда переходили дорогу, Лида как-то незаметно для себя совсем по-товарищески взяла Андрея под руку. Он прижал ее руку локтем к себе. Они шли молча: слова могли спугнуть эту хорошую минуту.

На совместном совете решили так: Оксана не будет выходить из дома Максима Терентьевича, пока что-то не прояснится. Дело в том, что и Вебер куда-то исчез, не появлялся больше в поселке Водопой. Все трое понимали, что надо быть вдвойне осторожными.

Андрей не сомневался в том, что всех советских людей, работающих на транспорте, гитлеровцы держали в поле зрения. Контрразведка действительно наблюдала за ним. Опытные гестаповцы считали, что если Терещенко связан с действовавшими в городе антифашистами, то рано или поздно будет уличен в этом. Временами контрразведка следила за ним демонстративно, стараясь дать понять, что каждый его шаг виден, контролируется, а чаще всего вела скрытую слежку.

Дома Андрей узнал новость: кто-то приезжал за вещами Вебера, якобы погибшего при очередном боевом вылете.

Через некоторое время Оксана вернулась в Водопой. Какое это счастье быть вместе! Она вновь включилась в сбор сведений

о гарнизоне. Свое дело исполняла смело, с какой-то веселостью в душе, даже легкостью, словно настолько привыкла к своему положению, что забыла о трудностях войны и постоянно кружившей вокруг опасности и думала только о выполнении поручений как можно быстрее и полнее.

...Коротки декабрьские дни. Быстро стемнело. Припорошенные снегом городские улицы опустели, вымерли.

Дядя Вася, ожидая у себя в квартире Терещенко, обещавшего зайти к нему после работы, был в приподнятом расположении духа: он собрал для Андрея немало интересных сведений.

Андрей пришел около семи часов. Василий Андреевич рассказал ему обо всем, что удалось за последние дни узнать о германских войсках в Николаеве, и, проводив гостя до порога, вернулся в свою комнату, улегся в постель. Уставший за день, дядя Вася почувствовал, как легонько заныло в покое тело. Он уже погружался в сладкое забытье, когда сквозь сон услышал донесшийся с улицы выстрел. Словно какая-то неведомая сила мгновенно сбросила его с постели и заставила, не зажигая света в комнате, посмотреть в окно. Вновь раздался выстрел, вскоре последовал третий. Стреляли где-то из пистолета. Уж не с Андрюшей ли что стряслось? У дяди Васи сжалось сердце от неожиданно подвернувшейся мысли. Он с затаенным дыханием стоял у окна, стараясь понять, что происходит на улице и как ему следует поступить. Он то убеждал себя в необоснованности появившегося страшного предположения, то, вновь хватаясь за обрывки тревожной мысли, старался найти ответ на вопрос: что делать? А сделать-то он, собственно, ничего не мог — комендантский час уже начался, выходить на улицу нельзя.

В эту ночь дядя Вася не смог заснуть. К утру его беспокойство усилилось. Хотел он навестить Андрея в Водопое, но быстро от этой идеи отказался: если с Андреем что-то случилось, то посещение его квартиры было бы крайне опасно, а может быть, и равносильно добровольному приходу в гестапо. Василий Андреевич решил понаблюдать за Андреем, когда тот пойдет утром на работу. На привокзальной улице он увидел Терещенко. Почувствовав на душе облегчение, дядя Вася, не потревожив Андрея, ушел к себе домой. Он еще не знал, что вчера, около восьми часов вечера, в городе произошло событие, вызвавшее переполох у оккупантов.

Вечер был ненастный. Густая, непроглядная мгла быстро окутала город. На темное время суток оккупанты усиливали патрульную службу, выставляли дополнительные караулы у важных военных объектов. К восьми часам город, казалось, вымер. Но он жил. Он боролся. Днем и ночью.

По Водопроводной улице, пустынной, неосвещенной и запорошенной свежим снегом, шли, шагая в ногу и негромко беседуя, два человека в форме солдат гитлеровской армии. Один из них по национальности австриец, другой — немец. В кармане шинели у каждого из них был пистолет. Похрустывал снег под коваными сапогами, встречный ветер со снегом обжигал лица. Солдаты проклинали фюрера, бросившего миллионы людей в пучину жесточайшей войны. Они поняли гибельность всей политики Гитлера и пришли к убеждению необходимости включиться в активную антифашистскую борьбу.

По запорошенной тропинке, протоптанной кем-то недавно, двое свернули в переулок. Вскоре они заметили на другой стороне переулка высокую фигуру шедшего навстречу мужчины.

— Эй, вы! Подойдите ко мне! — донесся до солдат приказ на немецком языке.— Кто такие? Почему шляетесь ночью?

Солдаты, подойдя вплотную к мужчине, увидели оберштурмфюрера СС. Он стоял, широко расставив ноги и заложив руки за спину.

— Документы!

Офицер, осветив документы карманным фонариком, проверил их и вернул. Но, подумав немного, распорядился:

— Пойдемте в комендатуру. Разберемся, кто вы такие и что делаете ночью.

Один из солдат, мгновенно оценив обстановку, выхватил из кармана пистолет и в упор выстрелил в оберштурмфюрера. Пуля оборвала фразу офицера. Эсэсовец схватился за грудь, ноги его подкосились, и он рухнул на землю. В глубине переулка послышались крики бегущих людей. Раздалось несколько коротких автоматных очередей. Антифашисты ответили выстрелами из пистолетов по приближающимся автоматчикам и убежали. Темная ночь надежно укрыла их.

Прибежавшие к месту происшествия немецкие патрули доставили оберштурмфюрера СС в госпиталь. Там он через три дня скончался. Перед смертью эсэсовец успел сказать:

— Стреляли два солдата. Германские...

На следующий день в городе появились объявления комендатуры с сообщением о том, что ночью 5 декабря 1943 года были убиты один офицер СС и четыре солдата вермахта. Убийство совершили два человека, одетые в форму германских солдат. Того, кто задержит преступников, ожидает вознаграждение в размере тысячи марок и четыре недели внеочередного отпуска.

В те же дни по Водопою разнесся слух: якобы где-то поблизости в поле приземлились двое парашютистов, и теперь гитлеровцы шныряют по всем дворам в поисках десантников.

Переворачивают все вверх дном в жилых комнатах, в сараях, на чердаках и в подвалах. По поселку сновали машины с гестаповцами, бегали солдаты со служебными собаками на поводках.

— При таком повальном обыске нашу рацию могут найти,— встревожилась Лида, вернувшаяся из поселка.— И Андрей, как назло, на дежурстве. Что будем делать? — спросила она Оксану.

— Подождем командира.

— Я не могу ждать, мне сегодня на связь выходить надо.

— Что ты предлагаешь?

— Перебраться к дяде Васе. У нас этот крайний случай с ним обговорен.

— Если уже перекрыли дорогу в Николаев?

— Нет, пока открыта. Давай быстро уложим рацию с батареями в кошелки, чем-нибудь замаскируем и пойдем будто на рынок.

Девушки проворно упаковали свой опасный груз и покинули дом. На окраине поселка их обогнал грузовик с немецкими солдатами и, проехав метров сто, остановился. Двое гитлеровцев соскочили и встали возле машины, готовые в любой миг натренированным приемом вскинуть автоматы, и только дай повод — спусковые крючки оружия будут нажаты. А сзади уже слышался шум мотоциклов.

— Что это, засада? — спросила Лида подругу.

— Черт их знает.

— Андрей и не догадывается, что мы попали в такой переплет...

Это только со стороны могло показаться, что Лида спокойна. Ей это стоило нечеловеческих усилий. На самом-то деле сердце сжалось до боли, предчувствуя беду. Страх, который она пережила, совершая вместе с Андреем первые шаги по оккупированной врагом земле, представился ей ничтожным по сравнению с тем, что, казалось, неизбежно произойдет сейчас. На лице Лиды появился холодный пот. Хладнокровие Оксаны и здесь помогало, но шаги замедлились.

— Только вперед! — преодолев страх, совсем тихо, но требовательно сказала Лида. Хрупкая, застенчивая девушка, а в минуту испытания проявила решительность, хотя превосходно знала, что в любой момент жизнь ее может оборваться, и, кажется, этот момент настал.

— Да, Лидуша!

— Если фашисты предложат показать содержимое кошелок, постараемся подойти как можно ближе к машине с солдатами, поставим кошелки на землю и бросим «лимонки» в

кузов машины. Уж коли погибнуть, то надо продать жизнь подороже...

— Лидуша, еще не все потеряно. Видишь, ту женщину впереди не остановили. Может, и нас не остановят?

— Вег, вег! — крикнул приближающимся девушкам патрульный и взмахом руки потребовал, чтобы они поскорее убирались с дороги в сторону.

Оказывается, на большой скорости мчалась в Николаев колонна военных автомашин. Когда «бюссинги» проскочили, патрульный дал девушкам знак, чтобы проходили.

— Неужели пронесло? — спросила Лида подругу, когда отошли от патрулей подальше.

— Да это же были не эсэсовцы и не полицейские. Им не до нас с тобой. Зря перепугались.

Проверив, нет ли слежки, они по проспекту Ленина направились к дому № 21. Шагнули во двор и замерли в оцепенении — там стояла группа споривших о чем-то солдат. Заметив, что гитлеровцы не обращают на них внимания, подруги побороли растерянность и пошли к квартире Василия Андреевича. И вновь неудача: дяди Васи не оказалось дома. Лида, знавшая, куда Кучеренко прячет ключ от квартиры, быстро нашла его и отперла замок. Наконец они вошли в квартиру. Плотно закрыв за собой дверь, Лида сделала несколько шагов и рухнула на пол. Силы оставили девушку: с ней случился обморок. Оксана уложила подругу на диван. Минут через 15—20 Лида открыла глаза.

— Нас не выследили? — скорее поняла Оксана по еле заметному движению губ подруги, чем услышала ее шепот.

— Нет, нет,— успокоила Оксана,— все в порядке. Не волнуйся. Отдохни, дорогая.

Нежность и любовь к подруге заполнили душу Лиды, ей хотелось искренне поблагодарить Оксану. Она коснулась ослабевшей рукой ее пышных волос, пожала руку. Но голова Лиды закружилась, и она опять умолкла.

Когда Лида вновь открыла глаза, все еще мутные и усталые, она собрала остаток своих сил и прошептала:

— Оксанчик, спасибо тебе. Ты смелая... А я, вот видишь, какая... Сердце у меня слабенькое, как у мамы. Если фашисты схватят, им от меня ничего не узнать. При первых же пытках сердце разорвется...

— Ты, Лидуся, молодец,— подбодрила Оксана подругу. Словами, взглядом и улыбкой она маскировала таившуюся в душе тревогу. Почему во дворе толпятся солдаты? Где дядя Вася? Куда можно спрятать рацию и питание к ней?

Неожиданно распахнулась входная дверь в квартиру. Ее скрип, словно игла, ужалил сердце Оксаны. Лида, не поняв, почему взрогнула подруга, посмотрела ей в глаза.

Старчески покашливая, опираясь на палку, переступил порог мужчина в поношенном ватнике, кирзовых сапогах. Он снял шапку-ушанку, поздоровался. Только по голосу Оксана узнала невысокого, широкоплечего старика. Встреть его на улице, прошла бы мимо и не поздоровалась — так изменился дядя Вася. У него была густая черная борода, припорошенная сединой, пышные отвисшие усы. Сросшиеся на переносице густые черные брови, глубокие морщины на лбу и у крыльев большого прямого носа придавали широкому лицу строгое выражение. Взгляд карих глаз был суровым и проницательным.

— Что-нибудь случилось? — спросил дядя Вася. Оксана в глазах старика уловила тревогу.

— Кажется, все обошлось.— И девушки рассказали дяде Васе о причинах своего неожиданного появления в Николаеве.

— Дядя Вася, можно у тебя не несколько деньков остановиться? — спросила Лида.

— Конечно, зачем же об этом спрашивать?

— Мы с радиостанцией пришли. Это для тебя очень опасно.

— Що було, мы уже бачили, а що будет — побачим,— с усмешкой ответил Василий Андреевич.— А вот дверь в квартиру надо запирать.

Встревоженная Оксана рассказала Андрею о Лидином состоянии здоровья и удивилась сухости его тона:

— И не думай, что Лида серьезно больна. Не надо делать трагедии.

Оксана развела руками, но возражать не стала, только про себя отчитала его: «Ты думаешь, я не понимаю, что ты раньше меня знал о ее плохом сердце? Ты же выхватываешь из ее рук каждую, даже не очень тяжелую ношу. Ты совсем нехитрый, Андрей. Я вижу, как нежно и заботливо ты к ней относишься».

— Господи, и слава богу,— сказала Оксана негромко и засмеялась. В этом чертовом аду не выдержишь, не выживешь без нежности и поддержки.

В положенный час рация Лиды Пархомчук все-таки вышла в эфир. И еще много раз Лида работала из квартиры Василия Андреевича.

Через несколько дней ночью Терещенко увидел в западном районе города автофургоны с вращающимися антеннами на крышах. Они, словно тени, ползали по городским улицам. Пеленгаторы сновали и в последующие дни. Андрей рассказал об этом девушкам.

— А может быть, наша рация прожужжала фашистам уши? — спросила Оксана командира.

— Вполне возможно. Ну, так что же будем делать? — поинтересовался Андрей мнением девушек. Он каждый раз, когда обстановка была очень сложной, советовался с ними, своими помощницами. Оксана горячо, с задором и обстоятельно выкладывала свою точку зрения. Лида говорила кратко, четко и не любила, если Оксана многословила. Андрей слушал девушек внимательно, допускал споры между ними и в своих указаниях учитывал все полезные мысли членов группы.

— Для безопасности придется отсюда уйти. Немедленно,— распорядился командир.— Будем возвращаться в Водопой, там обстановка уже поспокойнее.

В тот же день девушки унесли рацию на свою постоянную квартиру, а тяжелые батареи командир решил перенести сам. На следующий день после работы он зашел к дяде Васе. Обернув батареи поношенными вещами, уложил их в мешок. Сверху набросал несколько килограммов каменного угля и, взяв свою поклажу на плечо, отправился в Водопой. С проспекта Ленина он решил свернуть направо и добираться до дома тихими улочками. Встречные прохожие, военные патрули не удостаивали внимания высокого мужчину в железнодорожной форме с болтавшимся на груди обычным свистком составителя поездов и повязкой на левом рукаве с надписью на немецком языке: «Германские железные дороги».

Терещенко внимательно присматривался ко всем прохожим, глядя на их лица, одежду, оценивая походку, поведение на улице, стараясь определить, кто они — враги или случайные встречные.

Неожиданно сзади завыла сирена мчавшейся гестаповской машины. Обогнав Андрея, перед перекрестком легковая машина резко затормозила и остановилась на другой стороне улицы у подъезда жилого дома, около которого уже стояло несколько грузовиков, набитых вооруженными эсэсовцами. Тотчас же дом был окружен, десяток мужчин в гражданской одежде и офицер, выскочивший из легковой машины, скрылись в подъезде дома. Несколько гестаповцев с автоматами на груди остались у подъезда.

Когда Терещенко проходил мимо блокированного карателями дома, из подъезда вытолкнули женщину, бледную как смерть, с синяками на лице, в разорванной кофточке. Значит, опять прольется кровь. Кто она, эта мужественная патриотка? Местная партизанка или такая же, как и он, разведчица? Неужели никто не узнает, о чем она думала в эти минуты, как она провела последние в жизни своей дни и ночи? Узнают

ли потомки ее фамилию? Что она уже успела сделать для Родины?

Все, что видел сейчас Андрей, для него было еще одним подтверждением, что город не покорен оккупантами, город сражался. Враг и не подозревал, что у нашего народа, воспитанного ленинской партией коммунистов, в этой войне проявятся столь высокие чувства любви к Родине, воля к победе и массовый героизм.

Более не повернув головы в сторону гестаповцев, Андрей шел дальше. Внешне по-прежнему спокойный, неторопливый. Вдруг послышался раздирающий душу женский крик. Фашисты верны себе...

Андрей, придя домой, увидел заплаканную Лиду.

— Что с тобой?

— Извини, Андрей. Ничего не случилось. Все в порядке.

— В таком случае, чем объяснить твои слезы? Почему раскисла? — Андрей передал девушке мешок с батареями.

— Я страшно боюсь за тебя. Ты же с батареями был...

— Еще этого нам не хватало, чтобы по всякому пустяку нервы трепать. Ничего со мной не случится,— раздеваясь, командир успокаивал радистку.

— Я устала от ожиданий тебя. Вот ты пришел, и мне стало хорошо.

— Что же теперь мне и на работу не ходить? Сидеть рядом с тобой, как с ребенком?

— Зачем ты так говоришь, Андрей? — укорила девушка командира, развязывая и вновь завязывая мешок.

— Ну извини, я погорячился.

— Андрей, об одном прошу — будь осторожен. Проверяй людей, с которыми работаешь на железной дороге, не забывай о гестаповцах.

Вечером они сидели друг против друга, и свет керосиновой лампы смягчал черты лиц, затушевывал складки у рта Андрея, появившиеся совсем недавно, но такие глубокие, что у Лиды опять появилось острое чувство, сходное с жалостью. Впрочем, она знала — нет, это называется не жалостью... В этот вечер всерьез они больше не говорили. Просто вспоминали довоенное счастье: «Замечали ли мы его?.. Замечали». Им казалось, что и тогда, когда они примолкнут, понимают друг друга. И это согласное молчание им было не в тягость.

Лида решительно поднялась со стула: надо готовиться к очередному сеансу радиосвязи. Точно в положенное время вышла в эфир.

Центр ориентировал разведчиков:

«Продолжается успешное наступление наших войск на Кировоград. У противника действует железнодорожная линия из Николаева в северном направлении. Примите меры...» И разведчики приняли меры. Они работали еще с большим напряжением. Кажется, у человеческих сил нет предела.

Лида ежедневно, иногда по нескольку раз в сутки, включала свой передатчик. Информация шла бесперебойно.

В эти дни неожиданно исчез Хейнц. Поползли слухи о недовольстве им немецкой администрации. Новым бригадиром у Андрея стал немец Шульц. Высокий, плотный мужчина лет пятидесяти пяти. К подчиненным строг. Немногословен и не терпит возражений. Рабочие прозвали его бригадефюрером: в войсках СС так называют генерал-майора.

Однажды, когда Николай Барков после встречи с Андреем вернулся домой поздно, следом за ним в квартиру ввалились два немецких летчика.

— Шнапс есть? — спросил офицер со свежим, отливающим синевой шрамом на лбу. Он внимательно с ног до головы рассматривал Николая.

— Только самогонка, господа офицеры, имеется. Немного,— ответил Барков.

— Гут, давай самогонка.— Немцы оживились.

— Прошу вас, заходите, раздевайтесь.

Когда стол был накрыт, офицеры пригласили Николая составить им компанию. Во время выпивки летчики разговорились. Они пожаловались на свою горькую судьбу, бездарность начальников, трудности войны в России.

— Германской армии Россию не завоевать,— решительно сказал Николай.

— Почему? — насторожился офицер со шрамом.

— Вашим солдатам не хватит сапог. Страна большая.

— Пан, скажи, как русские обращаются с пленными? — неожиданно спросил офицер со шрамом и пододвинулся к Баркову.

— Не так, как ваши фашисты.

— Пан, давай еще выпьем.

Пьяные летчики в тот вечер выболтали немало интересного. Из разговора с немецкими офицерами Николай понял, что успехи советских войск на фронтах вызвали глубокую тревогу в стане врага. Нет, не случайно летчики интересовались отношением в СССР к попавшим в плен гитлеровцам. Значит, летчики прикидывают вариант выхода из бессмысленной войны через плен... Почему они больше никогда не заходили в дом Барковых?

5

Оксана посмотрела в окно. Медленно-медленно, словно на невидимых парашютиках, падали рыхлые снежинки. Прелесть-то какая! А сколько раздумий они приносят друзьям-партизанам? Сейчас им бы лучше всего метель — она запорошит все партизанские тропы, укроет их от оккупантов. А пурга и впрямь началась — с Ингула задул ветер. Непогода усиливалась с каждой минутой, и скоро все потонуло в белой круговерти. В такую погоду немцы старались не высовывать носа на улицу, и Андрей решил сжечь вышедшие из строя батареи. Заперли входную дверь, зашторили окна, растопили печь. На всякий случай Лида осталась у окна и через щелочку в шторах наблюдала за улицей. Андрей в сарае топором разбил батареи на мелкие куски, потом в чемодане принес куски в дом. Оксана сидела у печки, кидала обломки батарей в пылающий жар и с любопытством наблюдала, как они, охваченные игривыми языками пламени, рассыпались в черный пепел. На полу, рядом с чемоданом, лежал пистолет. Оксана не успела бросить в печь и половины обломков, как Лида с тревогой предупредила:

— Три немецких солдата идут. К нам.

Андрей быстро унес в сарай чемодан с обломками.

Раздался стук в дверь дома. Вскоре он повторился с большей настойчивостью. Андрей вышел в коридор, чтобы встретить солдат, а Лида бросилась в постель и, прикинувшись больной, накрыла лоб заранее приготовленным на такой случай мокрым полотенцем. Оксана энергично перемешивала кочергой потрескивающие в печке дрова, угли и уже брошенные в жар обломки батарей.

Шедший впереди солдат бесцеремонно распахнул ногой дверь и сразу же в дом ввалились немцы, гремя коваными сапогами. Точно снежный шквал занес их. У порога солдаты стряхнули с шинелей снег и не спеша, деловито, держа руки на автоматах, осмотрели жилище.

Оксана, подбросив дров в печку, подошла к Лиде и села у кровати. Лида молчала, наблюдая за немцами через щелочки прищуренных глаз.

Солдаты осмотрели жилище и, не произнеся ни слова, вышли на улицу, сопровождаемые Андреем. Девушки слышали, как немцы сказали что-то Андрею и исчезли.

— Ну, что? — спросила Лида, когда Андрей вернулся в дом.

— Все, что робится, все к лучшему,— ответил он любимыми словами дяди Васи.

— Что им надо?
— Солдаты из дорожного батальона. К нам на квартиру их ставят.
— Где они сейчас?
— Ушли за своим барахлом. Пока есть время, надо спрятать обломки батарей.

Андрей ушел в сарай. За ним поспешила Оксана, желая помочь командиру. Переставляя чемодан, Оксана уронила его. Крышка открылась, и все содержимое вывалилось на пол. В чемодане был и револьвер. Едва Андрей поднял его, как в дверном проеме сарая появился откуда-то взявшийся унтер-офицер с электрическим фонариком в руках. Светлый зайчик быстро обскакал помещение и остановился на Андрее. Оксана с ужасом наблюдала за командиром, а он очень спокойно положил в карман оружие и продолжал собирать рассыпавшиеся по полу обломки батарей.

— Что тут делаешь?
— Порядок навожу. А вы, пан, что хотите?
— Здесь будет стоять наша лошадь,— сказал гитлеровец, войдя в сарай.
— Пожалуйста,— как ни в чем не бывало очень спокойно ответил Андрей, продолжая свою работу.— Здесь можно и двух лошадей поставить.

Унтер-офицер ушел. Терещенко спрятал чемодан и вернулся в дом. Вскоре пришли и квартиранты, разместились в той же комнате, где еще недавно жил Вебер.

На другой день Андрей в разговоре со старшим по возрасту немцем, как бы между прочим, сказал, что, когда жил германский летчик, полиция никого в квартиру уже не подселяла. И высказал сомнение: будут ли так же считаться с рядовыми солдатами?

— Выгони полицию, если придет! — вспылил солдат. Вырвав из тетради лист бумаги, крупными буквами по-немецки написал: «Вход русским полицейским запрещен!»

Этот клочок бумаги, прикрепленный канцелярскими кнопками к калитке, до конца пребывания солдат в Водопое оберегал дом советских разведчиков от полицейского контроля.

В ночь с 15 на 16 января недалеко от села Новая Одесса благополучно приземлился с парашютом тридцатидвухлетний разведчик Никита Хрупало, направленный штабом фронта в группу Терещенко с новым запасом батарей для рации. Это был первый в жизни Хрупало прыжок с парашютом. И он совершил его на родную землю, в детские годы исхоженную

вдоль и поперек, а теперь оккупированную гитлеровцами. Когда грянула Великая Отечественная война, Никита Константинович работал мастером по электрооборудованию мартеновского цеха «Азовстали». С приближением линии фронта к городу он занимался демонтажем заводского оборудования, предназначенного к отправке в восточные районы страны. Пришлось разрушать то, что создавалось, воздвигалось, монтировалось с его же участием.

Никита Хрупало. 1943 г.

Василий Рой. 1945 г.

Никита Константинович и его семья эвакуироваться не успели. Около двух лет жили они в оккупированном гитлеровцами городе.

В сентябре 1943 года Мариуполь был освобожден наступающими войсками Красной Армии, вскоре Никиту Константиновича призвали на военную службу. Он согласился работать в тылу противника и вот сейчас оказался в родных местах. В самых глубоких тайниках памяти хранит он условия явки в пригороде Николаева.

Надежно спрятав свой груз в лесу, Никита Константинович направился в Николаев. Когда день был уже на исходе, добрался до деревни Терновки. Значит, до Николаева осталось около десятка километров. Разведчик решил переночевать в селении. Но в каком доме остановиться? Деревня наводнена

фашистами. Его взгляд скользнул по небольшому ветхому домику на окраине. Никита Константинович обрадовался — над потолком строения торчали стропила, не обшитые тесом. В доме без крыши немцы жить не будут.

Разведчик вошел в хату. Оказалось, что в ней жила семья болгар: их предки обосновались здесь много лет назад. Хозяин и хозяйка, очень приветливые и добродушные люди, тепло приняли Никиту Константиновича.

На другой день разведчик продолжил свой путь и без труда нашел нужный ему дом в Водопое. Во дворе увидел Андрея Терещенко, которого сразу узнал по фотографии, показанной ему в штабе фронта перед вылетом на задание. Подойдя к Андрею, Хрупало поздоровался и негромко произнес пароль. Андрей спокойно, с деланным безразличием, ответил условной фразой и внимательно посмотрел на неожиданно появившегося гостя. Через одну-две минуты, когда вошли в дом, они крепко, по-мужски, обнялись и расцеловались. Быстро поговорили о делах, и Андрей до прихода квартировавших в доме солдат проводил Никиту Хрупало к отцу Лиды Пархомчук.

На следующий день Андрей познакомил Хрупало с Николаем Барковым и направил их за батареями. В селе Новая Одесса они встретились с местным жителем Иваном Чернобаем, которого Николай Барков хорошо знал, и попросили помочь в транспортировке груза в Николаев.

Хрупало, как и Оксана, по распоряжению командования остался в группе Терещенко. Николай Барков помог связному зарегистрироваться в полиции и проводил его на биржу труда. Там после проверки документов поставили его на учет. Хрупало попросился на работу в Николаеве.

— Я рабочий, хотел бы трудиться.

— Покажи руки! — неожиданно распорядился чиновник биржи труда.— Посмотрим, какой ты рабочий.

— Пожалуйста,— и Никита Константинович показал ладони. Немец потрогал застарелые, сухие мозоли.

— Да, ты занимался физическим трудом.

Несколько дней Никита Константинович ремонтировал мостовые в Николаеве. А потом его направили строить дороги на военном аэродроме. Советский разведчик неожиданно оказался на объекте, представляющем очень большой интерес. Немецкие власти разрешили Никите Константиновичу, как и другим рабочим, жить в городе. От Пархомчуков он переехал в квартиру родителей Николая Баркова, в дом № 40 на Садовой улице. Теперь Никита Константинович имел возможность через Николая Баркова регулярно докладывать своему командиру об аэродроме. Андрей сообщал полученные от Хрупало сведения:

«На аэродроме базируются самолеты истребительной, бомбардировочной и транспортной авиации. Количество самолетов следующее: двухмоторных истребителей М-110... двухмоторных средних бомбардировщиков Ю-88... транспортных самолетов Ю-52...»

«В течение истекших суток авиация противника произвела 200 боевых самолетовылетов. При этом бомбардировщики совершили... Планируются налеты бомбардировщиков ночной авиации на города...»

«В авиационных мастерских на аэродроме ремонтируются самолеты следующих типов...»

«Транспортная авиация вывозит в Германию трупы погибших немцев... В течение дня вывезено...»

Андрей повеселел. Как хорошо, когда есть надежная радиосвязь со штабом фронта! Теперь вся собранная разведчиками ценная информация о николаевском гарнизоне вражеских войск незамедлительно передавалась на Большую землю.

Началась весна 1944 года. 4 марта войска 1-го Украинского фронта развернули наступление на тарнополь-проскуровском направлении. 5 марта двинулись войска 2-го Украинского фронта на Уманском направлении. 6 марта войска 3-го Украинского фронта начали Березнеговато-Снигиревскую операцию.

Вскоре разведчики получили радиограмму из штаба:

«...Советские войска, развивая наступление, прорвали фронт противника в районе... Железная дорога Львов — Одесса перерезана. В целях ликвидации прорыва противник, возможно, будет перебрасывать танковые части через Николаев в район... Внимательно следите и незамедлительно докладывайте...»

И Андрей Терещенко выполнил это задание: информация от него поступала в штаб фронта систематически.

А позднее Терещенко сообщал: «Противник вывозит в сторону Одессы демонтированное заводское оборудование, рельсы...»

«Непрерывно в направлении Одессы движутся разбитые части противника...»

Преодолевая отчаянное сопротивление гитлеровцев, советские войска продолжали наступательные действия. Через несколько дней упорных боев были отрезаны пути отхода на запад 6-й немецкой армии. 13 марта советские войска, действовавшие на левом фланге фронта, заняли Херсон. 6-я немецкая армия, опасаясь окружения, начала поспешное отступление, бросая тяжелое вооружение и раненых. Преследуя врага, войска 3-го Украинского фронта во второй половине марта

вышли к Южному Бугу, форсировали его и устремились к Николаеву и Одессе.

В те дни гитлеровцы организовали срочную переброску самолетов с аэродрома, на котором работал Хрупало, на другой — дальше на запад. Было объявлено, что туда поедут и аэродромные рабочие. Никита Константинович вынужден был скрыться — отсиживался в подвале дома Барковых, а через несколько дней Андрей решил перевести Никиту Константиновича в дом Пархомчуков.

...28 марта 1944 года Николаев был освобожден от оккупантов. Город ликовал. К советским воинам были обращены горячая любовь и признательность народа. Не принимали поздравлений за свой вклад в победу ни Андрей, ни Лида с Оксаной, ни Хрупало с Барковым, ни Пархомчуки-старшие с дядей Васей... Их фронт был невидимым и остался безвестным. Они вели тайную борьбу.

Лида и Андрей спустились к Ингулу — просто походить, порадоваться вместе. Полноводный в эту пору Ингул широко, раздольно и спокойно катил свои волны. Свежий, влажный ветер теребил волосы. И всю эту прелесть природы они почувствовали как бы впервые. Новыми глазами они разглядывали окружающий их мир.

— Что же будет дальше? — спросила Лида.

— Скажем Николаеву «прощай» и уедем в штаб. Но все здесь пережитое запомним на всю жизнь.

— Да, конечно, запомним.

— Вот что: давай поженимся,— сказал Андрей давно продуманные слова.

— Ты это говоришь под настроение?

— Я серьезно говорю,— он посмотрел в глаза девушки и увидел в них навернувшиеся слезы.— Согласна?

— Я счастлива, Андрюша, что ты мне это сказал,— она ладонью смахнула катившиеся по лицу слезы.— Мы не дети с тобой, и поэтому откровенно и честно скажу, что ты мне очень дорог. Я часто думаю о будущем.

— О нашем...

— Вот я и думаю, будешь ли ты счастлив со мной? Смотри, я в свои двадцать два года уже поседела.

— Неужели ты думаешь, что я не помню, когда и после каких событий появилась твоя седина? Я тебе серьезно: нам нельзя расставаться. Понимаешь?

Лида протянула Андрею руку. Он положил ее на свою большую ладонь. Сколько этой маленькой рукой передано радиограмм со сведениями, которых с нетерпением ждали в штабе фронта! Сколько строгих офицеров штаба, знающих о работе

Лиды, хотели бы сейчас с огромной благодарностью пожать эту хрупкую руку!

Андрей поднял глаза и увидел счастливое лицо девушки. До чего же мила ее застенчивая улыбка! А седина... Да, невидимый фронт рано серебрит головы его бойцов.

После возвращения в штаб фронта разведчикам был предоставлен непродолжительный отпуск. Лида и Андрей поженились. Лида по состоянию здоровья демобилизовалась. За отличную работу в тылу врага награждена орденом Отечественной войны II степени. Андрей отправил ее к своим родственникам в Пятигорск, а сам после отдыха вернулся в штаб фронта: до победы было еще далеко.

Никита Константинович Хрупало, награжденный орденом Отечественной войны II степени, был демобилизован и откомандирован к месту жительства.

Оксана Сидоренко еще дважды прыгала с парашютом во вражеский тыл. И оба раза — за пределами Советского Союза. За успешное выполнение заданий командования награждена орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды. После войны вышла замуж. Ксения Дмитриевна Маленко живет в родном городе.

Николай Яковлевич Барков ушел в Красную Армию. В августе 1944 года в составе советских войск, выполнявших интернациональные задачи, принимал участие в боях за освобождение румынского города Констанца, а в следующем месяце уже был в болгарском городе Бургас. В Николаев возвратился после Дня Победы. Награжден орденом Красной Звезды.

Андрей Терещенко, вернувшись в штаб 4-го Украинского фронта, сразу же начал готовиться к новому заданию. Из разговоров с офицерами штаба он понял, что, хотя далеко позади остались самые тяжелые дни и месяцы войны, предстоят упорные бои с противником, сила которого все еще огромна.

Советские Вооруженные Силы готовились к новым сражениям.

...И вот наши фронты пришли в движение. С середины июля Советская Армия вела активные боевые действия на фронте от Финского залива до Карпат, теснила врага севернее Ленинграда, в Карелии.

Когда Лида узнала из сводок Совинформбюро о переходе в наступление войск 4-го Украинского фронта, она была убеждена, что ее муж, человек энергичный и опытный, уже действует во вражеском тылу, впереди атакующего вала соединений фронта. И не ошиблась. Андрей Терещенко перед началом Восточно-Карпатской наступательной операции наших войск был десантирован с группой разведчиков в Закарпатье, и с

того времени его группа систематически по радио докладывала в штаб фронта сведения о войсках, оборонительных сооружениях, аэродромах, складах боеприпасов и других военных объектах противника на очень важном направлении боевых действий.

28 октября территория, на которой находилась группа Терещенко, была освобождена наступающими частями 18-й армии.

...Через некоторое время в штабе фронта Андрею Терещенко объявили, что он назначен командиром вновь сформированной группы, которой предстоит работать на оккупированной гитлеровцами территории Чехословакии.

Группа небольшая — всего четыре человека. В предвидении сложных условий работы отбор бойцов для нее проводился офицерами штаба с особой тщательностью. Радистом был назначен опытный специалист Василий Рой. В группу включены также Василий Марушенец и Михаил Гомечко, прекрасно владеющие словацким и чешским языками. Марушенец — уроженец Чехословакии. В 1940 году, когда ему было 18 лет, перебрался на постоянное жительство в СССР. В годы войны стал разведчиком и вместе с Андреем Терещенко работал под Ужгородом. Михаил, года на три старше, родился в Закарпатье. В 1941 году был призван в хортистскую армию, а через три года встал на путь антифашистской борьбы.

Позади остался 1944 год. Красная Армия уже очистила от оккупантов территорию СССР и, выполняя свой интернациональный долг, продолжала освобождать страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Новые успехи наших Вооруженных Сил в наступившем сорок пятом году укрепили веру советского народа в близкий конец войны. С особой остротой чувствовали это фронтовики. Весна еще более укрепляла мечты и надежды о приближающейся победе. Мечтал и Андрей Терещенко. Его не покидали думы о Лиде, родных. Тревожился он за судьбу своих боевых друзей: впереди — более опасная работа, чем они вели раньше. Суждено ли им встретить победу, которая казалась совсем рядом? Посчастливится ли обнять своих родных после того, как враг будет повержен?

Группа Андрея Терещенко была десантирована в ночь на 24 марта на густой лес недалеко от города Хоцень. До Праги было 120 километров. Через сутки разведчики обосновались в районе села Сруби и в тот же день установили радиосвязь со штабом фронта. Бойцы Михаил и Василий днем и ночью уходили в окрестные села и хутора. Через местных жителей они выясняли обстановку в районе своей базы, налаживали связи. Василий Рой ежедневно включал рацию и передавал

в штаб фронта радиограммы со сведениями о вражеских войсках.

Через несколько дней командование потребовало от Терещенко установить тщательное наблюдение за военными перевозками гитлеровцев по железным дорогам, проходящим через Хоцень. Разведчики без промедления оборудовали наблюдательные пункты, организовали круглосуточное дежурство на

А. А. Терещенко (справа), К. Д. Сидоренко (Маленко), Н. К. Хрупало. 1978 г.

них и систематически докладывали в штаб фронта о перебросках войск и боевой техники. Радиостанция Василия Роя работала в полную нагрузку.

Разведчикам стало легче выполнять задание, когда им начал помогать весовщик одной железнодорожной станции. Чехословацкий антифашист систематически сообщал разведчикам сведения о железнодорожных перевозках и военных объектах противника в районе действий группы. Руководя деятельностью этого патриота, Андрей щедро делился опытом, приобретенным во время работы в Николаеве.

Поглощенные работой, разведчики, казалось, не замечали времени.

Информация от разведчиков поступала круглосуточно, работали они с максимальным напряжением: наступавшие войска Красной Армии так нуждались в точных сведениях о противнике, врывшемся в землю Чехословакии.

Да, такова реальность — Андрей Терещенко со своими боевыми друзьями действовал на территории Чехословакии. Мог ли он в начале работы в разведке, в первые годы войны, подумать, что будет выполнять боевые задачи за пределами своей страны! Было время, когда многие сотни километров и годы отделяли его от границ Чехословакии. И вот он оказался под Прагой.

Чехословакия еще не очищена от оккупантов, еще кипят бои, но уж если головные дозоры Красной Армии оказались здесь, если разведчики изучают вражеские силы вблизи Праги, значит, скоро сюда придут и воины-освободители с красными пятиконечными звездочками на пилотках. Скоро, очень скоро из Чехословакии будут изгнаны фашисты. Потребуется более трех лет, пропахших порохом и дымом пожарищ, опаленных огнем войны, чтобы советские воины, выполняя свой интернациональный долг, пришли в Чехословакию вестниками свободы. Нелегким оказался этот путь, он обильно полит кровью, и подвиг тех, кто шел впереди атакующего вала, бессмертен.

25 апреля штаб фронта получил от Андрея тревожную радиограмму: по шоссейной дороге между Хоцень и Сруби курсирует немецкая подвижная пеленгаторная станция. Василий Рой был вынужден сократить продолжительность сеансов радиосвязи и сменить место, из которого вел передачи. Разведчики усилили бдительность, но ничуть не ослабили работы: командованию требовалась информация. А через несколько дней они испытали особую радость, узнав, что сообщенные ими сведения о противнике помогли штабу фронта при планировании и ведении наступательных операций частей и соединений Красной Армии на завершающем этапе Великой Отечественной войны.

2 мая Андрей Терещенко и его друзья услышали долгожданную весть о взятии советскими войсками Берлина. Да, теперь до капитуляции немецко-фашистских войск остались считанные часы.

Вскоре наступающие части Красной Армии овладели районом города Хоцень. Для Андрея Терещенко и его боевых товарищей сражение на невидимом фронте окончено!

Разведчики разъехались по домам. Василий Рой уехал в Запорожье. Василий Марушенец и Михаил Гомечко — в Закарпатье. Андрей Терещенко отправился на Кавказ, где его ждала жена Лидия Пархомчук. Она так гордилась своим мужем, за успешное выполнение заданий командования в годы войны удостоенным орденов Красного Знамени, Отечественной войны II степени и Славы III степени.

Геиерал-полковнику
Алексаидру Иваиовичу Одиицову
часто приходится
рассказывать молодежи о подвигах
свонх боевых друзей-разведчиков,
совершениых в тылу вражеских войск
в годы Великой Отечествеиной войны.
Предлагаемый очерк посвящеи
деятельиости майора Одиицова
и иекоторых бойцов
подчинениых ему отрядов и групп:
В. Буташииа, А. Флягииа,
И. Соколова и других.
Автор очерка Д. Юферев,
работавшнй за лииией фронта
под руководством майора Одиицова,
был очевидцем многнх освещеииых им
событий н фактов.

Д. Юферев

По специальному заданию

Александр Одинцов

1

Январь 1980 года. В шесть утра после общесоюзных известий репродукторы городской сети Сыктывкара сообщили:

«...Вчера к нам приехал уроженец нашей республики Коми, бывший работник Усть-Вымского райкома комсомола, а ныне генерал-полковник Александр Иванович Одинцов. Сегодня в шесть вечера он выступит перед земляками во Дворце культуры».

И вот он стоит на трибуне перед переполненным залом Дворца культуры — широкоплечий, сильный. На груди несколько рядов орденских планок, где узнаются ордена Ленина и Октябрьской Революции, четыре ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды...

Слушателям передается глубокое волнение генерала, когда он говорит о подвигах своих боевых товарищей: десантников-разведчиков... Говорит о массовом героизме нашего народа, сломавшего хребет гитлеровскому фашизму и, по сути дела, спасшего все человечество от порабощения.

— Осенью сорок первого наш отряд особого назначения в течение двух месяцев рейда громил воинские колонны противника и его тыловые опорные пункты. В каждой деревушке, на каждом лесном кордоне нас, воинов Красной Армии, с радостью и надеждой встречали родные советские люди. Они оставляли у себя наших тяжелораненых и выхаживали их; они проводили нас через такие болотные топи, которые гитлеровцы считали непроходимыми,— в результате чего мы наносили удары по коммуникациям с той стороны, откуда противник, уже знающий о появлении советских партизан, никак не мог ожидать атаки...

Скрытно подобравшись к важному шоссе, командир Шевченко и комиссар отряда десантников Одинцов решили действовать широко, всем отрядом, и расположили его в перелеске, подступавшем к шоссе, где ожидалось появление немецкой колонны. Это была восьмая засада отряда.

Утро выдалось холодное и хмурое. Падал густой снег. Томительное время ожидания. Отряд пробыл в засаде уже больше двух часов, но гитлеровцы не появлялись. Дорога молчала.

Наконец донесся рокот моторов. За густым снегопадом нельзя было разглядеть — большая ли колонна. Бойцы замерли, распластавшись на опушке перелеска, приготовясь к атаке. И когда дорога привела гитлеровцев к перелеску, Шевченко выстрелил из маузера. Это было условным сигналом. И сразу — огонь всем отрядом. Первая пуля — шоферу тягача. Потеряв управление, тягач съехал в канаву. Гитлеровцы скатывались с тягача и лафетов пушек и бросались в сторону большого леса. Но скрыться от преследования им не удалось. Пробежав в кустарниках метров сто, гитлеровцы попали в болото. Расчет Шевченко и Одинцова был точен, немцы завязли в топкой, еще не замерзшей жиже, представляя отличную мишень для бойцов взвода лейтенанта Алексеева, который ударил по ним с фланга.

Более тридцати гитлеровцев нашли в этом болоте конец. Среди них — член нацистской партии с весьма солидным стажем, направлявшийся не куда-нибудь, а прямо в Москву! При нем нашли карманный русско-немецкий разговорник, составленный онемечившимся белогвардейцем. На обложке — изображение Московского Кремля. Разговорник наполнен фразами: «Какая лучшая гостиница Москвы?», «Я хочу спокойную комнату с двумя кроватями», «Этот мой багаж отправьте в Мюнхен», «Я хочу ванну в 28 градусов», «Какой лучший курорт на Кавказе?»

...Несколько карательных отрядов искали десантников. Боясь зайти в лес, каратели поливали огнем опушки и перелески. Но отряд был неуловим, хотя в течение месяца находился в одном и том же лесном массиве. Отряд сбивал с толку карателей. Появляясь отдельными группами в разных местах, бойцы наносили стремительные удары. Фашисты стали посылать более крупные карательные отряды. Они, рыская в поисках партизан, терроризировали население.

— Проучить карателей! — эта мысль одновременно родилась у командира и комиссара.

Отряд пришел на знакомое место в лесу у дороги. Вблизи этого места бойцы лейтенанта Алексеева уничтожили накануне немецкую машину, офицера и десять солдат. Здесь неминуемо должны появиться каратели. Но долго длилось ожидание. Наконец по дороге промчались три машины, набитые гитлеровцами. Солдаты ехали стоя, с автоматами и ручными пулеметами на изготовку. Шевченко решил пропустить их, полагая, что, не обнаружив советских десантников, они скоро возвратятся.

Правильно организовать засаду — большое искусство. Нужно умело разместить бойцов, распределить обязанности

между ними, организовать наблюдение, обеспечить внезапность и четкую согласованность действий.

Каратели возвращались. Машины, набитые солдатами, уже приблизились к отряду Шевченко. Теперь фашисты ехали, беспечно опустив оружие. Они решили, что в этом лесном массиве десантников уже нет, что искать их надо в другом месте... В этот момент хлопнул маузер Шевченко. Лес наполнился грохотом...

Александр Одинцов.
Июнь 1941 г.

Каратели бросились в кусты, но огонь советских смельчаков настигал их всюду. Только четверо фашистов успели залечь в канаву и открыть стрельбу. Их, однако, постигла общая участь.

Бой с карателями продолжался полчаса. Отряд потерял в этой схватке одного бойца.

Похоронили погибшего товарища и направились к перекрестку двух шоссе.

— Мало того, что многие местные жители служили отличными проводниками,— продолжал Одинцов.— Хочется особенно подчеркнуть, что оказавшиеся во вражеском тылу советские патриоты зачастую пополняли добываемые нами сведения о гарнизонах и передвижениях оккупантов.

Там, где массовый героизм,— там раскрываются и неисчерпаемые творческие способности рядовых советских людей:

зоркость и наблюдательность соединяются с крепнущими навыками обобщения. Вспоминаю, например, бесстрашных деревенских комсомолок, которые в ноябре того же сорок первого потаенными тропками вывели наш отряд к реке Малая Коша. Мало того! Эти местные комсомолки помогли уточнить некоторые объекты, нанесенные на немецкую полевую карту, только что нами захваченную.

2

Длился тяжелейший август сорок второго. Танковые колонны гитлеровцев прорвались к Волге в ее нижнем течении. А в одной из комнат штаба Западного фронта шли короткие беседы — один на один.

— Нам нельзя надеяться ни на малую долю обычного армейского снабжения, по крайней мере в ближайшие месяцы. Убыль в боеприпасах придется пополнять, добывая у врага. Да и вообще — надеяться только на себя. Но зато командование крепко надеется на каждого десантника. Поэтому не скоро разрешат уйти обратно, через линию фронта. Выполним одну боевую задачу — получим по радио приказ: выполнять следующую; потом — еще и еще... Значит, если вы не вполне готовы оправдать возлагаемую на нас ответственность — не советую лететь в тыл противника.

Почти каждый из тех, кто вызвался стать бойцом парашютно-десантной группы, выслушивал это предупреждение батальонного комиссара Одинцова, даже отличившиеся в боях на полях Подмосковья. В этом смысле исключением явились лишь те немногие, кого Одинцов успел изучить вполне достаточно: с кем он, будучи комиссаром рейдового отряда спецназначения, осенью сорок первого года с боем прошел по тылам наступавшей гитлеровской армии в Смоленской, Витебской и Калининской областях, а затем — в очередном рейде — громил тылы отступающих гитлеровцев на заснеженных полях западнее Москвы.

После столь сурового предупреждения будущий парашютист-десантник хмурился.

— Почему же вы, товарищ батальонный комиссар, говорите, будто совсем уж ни на кого, кроме себя, нет надежды? А народ?! Хоть и на оккупированной территории, но советский же...

— Как раз это и хотел я услышать от вас, товарищ! — улыбался Одинцов.— Народ остался советским и в оккупации.

3

В начале октября, после подрыва нескольких воинских эшелонов противника, был увезен на самолете в Москву тяжело раненный командир диверсионно-разведывательной группы подполковник Спрогис. И комиссар Одинцов, принявший на себя его обязанности, на следующее же утро провел совещание с подчиненными офицерами, а также с лучшими подрывниками. Шла речь о возросшей необходимости добиться взаимозаменяемости десантников. Одинцов напомнил призыв Ленина — всесторонне знать противника; призыв, значение которого ныне, в борьбе против фашизма, отнюдь не меньшее, чем в годы гражданской войны. «...Овладеть всеми видами оружия, всеми средствами и приемами борьбы, которые есть или могут быть у неприятеля». Процитировав эти слова на память, Одинцов повторил: «Всеми средствами и приемами!.. Товарищи Маковец, Буташин, Дмитриев и Соколов! Хотя вы специалисты-подрывники, мы будем вместе решать и сложные задачи разведывательного характера».

Незадолго до нового, сорок третьего года нескольким командирам отдельных десантных групп был передан по радио вызов в Москву.

Вылетел в Москву и Одинцов.

После отчета о действиях своей группы, после получения инструкций на дальнейшее он был приглашен к генералу, которого до сих пор не видел.

— Сумел бы ты, майор Одинцов, открыто и вполне легально усадить двух германских антифашистов в литерный поезд, идущий на Берлин? Осуществить это надо на какой-либо станции между Оршей и Минском. Антифашисты снабжены преотличными документами, надежнейшими... Перед всей сворой железнодорожной охраны они предстанут ответственными сотрудниками военно-промышленной фирмы по заготовке сырья для рейха. Но при всей внушительности документов и твоя, майор, задача нелегкая. Надлежит обеспечить весь антураж на станции — не только охрану товарищей, но весьма желательно, чтобы с особенным почетом усадили их в вагон, понимаешь?.. И не торопись отвечать, обдумай, взвесь свои возможности. Приходи без вызова, когда все обдумаешь!..

Через час Одинцов постучался к генералу.

— Обдумал, товарищ генерал. Я сумею.

— И гарантию даешь? — прищурился генерал.

— Гарантии не даю, но сумею.

— Однако запомни, майор. На войне возможны всякие

неожиданности. Не зря писал один теоретик: Die Gefahr ist das Element des Krieges *. Но мы крепко на тебя надеемся.

— Постараюсь оправдать доверие, товарищ генерал!

Генерал снова проанализировал отчет Одинцова — кто да кто из местных людей привлечен для подмоги? Заново, как рентгеном просвечивал. И наконец повел Одинцова на верхний этаж. В просторной комнате двое представительных мужчин лет по тридцать — тридцать пять, улыбаясь, поднялись навстречу.

— Знакомься, майор. Это товарищи Вилли и Освальд; оба владеют русским языком. Обед — на троих — принесут сюда. Подзаправитесь и — на аэродром. Опасно медлить, кабы СД ** не сменило пассиршейне ***... С этими словами генерал обнял немцев-антифашистов. Одинцову же — пока руку тряс — подмигнул. Мол, не забывай, крепко надеемся!..

Генерал ушел. Вилли подтащил из угла к столу лоснящийся кожаный чемодан. Одинцову бросилась в глаза целлофановая наклейка, прихватывающая оба борта: Staatsgeheimnis — государственная тайна. Пониже этой крупной надписи — предписание: открыть — по приезде в Берлин.

— Внутри передатчик,— пояснил Вилли.

Одинцову стало ясно: германские товарищи взялись вести глубинную разведку. По приезде в Берлин им предстояло опереться на подпольщиков-антифашистов. На тех, кто прошли университеты подпольной борьбы.

Но когда ранним весенним утром самолет приземлился на партизанском аэродроме, еще далеко было до успеха. Высказанное генералом предупреждение о возможных изменениях в проездной документации было небезосновательным.

В первой попытке обеспечить германским товарищам легальный отъезд в Берлин Одинцов лично взялся инсценировать приготовления к закладке мины западнее станции, чтобы оттянуть часть чересчур многочисленной путейской охраны. Сопровождали же германских товарищей воины десантной группы — Буташин и Дмитриев. Если бы не их осмотрительность и хладнокровие — все бы пошло прахом. Однако ж и сами германские антифашисты не сплоховали. Какой-то замызганный полицай, с явной целью выказать перед фашистской властью свою бдительность, поднял тревогу — дескать, сейчас уже другой цвет пропуска в ходу...

Всего не предусмотришь! Текст и вся форма пропуска оставались тогда стандартными. Но гитлеровцы, предусматри-

---

* Опасность — стихия войны.

** СД — служба безопасности.

*** Проездной пропуск.

вая смелую предприимчивость советской разведки, начали менять расцветку бланков. И Вилли моментально совершил единственно спасительное для первых минут этакой передряги: закатил не в меру бдительному полицаю звонкую пощечину. Психологический расчет — мгновенный, но точный. Кто столь уверенно бьет по морде «низшего чина» в иерархии гитлеровских оккупантов, тот имеет, по всей видимости, право на то, чтобы третировать «нижестоящих».

Полицай стушевался. Но подскочили, молодцевато козырнув, охранники-немцы. Разъяснения Вилли и Освальда, сводившиеся к тому, что, беря в лесных глубинах Белоруссии образцы стратегически необходимого рейху сырья, они, разумеется, не могли в своей документации синхронно следовать за частичными видоизменениями на транспорте — такие разъяснения звучали убедительно. Однако охранники сочли за благо застраховаться от возможных неприятностей по службе. Один из них ринулся говорить по телефону с начальником крупного гарнизона, где — согласно документации — останавливались «представители военной фирмы». Решали минуты! Вилли подозвал Буташина, обращаясь к нему — «оберштурмфюрер»...

В эсэсовских частях это был чин, соответствующий званию старшего лейтенанта. Наибольшим же чином в станционной охране был убежавший к телефону лейтенант полевой жандармерии. Буташину и Дмитриеву, изображавшим эсэсовцев, переодетых в штатское, не понадобилось пустить в ход свое оружие. По свистку подлетели щегольские дрожки,— те самые, на которых Вилли с Освальдом и приехали. Верховые Буташин и Дмитриев были начеку. Но никто не осмелился догонять или вслед открыть стрельбу. Наш разведчик из местных жителей, который сумел устроиться на станции легально, позднее рассказал о переполохе, перекинувшемся и на смежные станции участка Орша — Минск.

Возникла необходимость заменить германским товарищам их проездные удостоверения, уже побывавшие в руках станционных охранников. Центр обещал — в своих ответных радиограммах — прислать новые документы, которые будут заготовлены с учетом постоянно меняющихся установок для СД.

Вскоре германским антифашистам пришлось вместе с десантниками пройти сквозь пекло тяжелейших боев. Накануне 1 Мая 1943 года гитлеровское командование сняло с линии фронта несколько механизированных дивизий, которые далее были дополнены подразделениями местной полиции. Всем этим головорезам было приказано окружить лесные массивы в Могилевской и Бобруйской областях, с тем чтобы недели

за полторы уничтожить базирующихся там партизан и десантников. И третьего мая каратели окружили Кличевский лес и вошли в него. На всех перекрестках лесных дорог и просек гитлеровцы установили крупнокалиберные пулеметы; некоторые перекрестки стали в то же время сторожевыми постами танкеток и броневиков...

Радиограммой Центра майору Одинцову было поручено принять общее командование всеми десантными группами в обширном Кличевском лесу.

Десантники выбирали подходящие места для засад. От их внезапного огня (однако все более скупого) редели густые цепи гитлеровских автоматчиков, которые с утра до вечера, не экономя боеприпасов, методически прочесывали по квадратам участки леса. Зато, когда в рассветные часы вызванные с фронта «юнкерсы» и «дорнье» сбрасывали бомбы на Кличевский массив, измотанные десантники предавались короткому, но безмятежному сну под неприцельной бомбежкой. Твердо знали: покуда вокруг бушует бомбежка, густые цепи карателей не возобновят свои прочесы.

Блокада, с ее скоротечными боями против неизмеримо превосходящих сил врага, продолжалась две недели. Германские антифашисты все это время неизменно сохраняли свою непоколебимую стойкость и находчивость. Десантники полюбили их.

После блокады наши самолеты по ночам сбрасывали десантникам и партизанам (на костры, условленные по радио) оружие, боеприпасы, взрывчатку, медикаменты и перевязочные материалы. Партия, великая Советская страна делали все возможное, чтобы помочь своим верным сынам и дочерям, сражающимся против фашистов за линией фронта. Жаркий май был на исходе, а лица подрывников и разведчиков оставались по-зимнему бледными: потому что боевые будни, как правило, продолжались от вечерних сумерек до утра; днем же подрывники и разведчики отсыпались.

Вилли и Освальд с нетерпением ожидали новой документации. Одинцов исподволь подготавливал улучшенный — в смысле местных условий — вариант посадки на литерный поезд.

4

— О специальных радиофицированных десантных группах надо говорить особо,— продолжал Одинцов.— Скажу, например, о подготовляемой мною группе, которая была заброшена в тыл противника еще весной 1942 года.

Группа Бухова не только сама вела разведывательную работу, но по заданию Центра создавала новые и новые подпольные группы. Летом 1942 года Центром была поставлена задача: организовать надежные группы в районах Минска, Борисова, Орши и Бобруйска. Нескольким разведчикам из группы Бухова — среди них отмечу бывшую ткачиху Трехгорки Аню Куликову — удалось устроиться в городах и станционных поселках. Однако вряд ли надо доказывать, что устройство на работу и прописка десантников с Большой земли были делом исключительно сложным и опасным.

Сам капитан Бухов геройски погиб 23 февраля 1943 года. В условиях ежедневной и ежечасной опасности наши патриоты учились на лету схватывать даже малейшие благоприятные для себя возможности постоянно меняющейся обстановки оккупационного режима ради активизации народной войны против фашизма.

Типичен пример молоденькой белоруски Лены Францкевич; она с радостью приняла предложение десантницы Куликовой: пройти курс обучения радиосвязи, чтобы стать радисткой.

Всего лишь неделю назад закончилась блокада, в которой гитлеровцы понесли большие потери. Лазареты и больницы Могилева, Борисова и Бобруйска переполнились арийскими вояками. Покалеченным же полицаям не хватало места в палатах: скуля и постанывая, они притулялись в коридорах и прихожих, кое-где и в больничных дворах. И поэтому вполне естественно прозвучала просьба прилежной швеи Францкевич (она работала в гарнизонной портняжной мастерской Борисова) предоставить ей отпуск, чтобы обиходить жениха-полицая (разумеется, выдуманного), якобы пострадавшего в боях против «лесных бандитов» и ныне пребывающего в отдаленной больнице. Начальница мастерской, выслушав Лену, обратилась в комендатуру и получила благосклонное согласие посодействовать «невесте полицая». Таким образом Лена вооружилась свидетельством о двухмесячном отпуске и надлежащими пропусками. Куликова привела ее на обусловленное место в лесу, оттуда Лену препроводили на базу десантников — в «университет». Июнь и июль она, как и несколько таких же молодых патриоток, но конечно же совершенно изолированно, прошла курс обучения под руководством начальника связи Короткова и юных маэстро радиодела Ромахина и Гали Семеновой. В конце июля «выпускница» Лена получила вместе с портативной радиостанцией и комплектом батарей еще и справку с подлинной печатью больницы и подписью врача (работавшего в контакте с партизанами и десантниками). В справке удостоверялось, что вышеозначенная паненка 18 лет в течение июня —

июля ухаживала за раненым, ныне выписанным из больницы для дальнейшего прохождения службы во вспомогательном подразделении вермахта. К сожалению, на этом прекрасном документе недоставало полагающейся печати городской комендатуры (усилия устроить нашего товарища в кругу служащих комендатуры оставались пока что безуспешными).

— Два выхода из трудного положения,— сказал я «выпускнице» — комсомолке Лене.— Или подождать изготовления других документов, с тем чтобы «трудоустроиться» на новом месте...

— На это уйдет много времени,— возразила Лена.— А второй выход?..

— А второй выход, может быть, разглядишь и сама. Ныне в глазах гитлеровцев лучшим свидетельством благонадежности является страх перед возмездием от партизанских пуль... И сейчас полицаям уже практически невозможно передвигаться из одной волости в другую иначе как группами, да притом обходя партизанские районы. По нашим данным, из поселка, где лечился «жених», завтра отправится на север к железнодорожной станции вблизи Борисова очередная группа мелких чинов оккупационной администрации, в которой будут полицейские семьи, уже начавшие эвакуироваться на запад.

— Я поняла! — воскликнула Лена.

Добравшись до своей мастерской в Борисове, она объяснила отсутствие печати комендатуры своим страхом опоздать — не успеть присоединиться к колонне сторонников фюрера. Ждать очередную колонну было бы слишком долго; она, паненка Францкевич, торопится возобновить свою работу, столь полезную вермахту.

Начальница поверила. Не донесла в гестапо.

5

— Великая сила интернационализма,— продолжал Александр Иванович Одинцов,— воодушевляла самых различных антифашистов. Я с глубоким уважением вспоминаю и красавицу польку Ядвигу, которую мы, так же как и Лену, обучили радиоделу и снабдили рацией. Ядвига стала отличной разведчицей и побудила своего мужа — тоже поляка — добиться многообещающей должности шофера у крупного чиновника гестапо в одном из городов Белоруссии. Получаемые от мужа весьма важные сведения Ядвига передавала нам... Однако для того, чтобы хотя бы кратко упомянуть о всех подвигах антифашистов, пришлось бы говорить несколько суток подряд.

А ведь я,— он взглянул на часы,— говорю больше часа. Впрочем, охотно отвечу на вопросы.

— А товарищи немцы? — послышалось сразу несколько голосов.— Те, кого вы назвали Вилли и Освальдом?

— Благополучно уехали, беспрепятственно прибыли в Германию. До конца довел это сложнейшее дело мой заместитель Алексей Степанович Гнеденко: после того как меня вновь

Виктор Буташин. 1941 г.

Александр Флягин. 1945 г.

отозвал Центр. А Виктора Буташина, тяжело раненного в уже упомянутых майских боях 1943 года с карателями, заменил на завершающей стадии один из самых смелых и сообразительных бойцов — Саша Флягин.

— Выходит, это не лично вы завершили? — в голосе молоденького земляка сквозило столь явное разочарование, что Одинцов разразился хохотом.

— Выходит, так, дорогой товарищ. Однако и на заключительной стадии тоже была доля моего участия. Ведь успеху дела — обеспечению благополучного приезда в Германию немецких товарищей с их новыми документами — поспособствовал тот человек, которому я советовал встать на путь подпольной борьбы еще осенью сорок второго... Кроме того, большую помощь оказал нам еще один немец-антифашист, дорожный мастер на станции Жодино...

После еще нескольких вопросов председательствующий — пожилой фронтовик — объявил: собрание закончено.

Но генералу не удалось уехать к себе в гостиницу. Его обступили парни, девушки и бывшие фронтовики. Сквозь толпу протиснулась невысокая седая женщина с толстой школьной тетрадью в руках. На плечах женщины пестрел домашней вязки шерстяной платок.

— Извините, товарищ генерал,— проговорила она.— Вы не помните меня?

— Нет, что-то не узнаю...

Она шагнула ближе, слегка нахмурилась. Седые, коротко стриженные волосы густы; плотными крыльями нависли над лбом. Генерал с высоты своего внушительного роста уловил характерный взгляд женщины. Еще миг — и вспомнил:

— Маша! Мы же с вами были непримиримыми спорщиками в комсомольском бюро. Не так ли?

Мария Павловна радостно улыбнулась:

— Хвала такой памяти! Зависть берет. Я, например, если бы не радио... Случайно встретя вас, могла бы и не распознать.

Узкая ее рука потонула в широкой, осторожно сжавшейся ладони генерала:

— А где вы работаете?

— Я — учительница. Сорок лет. Уже выходила на пенсию, да вернулась на работу опять.

— Спасибо, Маша, что пришла повидаться.

Быстрая улыбка преобразила ее суховатое лицо. Оно даже порозовело.

— Однако напрасно думаешь, Саша, что я пришла, чтобы только повидаться... Нет, у меня свои расчеты. Вот слушала тебя и записывала. Разумеется, не специфику воинской подготовки, не термины ваши, а то, что, по выражению Белинского, составляет жизнь духа человеческого. Вряд ли приходило тебе в голову, как твои земляки долгие годы следили за тобой. Помню, в апреле сорокового услышали про твое тяжелое ранение на Карельском... И поверишь ли, я в ту весну преисполнилась уверенности: если грянет большая война, мы не только услышим о тебе, но и прочтем. И вот — обыкновенное чудо: предчувствие сбылось! В декабре сорок первого перед строем юных наших добровольцев читали статью «По тылам врага» о твоем героическом отряде. Статья большая, но строй слушал, не шелохнувшись. И позже добровольцы просили направить их в тыл врага. Та статья как бы внушила каждому юноше: «И ты можешь!», «И ты способен на такое!..» Так вот, Саша, знаем мы также, что ты впоследствии, уже после войны, занимал ряд командных должностей. Кажется, командовал и

полком, и дивизией... А сейчас работаешь в ДОСААФ, ведешь большую военно-патриотическую работу... Человек ты занятой, но посиди с земляками еще с полчасика. Нам, уж ты прости, мало услышанного. Расскажи еще о героинях-девушках! Это мне важно для моих уроков в старших классах.

Одинцов наклонил голову, соглашаясь.

— И кроме того,— вставил пожилой, слегка прихрамывающий человек,— вы, товарищ генерал, напомнили нам слова Ленина о том, что сила нашей правды приводит в наши ряды самых неожиданных людей...— Он подставил Одинцову стул.— Теперь расскажите не с трибуны хоть об одном из «самых неожиданных».

Одинцов взял стул и предложил сесть и всем оставшимся.

— Хорошо. Расскажу еще о двух девушках.

Итак, о Вере. Она была радисткой нашей группы в Могилеве. Днем работала в одной из контор гитлеровской администрации в Могилеве. Ежедневно она общалась с представителями оккупационной власти, ревностно выполняя свои положенные по должности обязанности. И никому в голову не могло прийти, что она по ночам успешно поддерживала радиосвязь с Большой землей. Вместе с тем Вера взялась с помощью привлеченных к антифашистской борьбе местных жителей наблюдать за железнодорожным узлом Могилева. С двадцатых чисел апреля сорок третьего, по мере того как приближался день, намеченный гитлеровским командованием для наступления на Курской дуге, все более напряженно работали железнодорожные узлы, а соответственно все подробнее и длиннее становились Верины радиограммы Центру. Опасность того, что долгие сеансы радиосвязи будут в конце концов запеленгованы, становилась все более очевидной. Сознавал это Центр, и сознавала сама Вера. Ради того чтобы насколько возможно приуменьшить нараставшую опасность, Центр приказал мне с глазу на глаз, устно передать Вере инструкции об особенностях работы в сложной обстановке. В Инструкциях Центра значительное место занимала и забота о сохранении жизни самой Веры... Вот и поехал я к Вере. После разговора с ней я должен был снабдить ее резервным комплектом батарей питания.

Хотел взять с собой только лишь одного бойца — ординарца Хомченко, но мой заместитель майор Гнеденко настоял на том, чтобы я взял и местного паренька, который успешно работал нашим связным и мог чуть ли не с закрытыми глазами передвигаться не по улицам, а через проходные дворы города. Я согласился. Гнеденко дал пареньку, которого звали Кирюхой, трофейный парабеллум и сказал: станешь охранять майора Одинцова.

На случай непредвиденных обстоятельств, когда приближались уже к предместьям Могилева, я показал Кирюхе запасной пункт сбора в перелесках. И вот мы — трое вблизи пустыря, за которым тянется поселок, еще в сорок первом полуразрушенный бомбежкой. Там, в одном заброшенном флигельке, должна состояться встреча с Верой. Расспрашиваю парня об окружающих местах, чтобы получше сориентироваться. Смотрю на часы. Казалось бы, правильно рассчитали время. Решил несколько минут провести в лесу и послал Кирюху выяснить обстановку в поселке.

Несколько минут спустя мой юный «телохранитель» докладывает: «Все в порядке». Но как раз в эти секунды за нашими спинами, приблизительно там, где прошли, раздалось урчание моторов. Прислушиваюсь, а с пустыря доносится гомон гитлеровской солдатни. Лесом, по тропам, только Кирюхе известным, обходили пустырь.

Я приблизился к месту встречи. Представьте себе уцелевший флигелек среди обгорелых стен с осыпавшейся штукатуркой, провалившихся кровель и дымовых труб. Оба окошка флигеля были забиты досками изнутри. Однако, прежде чем пойти на встречу с Верой, выбрал я в развалинах подходящий тайничок: уцелевшую топку печи. В ней спрятал обернутые клеенкой батареи радиопитания; ориентир — остаток дымовой трубы с причудливо торчащими кирпичами.

Наконец я проник во флигель. Вера уже ждала... В темноте обменялись мы паролем и отзывом. Я поначалу только весьма смутно различал перед собой невысокую тонкую фигурку девушки.

Глаза освоились с темнотой. Теперь я различал и мутно светлеющие полоски щелей между неровных досок на окнах, и скамью — наверно, свежеоструганную,— на которую Вера села. Поверьте, опустилась она рядом со мной совершенно бесшумно... Словно легчайшее перышко, птицей на лету оброненное: верно говорится, что умение стать неслышимым — одно из немаловажных качеств разведчиков. Еще секунду спустя рядом — едва уловимо — заблестело что-то... Вернее, переливчато замерцало, будто облачко. Лишь единственный оттенок белокурых волос именно так — издалека будто бы — слабо светится в темноте: ярко-золотистый оттенок... Передал Вере указания Центра об особой осторожности. Говорил ей об усложнении обстановки в Могилеве и чувствовал, что самой терпеливо слушающей Вере это достаточно ясно. Мелькнула тревожная мысль: а что, если уже началась, уже продвигается полным ходом последовательная проверка гестаповцами районов, в которых «засекли» нелегальные радиостанции, может быть, уже стягивается петля?

Я сказал о привезенных для нее батареях, спрятанных в надежном месте. Вера сразу же за мной, быстро, с абсолютной точностью перечислила отличительные приметы нашей «схованки». «Завтра ваше сокровище попадет в надежные руки»,— заключила Вера, в ее певучем голосе слышалась улыбка. Затем она спросила, объясняется ли мое опоздание внезапным появлением подразделения противника на окраине? После моего утвердительного ответа Вера пояснила, что немцы, на которых едва мы не напоролись, являются, по-видимому, не обычной, для фронта предназначенной, маршевой ротой, а пополнением из глубинных, тыловых подразделений, которые заменят некоторые гарнизонные части, отправляемые на центральный участок фронта...

Одинцов помолчал и тихо продолжал:

— Под конец я повторил инструкцию Центра, как ей держаться, когда заметит за собой слежку. «Главное,— подхватила Вера, едва позволив мне договорить,— это ничем не обнаружить, что знаю о начатой слежке. Тогда шпики понадеются застукать еще кого-то, с кем, по естественному их предположению, я должна бы поддерживать связь... Однако сегодня, выйдя на эту встречу с вами, я тщательно проверилась. Слежки за мной, к счастью, не было. Очень рада, что встреча с уполномоченным Центра состоялась...» Второй подобной встречи может и не быть, угадал я невысказанное. И понял — Вера реально оценивает обстановку. С неожиданной силой сжав на прощание мою руку, добавила: «Однако я вовсе не намерена сама положить голову на плаху. Да и вообще не отчаиваюсь».

Мы расстались с Верой.

Со стороны флигеля послышался треск. Я обернулся. Обращенное ко мне окошко в густых вечерних сумерках становилось угольно-черным. И в этом черном прямоугольнике на секунду прорезалась девичья фигура. Прощально махнула рукой. И снова — мрак в окне. Надо полагать, окошко было забито не отдельными досками, а скрепленными между собой перекрестьями. Вера — сбросила их разом...

Одинцов с минуту сидел молча, потом продолжал:

— Позднее я узнал, что Вера посылала Центру свои радиодонесения еще некоторое время. А 5 июля, как вы знаете, гитлеровцы начали наступление на Курской дуге, рассчитывая на эффект устрашения новыми типами своих танков — «тиграми» и «фердинандами». Но наше командование уже располагало сведениями о таковых. С горечью добавлю, что вскоре радиосвязь Центра с Верой оборвалась... Отважная радистка-разведчица отдала свою жизнь за Родину.

6

Теперь — о москвичке радистке Зине Бардышевой. На редкость отважная девушка была. После выполнения ответственного задания в Белоруссии Зина вновь была направлена в тыл немецко-фашистских войск. В июле 1944 года в составе разведгруппы десантировалась в логово фашистского зверя, в Восточную Пруссию. Группа приземлилась под Тильзитом. Трудно приходилось Зине в Белоруссии, но теперь пришлось встретиться с еще более сложными условиями борьбы в особых укрепрайонах. Схватки с гитлеровцами, облавы, засады... Через три с половиной месяца работы в Восточной Пруссии группа, где радисткой была Зина Бардышева, должна была сменить район базирования. Шли мимо Растенберга, под которым в болотистой хвойной чаще Герлицкого леса был скрыт под многослойной маскировочной сетью подземный бункер Гитлера. В зимнюю вьюжную ночь разведчики перешли старую границу Восточной Пруссии и оказались в Польше, в Мышинецкой пуще. По совету поляков, дружески встретивших советских десантников, группа развернула базу в лесу, недалеко от деревни Вейдо. Разведчики вновь начали собирать сведения о вражеских войсках. У десантников появилось много преданных друзей, готовых обогреть советских воинов, накормить и оказать помощь в работе. С этого задания Зина не вернулась... Только через несколько лет после войны стало известно, что каратели напали на базу разведчиков внезапно. Завязался тяжелый и неравный бой. Зина отходила под ураганным огнем в густой лес, но была тяжело ранена. Истекая кровью и теряя силы, она повернулась к находившейся рядом подруге: «Если сможешь, передай маме, что я умерла, как надо!» — и поднесла пистолет к виску... Живой в лапы врага комсомолка не попала.

Вспомнил Одинцов и захват «языка» — заместителя бургомистра одной волости в 1942 году. «Язык» оказался очень интересным, ценным для разведчиков. Дело в том, что для успешной работы десантники нуждались в надежных документах: паспортах, различных пропусках немецких комендатур и т. д. Где их взять? Эту проблему удалось решить с помощью захваченного заместителя бургомистра.

В один октябрьский день 1942 года пять десантников во главе с Одинцовым устроили засаду на шоссейной дороге Могилев — Березино в 10—12 километрах восточнее города Березино. Целый день разведчики провели в засаде. Наступили сумерки, и все кругом будто сжалось и сузилось. Близлежащий

редкий подлесок казался все гуще. Наконец он как бы сомкнулся в сплошную темную стену.

И вдруг — беглые отсветы заметались по тучам.

— Фары! — сказал разведчик Буташин.— Уже поизучил я местность к северо-востоку. Всхолмленная... Идет автомашина.

Полил сильный дождь. Буташин и Дмитриев набросили на плечи пятнистые немецкие плащ-палатки и вышли на шоссейную дорогу. Когда свет фар приближающегося «опеля» скользнул по ним, оба разведчика разом вскинули руки: вперед и вверх. Этот известный во всей Европе жест «голосующих» на проезжем шоссе совпадал — приблизительно — с нацистским приветствием. Шофер «опеля» притормозил. Но в следующий миг он успел выстрелить в ринувшегося к нему сбоку Игоря Соколова. Ответным выстрелом шофер был убит.

В «опель», в котором, как позднее выяснилось, находился заместитель бургомистра, втиснулись все пятеро разведчиков.

Заместитель бургомистра, сидевший на заднем сиденье, теперь стиснутый с обеих сторон, за все эти минуты не издал ни звука. Мог бы показаться мертвым, как и привязанный к крыше шофер.

После часа медленного движения на «опеле» остановились неподалеку от глухой лесной деревушки.

Стали рыть могилу для убитого шофера. Копали быстро большими лопатами, взятыми из деревни у местных жителей.

— А меня? — воскликнул пленник.— Неужели вместе с ним?

...После долгого ночного диалога заместитель бургомистра согласился помогать десантникам. Чтобы доказать свою готовность верно служить Советской власти, он тут же составил донесение о немецких гарнизонах в Борисове и в Березино.

Под утро, когда обо всем уже договорились, пленный сказал:

— Это смешно, по-видимому... Но хотел бы я сам себе шишек наставить. Внушительнее буду выглядеть с синяками да кровоподтеками. Разрешите, командир, изукрасить себя самому.

Одинцов помедлил с ответом. Всматривался в глубоко запавшие глаза заместителя бургомистра.

— Как хотите...

Ординарец, вызванный минуты три назад, хохотнул:

— Фашисты-то... Коли тебя разоблачат... Они же тебе не позволят извалтузить себя самолично!..

Ординарец осекся от гневного взгляда Одинцова. Заместитель бургомистра возразил довольно спокойно:

— Сержант, я догадываюсь, как враги обойдутся со мной.

На рассвете пленного вывели на улицу. Несмотря на слишком ранний час, несколько стариков и женщин выбрались из своих хат.

Ординарец подталкивал пленного в спину стволом парабеллума. Повел его в сторону оврага, поросшего молодым ельником.

Послышалась очередь из автомата, крики «стой!».

— Утек, сволочь!..— немного погодя доложил понуро сгорбившийся ординарец... Горько досадовали местные жители, бранили «растяпу».

7

— А дальше-то как было? — спросили земляки.

— Немцы поверили в составленную нами вместе с «языком» легенду о том, как он попал к десантникам в плен, как его в течение ночи пытали, а утром повели на расстрел и ему, босому, удалось убежать от лесных бандитов. В последующие месяцы 1942—1943 годов заместитель бургомистра добросовестно выполнял свое обязательство, данное нам. И снабдил немалым количеством чистых бланков пропусков, а также полезными справками.

У меня нет достоверных данных о дальнейшей судьбе заместителя бургомистра. В начале 1944 года он внезапно исчез. До нас доходили сведения о том, что он, помогая десантникам и партизанам, был выслежен и схвачен гестапо.

Одинцов встал. Поднялись и все присутствовавшие.

— Вот, ответил я, товарищи, на ваши вопросы. Но признаюсь, обидно за тех, о ком не успел рассказать. И, кстати говоря, немало было таких смелых поступков, которые считались у наших десантников обыденными, чуть ли не заурядными... Например: ноябрьской ночью сорок первого Володя Маковец в замерзающей воде, в крошеве плывущего льда, перегнал с противоположного берега Нары покореженный осколками паром для группы раненых товарищей... Грохотанье воинских эшелонов врага, спущенных под откос Володей Маковцом, как бы приглушало в сознании товарищей значение его самоотверженного, но «тихого» подвига. Велика и многолика сила нашего боевого братства!

— Спасибо, Александр Иванович,— сказала Мария Павловна, взглянув на свои часы.— Мы с вами, друзья, отняли у Александра Ивановича добавочных сорок пять минут — учебный час. А ведь он — первый заместитель председателя ЦК ДОСААФ... Приехал отнюдь не только ради выступления во Дворце культуры...

Одинцов остановил ее мягким движением руки.

— Приеду еще. Пока что поясню: наши бойцы в тяжелейших обстоятельствах вновь и вновь находили силы для продолжения борьбы. Делали гораздо больше того, что в мирных условиях считается пределом человеческих возможностей. Притом особенно хотел бы подчеркнуть одно замечательное обстоятельство. В нашей среде за линией фронта никогда не замечали мы

Дмитрий Дмитриев (слева) и Владимир Маковец. 1942 г.

хотя бы малейших признаков уныния, ощущения своей тягостной оторванности от главных сил. В часы затишья постоянно и дружно подхватывались всевозможные поводы к шуткам или безобидным розыгрышам. Вспоминая те суровые годы, даже сейчас я дивлюсь неизменной душевной устойчивости вчерашних школьников-комсомольцев и комсомолок. Такова сила сознания выполняемого долга! Она вселяла окрыляющую убежденность в слитности со всем великим борющимся народом. И более того! Наши десантники все отчетливее чувствовали себя на переднем крае борьбы трудящихся целого мира, поднимающихся против фашистской угрозы человечеству. Как я рассказывал, нам содействовали не только польские патриоты, но и немцы-антифашисты. Постепенно стали долетать до нас сведения об антифашистах многих народов: о болгарах и венграх,

югославах, чехах и словаках, греках и французах... Ленинские идеи дружбы и солидарности торжествовали. Упомяну, что сам состав нашей десантной группы, воевавшей за линией фронта в сорок втором, сорок третьем и сорок четвертом, отражал непобедимость интернационализма: вместе с русскими, украинцами и белорусами сражались и латыш Озол, и поляк Желамский, и казахи Сандыбаев и Базиров, и ушедший воевать из десятого класса болгарин Дм. Дмитриев, которого в его неполных семнадцать лет мы — уважительно, как убеленных сединами,— зачастую называли только по отчеству — Мариныч...

В марте 1945 года
в тыл иемецко-фашистских войск,
находившихся
иа территории Чехословакни,
советским воеиным
командоваинем была иаправлена
разведывательиая группа «Орел»,
которую возглавил старший лейтенант
Павел Чайковский.
Неоцеинмую помощь разведчнкам
оказали местные патриоты,
аитифашисты-интериациоиалисты.
Они содействовали им
в сборе сведений о дислокации
н перебросках вражеских войск,
не раз помогали выйтн
из неожиданио складывавшнхся
чрезвычайио сложных положеиий.

Н. Малышев

На зафронтовых тропах

Павел Чайковский

В ночь на двадцать четвертое марта сорок пятого года транспортный самолет пересек линию фронта и взял курс на западную часть Моравии. По мере того как самолет углублялся в тыл противника, на душе у сидящих в его салоне десантников становилось неспокойно. Вести разведку в тылу врага — дело для них вроде привычное: они не новички и уже не раз вступали в схватку с противником, но сердце все равно не подчиняется разуму — ноет, тревожится...

Больше всех беспокоится командир разведгруппы Павел Чайковский. Еще перед взлетом, когда самолет, подпрыгивая, катился по неровному полевому аэродрому, Павла охватило какое-то смутное, неясное ощущение тревоги. Потом оно утихло, запряталось куда-то, а вот теперь усилилось. «Простым бойцом идти, конечно, лучше,— рассуждал он про себя.— И девчат мне дали. Куда бы ни шло одну, а то сразу двух». Он посмотрел на радистку Алевтину Ползунову, которая, согнувшись под тяжестью навешанных на нее сумок, сидела неподвижно на противоположной бортовой скамейке, и тяжело вздохнул. Павел предвзято считал, что для службы в тылу врага слабый пол не приспособлен. Другое дело — ребята, с которыми он уже выполнял задание в Словакии. Восхищаясь ими мысленно, командир вспомнил, как они — Яков Драчук, Григорий Феденко — вместе с партизанами поддали жару солдатам вермахта, которые рвались к горному перевалу. Теперь храбрые ребята-десантники летели на задание с ним, и он был рад этому: бойцы проверенные, немного знают чешский язык. Они будут опорой при выполнении задания.

Чайковский знал, что с января наши войска вели боевые действия по освобождению Чехословакии, являющиеся важной составной частью стратегического наступления Советской Армии. В марте возобновил наступление 4-й Украинский фронт. Бои приняли ожесточенный характер. Штабу фронта очень нужны были сведения о вражеских резервах, перебрасываемых из глубокого тыла к фронту, об оборонительных сооружениях гитлеровцев. Группа должна докладывать по этим вопросам из района города Голешова. Командир погрузился в думы о предстоящей работе.

— Скоро должны быть на месте,— прервала его раздумье разведчица Катя Новоселова. Худощавое ее лицо озарял бледно-голубой лунный свет, в расширенных глазах искорками мелькали далекие звезды.

Действительно, вскоре на потолке вспыхнула синяя лампочка — это сигнал приготовиться к десантированию. Подчиняясь ее приказу, первым вскочил заместитель командира Феденко, за ним не спеша поднялся Драчук.

Павел Чайковский. 1947 г.

— Ребята, помогите мне встать,— попросила Ползунова.

Они подхватили ее под мышки и повели к люку.

— Тяжело тебя нагрузили, отдай мне вещевой мешок,— предложил Феденко.

— Нельзя,— отказалась от помощи Ползунова.— В нем питание для рации...

В салоне вновь вспыхнул синий свет. Феденко и Новоселова исчезли в темном проеме люка. Чайковский рванулся вниз. За ним Ползунова, потом Драчук. Свист. Шум. Рывок вверх. Тишина. Рокот самолета быстро затихает. От грохота его моторов у Чайковского уши заложены. Стараясь восстановить слух, он трясет головой, смотрит на далекую укрытую маревом землю, на выбеленные лунным светом купола парашютов.

— Один, два...— шепчет командир и прерывает счет.

Второй ускорила падение Ползунова. Заметив, что у кого-то купол раскрыт не полностью и он стремительно опускается, опытная десантница за стропу подтянула к себе полотно и погналась за неудачником. В ушах засвистел ветер.

— Ой! — кто-то вскрикнул на земле, где исчезло белое полотнище и хрустнуло дерево.

Десантница сразу же отпустила стропу. Груз надавил на плечи. Падение замедлилось. Лентой пронеслись верхушки деревьев. Ломая сучья, Ползунова пролетела еще немного вниз, ударилась о ствол дерева и закачалась на стропах.

Неудачно приземлился Феденко. Товарищи нашли его на покатом склоне косогора. Он полулежал в мелком кустарнике. Прямо над ним свисала верхушка сломанной ели, которая была накрыта парашютом.

— Надо же, куда тебя занесло. Как себя чувствуешь? — склонившись над товарищем, дрожащим голосом поинтересовалась Катя.

— Да ничего... Ноги побаливают... Ну и парашют стащить не смог,— как можно бодрее выдавил из себя Феденко.

— До свадьбы заживут, вылезай,— подбежавший Драчук подал приятелю руку...

— Спасибо, обнадежил... и вечно этому Грише не везет. Даже толково с неба упасть не смог,— медленно переставляя ноги, пошутил Феденко сам над собой.

Спокойно, без суеты десантники стянули с ели парашют, спрятали его и, не мешкая, гуськом двинулись следом за командиром в горы. Шли медленно. В непроглядной лесной чащобе стволы деревьев почти были неразличимы, ботинки цеплялись за сучки, корни, которых, как нарочно, становилось все больше и больше. А надо было торопиться. Со стороны долины доносился рокот моторов, громкая перекличка фашистов.

Вскоре лес поредел, под ногами зажелтела тропинка. На ней Чайковский прибавил шагу, поднялся на косогор и рванулся к зарослям. Сразу же исчезли и остальные. Драчук поискал их глазами, прислушался и, помогая товарищу, потянул его к ельнику: сверху, от вершины горы, доносился глухой скрежет, характерный для кованой обуви противника.

Как только самолет с десантниками появился над Гостинскими горами, в городе Голешове завыла сирена. При первых ее звуках антифашист-подпольщик Януш выключил настольную лампу, быстро отодвинул от окна тяжелую штору и, распахнув его настежь, прищуренными глазами уперся в ту часть неба, откуда доносился гул моторов и где на небольшой высоте

вдоль тучи летел транспортный самолет. Мужчина нагнулся и долго всматривался в смутные очертания Гостинских гор...

Медленно набирая силу, извещая об отбое, провыла сирена. Улицы постепенно стали заполняться затихшими во время воздушной тревоги, обычными ночными городскими звуками, среди которых возник приближавшийся торопливый лязг подошв по асфальту и гортанная команда.

Григорий Феденко. 1952 г.

Алевтина Ползунова. 1945 г.

Чтобы не привлекать к себе внимания, подпольщик закрыл окно, задернул штору и сел к письменному столу.

— Ты намерен сегодня ложиться спать или нет? — нарушила его одиночество жена.— Сын уже третий сладкий сон видит, а ты о чем думаешь?

Закрыв глаза от вспыхнувшего яркого света, Януш откинулся на спинку стула и повернул голову к жене.

Он был безгранично благодарен жене за то, что она терпеливо переносила все невзгоды тяжелой «двойной» жизни. Обычно он не отвечал на подобные вопросы или отшучивался и делал это не потому, что не доверял ей, а потому, что был уверен — держать в себе тайну при пытках неимоверно трудно. Однако на этот раз секрета не было, и он высказал свое предположение:

— Летак следовал низко, по силуэту транспортный... Наверное, десантники уже где-то в горах...

Она прижалась грудью к его спине и, обхватив его плечи руками, сказала:

— Давно тебе хочу сказать, да боюсь, что не послушаешься. Дай наперед слово, что поступишь благоразумно.

— Заранее не могу, дорогая моя.

— Я очень боюсь за тебя и за сына...

— Если хочешь, отправлю вас в безопасное место. Жить будете хорошо, спокойно.

— Ты уверен? — она перестала его обнимать, прошлась по комнате со скрещенными на груди руками, потом вернулась, машинально распушила черные свои волосы тонкими пальцами и продолжила: — Вдали от тебя мне будет гораздо тяжелее, чем здесь. Неизвестность сведет меня с ума.

Она была неотделима от него так же, как и он от нее. Они оба понимали и знали это. Он обнял ее, с благодарностью поцеловал в лоб.

Потом они долго сидели молча. Каждый думал о своем. Внизу трижды прозвенел звонок. Жена вскочила со стула: с тех пор как они поселились здесь, их так поздно не беспокоили.

— Это меня. В крайнем случае разрешено приходить ко мне,— пояснил Януш, но все же достал на всякий случай пистолет.

— При необходимости уходи один,— тоном приказа потребовала она.

Кивнув головой в знак согласия, неуверенный в душе, что исполнит ее желание, он вышел из дома.

На улице было ветрено. Шумели деревья. Мрак окутывал приусадебный участок. Януш встал под дерево, ждал, когда глаза привыкнут к темноте и станут четче различать предметы.

— Это я вас побеспокоил,— сказал Мирослав, выходя из затемненного угла забора.

Януш облегченно опустил пистолет. Перед ним остановился одетый в форму полицая товарищ по борьбе с фашистами. После короткой беседы Януш вернулся в дом.

— Извини, дорогая, я должен срочно уйти.

— Януш, будь осторожен...

Едва Драчук и Феденко успели отбежать от тропинки, как из темноты леса выскочил вражеский солдат с автоматом наперевес, а за ним целая вереница фашистов, у некоторых из них на плечах пулеметы. Бежали они молча, хрипло дыша.

Сжимая автоматы, десантники пропустили их мимо себя, вылезли из-под кустарника и пошли дальше, туда, где едва обозначался перевал через горный хребет. Легкий освежающий

ветерок подгонял их, мирно шумели вершины елей. Тьма сгущалась. Неторопливо по земле ударили первые капли дождя, и лес наполнился мелодичным гулом.

Ближе к утру дождь перестал моросить. Небо прояснилось, четче стали обозначаться стволы деревьев. В одном месте они поредели, впереди засветлела прогалина, и сквозь переплетенный кустарник зажелтел дом; перед ним тускло поблескивала стеклянная крыша парника. Чайковский, дав команду всем оставаться на месте, ушел туда и вскоре вернулся.

— Никого нет, но дом жилой,— сказал он.— Немного передохнем и переберемся на ту сторону, там глухая балка. В ней проведем день.

Было уже светло, когда обессиленные, измотанные десантники забрались в чащобу и повалились на сырую, со следами еще не растаявшего снега землю.

В лесу было спокойно. Изредка с деревьев срывались капли и громко ударяли по опавшей листве. Где-то дятел дотошно обстукивал дерево, попискивали птицы, простуженно каркала ворона. На сушняк с писком опустились пушистые зяблики и заскользили по корявым стволам в поисках пищи. Феденко полюбовался ими, с трудом приподнялся, потер поясницу и поплелся к своему вещевому мешку, чтобы приготовить для товарищей завтрак. Все время, пока Гриша доставал из мешка продукты, пока финкой открывал консервную банку и резал хлеб, за ним, приподнявшись на локте, неотступно следила Новоселова.

— Благодарю,— тихо произнесла она, принимая от него ломоть хлеба с толстым слоем свиной тушенки.

Гриша кивнул головой, встретился с девушкой взглядом и, невольно опустив глаза, отвернулся: он поймал себя на мысли, что эта девушка очень симпатична ему. Даже пряди ее прямых, выбившихся из-под платка волос были милыми и привлекательными.

Один за другим поднимались передохнувшие люди, молча брали бутерброды и с аппетитом жевали. Наевшись, улеглись спать.

Засыпал Чайковский медленно. Тихое дыхание уставших людей мешало забыться. Постепенно нервное напряжение ослабевало, мозг «отключился», но, кажется, ненадолго: посторонний звук всколыхнул его. Чайковский вскочил. Товарищи тоже были уже на ногах с оружием в руках. Лес шумел как обычно. Люди напряжены, медленно поворачивают головы и замирают: с косогора, по которому разведчики поднялись сюда, доносится слабый, но зловещий топот многочисленных копыт.

Драчук вскочил на пень и посмотрел на покрытый синей дымкой взгорок. Стволы деревьев почти неразличимы. Они слились в сплошную завесу, но острые, натренированные глаза разведчика все же различили мелькавших на пригорке всадников.

— Если они расположатся на дневку, то прочешут все кусты. Нам нужно отойти подальше,— посоветовал Драчук, спрыгивая с пня.

Разведчики внимательно осмотрелись кругом в поисках пути к отходу, но лес за ельником на склоне просвечивался, подъем в гору крутой, а с запада — луговина с редкими кустами, обступившими дуб.

— Отсюда сейчас незамеченными не выбраться. Поэтому Драчук отходит вправо и при необходимости берет погоню на себя. Ты должен отвлечь их от группы во что бы то ни стало. Это не приказ, а просьба. Иначе всем нам крышка,— медленно сказал командир.

— Есть! — заверил Драчук и помчался вдоль косогора к тому месту, где лес был чаще и тропа уходила к перевалу.

Счастье на этот раз сопутствовало десантникам. Гитлеровцы, спешившись возле дома, осторожно прочесали ближайшие к нему кусты, а двое даже вплотную приблизились к ельнику, в котором сидел готовый к бою Драчук, но дальше не пошли, повернули назад. Потоптавшись немного около дома, солдаты уехали к перевалу.

— Нам необходимо сориентироваться на местности, уточнить, где находимся, и рассмотреть, какое движение на основных магистралях. Кто пойдет? — спросил Чайковский, когда разведчики перебрались в заросшую кустарником впадину и залегли. Сразу же поднялся Драчук, за ним Новоселова.

Прежде чем разрешить им отправиться к долине, Чайковский обвел взглядом коренастую фигуру Драчука, отметил про себя, что из-за потертого пальто парень кажется деревенским, и пришел к убеждению, что это, пожалуй, и лучше — в таком виде он не вызовет подозрений у местных жителей. Если Яша располагал к себе людей бесхитростным видом и поведением, то Катя, наделенная привлекательной внешностью, импонирующей мужчинам, в деловой разговор вступать с незнакомцами не спешила. Она интересовалась их житейскими заботами, в случае необходимости сочувствовала и только после этого расспрашивала об оккупантах.

— Хорошо. Идите,— одобрил их инициативу командир.

Они, проверив, не гремит ли что на них, повернулись и, отводя ветки кустарника в стороны, полезли на осыпающийся под ногами скат. Выбравшись из впадины, замерли. В еловом лесу посторонних звуков не слышно. Вершины деревьев шумели

сдержанно. Где-то недалеко, вероятно в соседней лощине, заглушая пересвист мелких птиц, тараторили сороки. Видимость ограниченная. Темно-коричневые стволы утопали в сумерках, и лишь ближайшую прогалину пронизывали лучики солнечного света. Земля под ногами пáрила, дышала теплом.

— На ходу согреемся,— ободряюще сказал Драчук и, стиснув подрагивающие губы, двинулся краем впадины к вершине горного кряжа.

Чем ближе подходили разведчики к горному хребту, тем больше становилось полян, но они их избегали, огибали чащобами: в них тень была гуще, видимость хуже и, следовательно, вероятность быть замеченными противником меньше. Так, не спеша, под неумолкаемый щебет птиц поднялись они на хребет, обогнули по давно не езженной дороге его вершину Град и начали спускаться в долину.

Изрядно попетляв по молодым зарослям ельника, разведчики добрались до векового бора и замерли на его опушке. Дальше была вырубка с рядками голубевших сосенок, за ней покатый косогор, укутанный кронами смешанного леса, разделенного впадинами просек на квадраты. У подножия горы два селения, между ними хуторские постройки и на некотором отдалении город с тремя костелами и замком.

— Глянь туда,— посоветовал Драчук и, показав биноклем влево, передал его напарнице.— Обрати внимание на шляпу и живот — на троих хватит.

— Вероятно, лесник,— предположила Новоселова.— Но где же мы находимся?

— Ближайший город Голешов. Не сомневайся, гляди,— Драчук раскрыл планшет с картой.— Там, в центре долины, город Гулин.

— Вообще-то вроде бы и так, но лучше будет, если уточним у жителей,— засомневалась Катя.

— У кого?

— Да хотя бы у того,— Новоселова кивнула головой в сторону соседнего косогора, по которому поднимался какой-то мужчина в шляпе, и, не отрывая взгляда от равнины, прошептала: — Красота какая, надо же!

Вид с горы на долину был действительно изумительный. Холмы на ней вздымались шапками, озимые поля зеленели, беленькие домики под красными и голубыми крышами казались словно игрушечными, так же, как и крохотные машинки, которые ползли по темным лентам дорог. Но самым изумительным казался паровоз и передвигающиеся за ним под белым шлейфом пара вагончики. Они катились к городу. Был виден крупный железнодорожный узел. От него, поблескивая рель-

сами, крестом расходились в разные стороны железнодорожные пути. Один из них тянулся к Гостинским горам и, обогнув их, уходил на восток к фронту.

Местный житель в шляпе с пером даже не вздрогнул, когда разведчики неожиданно появились перед ним. Он первым протянул Драчуку руку и поздоровался по-русски. Разведчик сжал ее в своих холодных ладонях и повторил приветствие.

— Откуда идете, пан хозяин? — поинтересовался Драчук.

— Из села Шопи. Есть такое недалеко от города Голешов.

— Богато живешь,— посматривая на живот чеха и посмеиваясь, произнес Драчук.

— Нет, что вы, товарищи. Лесничий я из Шопи. Лесничий я. Болезнь тут есть.— Он похлопал по животу.

— Коли так, то почему разрешаете деревья калечить, ведь погибнут они,— неожиданно для самого себя стал укорять лесничего Драчук.

— Это какие же деревья? — попросил уточнить чех.

— Посмотрите,— Драчук протянул ему бинокль.

— Так то германцы из Пржилепи. Стрельбище там, да еще есть у Добротиц, а их тут...

— В Лысом лесу? Да? — перебила его Новоселова, внутренне содрогнувшись: ведь десантники приземлились в нем и там же спрятали грузовые мешки.

Чех опустил плечи, пошаркал ногой по еловым иглам, достал сигарету и, протягивая ее разведчику, пояснил:

— На день германцы лишь три штуки выдают.

— Угощаю,— предложил ему папиросу Драчук.

Они закурили. Новоселова отошла от них, потом вернулась.

— Стрельбища не видно,— заявила она.

— Так оно за косогором... А в лесу богато германских солдат. Гражданским ходить там запрещено. Засады да патрули человек по двадцать, убивают насмерть. Жандармы на конях скачут, да с собаками аж из Русавы около лесу до Пржилепи. До лесу ходить нельзя. Специальный пропуск должен быть. Летаки над Гостинскими верхами несут патруль, партизан выглядывают.— Чех говорил не спеша и внимательно смотрел на русских, стараясь понять их реакцию, но ни один мускул на их лицах не дрогнул.

— Покажи, где проходит граница стрельбища,— попросил Драчук и развернул карту.

Лесничий посмотрел на карту, обвел пальцем границу района, в котором ведутся стрельбы, и тихо засмеялся.

— Где-то тут русские десантники ночью прыгнули с летака.— Чех пальцем окружил Лысую гору и прилегающий к ней с запада лесной массив.— Германцы ищут тут, тут... Их гарни-

зоны в Русаве, Хомиж, Брусне, Янковице, Голешове, Пржилепе...

Разведчики вернулись на базу и доложили командиру о беседе с лесничим.

— Если лесник прав и гитлеровские гарнизоны обложили наше предгорье полукольцом, то нам необходимо перебазироваться на северную часть долины Русава,— сказал командир.

— Даже если чех не был подослан к нам, нужно уходить. Наблюдением мы установили наличие солдат вермахта в названных им селениях,— еще раз повторил уже сказанное Драчук.

— Решено. Уходим,— подвел итог Чайковский.

Под вечер разведгруппа «Орел» перебралась на гору Яворчи, и Ползунова передала в Центр радиограмму:

«24 марта благополучно приземлились в районе Голешова. Чернов».

— Внимание! — попросил всех командир.— Намечаю маршрут движения. По тропинке спустимся в долину. Потом идем на запад вдоль речки. По перекинутым бревнам переходим через нее и сразу же берем правее. Огибаем мельницу. Дальше по безымянной речке к горе Буковине и по хребту на восток до Скални. Надо тщательно изучить маршрут и наметить для себя ориентиры: ночь будет темная, да и в случае стычки с противником...

Перед разведчиками с округленной вершины Яворчи открылась величественная панорама покрытых зелеными и серо-коричневыми с белыми проседями громадами горных хребтов, над которыми шапками покоились вершины, поперек и вдоль косогоров проложены стрелками просеки, а покатые склоны желтеют прогалинами и извилистыми зеленеющими горными лугами, вырубками. У самого горизонта хребты теряли свои очертания и сливались с дымчатой голубизной неба.

«Поздравляем с благополучным прибытием к месту работы. Желаем успехов в выполнении поставленных задач. Проявляйте бдительность при передвижении, а также максимальную осторожность при выборе места базирования».

Эту радиограмму из Центра Ползунова приняла у горы Буковина. Оккупационный режим, вероятно, был суровый. Ночью, когда разведчики пересекли долину и двинулись гуськом по косогору, они видели, как к шумевшей неподалеку на пригорке мельнице подкатили на машине гитлеровцы, и сразу же между строениями замелькали тени, раздались гортанные выкрики, кто-то заплакал, кто-то начал браниться, а потом отчаянно закричал, и короткий выстрел оборвал все звуки. Наступила жуткая, давящая тишина, от которой кровь стынет в жилах.

— И на сей раз начальство право: обстановка тут, судя по всему, для нас... Как это сказать? Аховая, что ли? — высказывался Феденко, протягивая радиограмму Новоселовой.

— Какая бы она ни была, но приказ мы обязаны выполнить. Феденко и Новоселова, возвращайтесь к магистральным дорогам. Оборудуйте там место для наблюдения за передвижением противника и будете дежурить до нашего возвращения. Остальные пойдут со мной в глубину гор, где предположительно противник должен будет строить оборонительные сооружения на господствующих высотах. Нельзя допустить потерь у наших в живой силе и технике. Там мы,— командир показал вытянутой рукой на горный кряж, который тянулся с севера на юг,— заодно подберем глухое место. В случае чего, будет где укрыться от преследования.

Поиск вражеских укреплений на горном хребте оказался очень трудным. С виду покатые склоны, образующие долину, по которой проложена асфальтированная дорога, были изрыты многочисленными глубокими оврагами. Пересекая их, Чайковский и Драчук выбились из сил, прежде чем достигли восточной части подножия горного кряжа. Не легче оказался и обратный путь по хребту косогора к седловине, в которой осталась на день Ползунова.

— Обнаружили? — поинтересовалась Ползунова, выходя навстречу командиру из зарослей.

— Нет,— прошептал Чайковский и сразу же прижался плечом к стволу бука.

— Устал сильно? — спросила Алевтина.

— Немного. Но ничего, в пути передохнем.— Дыхание у него успокаивалось, но на красном от внутреннего жара лице пот не выступал. Оно было сухое, с темными полосами от выступившей соли. Павел провел по лбу ладонью и тихо заметил: — Как мелкая наждачная шкурка кожа стала. Я пойду, догоняйте.

Он закинул за спину поданный Ползуновой вещевой мешок, но с места не двинулся. Так он и стоял до тех пор, пока в прорези седловины не появился Драчук.

— Я пошел. Догоняйте,— еще раз повторил он свое решение и нехотя оторвал плечо от бука.

— Беготни много, проку нет,— ответил на молчаливый вопрос радистки Драчук с явным разочарованием.

— Запомни! — шепотом произнесла радистка и тихо продолжала: — Все поступающее от разведчиков весьма важно. Есть оборона, нет ее — вот что интересует наших.

— Да знаю я все это. Если бы фашисты отливали тут доты или готовились завалить скалу на дорогу...

— Ты был бы молодец, доложив об этом,— перебила его Алевтина.— А красноармейцам каково? Топают себе и топают, а сколько еще погибнет. Об обороне фрицев надо знать все!

Драчук поднял голову и медленно обвел глазами горы. Он рассматривал их так, словно видел впервые.

— Пожалуй, да. Надо, очень надо, чтобы освободили эту местность малой кровью,— соглашается с Алевтиной Яша.

Путь разведчиков лежал по заброшенной дороге, проложенной вдоль косогора, спускающегося к истокам долины реки Русава. Звери и птицы в этом краю были непуганые: серны неохотно покидали горные луговины, а куропатки, заметив приближающихся людей, убегали, прятались неподалеку, лишь тетерева, громко хлопая крыльями, проносились в просветах стволов и проваливались в междугорье.

В этой спокойной и мирной обстановке Чайковский еще издали заметил беспечно идущего ему навстречу мужчину. «Побеседую с ним, пожалуй»,— решил командир и сразу же засомневался в пользе от встречи с гражданским, который живет и работает здесь, вдали от магистралей, по которым двигается вражеская техника. «Себя покажем, а прок?» — Чайковский хотел метнуться к ближайшим кустам, прикинул до них расстояние и с горечью отметил, что укрыться не успеет.

— Кто будешь? Где живешь? Куда идешь? — словно допрашивая, спросил разведчик парня, хотя по засмоленной одежде и так было ясно, что перед ним лесоруб.

— Станислав из Хомиж, что в долине у Голешова,— представился чех.— Я рубщик леса, а вы кто будете? — поинтересовался он и сразу же заглянул через плечо на подходившего к ним Драчука.

— Из плена мы бежали,— пояснил Чайковский.— С продуктами у нас плохо. Может быть, поможешь?

— Помогу. Почему не помочь? Вот, держите.— Чех быстро сдвинул с бока на живот сумку и достал из нее что-то завернутое в белую тряпку.— Всем помогаем, кто нуждается. Только борьбу с германцами не все ведут,— сказал, зло усмехнувшись, и забросил сумку за спину.

Кивнув головой в знак благодарности, Чайковский принял от чеха продукты, прикинул на руке их вес и, засунув их за пазуху, поморщился. Парень неизвестно почему раздражал разведчика своими незаслуженными упреками.

— Где скапливаются войска? Где строится оборона? — строго потребовал он быстрого ответа.

— На севере от...— заторопился Станислав и уперся глазами в начищенные до блеска сапоги собеседника.

Чайковский едва заметно улыбнулся. На душе у него стало

веселее. Он догадался, что парень принял его за провокатора.

— С детства привык следить и содержать в чистоте одежду и обувь,— доверительным тоном пояснил он.— В Бессарабии родился, семья большая, работать пошел рано. Давай присядем: ноги гудят от ходьбы,— он показал на поваленное дерево и, когда они вдвоем сели, а Драчук отошел немного в сторону, чтобы знаком попросить Ползунову не подходить к ним (чеху не следовало знать, что среди разведчиков есть девушка), продолжил:

— Тяжело все доставалось, вот и берегу. А ты уже решил...

Чех смутился, советский парень произнес последние слова с искренним укором, и держался он просто, разговаривал как с другом.

— Так, так, оно, пожалуй, так,— пробормотал Станислав, пожав плечами, и опять его глаза стали добрыми, доверчивыми, будто наполнились чистой, прозрачной водой.— Сам тяжелой жизнью живу. Кончил среднюю школу — топор и пилу в руки. Пилю теперь. У нас не то что у вас — учиться много не позволяют.

— Это ты правильно заметил: при Советской власти любое желание исполняется. Я в институт поступил учиться, да пока не закончил — ушел воевать. Так-то, товарищ.

Чайковский не обманул, сказал правду, и чех ему поверил, а когда узнал, куда они идут, быстро начал убеждать их:

— Не идите в ту местность. Риск будете иметь большой: германцы по лесу много ходят, ветки рубят до роста человека, к дороге поэтому близко и тайно не подойдете. У Луковичек, там они,— Станислав показал рукой на юго-запад,— гестаповцы искали десантников, нескольких гитлеровцев ваши постреляли насмерть и ранили. «Чистый эсэсовец» есть в Голешове, так мы его кличем, на авто посадил всю казарму и до лесу. Бункер нашли. Десантников нет. Гестапо схватило пять чехов. Мучили их и расстреляли на перекрестке меж Каличин и Требачище...

Потом Станислав рассказал об акциях вроде бы неизвестных ему подпольных групп, но излагал их боевые действия с такими подробностями, что командир разведчиков невольно убеждался в том, что чех сам участвовал в схватках с противником. Чувствовалось, что он люто ненавидит фашистов, готов пойти на любой риск, лишь бы освободить свою родину. Однако слишком откровенный рассказ насторожил не только Чайковского, но и привыкшего действовать с риском Драчука.

— Уж слишком он «раскрывается»,— высказался Драчук, когда они втроем обсуждали встречу со Станиславом.— Не настоящий он чех...

— Допекли их фашисты, поэтому и зла не могут сдержать,— высказалась Ползунова.

— Заставим действовать осторожно, осмотрительно. Главное — это то, что он из рабочих, а такие люди не подводят,— закончил обсуждение Чайковский.

Его первое впечатление оправдалось. Станислав стал помогать разведчикам, познакомил их с другими участниками местного подполья.

Обследование местности в двух секторах было закончено. В перелеске под горой Кржидло, у деревни Хомиж, был организован наблюдательный пункт, из которого круглосуточно велось наблюдение за передвижением войск противника.

— Место хорошее, видимость отличная, но в случае, если нас там обнаружат, отходить некуда, кругом поля,— сказал Чайковский после того, как провел в перелеске целый день.— Придется подыскать другое место. Оно будет основным, а это запасным. Теперь нам необходимо обследовать южный сектор Гостинских гор. Туда пойдут Драчук и Новоселова.

С базы они ушли днем.

— Знаешь, почему Гриша выбрал именно этот перелесок,— спросил Драчук у напарницы, когда они шли в сторону Фриштака и начали спуск с горы неподалеку от тропинки, что вилась вдоль хребта к перевалу.

— Видимость хорошая. Но риск большой.

— Как бы не так! Не знаешь ты нашего Гришу. Для него чем невероятнее вариант, тем лучше, и я с ним полностью согласен. Так безопаснее, значит, меньше риску. Скажи мне, пожалуйста, где немцы станут нас искать: в лесу или в чахлом кустарнике?

— Пожалуй, он прав,— согласилась Новоселова.

— Он такой. Вот увидишь, он себя еще покажет.

Всю ночь они двигались вдоль хребта, на восток, по хорошо утоптанной тропинке, лесом. Впереди на приличном расстоянии от напарницы, готовый в любую секунду открыть огонь или замереть на месте, в зависимости от обстоятельств, шел Драчук. От постоянного напряжения он устал, и слух у него иногда притуплялся, не улавливал всех звуков, которыми был полон лес в эту весеннюю ночь.

...К обеду на другой день разведчики добрались до района города Фриштак. Перед ними во впадине дымилась походная кухня, рядом с ней солдаты вермахта чистят минометы крупного калибра. Несколько в отдалении стоит одинокий дом, у речки шумит мельница, за ней сплошными шеренгами вытянулись дома, над которыми возвышаются два костела.

Катерина осмотрела открывшуюся долину и противоположные горы, пустынные поля между ними.

— И тут оборона не возводится,— сказала она.

За несколько дней действий разведгруппы в глубоком тылу противника бойцы провели поиск во всех секторах своего района и убедились, что Гостинские горы гитлеровцами не укрепляются. Лишь в северной части этого горного массива велись земляные работы. Об этом в Центр ушла радиограмма:

«Противником ведутся работы по возведению противотанковых заграждений на рубеже Кельч, Собехлеби...»

За ней последовали и другие сообщения в Центр:

«...На Голешов прошло 6 железнодорожных эшелонов противника. Принимаем меры по уточнению характера перевозимых грузов».

«...Из Голешова в восточном направлении проследовало 7 железнодорожных эшелонов. При этом из 130 вагонов 23 были с личным составом, 21 вагон с автомашинами, 6 вагонов с артиллерийскими орудиями».

Разведгруппа теперь круглосуточно вела наблюдения за продвижением войск противника и регулярно передавала сведения в Центр.

Немедленно уничтожать партизан, десантников, подпольщиков — с такими категорическими указаниями следовали приказы начальнику полиции города Голешова, подчиненные которого и так целыми днями прочесывали лесные массивы, скакали на лошадях по горам и, не жалея патронов, обстреливали чащобы и бросали гранаты в глубокие впадины.

Каждый раз, когда начальнику отделения службы безопасности докладывали о запеленгованных в горах радиостанциях, он принимал хмурый вид, придвигался ближе к массивному дубовому столу и приглашал к себе обер-лейтенанта, командира подразделения вермахта, которое в этом районе вело борьбу с антифашистами.

Если посмотреть со стороны, то отношения между шефом службы безопасности и офицером вермахта, который мечтал о службе в войсках СС, были нормальными, чисто служебными и независимыми. На самом же деле при беседах они напрягались, взвешивали каждое слово.

В этот раз обер-лейтенант вошел в кабинет майора, предвкушая успех. Сделав отчет об акциях, проведенных против партизан, он стал бойко, уверенно излагать перспективный план. Майор внутренне усмехнулся. Откинувшись на спинку стула, он прервал доклад:

— У вас, обер-лейтенант, успехи. Следует доложить о них в Злин. Рекомендую обратиться в свой штаб с просьбой совер-

шить бомбовый удар по районам, в которых предположительно есть работающие нелегальные радиостанции.

От удивления у обер-лейтенанта расширились глаза.

— Полагаем, самолеты не смогут точно выйти на цели, координаты радиостанций очень приблизительны.

— Есть и другое мнение,— тихо, словно о большой тайне, говорил шеф СД.— Надо выделить побольше самолетов и обработать леса в горах.

— Бензина мало.

— Будет еще меньше, если диверсанты ликвидируют эшелоны с ним. Какие дополнительные меры намерены предпринять вы, обер-лейтенант, по обеспечению безопасности движения поездов в охраняемом вашими подчиненными районе?

— Солдаты устали.

— На фронт... Всех их на фронт! — вдруг вскинулся майор и провел ладонью по своей крупной с тонкими волосами голове.

После полудня Чайковский и Феденко вернулись на базу. Девушки, о чем-то весело беседующие, сразу притихли.

— Что случилось? Почему вы здесь? — строго спросил командир у Новоселовой.

— В предгорье по населенным пунктам гестаповцы и полицаи гоняют на грузовиках и мотоциклах. В кузовах некоторых грузовиков видели гражданских, судя по всему, это были арестованные. Вероятно, фашисты проводят массовые облавы. Драчук на наблюдательном пункте. Сменить его не смогла: по кромке леса засада,— доложила Новоселова.

— И в нашем секторе та же картина,— сказал командир и, протягивая Ползуновой составленную радиограмму, распорядился:

— Передай в Центр. И непременно работай из какого-нибудь нового места, подальше от базы.

Для сеанса связи радистка выбрала глухую балку, рядом с заросшей вырубкой. Сориентировалась по компасу и только после этого сказала, в какую сторону тянуть антенну. Ключ в руках девушки уже стучал, и слабый свет от лампочки на панели рации давал знать, что сигналы несутся в эфир, вырываясь из рации.

К радистке подошел командир.

— По-моему, ты волнуешься. Пеленга боишься?..— тихо произнес он.

Брови у девушки дрогнули, нахмурились. Она не любила, когда ей мешали вести связь.

— Да? —допытывался Павел.

— Ничуть...— договорить она не успела: ближе к вершине горы Град затрещали ветки, и короткий взрыв резанул тишину.

Чайковский распластался на земле. Ползунова прижалась к нему, но и в этом положении продолжала стучать ключом.

Шквальный огонь обрушился на участок леса, из которого работала рация. Вокруг рвались мины. Земля дрожала. Дым клубился. Осколки шлепали по деревьям, по камням.

После первого взрыва на лице радистки появилось непонятное выражение; его можно было принять и за страх, и за собранность воли, которая молниеносно овладела этой хрупкой девушкой и заставила ее не прерывать сеанс связи. Она стучала ключом, словно обстрела и не было.

Тишина наступила неожиданно. В ушах командира стоял звон. Едкий дым врывался в ноздри, хотелось чихнуть. Постепенно слух восстановился. Мирно журчала река Мояна под косогором, тревожно перекликались птицы. Но вот на противоположной вершине горы Яворче взметнулось пламя. Рука радистки остановилась, потом неуверенно что-то отстучала и беспомощно опустилась.

С удивлением Чайковский уставился на девушку, заглянул в ее наполненные слезами глаза, потом положил свою руку на ее плечо и натянуто улыбнулся.

— Ты у нас, Аллочка, молодчина, удар отвела.

— Да уж ладно...

Она отпила из бутылки глоток воды, выключила рацию, сняла наушники и склонила голову. Плечи ее слегка вздрагивали.

Возбуждение еще не улеглось, когда подошла Новоселова.

— Вы живы? — с волнением спросила Катя, сверкая наполненными слезами глазами.

— Как видишь. Плохо стреляют, в троих человек не могли попасть. Я бы их за такой обстрел под суд отдал. Правильно говорю? — обращаясь к друзьям, балагурил Феденко.

Его веселое настроение передалось разведчикам. Они заулыбались.

Чайковский задумался, склонив голову. Радиостанция разведгруппы, по-видимому, обнаружена, а это значит, что немцы сделают все, чтобы прекратить или в крайнем случае ограничить деятельность группы. Продвигаться по лесу станет рискованно, а находясь на одном месте, не узнаешь, что происходит в другом. Нужны надежные помощники, которые свободно могли бы следить за гарнизонами гитлеровцев, бывать на железнодорожной станции и узнавать, что перевозят фашисты на крытых брезентом платформах и в вагонах.

— Итак, решено,— словно продолжая размышления, заявил командир.— Надо рисковать. С подпольщиками встретится

Драчук. С помощью того чеха, который вывозит дрова из леса. Сегодня при встрече с ним скажешь, что нам крайне необходима их помощь.

— Командир, разреши мне с ним для безопасности, целевым назначением,— обратился к Чайковскому Феденко.

— Разрешаю, но чтоб чехи тебя не видели.

Ближе к вечеру они вдвоем были уже на той возвышенности, где назначалась встреча с чехом. Темнота сгущалась быстро. Птичий щебет в лесу умолкал, журчание реки усиливалось. В расщелине, что спускалась к долине, раздались шаги. Кто-то прямиком поднимался в гору. Судя по шороху веток, он дважды останавливался, вероятно, прислушивался и торопился дальше.

— Лучше умереть, чем попасть в гестапо. Если что, то стреляй без промедления и в меня тоже,— шепнул Драчук на ухо напарнику.

— Ты как поздороваешься, то палец сдвинь сюда. Так, правильно. Пульс чувствуешь? Если он у него замрет, то не ходи, а если участится, значит, радуется, топай за ним смело,— пошутил Феденко и исчез в темноте.

Пульс у чеха не остановился, и лицо вроде довольное — в темноте Драчук не смог рассмотреть его как следует.

Через полчаса они были уже на равнине. Непроглядная лесная тьма здесь вроде бы и поредела, но видимость не улучшилась, и Драчук скорее угадывал, чем видел, быстро шагающего впереди чеха. Где-то справа почти рядом журчала вода. Потом шум стал затихать, впереди же засерел луг и обозначились строения. К ним катилась машина, тускло посвечивая на дорогу фарами. Чех заторопился, подбежал к железнодорожному мосту и присел. Драчук опустился с ним рядом и повернул голову на север. Там в ночной темноте все четче и яснее обозначились красные пятна. Это приближался паровоз. Толкая впереди себя три груженые платформы, он двигался медленно, чтобы в случае взрыва под колесами платформы быстро затормозить. Пока паровоз гремел по мосту, чех с Драчуком проскочили под его сводами и устремились к бурлящему перекату, потом перешли через шоссейную дорогу...

Длинный извилистый путь проделал Драчук за чехом, пока добрались они до селения Тучапы. Чех ушел в дом. На секунду от ближайшего дерева отделился Феденко и исчез.

— Заходите,— кто-то пригласил разведчика и распахнул перед ним дверь.

Раздвинув штору, прикрывающую дверь, Драчук очутился в помещении, освещенном огоньком стоящей в середине длинного стола лампы. После темноты Яша видел хорошо и поэтому быстро оценил обстановку в комнате.

— Пива хотите? — спросил хозяин дома.

— Нет, а от еды не откажусь.

Хозяин поставил перед сидевшим Яшей тарелку с колбасой и пожелал приятного аппетита.

Шаркая подошвами, в комнату торопливо вошел мужчина среднего роста, с полным лицом и очень радостными глазами.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой товарищ. Я — Франтишек. Мы, то есть все наши, кто ненавидит фашистов, рады встрече. Мы можем оказать вам помощь.

Улыбка на его лице так и играла, он искренне радовался встрече.

Уходивший в другую половину дома хозяин привел в комнату стройного худощавого мужчину.

— Януш,— представился он и, щелкнув каблуками, поинтересовался: — С кем имею честь?..

— Представитель Красной Армии.

— Назовите, пожалуйста, звание командира,— попросил Януш.

— Капитан Чернов.

— Капитан? — удивился Франтишек.— Это очень приятно.

Драчук и антифашисты беседовали минут пятнадцать. Довольный результатами встречи, Драчук вышел из дома, с облегчением вздохнул и вздрогнул: рука Феденко легла на его плечо. До базы они добрались благополучно.

В дальнейшем подпольщики предупреждали десантников о намечаемых в Гостинских горах облавах, указывали район, где противник будет проводить карательные операции. Поэтому разведгруппа заблаговременно перемещалась из одного района в другой, но далеко от контролируемых ею дорог не отходила.

Разведчиков радовали успехи Красной Армии. От фашистских оккупантов уже была освобождена почти вся Словакия. Соединения наших войск вступили на территорию Моравии... Народ Чехословакии усиливал борьбу против гитлеровцев.

Чайковский треб͏овал от своих подчиненных активизации работы: штабу фронта сведения нужны как хлеб, как воздух. Сам он решил повидаться с Янушем и уточнить кое-что.

На встречу он отправился вместе с Ползуновой. Беря с собой радистку, командир надеялся на ее опыт работы с иностранцами и, главное, хотел лично познакомить ее с подпольщиком на тот случай, если — он боялся признаться даже себе — погибнут все разведчики в боях, кроме радистки, то ей придется выполнять приказ Центра с помощью местных жителей.

— Хорошо, ко времени вы прибыли. Теперь и у нас дела пойдут хорошо,— говорил рослый мужчина лет тридцати и теребил от радости бородку.

При виде красивого, статного мужчины Алевтина заулыбалась.

— Держите от моей хозяйки подарок. Угощение не очень богатое, но, как только угоним фашистов, устроим для вас славный банкет в ресторане «Виктория» — самый наилучший у нас,— пообещал он, передавая набитую сумку Ползуновой.

— Очень благодарна,— произнесла она и опустила глаза.

— Давайте поговорим о деле,— предложил Чайковский.— Чем вы можете нам помочь? Знаете ли о строительстве оборонительных сооружений? О расположении вражеских гарнизонов? О перевозках военных грузов по дорогам? Нас интересует все.

— Мы многое знаем и сможем оказать вам некоторую помощь. Но сейчас вам срочно нужно перебазироваться к Русаве. Лагерь безопаснее раскинуть вон у той вершины,— посоветовал Януш, показывая на восток.

Он говорил негромко, с искренним желанием помочь советским товарищам.

— Почему мы должны уйти именно туда? — спросил Чайковский.

— Завтра тут будет облава. Там будет спокойнее и безопаснее.

— Эти сведения точные?

— Да. Мы имеем надежного человека в полиции. Он имеет возможность предупреждать нас об облавах, о местах, где они будут проводиться.

— Спасибо, товарищ Януш. Скажите, пожалуйста, в каких населенных пунктах есть вражеские гарнизоны?

Януш ответил и на этот вопрос. Его ответы были обстоятельными, конкретными.

— Вы чем-то озабочены? — поинтересовалась Ползунова у Януша.

Он повернулся к ней лицом. На впалых щеках горел нездоровый румянец, и видно было, что он расстроен, что у него большое горе; ничего не осталось от былой приподнятости и энергии.

— Заболели, что ли? — допытывалась Алевтина.

— Нет! Жену с сыном арестовали. Я же вот сижу в безопасности здесь.

— Ой! Надо же такому случиться.

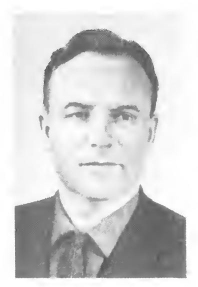
— Жена настояла, чтобы я скрылся, и я это сделал. А она с сыном страдает.

— Что думаете делать? — поинтересовался Чайковский.

— К партизанам иду.

У разведчиков помощи он не просил, ибо понимал, что его семью им не выручить.

— На днях в Визовицкий замок прибыл крупный фашист. Говорят, сам Гитлер недавно наградил его «Дубовыми листьями к рыцарскому кресту». Берегитесь этого зверя, он жаждет крови. Прибудут сюда, наверное, и отборные бандиты из карательных частей. Среди них много белогвардейцев и их сыновей. Не вступайте с неизвестными в контакт.

Яков Драчук. 1967 г.

Екатерина Новоселова. 1958 г.

Нарисовав столь невеселую перспективу, Януш, покачиваясь из стороны в сторону, ушел. Ползунова и Чайковский остались сидеть на валежнике. На душе у них было тревожно.

На следующий день, после полудня, Драчук и Новоселова, выполнив очередное задание, находились уже далеко от опасной зоны и были уверены, что впереди противника нет. Путь их лежал по пологому скату ущелья, через густой лиственный лес, ветви которого переплелись настолько плотно, что сквозь них едва было видно закрытое легкими облаками солнце.

Яша шел впереди, Катерина за ним. Издали донесся рокот воды. Услышав его, девушка подумала о привале, который они скоро сделают. Но неожиданно она вздрогнула: ведущий с поднятым автоматом пятился назад, поближе к зарослям, возле которых остановилась разведчица.

— Что? — не шевеля губами, спросила она, когда Драчук приблизился к ней.

— Немцы у речки. Слышишь?

С минуту разведчики оставались на месте, потом Драчук движением руки предложил напарнице отходить первой. Новоселова осмотрела заросли и, наметив маршрут, стала бесшумно углубляться в них. Наконец-то и речка. Упругий поток давит на ноги, подошвы скользят, из-под них тянется шлейф мутной воды. Драчук смотрит на него со злостью, он понимает, что противник по нему может догадаться, что происходит.

По промоине разведчики выбрались из ручья и разом упали: напряженный слух уловил характерный лязг автоматных затворов.

— Огонь! — прозвучало по-немецки оттуда, где был враг, которого обошли разведчики.

Несколько близких очередей. По стволам деревьев застучали пули. Треск отсеченных веток. Затем — тишина... Разведчики залегли в яме, огляделись. Они понимали, что противник стрелял наугад, с надеждой веером выпущенных пуль поразить кого-нибудь.

Не спеша, опасаясь очередного обстрела, разведчики выползли из ямы, перевалили через бугор и под его прикрытием, согнувшись, прокрались к зарослям кустарника. В них вроде бы и никого нет, но березу с тревожным криком покинула малиновка. Разведчики замерли.

— Вперед, на восток. В случае чего... прикрою,— прохрипел Драчук и показал автоматом на покатый склон ложбины, которая тянулась к горному кряжу.

Подъем к перевалу тяжелый. Земля в вековом бору покрыта толстым слоем гнилых иголок. Они выскальзывают из-под ног. Сердце рвет грудь. Впереди о камни цокают подковы, сопят лошади. Над лесом взметнулась красная ракета. Разведчики замерли у просеки. Топот приближался. Вскоре между деревьями замелькали всадники, а затем цоканье подков стало удаляться.

— Пронесло,— Драчук облегченно вздохнул, спустил со спины тяжелый вещевой мешок.— Отдохнем.

Голубые вены на его потной шее вздулись. Парень сел на землю. Новоселова прислонилась к дереву, голова у нее кружилась, лямки от мешка и автомата врезались в девичье плечо. Легкий ветерок обдал ее разгоряченное лицо прохладой.

Там, где поднимались в гору разведчики, залаяла собака. Драчук вскочил, глянул вниз и оцепенел: из закрытой туманом расщелины на просеку выскочили два солдата с собаками, а за ними косяком конники.

— Минут через тридцать они нас настигнут, а до темноты... пожалуй, с час будет.

— Надо обогнуть вершину горы Маливка, за ней развилка: четыре тропинки уходят от седловины. Там следы запутаем,— предложила Новоселова.

— Хорошо, попробуем. Двинулись,— распорядился Драчук.

В создавшейся обстановке разведчикам необходимо было, сохраняя силы, выиграть время, не дать преследователям увидеть их и приблизиться на расстояние винтовочного выстрела. Они быстро спустились с косогора, на котором росли стройные ели, пересекли впадину и начали подъем к горному кряжу по смешанному лесу.

Выдерживая нормальный темп ходьбы и не позволяя противнику сокращать дистанцию, разведчики забрались на макушку горы и с радостью уставились на уже нависшую над их головами черную тучу, которая стремительно надвигалась с юга. В лесу становилось сумрачно. Вершины деревьев гудели, но ветер был еще слабый и видимость хорошая.

От ненастья разведчики укрылись в охотничьем домике. Драчук спал. Новоселова дежурила.

Ветер выл, дождь хлестал по тесовым стенам, барабанил по ветхой крыше, врывался в оконные проемы, закручивал пыль и мусор в избушке. Где-то неподалеку с треском и свистом рухнуло дерево, кто-то вскрикнул, глухо прогремел отдаленный взрыв, и непроглядная тьма дрогнула.

Разведчица поежилась. Ей послышалось, что ветер донес еще один отдаленный взрыв и стрекот автоматов, и опять там, на гребне горы, заколебалась тьма от белых вспышек, показалось, что они приближаются, нарастают. «Нет, это невозможно»,— убеждала она себя и подошла к окну. Дождь, как иголками, хлестал в девичье лицо, в широко раскрытые глаза, которые вроде бы видели яркую точку пламени.

— Нет!.. — едва успела промолвить Новоселова, как дробные выстрелы прорвались сквозь шум бури.

— Яша, немцы! — крикнула она.

Разведчик вскочил, схватил сразу оба мешка и метнулся из дома, Новоселова за ним. Ветер обрушил на них поток воды, качнул, стараясь повалить с ног. Вцепившись друг в друга, разведчики покатились по скользкой земле вниз, к кустам. С треском сверкнул взрыв, на секунду тьма отлетела. Миг, короткий миг, но даже его было достаточно, чтобы успеть заметить среди толстых стволов деревьев всадников.

Опять кромешная тьма и раскатистый до боли в ушах грохот. Освещенный изнутри дом дрогнул и исчез. Новоселова вскочила, отступила на шаг, стукнулась спиной о дерево, обер-

нулась назад — напарника нет, побежала вперед и полетела в вымоину.

Все. Тишина. Ветра здесь под обрывом почти нет. Он там, выше, гудит, свистит. Там строчат автоматы. «Кажется, жива». Катя пошевелила ногами, руками: боли нет.

— Яша! — тихо позвала она.

— Здесь я, не кричи. Цела?

— Да, а ты?

— В порядке. Уходить надо, а то, чего доброго, гранату сюда могут швырнуть,— говорит невидимый в темноте Драчук.

Новоселова почувствовала толчок в бок. Это напарник передает ей мешок. Теперь он почему-то не такой тяжелый, как раньше, но плечи от него все же болят.

На базу они пришли мокрые, уставшие.

В то утро Чайковский и Феденко вернулись на базу раньше обычного. Командир был чем-то расстроен. Девчата подали ребятам завтрак, и они молча поели. Потом Чайковский лег на разостланную плащ-палатку. Феденко же сел рядом с ним, уперся грудью в обхваченное руками колено и примирительно попросил:

— Не огорчайся. Деньков через тройку опять там засядем.

— За дураков их считаешь? — недовольно спросил командир.

— Никак нет! — ответил Феденко.— Умненькие они. Однако помяни потом мое слово, с послезавтра жандармы заглядывать туда не станут.

— Посмотрим,— пробурчал Чайковский и отвернулся от собеседника, давая понять, что разговор окончен.

Разведчицы переглянулись. Новоселова пожала плечами, подсела к Феденко и шепотом поинтересовалась:

— Что случилось?

Гриша скривил губы в усмешке, щелкнул пальцами и на ухо девушке пояснил:

— Кавалеристов бабахнули.

— И наблюдательный пункт потеряли,— добавил Чайковский.

— Псина во всем виновата,— Феденко оживился, вскочил. — Проснулся он, значит, а она с обнаженными клыками над ним, норовя вцепиться в горло. Он и врезал ей между зубов из автомата. Оправданный поступок. Так ей и надо: не разевай пасть на нашего брата. Потом, естественно, кавалеристы пожаловали, мы их угостили... И сами драпу дали. Ну, я вам, девочки, скажу, летели мы не хуже стрел...

Девчата, прикрывая рты руками, засмеялись. Улыбнулся и Чайковский.

— Порядок,— Феденко потер от удовольствия руки, козырнул и бойко осведомился: — Можно следовать к Драчуку?

— Действуй,— сказал Чайковский.

Феденко, напевая себе под нос какую-то мелодию, покинул базу. Чайковский лег спать. Ползунова с Новоселовой тихо собрались, взяли фляги и, соблюдая осторожность, ушли к впадине, на дне которой бурлил ручей.

До звенящего на плоских камнях холодного потока девчата добрались быстро. Они умылись, налили во фляги ключевой воды и присели отдохнуть на прибитую между деревьями скамейку. Перед ними была луговина, покрытая зеленеющей травой. Рядом со скамейкой на пригорке голубели подснежники. Алевтина нагнулась, сорвала один и, медленно втягивая нежный запах цветка, восторженно произнесла:

— Какая прелесть. Надо же.

— А птицы-то как заливаются. Чудесно,— в тон подруге восхитилась Катя.

День действительно был по-весеннему радостный, звонкий, с пением птиц, писком мышей и далеким, приносимым легким ветерком сиплым криком гуляющих серн. Солнце пригрело девчат. Они расслабились и поэтому не сразу уловили среди лесного шума скрежет кованых подошв о каменистую тропинку, протоптанную вдоль ручья. Поднимающиеся в гору были уже недалеко, когда разведчицы услышали их и, не мешкая, стрелой пронеслись по косогору и свалились в низину.

Не спеша, на тропинку из кустов вышел мужчина со всклокоченными волосами и с синяком под глазом. Пальто у него распахнуто, руки за спиной, от них тянется веревка, за конец которой держится жандарм с металлической бляхой на груди.

— Давай выручим,— раздвигая автоматом оплетенные паутиной кусты, предложила Новоселова.

— Обожди. Смотри, их...— договорить Ползунова не успела, кусты закачались, и на прогалину цепью высыпали жандармы, полицейские и люди в штатском.

Озираясь по сторонам, с напряженными и злыми лицами, ощетинившись оружием, гитлеровцы клином пересекли ручей и, повернув на восток, удалились.

— Прямо на НП двигаются,— забеспокоилась Новоселова.

— Надеюсь, ребята не спят. Гитлеровцы идут шумно, поэтому я уверена, что арестованный — приманка для сердобольных вроде тебя,— упрекнула напарницу Ползунова.

С той стороны, куда ушли враги и где находился наблюдательный пункт, донеслись одиночные выстрелы, застрочили

автоматы, а потом, когда стрельба стихла, небо прочертила красная ракета.

Разведчицы заторопились на базу. Однако приблизиться к отрогу, с которого они ушли за водой, не осмелились. Над впадиной с беспокойной трескотней летали сороки. Разведчики их гнезда обходили стороной. Следовательно, на отрог поднимался чужой. Его должен был заметить оставшийся на базе Чайковский, и он действительно, увидев приближающуюся опасность, перетащил основной груз на запасную базу. Там-то и увидели командира разведчицы.

— Где пропадали? — строго спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжил разговор с Феденко: — Что-то не так у вас там произошло.

— Не веришь? Напрасно. Из-за поворота прямо на нас выскочили. Ясное дело, мы защищались. А как же иначе?

— Слушать надо.

— Ушки были на макушке. Крались они. Трусливые были. Осиновый кол им в могилу с перекладиной и каской сверху.

Чайковский безнадежно махнул рукой и побежал к взгорку, с которого хорошо был виден соседний отрог.

— Необходимо устроить им достойную встречу,— продолжал возбужденно говорить Феденко,— вы, я вижу, на этот случай цветочки принесли. Это хорошо, но оркестра нет, придется воспользоваться автоматами, иначе нельзя: гестаповские голубчики обидятся и в горы перестанут ходить, а без них здесь от скуки умрешь и не встанешь.

— Собаки! — перебила его Ползунова, вслушиваясь в отдаленный лай.

— Они! — произнес Феденко.

— Не за Яшей ли гонятся? — затревожилась Новоселова.

В зтот момент из-за пригорка показался Драчук, за ним Чайковский.

— Значит, так. Феденко встречает их немного ниже, в ущелье,— распорядился командир.— Поставишь немецкую шрапнельную мину, обстреляешь и отойдешь к высоте с отметиной 631. Встретимся там.

Пока командир ставил задачу, Феденко приободрился и всем видом старался привлечь внимание Катерины и показать ей, какой он бравый парень и что с ним никто не пропадет в бою.

— Цветочки,— обратился он к Алевтине,— побереги до встречи.

Долго лежал Феденко в засаде. Три собаки, прижимаясь бок к боку, вытянули за собой из зарослей леса жандармов и полицаев. Едва они успели скрыться за поваленной елью, как из-за

ее пожелтевшего лапника рванулось красное пламя, раздался взрыв. Феденко дал по тому месту очередь из автомата и во весь дух припустился в гору.

На вершине увала Феденко чутким ухом уловил, как на бугре, у подножия которого разведчики должны были сцепиться с противником, трижды цокнула белка. Это Драчук дал знать, что готов к бою. Значит, и он решил, точно так же как и Гриша, встретить врагов в начале зарослей, пока они будут на виду.

Хотя и ждал Феденко появления противника с минуты на минуту, он все же был поражен, когда увидел на хребте людей, идущих рядом с четким следом потревоженной ногами разведчика темно-коричневой полоской на слежавшихся иголках.

Короткой автоматной очередью Феденко резанул по офицеру, который шел справа. Немец сразу обмяк и рухнул у дерева. Остальные замерли, потом заметались и, прячась за редкие стволы, без стрельбы и крика продолжали наступать на заросли. Сдерживая одиночными выстрелами натиск правого крыла шеренги и изредка поливая градом свинца центральную группу, разведчик не упускал из виду и солдат, бегущих слева, которые уже ворвались в кусты и начали обход Феденко слева.

«Живым хотят взять»,— догадался Феденко. Он быстро скатился вниз, вскочил, короткими перебежками достиг крутого ската и нырнул в канаву, прополз по ней до оврага и уверенно зашагал в гору.

В том месте, где заросли кончались и деревья стояли редко, он встретился с товарищами. Они, заняв круговую оборону, поджидали его, чтобы вместе отойти на новую позицию.

Несмотря на те трудности, которые выпали на долю разведгруппы, она действовала. Бойцы изматывались, уставали, но поставленные задачи выполняли и посылали через фронт сведения о дислокации и передвижении войск противника, о строительстве оборонительных сооружений, о расположении складов с боеприпасами. Среди большого потока информации была и радиограмма о совершивших посадку под вечер на полевом аэродроме у Гостинских гор самолетах противника. А утром появились краснозвездные штурмовики. Солнце оторвалось от вершин далеких гор и ослепило солдат противовоздушной обороны, охраняющих подступы к аэродрому, когда, чуть ли не касаясь макушек деревьев, штурмовики пронеслись над горами и, резко снизившись к долине, с бреющего полета одним заходом полили свинцом и забросали бомбами замаскированные самолеты противника. Наши штурмовики пронеслись и исчезли,

а после них остался след дымящихся и горящих самолетов, грохот взрывов, надрывный и очень радостный для разведчиков запоздалый вой сирены.

Через несколько дней после этого смелого налета в разведгруппу стали поступать сведения о том, что противник собирается провести в горах большую облаву.

Тревожное это было известие для разведчиков. Они-то хорошо знали, насколько опасно находиться в центре облавы, которая медленно, но верно станет сужаться, и прорваться через нее будет невозможно: солдаты пойдут плотной цепью.

— Свинцом в себя пулять Гриша не позволит. Он лучше махнет на фашистов рукой и уйдет в деревню... Дело предлагаю, массы, прислушайтесь к роскошному совету,— рекомендовал Феденко, быстро и энергично пережевывая бутерброд.

— Партизаны уже ведут бой. Посередине дороги остановилась вражеская колонна, солдаты начали прочесывать лес,— доложил Драчук. С минуту помедлил и предложил: — В долину надо уходить. Путь к ней открыт.

— А если обнаружат, то погибли. На открытой местности никуда не денешься и по такому полю далеко не уйдешь. Не дело предлагаешь,— сказал Чайковский.— Пойдем к деревне и укроемся.

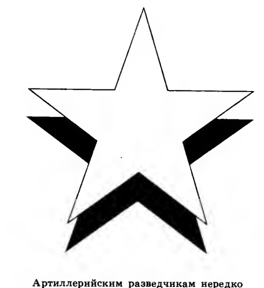
Разведчики накинули на спины тощие вещевые мешки, взяли в руки оружие и начали спускаться вниз.

Вытянувшись цепочкой, строча из автоматов, под лай собак, солдаты прочесывали горы. А разведгруппа, надежно укрывшись, отдыхала, набирала силы для предстоящих боев и походов. Война еще не кончилась, и впереди были тяжелые, суровые испытания.

Разведгруппа выполнила поставленную перед ней задачу. Подразделения 18-й армии, преодолев Гостинские горы, вышли на равнинные просторы и устремились к восставшей Праге...

Давно отгремела Великая Отечественная война, давно вернулись с последнего задания бойцы разведгруппы «Орел» и занялись мирным трудом. Теперь уже нет в живых Григория Андреевича Феденко и Якова Григорьевича Драчука. На заслуженном отдыхе Павел Иванович Чайковский, он живет в молдавском городе Бендеры. Екатерина Васильевна Новоселова (Сидоренко) живет в Краснодаре. В Москве живет Алевтина Владимировна Ползунова. Она почетная гражданка села Хомиж.

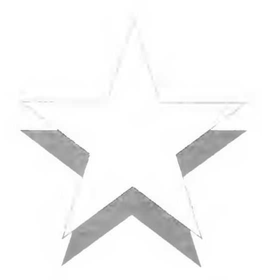
В чехословацком кинофильме «Легенда о живых и мертвых» плечом к плечу с антифашистами действуют наши парни и девчата из разведгруппы «Орел».

**Артиллернйскнм разведчнкам нередко
прнходнтся быть впередн пехоты,
до вражескнх окопов нм порой блнже,
чем до своих. Начальнчк разведкн
артднвнзнона 132-го гвардейского
артнллернйского полка
Б. В. Кравцов участвовал
в Сталннградском сраженнн,
боях на Укранне, форснровал Днепр...
Однн нз соратннков
Борнса Васнльевнча вспомннает:
«Он с раднстом н разведчнкамн
постоянно находнлся
на переднем крае: под шквальным
артнллернйскнм н пулеметным
обстрелом немцев
корректнровал огонь нашнх батарей,
чем обеспечнвал успешное
продвнженне подразделеннй полка.
В конце декабря 1943 года
Кравцов был тяжело ранен...
Долгое время счнталн его погнбшнм...»**

И. Рашковец

Считали его погибшим

Борис Кравцов

Пожелтевший от времени снимок датирован августом грозового сорок первого. На нем запечатлены двое: постриженный под машинку, словно чем-то удивленный юноша-призывник и миловидная светловолосая женщина с озабоченным лицом и такой щемящей печалью в глазах, что сразу все становится понятным. Конечно же это она, мама Бориса Кравцова, в день его проводов в армию.

До боли стиснув зубы, чтобы не разрыдаться, провожала она своего старшего сына в то неведомое, куда месяцем раньше уже ушел добровольцем ее муж. В ту пугающую грохотом даль, из которой уже нередко поступали «похоронки», возвращались домой на костылях или в сопровождении медсестер тяжело раненные бойцы. А из больших, укрепленных на столбах репродукторов призывно, как набат, звучали, западая в душу, слова:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна:
Идет война народная,
Священная война!

В августе 1941 года недавний выпускник московской 131-й средней школы Борис Кравцов был направлен в военное артиллерийское училище.

В училище Кравцов ехал в теплушках с такими же, как и он, стриженными наголо парнями. По прибытии к месту учебы их разместили в казарме-бараке. Вместо привычных кроватей — дощатые нары, на них матрасы, набитые соломой. И сразу же, с ходу, учеба: все дни, а нередко и ночи строевая и физическая подготовка, арттренажи, марш-броски, изучение оружия и боевой техники, уставов, военной топографии. В то время, как известно, жизнь, быт и обучение войск были максимально приближены к боевым условиям: «Делать все так, как нужно на войне!»

Всю двухлетнюю программу надо было освоить за семь-восемь месяцев. Тяжело? Да. Но возможно. Учились курсанты добросовестно, жадно. Дисциплина и исполнительность были высочайшими. Понимали: война не потерпит недоучек.

...Шел апрель 1942 года. Позади десять месяцев жесточайших сражений советских войск с немецко-фашистскими захватчиками. Завершилась битва под Москвой, развеявшая миф о непобедимости гитлеровской армии.

В те дни Борис Кравцов, только что окончивший военное училище, был направлен в действующую армию, на Юго-Западный фронт. В отделе кадров ему сказали, что служить будет в 278-й стрелковой дивизии — командиром взвода разведки артиллерийского дивизиона.

До штаба дивизии, державшей оборону в районе села Новый Бурлук, он шел пешком. Весна была в разгаре — густо зеленела у дороги трава-мурава, кое-где алели полевые цветы, на яблонях появилась завязь. Тихо и тепло вокруг. И казалось, нет никакой войны.

Но к вечеру, приняв свой взвод, он уже отправился засекать цели на переднем крае противника. Сопровождал его сержант Ищенко, учитель по своей мирной довоенной профессии. Да и вообще все его подчиненные были старше юного лейтенанта и по возрасту, и по житейскому опыту — два учителя, директор школы, бригадир колхоза и другие. Это поначалу несколько смущало Бориса. Но со временем все прошло.

Сначала Ищенко провел лейтенанта по опушке леса, потом они перепрыгнули через речушку, вскарабкались на край оврага и стали рассматривать в бинокли ту, «чужую» сторону. Разглядели два блиндажа, несколько дзотов, издали напоминавших холмики. Кравцов прикинул, как учили, расстояние до целей и перенес их на карту. Подумал: «Хорошо бы стукнуть по фрицу из орудий!»

Но этого не произошло. Почему? Разве мог новичок взводный знать, что начавшееся 12 мая наступление наших войск под Харьковом через неделю приостановится. В ходе кровопролитных боев превосходящим силам врага удалось прорвать оборону у барвенковского выступа и нанести удар в тыл войскам Юго-Западного фронта. Вскоре окруженные соединения и части получили приказ отходить на восток. Отступал и взвод Бориса Кравцова.

Положение осложнялось тем, что в небе господствовала авиация противника, не давали покоя вражеские артиллерия и танки. Тут впервые Борис увидел раненых и убитых.

Шли молча под теплым моросящим дождичком почти двое суток. Когда, выбившись из сил, сделали привал, то отошедший к дороге сержант Махибразюк — бывший директор школы из-под Винницы — вдруг не проговорил, а прямо-таки выкрикнул: «Прыколотное! О, куды дотопалы. Оцэ ж уже кончается граныця Харкивщины!»

Кончились села с белыми украинскими хатками, начались донские станицы. Только здесь, в излучине Дона, севернее Сталинграда, дивизион получил приказ занять оборону, вырыть ходы сообщения, оборудовать блиндажи, замаскировать орудия. Настроение бойцов поднялось, понимали, что располагались основательно, значит, отступлению конец. А вскоре это было подтверждено приказом наркома обороны Сталина, № 227 от 28 июля 1942 года, категорически потребовавшим: «Ни шагу назад!» Сознание нависшей над Родиной опасности придавало воинам новые силы, укрепляло их решимость выстоять.

Взвод лейтенанта Кравцова делал свое дело: засекал огневые точки, командные пункты и расположение боевой техники противника, окопавшегося напротив, у станицы Распопинской.

— Здесь я по-настоящему понял,— вспоминает Борис Васильевич,— что такое артиллерийская разведка: нередко приходилось быть и впереди пехоты, за передним краем. Иногда за боевое охранение ползем — эдак метров двести вперед, до вражеских окопов ближе, чем до своих. Донесет, скажем, войсковая разведка, что огневая точка врага вон около тех кустов, а мы обязаны это перепроверить. Я должен поймать ее в стереотрубу или бинокль, сообщить координаты и корректировать огонь наших батарей. У нас рация с собой, и мы даем координаты по радио. А бывало, что и по телефону. Иногда так близко от немца расположишься, что слышишь его речь, подаваемые команды. Выдвинешь стереотрубу, замаскируешь тряпкой, чтоб не отсвечивала, и смотришь: ого! Вот он где свой пулемет пристроил, фашист!

Борис умел быстро схватывать и запоминать всю панораму местности: дома, холмы, рощи, отдельные деревья, овраги, речушки. И все это «срисовывал». Считал, что артиллеристу надо не только знать абстрактные цифры и условные обозначения целей, но и четко представлять, куда угодит его снаряд. К этому в дивизионе так привыкли, что нередко даже просили: «Изобрази, лейтенант, панораму, а то скоро задачу ставить командирам подразделений».

Тот день, 19 ноября 1942 года, сталинградцы запомнили на всю жизнь. Запомнил его и лейтенант Кравцов. Утро выдалось тихое, с легким морозцем, с жиденьким туманом в низинах и балках. И вдруг воздух засветился и содрогнулся. Это ударила наша артиллерия, вся разом, да так, что задрожала земля, посыпались стекла. В этой канонаде звучали и орудия дивизиона капитана Ламина. И били они по тем самым целям, что обнаружили и засекли разведчики, «глаза и уши».

Началось гигантское контрнаступление советских войск, которое завершилось окружением и разгромом немецко-фашистской группировки фельдмаршала Паулюса под Сталинградом.

После триумфальной победы советских войск под Сталинградом 278-я стрелковая дивизия, теперь уже 60-я гвардейская, в составе которой находился 132-й гвардейский артполк, снова с боями двигались на запад. Кравцов со своим взводом шел впереди дивизиона. Вышли к реке Северский Донец, к той самой, на берегах которой начинал Борис войну. А дальше — степные районы Украины...

Отступая, противник яростно огрызался, устраивал засады, переходил в контратаки.

Где-то в начале марта 1943 года колонна 132-го артполка двигалась вслед за пехотой. Погода скверная, моросящий дождь со снегом, холодный ветер, туман. И вдруг с флангов и тыла разрывы снарядов, стрекот пулеметных очередей. Оказывается, напоролись на танковую засаду. Да не просто напоролись, а попали в ловушку: немцы открыли огонь, пропустив вперед значительную часть нашей колонны.

— Получилось так,— вспоминает Борис Васильевич,— что мой взвод оказался рядом с первой батареей 76-миллиметровых пушек. Последовала команда развернуть орудия, изготовиться к бою. Легко сказать «развернуть», «изготовиться». А как же трудно было это сделать в непролазной грязи, при плохой видимости, под непрерывным обстрелом противника. В этой кутерьме я увидел замполита дивизиона капитана Сиятскова и парторга старшего лейтенанта Кравченко. Они помогали разворачивать и устанавливать в положение «к бою» пушки. Обращаясь к артиллеристам, подбадривали, вдохновляли личным примером, бесстрашием. Не прошло и десяти минут, как наши орудия открыли ураганный огонь по вражеским позициям. Корректируя огонь, я увидел, как загорелся шедший впереди тяжелый танк противника, тут же, левее, вздыбился и резко остановился второй. Остальные стали разворачиваться и отходить.

— Смотрите, хлопцы, не нравится им наше гостеприимство,— весело кричал парторг.— А ну-ка, гвардейцы, вдарьте им по хвостам за непочтительное отношение к хозяевам!

Иван Афанасьевич Кравченко — рослый, с высоким открытым лбом, общительный и доброжелательный — всегда был в гуще солдат. Бойцы и офицеры любили его, ему доверяли и поверяли самое сокровенное. Всюду, где возникали трудности, а их на фронте конечно же хватало, словно из-под земли появлялся Иван Афанасьевич.

— Ну что, гвардия, тяжко? Ничего, немного терпения. Скоро кухня припожалует — чуете, уже дымком попахивает, старшина кашу со шкварками везет. А сейчас берите мою фляжку, по паре глотков водички, нацеженной из крыйныци, що вон пид тим дубом булькае,— хватит на каждого.

Умел Кравченко шуткой-прибауткой взбодрить и развеселить бойцов, поднять настроение и, как бы к слову, сообщить —

Б. В. Кравцов

в дивизию прибыло пополнение, значит, скоро предстоит наступать.

В один из часов затишья после жаркого боя заговорил парторг с Кравцовым о вступлении в партию.

— Ты, Борис, уже добре обстрелян в боях. С людьми умеешь ладить. Пользуешься авторитетом. Да и в общественной работе проявил активность — член бюро комсомола полка. К присвоению звания старшего лейтенанта представлен. Думаю, в партию пора.

Хотя Борис сам подумывал об этом, предложение парторга было все же неожиданным.

— Я, конечно, за. Но готов ли к такому ответственному шагу. Да и кто даст рекомендации?

— Готов! — убежденно сказал Иван Афанасьевич, внимательно посмотрев чуть прищуренными карими глазами.— От

Сталинграда топаешь с боями, фашиста бьешь по всем правилам. Так кем же, по-твоему, пополнять ряды нашей партии? А рекомендацию я тебе первым дам. Комсомол тоже. Уверен, и любой коммунист нашего дивизиона за тебя может поручиться.

И Кравченко тут же достал из планшета подготовленную им заранее рекомендацию. Это тронуло Бориса до глубины души. Он тихо сказал:

— Спасибо, товарищ парторг. Доверие оправдаю...

Ожесточенные бои завязались при подходе к городу Запорожью. В ходе битвы за Днепр Ставкой придавалось особое значение Запорожской операции.

Фашистское командование прилагало максимум усилий к тому, чтобы остановить и задержать советские армии на подступах к Днепру. На этот естественный водный рубеж враг возлагал большие надежды и готовил его для длительной обороны. Сейчас задача нашего командования состояла в том, чтобы ликвидировать Запорожский плацдарм противника и освободить город Запорожье. Начальник разведки артдивизиона, коим в тот период уже был гвардии старший лейтенант Кравцов, четко представлял одно: надо во что бы то ни стало и как можно быстрее прорвать оборону противника, освободить город и выйти к древнему Славутичу.

И вот в тяжелейших сражениях Запорожский плацдарм врага был уничтожен. 14 октября наши войска овладели городом. Но дальнейшим наступательным действиям серьезно мешали вражеские войска, засевшие на острове Хортица. Гитлеровцы имели на том острове, длиною в несколько километров, сильные укрепления, которые еще предстояло брать, форсируя глубоководную в своем нижнем течении реку. Эта задача стояла перед частями 60-й гвардейской стрелковой дивизии.

После трудного штурма Запорожья войска готовились к новому наступательному броску. Подтягивались тылы, подвозились боеприпасы, продовольствие.

Для артиллерийских разведчиков эти дни были столь же напряженными, как и предыдущие. Кравцов уже который день изучал притаившийся и, казалось, «неживой» остров. Пристроившись на чердаке поврежденного бомбежкой шестиэтажного дома, он до рези в глазах подолгу всматривался в холмистую, кое-где покрытую рощами и кустарниками местность, в уцелевшие и полуразрушенные строения. Наносил на карту ориентиры, огневые точки и оборонительные сооружения врага, набрасывал цветными карандашами панораму видимой части острова и правого берега реки.

На исходе дня 24 октября Кравцов доложил капитану Ламину о том, что удалось увидеть и засечь. Прокомментировал:

— Здорово фрицы зарылись в каменистую землю. Укрепления основательные. Да еще и высокие скалистые берега.

Вскоре Ламин вызвал Кравцова в штаб дивизиона и поставил задачу:

— Приказано форсировать Днепр, произвести высадку на Хортицу. Ты с группой разведчиков пойдешь вместе со штурмовым батальоном. Будешь корректировать огонь артиллерии.

— Когда выступать?

— Сегодня в двадцать один ноль-ноль.

Командир дивизиона понимал, на что идут разведчики, и, будто извиняясь, добавил:

— Мы поддержим вас. Дай только координаты.

Кравцов понимал: выжить один шанс из ста. Но приказ есть приказ.

Едва стемнело, спустились к берегу начальник разведки и еще несколько человек. Среди них Мозгунов — лучший радист в дивизионе, светловолосый рязанский парень, неразлучный с шуткой и улыбкой. Рация у него работала безотказно, он ее буквально нянчил и берег, как самую заветную вещь. И именно она на Хортице, можно сказать, помогла им остаться живыми.

...Ни звезд, ни луны — плыли в полной темноте. Саперы и связисты бесшумно гребли, поднявшись во весь рост. Полупонтон не был виден, поэтому немцы стреляли из автоматов наугад трассирующими пулями, строчили из пулеметов.

Все промокли. Но надо было держаться во что бы то ни стало. Проплыв половину пути, услышали впереди всплески воды и стрельбу: значит, штурмовой батальон уже достиг берега. Стали грести сильнее. И вдруг толчок — сели на мель. Борис тихо скомандовал:

— Приготовить рацию и прыгать в воду!

Сам тут же махнул через борт. Вода леденящая, слава богу, неглубоко. Побрели к берегу с большой предосторожностью. Вскоре ощутили под ногами песок. Залегли. Вглядевшись в темноту, заметили на берегу движение. Поняли: наши. Рассредоточившись, поползли вперед. Нашли стрелков в траншеях, из которых они только что выбили немцев, а командиров — в блиндаже.

Ошарашенные внезапностью нападения, гитлеровцы спешно отошли в глубину острова, оставив в блиндаже как трофей даже свои консервы и дюжину фашистских наградных знаков с бланками анкет.

Разведчикам все обрадовались — и командиры и бойцы. «О, длиннорукие прибыли! (так в шутку называли артиллеристов). Вот это дело!»

Кравцов оборудовал свой НП в блиндаже, Мозгунов быстро настроил рацию и вызвал левый берег. Сразу веселее стало на сердце, когда услышали спокойный голос командира дивизиона. Борис успел лишь доложить ему, что Днепр форсировали и связались с пехотой. В эту минуту фашисты повели по нашим позициям шквальный минометный и пулеметный огонь. Наши батареи ответили несколькими залпами — и у врага все стихло.

Каждый понимал — затишье кратковременное. Враг постарается во что бы то ни стало сбросить смельчаков в Днепр.

...В блиндаж влетел часовой.

— Немцы!

Пехота открыла огонь из всех видов оружия. Кравцов вызвал свой дивизион... Враг откатился. И снова атака.

Всю ночь Борис корректировал огонь левобережных батарей, помогая пехоте отбивать наседающего противника. Всю ночь в эфире звучали его команды:

— Взрыватель осколочный, заряд полный, буссоль двадцать шесть... уровень, прицел... Два снаряда, огонь!

— Шесть снарядов, беглый огонь!

— Уровень меньше ноль-ноль два...

И так до рассвета.

— За ночь,— вспоминает Борис Васильевич,— восемь атак отбили. Командиры были в траншеях вместе с пехотинцами. Мы с Мозгуновым, Хрисанфовым и Трегубенко находились в блиндаже: радист возле рации, я у входа, чтобы наблюдать, где взрываются снаряды. «Огонька, огонька добавьте!» — просил я берег, и они добавляли.

На рассвете фашисты бросились девятый раз. Вражеские автоматчики прорвались сквозь заградительный огонь, наш правый фланг был смят, командира ближайшей к блиндажу роты Кузнецова ранило. Патронов у нас почти не оставалось... Как быть?

И вот уже доносятся крики: «Рус, рус, сдавайс! Рус капут!» Фашисты все ближе, устанавливают пулеметы, пытаются проникнуть внутрь. Заметив красномордого верзилу, стреляю из пистолета почти в упор, не целясь, отхожу в глубь блиндажа. Мозгунов, не поднимая глаз, застыл возле рации. Он бледен, но спокоен, старательно держит связь. Оба понимаем, что сейчас с нами будет покончено: мы окружены. Патронов нет — последний в моем пистолете...

Первым из осажденного врагом «маленького блиндажного гарнизона», как окрестили свою группу разведчики, был убит Хрисанфов — пуля попала ему в голову, когда он пытался через

бруствер траншеи посмотреть, что делается там, за блиндажом. «Вот и еще одного не стало»,— горько прошептал Кравцов, нагнувшись над мертвым товарищем. И тут же он и Трегубенко отчетливо услышали шуршание песка — фашисты подползали сзади и справа. Быстро вошли в блиндаж, притворили дверь. Выпрямившись, Кравцов глубоко вдохнул пропитанный пылью и пироксилином воздух. И то, что смутно пробуждалось в душе несколько мгновений назад, стало решением.

— Давай огонь на нас! На нас! — закричал Борис. И Мозгунов с таким азартом передал это левому берегу, будто бы это была радость, а не смерть.

А по крыше блиндажа уже стучали тяжелые сапоги, раздавались лающие выкрики. Наступили тягостные минуты ожидания: поняли или нет там, на левом берегу, выполнят ли артиллеристы просьбу? Тревожную мысль прервал оглушительный взрыв гранаты, влетевшей через амбразуру блиндажа. В тот же миг Борис ощутил острую боль в левом плече, подумал: «Только бы кость не задело». Увидев разбитую рацию, отрешенно произнес: «А какая, собственно, разница...»

Мозгунов ожесточенно покопался в рации, потом поднял ее, встряхнул и отбросил прочь. «Ну, все!» — сказал, выпрямляясь.

Да, теперь, кажется, действительно, было все... Оборвалась последняя связь, соединявшая их с противоположным берегом.

— Слышите! — вдруг пробасил Трегубенко, взволнованно дернув себя за вислый ус.

Они услышали знакомый, нарастающий свист снарядов. «Наши!»

Первый — перелет, затем два снаряда разорвались в нескольких метрах от блиндажа. Следующий ахнул по блиндажу. Поплыл, посыпался песок. Очередной снаряд разорвался рядом, и стала рушиться крыша. Засыпало, оглушило. Как-то враз смолкли крики, стоны, автоматная стрельба — немцев смыло с блиндажа, как грязь в половодье.

...Очнувшись, Борис понял, что завален обломками и землей. С трудом высвободил руки. Тяжело ворочаясь и кряхтя, вытащил из-под балок ноги. Медленно приподнялся, попытался отряхнуться. Почувствовав слабость во всем теле, машинально присел на обломок балки и здоровой рукой стал растирать шею, грудь. Головокружение прошло. Только сейчас он обратил внимание на пронзительную голубизну утреннего неба.

И тут же до его слуха донеслись звуки перестрелки, разрывов мин. Понял: там, на позициях нашей пехоты, что ближе к кручам, продолжался бой. «Надо быстрее пробираться к своим,— подумал,— нельзя терять ни минуты».

Опершись на обломок лежавшей рядом рейки, встал и прямо-таки остолбенел. В четырех-пяти шагах, неестественно откинувшись к стенке блиндажа, перед ним стоял Трегубенко, подпирая головой и плечами часть перекрытия. Да, да, именно он — рослый, плечистый, с широко расставленными ногами и намертво зажатым в больших ручищах карабином. Подойдя ближе, Борис понял — это было пробитое осколками, уже остывшее тело бесстрашного богатыря, зажатое обрушившимися балками.

— А где же Мозгунов? Я должен найти его живым или мертвым.

Кравцов понимал, что враги могут появиться здесь с минуты на минуту. Но бросить товарища в беде... Нет, это было не в его характере.

В памяти Бориса навсегда остался рассказ отца о том, как еще в 1916 году ему, солдату русской армии, спас жизнь польский товарищ. Будучи контуженным, Василий Алексеевич Кравцов попал в плен, дважды совершал побег, но неудачно. Его били, морили голодом. Позже передали местному бюргеру, у которого он стал работать на скотном дворе. Молодой организм постепенно брал свое. Немного окрепнув, Кравцов снова решил бежать. На сей раз — удача! Выйдя ночью из сарая, в котором его держали, он перелесками вышел к Висле. Затем верст шесть пробежал вверх по течению и на рассвете переплыл ледяную реку там, где, по его расчетам, должно находиться польское село. Здесь пленному повезло: первым увидел его и привел в свой дом инвалид-солдат по имени Владислав. Беглеца обогрели, накормили. И пока он в течение суток скрывался на сеновале, жена Владислава перелицевала солдатский мундир и сменила блестящие, с двуглавым орлом металлические пуговицы на деревянные. А когда в соседнем хуторе появились кайзеровские каратели, поляк уложил «пана Алексея» на телегу, укрыл рогожей, забросал соломой и вывез к лесу, за которым располагались позиции русской армии. Василию Алексеевичу удалось выйти к своим. Так, рискуя жизнью, Владислав отвел от русского друга неминуемую беду.

Осматривая блиндаж, Борис услышал стон, глухо доносившийся из дальнего угла. Бросился туда и стал судорожно разбирать завал. К счастью, радист получил лишь небольшие повреждения головы и ноги. Наскоро перевязал, как мог, раненого и ползком потащил на правый фланг, к своим. Там помогли, Мозгунову стало лучше, и он занял место в строю пехотинцев. В батальоне капитана Боровикова, к счастью, еще сохранялась проводная связь.

— Соедините меня с «Чайкой»,— попросил Кравцов.

Солдат-связист несколько раз крутанул ручку зеленого ящичка и протянул телефонную трубку старшему лейтенанту.

— «Чайка» на проводе,— послышался в трубке знакомый голос.

— Я Кравцов. Говорю вам — Кравцов! Что? Погиб? Как видите, жив. И... здоров, пустяковая царапина. Ну да ладно. Принимайте координаты. Снова атакуют.

И пошло привычное: заряд полный... прицел... четыре снаряда, беглый огонь!

Но вскоре и эта последняя жилка, соединяющая пехоту с левым берегом, прервалась. Провод был перебит.

Противно «чухая» и подвывая на высокой ноте, прошли одна, затем другая мины. Со стороны рощи застрочил пулемет. А вскоре показалась цепь автоматчиков. Шли из глубины острова, пытаясь охватить наши позиции с двух сторон.

— Гранаты к бою! Патроны беречь, стрелять только одиночными по верным целям,— передавалась по цепи команда комбата.

Кравцов вдруг увидел, что группа солдат, человек пятнадцать, начала выскакивать из окопов и, скатываясь с кручи, устремилась к воде. За ними с криком «Стой, назад!» рванулся замполит батальона. «Видно, новички. Не выдержали нервы»,— подумал Борис и большими прыжками поспешил на помощь замполиту.

Размахивая пистолетами, стреляя над головами бегущих, офицеры остановили их почти у самой кромки воды. «Немедленно в окопы! Здесь же вас перестреляют как куропаток! — вразумляли они беглецов.— А ну, не трусить! Слышите, там наши «старики» «ура!» кричат. Вперед!»

Атаки врага повторялись методично и упорно. Отбивать их становилось все труднее.

— Положение было чрезвычайно напряженным,— вспоминает Борис Васильевич,— патроны на исходе, гранат мало. А впереди еще часов шесть светлого времени. Ждать подмогу можно было только с наступлением темноты. Поэтому боеприпасы берегли и по возможности противника подпускали на расстояние прицельного выстрела. Чтобы уберечь солдат от ранения в голову при артналетах, отрыли «лисьи норы» — эдакие круглые углубления в стенке траншеи. Когда начинался интенсивный орудийно-минометный обстрел, солдаты всовывали в «нору» голову. Это в какой-то мере помогало сберечь людей.

Никогда еще день не казался Кравцову таким долгим. Мучила жажда. От пыли и дыма нечем было дышать.

Снова ранило Мозгунова. Разорвав зубами пакет с бинтом, попытался одной правой рукой перевязать товарища, но это не получилось. Левая, раненая, налилась свинцом и не позволяла даже шевельнуть пальцами.

— Ничего, Толя, потерпи немного. Сейчас станет легче. Отправим тебя на Большую землю, и все будет в порядке. Вот видишь, уже и сестричка бежит...

Последняя атака противника на острове, в отражении которой принял участие Кравцов, была особенно ожесточенной. Подпускали фашистов чуть ли не вплотную к передней траншее и забрасывали гранатами; офицеры, у кого еще были патроны, стреляли из пистолетов. В батальоне оставалось не более трех десятков здоровых бойцов, многие получили тяжелые ранения. И все-таки атаку отбили!

К ночи на Хортицу, выше по Днепру, высадился десант под командованием полковника Чайки. Началась эвакуация раненых. На одном из понтонов был эвакуирован и Кравцов. Тощие, с запавшими глазами, в разорванном, пропахшем потом и порохом обмундировании — людей было трудно узнать. Но и в такой обстановке солдаты не теряли силы духа, подбадривали «тяжелых», шутили.

— Нет, таких парней никому не поставить на колени,— с гордостью думал Кравцов.

...Как был, в окровавленной рубашке, в гимнастерке с оторванным рукавом, пришел Борис в штаб. Командира дивизиона не было, и он доложил начальнику штаба Сычеву, что задание выполнено.

— Ну, Боря, я рад,— сказал Аркадий Мартынович, обняв его за плечи.— Теперь быстро к фельдшеру. А потом отсыпаться, отдыхать. Молодец. Помог удержать плацдарм.

Военфельдшер Демьяненко, немногословный худощавый блондин, тщательно обработал рану и долго прощупывал руку в поисках осколка. Досадовал, что нет рентгена.

— Да не расстраивайтесь, Федор Саввич,— успокоил его Кравцов.— Нет, так и не надо. А сейчас лучше дайте мне умыться, переодеться и, если можно, топчанчик. Зверски хочется спать.

Осколок этот сидит в его руке и по сей день...

...После двухнедельного лечения Борис снова в строю. Впереди предстояли не менее ожесточенные, чем в сентябре — октябре бои за правобережье.

Именно в те дни довелось Кравцову еще раз принимать участие в форсировании Днепра.

...Плавни. Разумовский плацдарм. В первых рядах десантников, высадившихся на правый берег между балкой Ярок и селом Разумовкой, были некоторые подразделения и части 60-й гвардейской стрелковой дивизии. Операция была проведена так умело и скрытно, что противник обнаружил форсирование и открыл огонь по переправе только тогда, когда основные подразделения десанта уже высадились на берег.

Несколько оправившись и подтянув силы, фашисты организовали ряд контрударов, стремясь остановить наши части и сбросить их в Днепр. Но гвардейцы расширяли плацдарм.

Особенно ожесточенные бои развернулись в середине декабря сорок третьего года. Утром 14 декабря враг перешел в контрнаступление. После часовой артподготовки в атаку было брошено несколько отборных полков, поддержанных тяжелыми танками.

Только высочайшее мужество, несокрушимая вера в силу советского оружия могли выдержать подобный натиск. Наши воины устояли. И через несколько дней пошли сами в наступление. Вместе со стрелковыми полками, а порой впереди пехоты шли и разведчики Бориса Кравцова, корректируя огонь батарей 2-го артдивизиона своего полка.

Гвардии подполковник запаса Петр Егорович Ярков (в то время помощник начальника связи 132-го артполка) свидетельствует:

«Продвигаясь на запад, части 60-й гвардейской стрелковой дивизии в ожесточенных боях освободили село Владимировку и были временно остановлены противником у населенных пунктов Катещино и Токмаковка Днепропетровской области. Там мне довелось видеть (и слышать) работу начальника разведки 2-го артдивизиона гвардии старшего лейтенанта Кравцова. Он с радистом и разведчиками постоянно находился на переднем крае: под шквальным артиллерийским и пулеметным обстрелом немцев корректировал огонь наших артиллерийских батарей, чем обеспечивал успешное продвижение подразделений полка. В конце декабря 1943 года Кравцов был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Долгое время мы считали его погибшим».

...Подмороженную землю запорошил снег. Разведчики надели белые маскировочные халаты. Осторожно, стараясь слиться с, казалось, пустынной равниной, шли в указанном направлении. Кравцов поднялся на снежный бугорок и в бинокль стал просматривать опушку березовой рощи. Заметил далекие фигурки за снежными брустверами. «Немцы,— отметил про себя,— надо засечь цели и передать координаты на батарею».

Подумал, но сделать ничего не успел. Буквально шагах в пяти разорвался снаряд.

Пришел на минуту в сознание, когда погружали его на двуколку — везти в медсанбат. Открыв глаза, увидел санитарку, военфельдшера и старшего лейтенанта Кравченко. Прощаясь, Иван Афанасьевич наклонился к раненому, положил на плечо руку:

— Ну, Борис, дорогой мой человек, держись, лечись и возвращайся в часть. Обязательно. Мы будем тебя ждать.

* * *

...В Свердловском зале Кремля их собралось не менее пятидесяти. Вручал награды Николай Михайлович Шверник. Жал каждому руку, поздравлял. При этом так радостно и громко аплодировали, что, казалось, сотрясались высокие своды.

Сияя звездами и орденами, вышли награжденные из зала. Не торопясь, группками разбрелись по Кремлю. Многие были здесь впервые в жизни, поэтому с особым интересом осматривали достопримечательности центра Москвы белокаменной.

Взглянув на стрелки кремлевских курантов, Борис вспомнил, что дома его ждут к торжественному обеду. Стараясь не хромать, пересек Красную площадь и зашагал к улице Горького. Только сейчас, расслабившись, почувствовал усталость и ноющую боль в ноге. Присел на скамейку, раскрыл грамоту Президиума Верховного Совета СССР, еще раз перечитал ее текст:

«...Кравцову Борису Васильевичу. За Ваш геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 19 марта 1944 г. присвоил Вам звание Героя Советского Союза...»

И вновь вспомнились фронтовые друзья, дни тяжелых боев.

...В 1947 году Б. В. Кравцов успешно окончил Московскую юридическую школу, затем получил высшее юридическое образование.

— Мечта стать кадровым военным не сбылась,— говорит Борис Васильевич,— пошел на другое поле борьбы.

Пошел туда, где постоянно, повседневно идут сражения за укрепление правопорядка и законности, а если вдуматься, то и за судьбы людские, за конституционные права и законные интересы граждан. И где бы ни работал Б. В. Кравцов — всюду он остается активным бойцом, отстаивающим интересы нашего социалистического общества.

Она ие ходила в атаку на арага,
не форснровала рек,
не штурмоаала города,
но когда соаетский геиерал аручал ей
второй ордеи Красиого Зиамеии —
первый был получеи еще
до Великой Отечествеииой аойиы,—
то с аолиеинем произиес:
«Вы, тоаарнщ Рут Вернер,
былн асегда с намн, всю войну.
Ваши раднограммы из глубокого
аражеского тыла — это же снаряды,
неоценимая боевая помощь
Красной Армии...»
Эти слова были обращены
к патрнотке-интернациоиалнстке,
слааной соаетской разведчнце,
сподаижнице Рихарда Зорге
Рут Вериер. О ией —
очерк А. Сгибиева.

А. Сгибнев

В бурях века

Рут Вернер

В этом маленьком военном городке разделенные невысоким каменным забором, увитым плющом, стоят два полка: советский и Национальной народной армии ГДР. Одни у них цели, одна служба и одни чаще всего гости...

Сейчас на трибунах стадиона ждут солдаты и офицеры гостью необыкновенную — патриотку-интернационалистку, знавшую Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика, боевую советскую разведчицу, чья жизнь — подвиг. Большой, многотрудный подвиг.

Вот она — выше среднего роста, худенькая, ветер растрепал густые седые волосы — поднимается вместе с офицерами на импровизированную трибуну; солнце вспыхнуло на двух советских орденах Красного Знамени, двух таких почетнейших в армейской среде наградах, принадлежащих женщине. И встают люди на трибунах, встают два полка, поднятые не командой, не сигналом, а восхищением, благодарностью, любовью.

— Друзья мои,— начинает Рут Вернер,— я счастлива, что нахожусь среди вас, социалистических воинов, прикрывающих нашу планету от смертной угрозы, выполняющих такой нужный и жизненно важный долг!

А потом над притихшим стадионом еще долго звучит ее голос, ее рассказ о давних, далеких, ныне уже легендарных делах и днях...

Рядом с Рамзаем

— Он не прятал под курткой оружия, не вскрывал сейфы с секретными документами, не выпрыгивал из бешено мчавшихся поездов. Он не делал ничего из того, что до надоедливости повторяется в фильмах о разведчиках. Но его жизнь подвергалась куда большим опасностям,— раздумчиво говорит Рут Вернер.

Он — это Рихард Зорге, Рамзай, ее руководитель и наставник.

— Мне Рихард Зорге,— продолжает разведчица,— тоже дал псевдоним — Соня, которым я пользовалась и там, в Китае, и потом — в буржуазной Польше, в Швейцарии...

Память Рут словно бы раздвигает время, наяву ощущается в воздухе порох, гроза. Империалистический мир не мог примириться с революционным рождением Советской России, с тем, что она существует, и не просто существует — на глазах у всех крепнет, набирается сил, празднует, видите ли, свои годовщины — пятую, шестую, десятую. Злобная клевета, экономическая блокада, диверсии, пограничные конфликты — все шло в ход, все смертоносно было нацелено в одну цель, в Страну Советов — надежду, опору и радость народов планеты. Нарастал вражеский натиск, чернел горизонт, но и крепли, множились классовые симпатии к родине Октября. Во всех землях — далеких и близких, во всех честных сердцах.

Рут Вернер — тогда еще совсем юная берлинская девушка — с головой ушла в общественно-политическую жизнь: она участвует в молодежных диспутах, утверждающих правду о новой России, распространяет на заводах произведения Ленина, сама, по совету отца, известного в Германии ученого-экономиста Рене Роберта Кучинского, садится за эти произведения, чтобы по-настоящему разобраться в марксизме. Никогда не забыть 7 ноября 1927 года: знаменательную дату Октября рабочий Берлин отметил огромной манифестацией. Красное шествие открыл Целендорф, ее родной район. Рут вместе с другими активистами готовила праздник и сама шла в первой шеренге. Кстати, отец в тот день находился в Москве — тоже в составе праздничной делегации.

В письме брату Юргену, бывшему в тот момент в Америке на учебной университетской практике, Рут с воодушевлением сообщает: «...отец вернулся из России. Его приезд вызвал много радости. Рано утром мы с матерью встретили его на вокзале. Надо было видеть, как они встретились! Пожалуй, окружающие за десять миль могли почувствовать, как любят они друг друга. Причем внешне все выглядело обычно, только описать это невозможно. Самым важным для меня была первая фраза, сказанная отцом: «Раньше я не понимал, почему Англия хочет войны с Россией. Теперь я это понимаю и нахожу позицию Англии оправданной — ни одно капиталистическое государство не может спокойно видеть, как расцветает и из года в год добивается новых успехов страна не капиталистическая, а коммунистическая». Я почти ревела от радости. Как было бы ужасно, если бы отец не признал все то, что происходит в России!»

— С той поры и навсегда я прониклась безграничным уважением к России, России Ленина, России социализма,— голос

Рут Вернер звучит страстно, взволнованно.— Меня никто не вербовал, как писали не раз на Западе, никто не подкупал, мой выбор подсказан личным и только личным пониманием интернационального долга, моей доброй волей. Вы, слушающие меня, открыто охраняете мир и социализм, открыто противостоите ракетно-ядерным безумцам. Мне же многие годы довелось быть бойцом тайного, невидимого фронта, но у нас с вами одна святейшая обязанность, одно звание!

...Первая встреча с Рихардом Зорге состоялась в Шанхае, куда Рут и муж ее Рольф, архитектор по образованию, гонимые безработицей в Германии, приехали в середине 1930 года. В Берлине Рут сказала товарищам, что не хотела бы в Китае сидеть сложа руки, быть просто женой-домохозяйкой. Ее сердце искало боевых дел, революционной борьбы.

Как-то под вечер в квартире Рут Вернер скрипнула дверь.

— Здравствуйте...

На пороге стоял человек — высокий, располагающий к себе, густые, вьющиеся волосы, глубокие уже тогда морщины на лице, очень синие глаза, красиво очерченный рот. «При первой нашей встрече,— уточняет Рут Вернер,— я еще не знала его имени. Оно бы мне ничего и не сказало. Зорге объяснил, что слышал о моей готовности участвовать в патриотической работе. Он говорил об ответственности и опасности, выпадающих на нашу долю, рекомендовал мне все как следует обдумать. Пока я еще могу отказаться, и никто меня в этом не упрекнет. Получив мое согласие, Рихард обстоятельно обсудил со мной вопрос о возможности организации встреч с нужными ему товарищами в моей квартире. Я должна была лишь предоставить комнату, но не принимать участия в беседах».

Первая встреча и первое задание... Внешне оно как будто не сложное, но только внешне. Рут и Рольф, не обзаведясь еще собственной квартирой, жили у земляка — представителя одного из германских концернов, приехавшего в Шанхай раньше. Относился он к ним более чем дружески, и все-таки конспирация нужна была строжайшая, ведь ни хозяин дома, ни прислуга не знали, не должны были знать, что за люди посещают ее, какие интересы объединяют их. Приходилось все скрывать, играть две жизни, играть в одиночку, когда ты и актер, и режиссер, и постановщик. Малейшая оплошность, непредвиденная случайность грозили провалом явки, арестом, гибелью. Чанкайшистская охранка слыла жестокой до изуверства. Лиц, заподозренных в прогрессивной деятельности, забивали до смерти на допросах, головы казненных нередко выставлялись на кольях у городской стены с устрашающими надписями.

— Рихард,— вспоминает Рут Вернер,— не учил меня теории конспиративной работы. Когда несешь ответственность за жизнь товарищей, опыт других может, конечно, оказаться полезным, но ответственность за собственную жизнь учит особенно основательно думать и о других, и о своей собственной судьбе и соответственно действовать. Само собой разумеется, я неизменно наблюдала, нет ли слежки за домом или за мной лично. До прихода товарищей и после их ухода я выходила на близлежащие улицы, чтобы убедиться в том, что слежки нет. Я понимала также, что надо по возможности чаще приглашать гостей из буржуазной среды, тогда менее заметны будут «нелегальные» гости. Конспирация стала моей второй натурой, поскольку товарищи, которых надо было уберечь, действовали в условиях постоянной опасности. Забота о них вошла у меня в плоть и кровь. Я настораживалась при малейших неожиданностях...

Конспирация... Сложная это наука! Очень сложная! И как хорошо, что изобретательность Сони была неистощима. Об этом документы, хранящиеся в архивах, об этом воспоминания сподвижников.

...Вот и сегодня, как условились, Рихарду необходимо встретиться со своими помощниками, комнаты наверху в его распоряжении, а внизу, в зале, Рут и Рольф принимают гостей, с которыми, по их приглашению, выезжали неделю назад на лоно природы. Тихо льется музыка... Оживленные разговоры... Хозяйка — сама предупредительность... Знали бы сидящие в свете золоченых люстр, где сейчас ее душа, ее мысли!

— Разведчик,— говорит Рут Вернер солдатам и офицерам,— не снимает, как известно, табель о выходе на работу. Он всегда на работе и в работе, всегда, по любимому выражению Рихарда Зорге, должен держать ушки на макушке. Любопытен такой пример. Через какое-то время я почувствовала, остро, болезненно почувствовала: одни лишь приемы гостей не спасают положения — глаза любопытствующих зорки, нужно разнообразить легализацию тайных свиданий. Но как? И вдруг — толчок, подсказка. За чашкой чая жена американца Зауэра из фирмы «Сименс — Гальске», португалка по национальности, родившаяся здесь, в Китае, вспоминала свою поездку в деревню и разговор с крестьянином. «Вы говорите по-китайски,— сказал он ей,— а ваш муж знает всего три слова. Давно ли господин живет в Китае?» — «Тридцать лет»,— ответила я. Мой собеседник удивился: «Значит, требуется десять лет, чтобы выучить одно китайское слово?»

— Язык, изучать язык! Это же так естественно для иностранцев! — молнией пронеслось в сознании. И, поощряемая

всеми, в том числе и мужем, Рут засела за учебники. Под видом преподавателей в дом приходили люди, нужные Зорге. Одни — открыто, свободно, другие, ожидая сигнала Сони,— под покровом темноты. Славные и безвестные, их никогда не забыть! Стоит перед глазами Пауль, совсем, как она узнала значительно позже, не Пауль: красноармеец в гражданскую, затем комиссар, командир, слушатель военной академии в Москве, владевший шестью языками... Макс Клаузен — радист... Ходзуми Одзаки — японский журналист, ближайший соратник Рамзая... Фред, жизнерадостный, смелый Фред... Лишь через годы, разглядывая фотографии испанских добровольцев, Рут к несказанной радости поняла, что знаменитый генерал Клебер, герой Мадрида, и Фред — одно лицо...

Телефонный звонок застал Соню врасплох.

— До свидания... Уезжаю...

Это звонил Рихард Зорге. Рут едва удержалась на ногах. Да как же так — до свидания, да неужели не найти минуты, секунды, чтобы увидеться на прощание? Нет, не найти, дорогой мой товарищ, давал понять Зорге, вернее, нельзя, нельзя! Голос был теплым, добрым, голос вселял в нее волю, силу. «Спасибо,— говорил Рихард,— за все спасибо! Запомни, это — начало, тебе еще предстоит сделать многое, многое. Обещай только, что и в дальнейшем будешь держать ушки на макушке...»

— В соседней комнате,— рассказывает Рут,— меня ожидали гости. Я посмотрела на стул, на котором любил сидеть Зорге, и не могла себе представить, что он уехал, уехал навсегда, что он больше не будет говорить со мной, слушать меня, давать советы и смеяться вместе со мной... Только теперь мне стало понятно, как дорог он мне был! Если бы у меня было хотя бы десять минут времени, чтобы взять себя в руки. Однако это относилось уже к области «держать ушки на макушке». Я вернулась в комнату. По моему виду никто из гостей ни о чем не догадался...

Лишь в Москве, в Центре, куда Соню вызвали, ей сказали, что Зорге высоко оценил ее помощь. Рамзай ничего не забыл — и того, что на явочной квартире, содержавшейся ею, ему удалось за два года провести множество деловых встреч, и того, что в бельевом шкафу Рут Вернер долгое время хранился чемодан с запасной радиоаппаратурой, и что у нее же не раз пережидали полицейские облавы патриоты, и что Рут, умница Рут, по своей инициативе снабжала его обширными обзорами «светских» дискуссий, отличавшимися точностью и глубиной анализа.

Больше они никогда не виделись...

Мост из точек и тире

Странно, но стук вагонных колес, если хорошенько вслушаться, похож на морзянку. Точка — тире, точка — тире... И на пароход пересели — то же самое: точка — тире, точка — тире... Три недели, пока плыли из Триеста в уже знакомый Шанхай, в ушах, стоило лишь подумать о предстоящей работе, о работе радистки, вскипали эти звуки, как выстрелы, сухие, торопливые, резкие. Рут и сейчас, когда все позади, все в прошлом, не строит из себя сверхгероиню, не знавшую страха, надлома настроения, упадка сил. Кстати, оценивая годы своей работы, она никогда не употребляет слова «подвиг», она говорит о ней как о работе, просто о работе.

Наверное, и в самом деле работа, но какая! Передо мной воспоминания другой разведчицы, другой радистки. Вот строки из них, вводящие нас в мир особой суровости, предельной отмобилизованности:

«Работа эта серая, неэффектная, нудная, она требует психической закалки, умения сжиться с мыслью, что каждую минуту тебя подстерегает смерть, она требует крепких нервов и самообладания. Каждый радист прекрасно отдавал себе в этом отчет, понимая, что обнаружение в его квартире радиопередатчика грозило смертельной карой. А прослушивать радиста мог, собственно, каждый, у кого был приемник достаточной чувствительности... И хотя я сталкивалась с различными подвигами и героическими акциями, смело могу сказать, что работа радиста должна быть поставлена в ряд тех, которые требуют наивысшего самопожертвования... Радист был фактически безоружным, потому что и наличие пистолета позволяло разве что покончить жизнь самоубийством».

Да простит читатель за это небольшое и далеко не лирическое отступление, зато мы лучше теперь представляем, какую ношу взвалила Соня на свои хрупкие плечи. Она вернулась из Москвы в Китай не одна — с товарищем по разведке, опытным и надежным товарищем Эрнстом, старшим в их паре. Вернулась, чтобы проститься на время с Рольфом, мужем, оставшимся в Шанхае, разлучить его с малолетним сынишкой, потому что жить ей и работать предстояло далеко отсюда — в Мукдене, в оккупированной японцами Маньчжурии. «Мне было тяжело,— признается Рут,— очень тяжело. Рольф был отличным человеком, не просто сочувствующим, стоящим в стороне от конкретных дел. На десятилетия стал он другом Советского Союза, борцом за победу его идей».

Потом, через годы, Соня сама напишет, как все было. Сейчас же, по переезде в Мукден, ей не до мемуаров. Они с Эрнстом

остановились в отеле Ямато — недорогом, чистеньком. О какой-либо фешенебельности и не могли мечтать «представители» неименитых шанхайских фирм — книготорговой и по сбыту пишущих машинок. «Дела у нас идут хорошо»,— солидно говорили они владельцу отеля, видя, что рядом уже шныряют шпики. В номере, перед тем как выйти в город, Эрнст и Соня беззаботно разложили на видных местах рекомендательные письма, всевозможные проспекты, визитные карточки: на улице жара, беднягам шпикам и без того достается.

«Я приветствую тебя, Китай,— вела свой мысленный монолог Соня.— С радостью, что опять повстречались, и с болью, что тебе хуже, еще хуже». Вспоминался шанхайский порт, потрясший нищетой: инвалиды, безногие и безрукие, дети с гноящимися глазами, со струпьями на голове. За окнами поезда — та же картина; на станциях — с мольбой тянущиеся навстречу руки: подайте милостыню, подайте... Соня в слезах смотрела на все, думала, надеялась, что это — предел, хуже быть не может. Ошибалась — может! Мукден ошеломил ее, опрокинул прежние представления о людском горе, людских невзгодах. Куда ни шагни — прямо на тротуарах сидели, лежали сотни и тысячи безработных, бездомных, больных, голодных. Не раз в те дни ей вновь и вновь слышался голос одного из сотрудников Центра: «Китайцы — в страшной беде, мы должны им помочь».

Помочь! По-братски, по-советски, как водится среди интернационалистов. Помочь тем, кто, ненавидя оккупантов, ушел в подполье, чтобы разжигать борьбу. Тем, кто создает партизанские отряды, но не имеет опыта, не имеет оружия. Радиопередатчик, привезенный Эрнстом и Соней,— это связь между китайскими патриотами и Центром, это обмен информацией, запросы отрядов, рекомендации специалистов, это мост — из боевых, стреляющих точек и тире.

— Я вот сказала: «Мы привезли в Мукден радиопередатчик». Просто, кажется, начинается, легко. А сколько за этим труда, нервного напряжения, страха, наконец! Радиопередатчики тех времен — тяжелые, громоздкие. Обнаружь их пограничные чиновники — головой поплатишься. Больше всего хлопот доставил нам трансформатор, купленный в Шанхае. Как его запрятать? Как замаскировать? В конце концов выход был найден: используем кресло, этакое огромное зелено-коричневое чудище. Эрнст перевернул его, снял осторожно кусок ткани, закрывавший пружины. Потом мы засунули трансформатор в пружины и привязали проволокой. Для прочности Эрнст обвязал их крепкой веревкой и только после этого приколотил тряпку назад. Ничего как будто не заметно. Пять-шесть фунтов лишнего веса не чувствовалось.

— Будьте сверхосторожны,— напутствовал нас в Шанхае китайский товарищ.— В Маньчжурии установлена прямо-таки всепроницающая слежка за иностранцами...

Я и через годы говорю ему «спасибо». И в самом деле, переезд через границу оказался наитруднейшим. Китайские таможенные чиновники нервничали при досмотре, вели его с особой дотошностью, так как видели в каждом, кто въезжал в оккупированную Маньчжурию, потенциального друга Японии и потенциального врага Китая. Японцы тоже не менее насторожены и дотошны, так как любой приезжий из Китая может оказаться участником антияпонского движения, а следовательно врагом.

До Мукдена около тысячи восьмисот километров. Весь свой скарб мы распихали по чемоданам и надеялись, что их обилие отвлечет чиновников. Мелкие детали передатчика были спрятаны на себе. Если в купе больше никого не будет, засунем генераторные лампы — их две, каждая размером с детскую молочную бутылку — в подушки сиденья. Я специально купила Эрнсту несколько пар носков и положила туда лампы. Таким же образом — в носках — везла я для сына бутылочки с молоком и две — с апельсиновым соком. Мысль разумная: в тряском поезде ребенку неудобно пить из чашки, к тому же молоко дольше оставалось теплым, да и опасность разбить бутылочку уменьшалась. Трехлетний Миша был в восторге — он опять будет пить из бутылочки, как маленький! — и вовсю играл с нею, угощая тряпичную собачку, нас с Эрнстом и соседей по купе — двух японцев. Японцы улыбались ребенку. Бутылочка в носке стала, как говорится, неотъемлемой частью поездки. Перед самой границей мне без труда удалось незаметно спрятать лампы в подушках.

Китайские таможенники открыли только верхний из наших чемоданов, тщательно просмотрели, взяли одну из уже опустевших бутылочек, стянули с нее носок, но не нашли, к чему придраться.

Японцы же обнюхали все. Переворошили все наши вещи, потрясли полупустую бутылочку с соком и проверили ее на свет. Потом один из наших попутчиков что-то сказал им, и они стали выходить, чтобы заняться другими пассажирами.

Иногда мне кажется, что у детей есть еще пара глаз на затылке, о существовании которых мы и не подозреваем. Когда я прятала радиолампы, Эрнст заслонил меня от сына и отвлекал его игрой.

Мы были уверены, что ребенок ничего не заметил. Но только таможенники направились к выходу, как детская ручонка молниеносно скользнула в ложбинку между подушками и торжествующе извлекла оттуда носок с лампой. Ребенок не сомневался,

что это питье, и попробовал стянуть носок. Капризничал он редко, однако теперь, слишком долго лишенный домашней возможности пошалить, с криком вцепился в мнимую бутылку. Таможенники обернулись. Я быстро подсунула мальчику сок, и он наконец позволил мне завладеть лампой. Секунда — и она исчезла в моей сумке. Чиновники вышли из купе. Я обливалась холодным потом, Эрнст — тоже.

«А как там кресло наше?» — подумалось. Оно находилось в грузовом почтовом вагоне. Нас пока не тревожили. Но мысли беспокоили, не отпуская. На вокзале мы получили свою бесконечную драгоценность и, когда перевернули кресло на квартире, с испугом посмотрели друг на друга: острое металлическое ребро трансформатора почти перетерло тонкую ткань под сиденьем. Проволока, удерживавшая трансформатор, обломилась, и держался он только на веревке. Тяжелый груз разболтался, провис — еще немного, и он бы с грохотом вывалился наружу. Тут бы японцы вернулись к чемоданам нашим и к нам самим, тут бы они не выпустили дичь, за которой охотились...

Рут Вернер, оглядев своих молодых слушателей, своих дорогих друзей в армейской форме, снова вернулась к законам конспирации, к тому, что в ней нет второстепенностей, мелочей, что бдительность разведчика оружию подобна. «Готовясь к отъезду в Мукден,— продолжала она,— мы, естественно, спешили. Время подгоняло нас, и мы, выходит, не закрепили как следует трансформатор, проволока не выдержала нагрузки. Пустяк? Да, внешне пустяк, но такой пустяк мог поставить крест на всей нашей работе!»

К счастью, все обошлось. «Устроились нормально, о нас не беспокойтесь!» — доложили Соня и Эрнст.

Дважды в неделю, в точно условленное время, оператор, дежуривший на радиоузле, ждал Соню в эфире, чтобы невидимо соединить с Центром. На землю опускалась ночь, непроглядная, беззвездная — в Мукдене редки ночи в звездах. Спит город, спит дом, спит сын, набегавшись за день, не спит лишь его мать — одна в затемненной настороженной квартире. Хорошо, если не будет помех, вызванных атмосферой, расстоянием,— тогда сеанс пройдет быстро, отлаженно. А если помехи? Бывает, прервав передачу, Соня спрашивала: «Ты меня слышишь?» — В ответ, увы, звучало неутешительное: «Не слышу». Значит, нужно повторять все заново, торчать в эфире дольше допустимых сроков, навлекать на себя дополнительный риск. Ведь пеленгаторы, знала Соня, все чаще выходили на «охоту».

Ах, эти ночи... Успей передать донесения, порой до пятисот зашифрованных групп — по пять цифр в каждой. Успей принять распоряжения Центра. Успей все убрать, замаскировать,

чтобы ни у кого и ничем не вызвать подозрения. Успей... Успей... Под конец ты уже не человек, а комок нервов... Зато какое счастье, что ты на самом переднем крае, что ты боец антиимпериалистического фронта!

Китайские партизаны наращивали удары по врагу. Хитроумнейшими способами добывалась взрывчатка, поднимавшая на воздух тяжелогруженые армейские составы, уничтожавшая связь, вызывавшая пожары. Особенно удачлив был китаец Фэн — рослый, крепкого сложения, до отчаянности смелый. Он буквально под носом у японцев проносил оружие, боеприпасы, обижался, когда жалели его, предлагали передохнуть. «Меня с рождения заговорили от опасности»,— смеялся Фэн.

В тот день он не пришел на встречу; Соня вернулась домой встревоженная, в каком-то необъяснимом печальном предчувствии. И два дня спустя не пришел... Фэн, как вскоре стало известно, был арестован — при нем обнаружили взрывчатку. Арест — это пытки, это смерть. Выдержит? Не выдержит? Партизаны могли гордиться своим товарищем — он ни в чем не сознался, никого не выдал, погиб геройски.

Еще два имени, еще две судьбы. По просьбе Сони партизанский командир Хо познакомил ее с китайской супружеской парой. Они тоже были коммунистами и участвовали в подпольной борьбе. Оба достаточно владели английским, охотно согласились стать радистами. Ван бывал у Сони под видом преподавателя китайского языка, а его жена Шучжин — под видом портнихи. Соня учила Вана и Шучжин обращаться с рацией. Внешне Шучжин ничем не отличалась от многих других китаянок — хрупкая, как подросток, ни за что не поверишь, что у нее есть дети, двое: четырехлетний мальчик и двухгодовалая дочка.

Прошло почти полгода. Шучжин с мужем научились обращаться с рацией, приступили к боевой работе. До Сони доходили сведения, что делу отдаются они самозабвенно, партизанский командир верит в них, как в себя. Особенно, отмечал он, старается Шучжин. Не знает устали. Не знает страха. Иные мужчины сдают в силе быстрее.

И... вдруг: «Шучжин арестована». Записку с этой горькой вестью принес мальчишка — посланец Хо.

«Где Ван? — забеспокоилась Соня.— Еще на свободе? Или их вместе схватили во время передачи?» Рацию Соня монтировала с участием Вана и Шучжин. Значит, опасность нависла и над ней. Шучжин, сообщали партизаны, молчит, хотя ее пытают по многу раз на дню. Ломают суставы пальцев, сперва большой — назови имена, потом указательный — назови адреса, потом... Если жертва не отвечает — рвут ногти. На одном пальце, на другом, на пятом...

— Два слова,— наседали палачи.— Имя и адрес — и ты на свободе!

Шучжин не выдала ни адресов, ни имен — гордая и мужественная женщина. Истерзанная, она погибла бойцом, как погибают патриоты. Мужа ее арестовали чуть позже, партизаны не знали, что с ним.

В те же дни Центр радировал Эрнсту и Соне: «Немедленно покиньте Мукден, перебирайтесь в Пекин...»

И еще один эпизод. По пути в Пекин у Сони разболелись зубы. Боль становилась невыносимой. В отеле порекомендовали врача. Соня разыскала его, с ней был сын. «Надо рвать коренной зуб»,— сказал врач. Корни зуба были искривлены, пришлось долбить челюсть. «Миша,— вспоминает Рут Вернер,— с большим интересом наблюдал непонятную для него процедуру. Я не издала ни звука, но была вся мокрая от пота, зубной врач тоже».

Когда перестал действовать наркоз, начались боли в искалеченной челюсти. А тут близился срок выхода в эфир! Двое суток без сна, двое суток изнуряющей боли, сейчас бы на час прилечь, сейчас бы забыться во сне, но долг есть долг, работа есть работа. На часах — двадцать два тридцать. Отель полон гостей. Было бы легкомысленно начинать передачу. Из страха заснуть Рут не решилась прилечь. Ставить будильник не хотелось из-за сына. Всю правую половину лица пронизывала боль, страшно болела голова.

«Наконец настало время,— писала Рут Вернер.— Я собрала передатчик, воткнула вилку в штепсель электросети — и весь отель погрузился в темноту. Я поспешно начала шарить вокруг, чтобы спрятать в темноте все детали. К счастью, никто не догадался, что короткое замыкание произошло в моей комнате. Предохранитель заменили, но у меня, честно признаюсь, не хватило духа пойти на риск еще одного замыкания. Я вновь упаковала вещи, чтобы найти пансионат или частную квартиру, откуда бы смогла вести передачу. О том, что можно пропустить еще один сеанс, не могло быть и речи...»

К этим словам Рут Вернер хочется лишь добавить: железные люди жили по железным законам!

— Я убеждена,— говорила Рут Вернер,— что китайцы в своей массе никогда не забудут помощи советских людей. Не могут забыть! Без этой щедрой, искренней и подлинно героической помощи не было бы у них сорок девятого года...

Новая дорога, новые задания...

В канун грозы

Язык радиограмм из Центра всегда строгий, краткий, без эмоций, как и должно быть в боевых условиях. Но в тот день Центр изменил себе. Точка — тире, посылаемые им, звучали здесь, в Данциге (ныне — польский город Гданьск), задавленном Гитлером, вдохновеннее любой поэзии, они складывались в слова и строчки, неожиданные и, кажется, неправдоподобные, как будто Центр перепутал адрес:

«Дорогая Соня!

...Вы награждены орденом Красного Знамени. Сердечно поздравляем Вас и желаем дальнейших успехов в работе. Директор».

«Позже,— вспоминала Рут Вернер,— я пережила еще такой же день, когда до последнего мгновения не верила, что все случившееся со мной действительно относится ко мне. Нас, группу лиц, отмеченных наградами, пригласили в Кремль. Через несколько минут в зал вошел пожилой седой человек. Это был Калинин. Для меня было особенно большой радостью получить орден из его рук. Я много читала об этом человеке и глубоко чтила его. До революции Калинин неоднократно сидел в тюрьме. Позднее он стал Председателем Центрального Исполнительного Комитета СССР. Хотя процедура вручения орденов наверняка была для него чем-то привычным, он вносил в нее трогательную теплоту и сердечность. Нас вызывали в алфавитном порядке. Калинин долго и крепко пожимал мне руку, и столь же долго аплодировали красноармейцы, командиры и комиссары — вероятно, потому, что среди них я была единственной женщиной. Мой орден был за номером 944, и носила я его только один день — так принято у разведчиков».

В руках уже новый заграничный паспорт. И фамилия новая. И биография. Путь в Швейцарию, где предстоит работать Соне, неблизкий, кружной. Нужно так запутать след, чтобы никто — ни тайный агент, ни случай — не смог «совместить» праздную леди с двумя детьми и няней с той, что совсем недавно выходила из Кремля и на сером простом костюме которой алел символ ненавидимого врагами Красного знамени. В Центре предупреждали: конспирация, самообладание, выдержка — вторая натура разведчика. Соне вспомнилась далекая Маньчжурия, «беседа» в оккупационной полиции, когда японский офицер, ведший разговор по-английски, вдруг сказал как бы между прочим по-русски: «Садитесь». Нетрудно представить, что было бы, если бы Соня, пусть на долю секунды, выдала себя? Но она держалась настороже и с естественным недоумением переспросила по-немецки: «Простите, что вы сказали?» Фокус контр-

разведчика, как говорят, не удался. И еще вспомнилась Швейцария — самое начало. Соню вызвал сотрудник службы безопасности. Начал разговор издалека, расспрашивал о вещах, казалось, второстепенных, а потом — прямо в упор: у властей есть сведения, что вы, дескать, пользуетесь радиопередатчиком. Не отпирайтесь! Стук ключа Морзе слышала посыльная из бакалейного магазина, она и донесла нам...

— Вот и предугадай,— повторила Рут Вернер немецкую пословицу,— откуда на тебя камень свалится.

Слушая Рут Вернер, затихли солдаты, затих стадион, вместивший дружественные полки. «Как же она вышла из беды?» — думал каждый.

Соня тогда мгновенно сообразила: скорее всего, речь идет о детской игрушке, купленной ею для сына, о действующей детской игрушке, состоявшей из телеграфного аппарата Морзе с ключом, зуммера, батарейки от карманного фонаря и таблицы морзянки. Сын до ухода в школу увлеченно занимался телеграфом, и девушка из магазина могла слышать именно его. «Не меня же,— убеждала себя Соня,— ведь я передаю ночью».

Сотрудник службы безопасности, задав свой вопрос, ожидал чего угодно, но не улыбки на лице собеседницы — задорной и снисходительной одновременно. Во-первых, перешла она в наступление, телеграфный аппарат, обеспокоивший юную душу, можно купить в ближайшем магазине игрушек — пройдемте, пожалуйста. Во-вторых, приглашаю вас к себе в дом, приглашаю сейчас же, где вы увидите этот криминальный предмет в собранном и, правда, достаточно потрепанном виде. Чиновник, подкупленный искренностью, отклонил предложение женщины. Самообладание — в который раз! — с верностью послужило разведке.

Центр — Соне: «Разведайте и донесите...»

Центр — Соне: «Срочно сообщите...»

День ото дня нагрузка возрастала. И Рут понимала, почему. Рядом — вот она, граница,— лежала Германия. Гитлеровская Германия. Вчера еще в кострах, зажженных фашистами, горели книги — украшение культуры человеческой. Сегодня аппетит иной: в костер, готовый вспыхнуть, будет брошена вся Европа, весь мир. И все это во имя рейха, фашистской Германии, которая, как горланят штурмовики, превыше всего. Больно было Соне, больно было ее товарищам, знавшим Германию другой. Боль рождала ненависть, боль рождала мужество. Группа Сони обрастала связями, проникала в саму Германию. Информация, уходившая в Центр, уточняла обстановку, обогащала ее подробностями, деталями, не имевшими цены. Чем чаще встречались разведчики со своими добровольными помощниками, тем

сильнее чувствовали: несть числа бойцам против Гитлера, против фашизма! Дипломат... Библиотекарша... Инженер... Крестьянка... Они сознавали, что Гитлер и фашизм — это скорая война, что нужно всеми возможными мерами противостоять ей. Соня с гордостью свидетельствовала: ни одного рубля, ни одного доллара, ни одной марки не было передано им в качестве вознаграждения, хотя многие из них, оказавшись в эмиграции, нуждались. Вот мера духовной чистоты!

В те дни Рут услышала новость, которая поначалу выбила ее из колеи: «Решением швейцарского правительства запрещен выход в эфир радиолюбителям». Это плохо, очень плохо! Неужели и мы должны замолчать? Нет, нельзя. «Нельзя»,— первым отозвался Лен, только что вернувшийся с задания. Из разведчиков-радистов, подготовленных ею здесь, в Швейцарии, это был самый перспективный ученик. И не потому, что к технике питал прирожденную любовь. Главное, какой-то особой ответственностью в деле выделялся, выдержкой — тут, конечно, Испания сказалась, те горячие бои с фашизмом, которые обожгли, закалили его на всю оставшуюся жизнь. Лен брался за самые опасные дела, его энтузиазм был словно бы врожденной чертой характера. «Когда в 1959 году,— вспоминает Рут Вернер,— английские и американские участники войны в Испании впервые приехали в ГДР, я узнала от них о его отчаянном бесстрашии. Это его качество побудило в Испании некоего американского психолога пригласить Лена на «профессиональную беседу»: он до сих пор не встречал еще человека, начисто свободного от физического страха. Однако из-за той же безграничной способности идти на риск повседневность не удовлетворяла Лена. Было бы, впрочем, ошибкой,— подчеркивает Рут,— считать его авантюристом».

— Нет! — повторил Лен, узнав, что правительство запретило выход в эфир.— Мы будем продолжать работать!

Все одобрили это. С одобрения Центра были без промедления изменены места тайников, сжаты до предела сроки пребывания в эфире: радиопередатчик, чтобы сбить со следа пеленгаторы, кочевал по всей округе. Сейчас, например, безвестный крестьянский хуторок, приютивший Соню, отстукивал свои точки—тире. Глазами бойцов, выдвинутых вперед, Москва видела, как зреет гроза, принимала меры безопасности.

Во время одного из сеансов Соня получила распоряжение Центра, полное непривычных подробностей. Нужно как можно быстрее встретиться с товарищем Н., помочь ему — это вкратце. Но что случилось с товарищем Н.? И кто он? Ни имя по легенде, ни адрес ни о чем не говорили. «Я отправилась в Женеву, пошла

на рю Лозанн, бросила письмо в почтовый ящик дома 13 и спустя несколько дней наведалась в Женеву во второй раз, чтобы повидаться с коллегой».

И тут, пожалуй, лучше всего послушать самого незнакомца.

— Моя группа с началом второй мировой войны оказалась в трудном положении. Швейцария наглухо перекрыла свои границы. Почтой, как мы делали раньше, добытую информа-

Рут Вернер

цию не перешлешь. Что предпринять? Каким каналом связи воспользоваться? У нас был радиопередатчик, его разрешалось расконсервировать при крайней необходимости. Такой момент настал. Но беда была в том, что группа не имела ни радиста, ни шифра, ни программы радиосвязи. Я нервничал, удивлялся молчанию Центра. В военное время остаться без связи!

Вскоре нашему ожиданию пришел конец. После понятных предосторожностей ко мне в женевскую квартиру постучала женщина, высокая и стройная, в облегающем шерстяном платье, лет тридцати пяти. В кабинете мы обменялись паролями.

— Мой псевдоним Соня,— с улыбкой сказала гостья...

Теперь слово Рут Вернер.

— Мы молча рассматривали друг друга. Человек, назвавшийся Альбертом, был приземист, расположен к полноте, его

движения казались несколько неуклюжими. У него были темные волосы и темные глаза с меланхоличным выражением. Мне понравился его кабинет, полный книг и географических карт, с письменным столом, заваленным журналами и записями. Альберт, или товарищ Н., оказался, как стало известно мне впоследствии, Шандором Радо, известным ученым-картографом и... советским разведчиком-интернационалистом. Кто читал его книгу о годах нелегальной деятельности, тот знает, какую работу он выполнил во имя разгрома фашизма. Его картографическое «Гео-пресс бюро» в Женеве было превосходной «крышей».

А тогда — в конце тридцать девятого и в сороковом Соня по приказу Центра многие месяцы вместе со своими передавала и его донесения.

— Мой передатчик,— рассказывает Рут Вернер,— был загружен полностью. В первые три месяца Альберт передавал мне свои радиограммы, написанные открытым текстом, так что от меня требовалась немалая расторопность. Мне приходилось забирать у него тексты, шифровать их, по ночам передавать в эфир, а потом еще расшифровывать полученное из Центра для него или для меня самой. Я доставляла Альберту ответы и получала от него новые донесения. Дорога в Женеву и обратно занимала примерно три часа. Спасибо Лену, он придумал приспособить для доставки альбертовых текстов карманный фонарь. Лен выпотрошил одну из двух батареек, залил на донышко немного свинца, чтобы не изменялся вес, а в оставшееся пустое пространство мы закладывали свернутую в трубочку папиросную бумагу с текстом, после чего вновь закрывали батарейку. После такой операции внешне она ничем не отличалась от любой другой. Мы пользовались лампочкой, которой требовалось несколько меньше вольт, и, питаясь всего от одной батарейки, фонарь все же светил нормально.

Заботы... Заботы... И это не все: надо было обучить для него радиста, вышло, что двух, так как вслед за Эдмундом Хамелем охотно согласилась помогать Шандору Радо и жена его — Ольга. «О, эта работала с азартом! — вспоминает Рут Вернер.— Случалось, что заспанный Эдмунд в пижаме и ночных туфлях заглядывал в кухню, где мы практиковались, и жалобно вопрошал: «Еще не кончили? Когда же наконец ты пойдешь спать?» Ольга нетерпеливо отмахивалась».

О Хамелях — жене и муже — стоит рассказать подробнее. «Эдмунд,— вспоминает Рут Вернер,— имел в Женеве небольшой радиомагазин — ремонтную мастерскую. Над магазином помещалась скромная квартира. Эдмунд был неторопливым, добродушным человеком, его жена Ольга — темпераментная

красавица с густыми черными, как смоль, волосами и такими же черными глазами. Когда мы лучше узнали друг друга, она поведала мне, что родом из деревни, работала в городе в баре и там повадки мужчин очень скоро стали ей поперек горла. Тут появился Эдмунд, солидный, спокойный, застенчивый; это ей понравилось. Ольга обслуживала магазин, Эдмунд занимался ремонтом радиотехники. Хамели не только добровольно вызвались стать радистами, но и предоставили свою квартиру для радиопередач. Они знали, что это опасно, но жажда борьбы против фашизма была выше страха. И позднее, когда Эдмунд и Ольга были арестованы, они вели себя мужественно».

Они были стойкими антифашистами — Эдмунд и Ольга Хамели.

Бойцами первой линии...

Когда Соня уехала из Швейцарии, она долго-долго оставалась еще в ней, оставалась в Эдмунде и Ольге, в каждом винтике, в каждой радиодетали, хранивших тепло ее рук. «Разведчик,— писал Шандор Радо, думая о Соне,— сам по себе ничего не значит, если у него нет хорошо налаженной связи с руководством...»

Военные люди привычны к перегрузкам, к дорогам, их сборы кратки, точно сигнал тревоги, и все же, слушая Рут Вернер, слушая Соню, многие из сидевших на армейском стадионе недоумевали: как она выдержала все? Мысль рисовала карту: Шанхай, Мукден, Пекин, Данциг, Варшава, Женева... Да, судьба разведчика — солдатская судьба!

Настало 22 июня 1941 года.

Рут была потрясена войной, вероломством Гитлера. Она плакала. Беспрестанно задавала себе один и тот же вопрос: как там, в России? что с друзьями?

Многие на Западе были тогда уверены, что Советский Союз не устоит под натиском фашистских полчищ. Один английский деятель пророчествовал: «Германский вермахт пройдет сквозь Россию, как горячий нож проходит сквозь масло». Это высказывание вскоре стало повсеместно известным.

Соня понимала, какое перенапряжение испытывают Советский Союз и его армия. Мыслями своими, сердцем своим она уносилась на гигантский фронт, где величайшим мужеством советских воинов, партизан, самоотверженным трудом народа решалась судьба не только их страны, но и всей планеты. Как важна была помощь друзьям в это неимоверно тяжкое для них время!

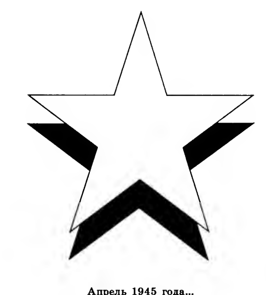
Но вот грянула битва под Москвой, а разгром гитлеровских армий под Сталинградом прозвучал уже похоронным звоном для гитлеровской клики.

Соня хорошо понимала, что у советских людей впереди еще немалые муки, немалые испытания, но впереди занималась победа — и не уставали солдаты. И те, что шли в цепях, громивших врагов, и те, что действовали не менее доблестно на фронтах невидимых. И когда на стол Ставки Верховного Главнокомандования клали, скажем, донесения разведчиков о состоянии войск противника, о производстве вооружения, и когда командиры и штабы Красной Армии использовали эти данные при разработке новых наступательных операций, 9 Мая становилось ближе.

* * *

— Вы, товарищ Рут Вернер, были всегда с нами, всю войну. Ваши радиограммы из глубокого вражеского тыла,— сказал советский генерал, вручая Рут Вернер второй орден Красного Знамени,— это же снаряды, неоценимая боевая помощь Красной Армии... И хотя все эти годы вы находились далеко от Советской земли, далеко от рейхстага, который штурмовали советские герои,— и ваше имя достойно числится в ряду победителей.

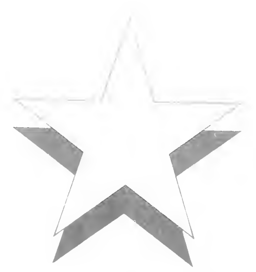
...Солдаты встали, чтобы проводить дорогую гостью, бесстрашную Соню, верного друга Советского Союза и Советской Армии, известную общественную деятельницу ГДР. Рут Вернер задержалась на минуту: — От всего сердца мои приветы советскому народу и советским солдатам. Ваши отцы и деды ценой тяжелых жертв освободили от фашизма нашу немецкую землю, спасли мир от гибели. Сыновьям и внукам, стоящим на боевом посту, желаю успехов и счастья. Я обнимаю всех с глубоким чувством!

Апрель 1945 года...
Пытаясь отразнть
наступлеиие Красной Армни,
гитлеровцы создалн под Берлнном
особенно глубокую оборону,
плотно насыщенную войскамн.
Для вскрытия этой вражеской
группнровкн в тыл врага
было направлено иесколько групп
советскнх воеиных разведчнков.
Одну из ннх возглавнл
капнтан Александр Льговскнй.
Разведчнкн действовалн
до последних дней,
до последннх залпов войны
н заданне выполннлн с честью.
Об нх геронческнх делах —
очерк Владимира Карпова.

В. Карпов

Последнее задание

Александр Льговский

Что ожидает наших разведчиков за пределами родной страны? Непривычный образ жизни, чужие порядки, чужой язык. И вот в таких условиях предстоит вступать в контакты с людьми, искать среди них помощников; одними глазами, даже в бинокль, сам разведчик многого не увидит.

Все это понимали и заместитель начальника штаба фронта генерал Илья Васильевич Виноградов, и офицер, которому была поручена заброска разведгруппы. Понимали конечно же и те, кому предстояло выполнять задание.

Каждое задание имеет свои особенности, двух похожих, наверное, за всю Отечественную войну не было. То, о котором пойдет рассказ, имело несколько таких особенностей.

Своими действиями разведчики выявляют силы, группировки и намерения противника и тем самым обеспечивают успех своих войск. Чтобы были понятны цели группы капитана Льговского, о которой пойдет разговор, необходимо представить хотя бы в общих чертах обстановку на фронте в начале 1945 года.

Война приближалась к концу.

После успешных операций 1944 года Ставка предполагала разгромить гитлеровскую Германию в два этапа. Первый — операции в Восточной Пруссии, Польше, Чехословакии, Венгрии с задачей выйти на рубеж Быдгощ — Познань — Бреславль — Вена. Второй — полностью завершить разгром врага и овладеть Берлином. Три фронта и Краснознаменный Балтийский флот выполняли главную задачу на завершающем этапе. 1-й Белорусский (командующий Г. К. Жуков) наступал на Берлин в центре; 2-й Белорусский (командующий К. К. Рокоссовский) наступал севернее; 1-й Украинский (командующий И. С. Конев) наступал южнее Берлина.

Каждый фронт вел разведку в своей полосе. Группа Льговского должна была действовать от 2-го Белорусского фронта.

Вот что писал о разведке в эти дни маршал Рокоссовский: «Мы знали, что перед нами сильный противник, упорство которого будет возрастать по мере продвижения по его территории. Важно было сделать так, чтобы наше наступление не вылилось в затяжные бои, а было стремительным, неудержимым, чтобы враг не мог планомерно отходить, цепляясь за выгодные

рубежи. Вот почему было уделено большое внимание тщательной разведке как переднего края вражеской обороны, так и всех рубежей в ее глубине, которыми гитлеровцы могли воспользоваться при отходе».

Конечно же, говоря об этих рубежах, маршал Рокоссовский имел в виду не только их инженерное оборудование, но и войска, занимающие эти рубежи, их силы, вооружение и т. д. Наступление в завершающей кампании намечалось начать не ранее 20 января. Но для принятия обоснованного решения полную ясность о группировке противника следовало иметь намного раньше. В эти дни сложились два важных обстоятельства, создавшие огромное напряжение в боевых действиях советских войск и повлиявшие на сроки выполнения задач. Первое обстоятельство заключалось в том, что англо-американские войска попали в трудное положение: гитлеровцы нанесли по ним удар в Арденнах. Союзники несли тяжелые потери и просили выручить их наступлением наших войск. Верховный Главнокомандующий, выполняя союзнический долг, приказал фронтам перейти в наступление на несколько дней раньше намеченного срока.

Начав наступление утром 14 января, войска 2-го Белорусского фронта успешно продвигались вперед. Они уже подходили к Висле и готовились форсировать ее с ходу, но 20 января неожиданно поступил приказ Ставки — повернуть четыре армии фронта на север, выйти к Балтийскому морю и изолировать тем самым Восточно-Прусскую группировку врага от Центральной Германии. Этому повороту и в направлении, и в действиях войск в немалой степени способствовали данные разведки. Вот что пишет К. К. Рокоссовский о добытых разведчиками сведениях:

«...Действовавшие на территории Восточной Померании немецкие войска объединялись в группу армий «Висла», которой командовал Гиммлер. Она насчитывала в общей сложности свыше тридцати дивизий, в том числе восемь танковых».

Наступать на Берлин, имея на фланге такую сильную угрозу, как группа армий Гиммлера, было опасно и нецелесообразно. Поэтому Жуков и Рокоссовский решили совместными усилиями фронтов выйти к морю и, как пишет Рокоссовский, «рассечь вражескую группировку на две части. После этого наш фронт уничтожает ее восточную часть, а сосед — западную».

Появилась новая мощная группировка врага — нужны были и новые щупальца разведки, чтобы выявить силы, направление движения частей этой группировки. Для выполнения такой большой задачи были задействованы и авиация и многие другие средства. Ну и как своеобразный рентген для «просвечи-

вания» группировки изнутри потребовалось забросить и развед-группу в тыл.

И вот тут возникла некоторая особенность и необычность предстоящего задания. Раньше наши разведчики, выполнявшие подобные задачи, действовали в тылу фашистов на своей земле, в своих лесах, в окружении соотечественников, большинство из которых готовы были помочь и помогали в трудную минуту.

Александр Льговский

Была еще одна особенность, не менее важная и сложная. Но если о трудностях, вытекающих из необходимости действовать в логове врага, все говорили открыто, то о второй особенности никто не говорил ни слова, но каждый думал о ней неотступно: и начальники, и те, кто готовился прыгать с парашютом. Как отразится и к чему приведет эта невиданная раньше в практике работы особенность? Была она, так сказать, психологической загадкой. Начальники, готовившие разведчиков, не спрашивая прямо, пытались разгадать ее в их глазах во время бесед.

Суть психологической загадки заключалась в том, что это было одно из последних заданий; заря Победы уже занималась над землей, приближалась мирная жизнь, появилась реальная возможность остаться живыми!

Вот и задумывались офицеры штаба над тем, как поведет себя тот или иной человек в этих условиях.

Вот такие неожиданные повороты обретала психологическая особенность предстоящего задания. Самый правильный и надежный выход из создавшегося положения увидел раньше других генерал Илья Васильевич Виноградов. Он много думал о подборе опытных людей. На задание должны быть посланы проверенные разведчики. Это на первый взгляд простое решение отнюдь не было простым. Не так-то просто было генералу Виноградову одобрить предложение работников штаба послать на одно из последних заданий лучших разведчиков накануне радостного дня, когда невероятно трудные и опасные дела, свершенные ими во имя Победы за долгие годы войны, остаются позади.

Кому, как не славным воинам-ветеранам, дожить до праздничного Дня Победы! Но верно и то, что только наиболее опытные разведчики могли выполнить задание.

Переживания генерала будут более понятны, если учесть, что он был не только заместителем начальника штаба фронта, но и человеком со свойственным ему чувством огромного уважения к разведчикам. Он не только знал все тонкости их труднейшей профессии. Соблюдая необходимую в такой работе строгость и деловитость, генерал искренне любил их.

Итак, подготовка группы была поручена майору Захарову. Майор отобрал наиболее подходящих для задания людей. Вполне естественно, многое зависело от командира: на задании он всему голова. Захаров остановил свой выбор на капитане Александре Льговском. По боевым делам, которые совершал Льговский, он вполне подходил для руководства группой. Помнил Захаров и о психологическом факторе, на который генерал велел обратить особое внимание. Может быть, поможет личный разговор, в котором и происходит то самое проникновение в сокровенные уголки души человеческой?

Захаров пригласил Льговского на беседу. Он пришел точно в назначенное время. Спокойно, деловито поздоровался с Захаровым, сел напротив, прямо посмотрел в глаза. Взгляд его и без слов понятен: «Я вас слушаю, готов к выполнению приказа».

Льговский был среднего роста, коренастый, одет в летнюю форму. Форма сидела на нем ладно, выглядел он настоящим асом. Захаров подумал, что Льговский и есть ас, только в своем деле. Когда Льговский снял фуражку, обнажилась его побелевшая от седины шевелюра. Да, если в тридцать четыре года у человека седые волосы, это говорит о многом!

Захаров попросил капитана рассказать о себе. Льговский стал говорить коротко, словно отвечал на анкету:

— Я вологодский, русский, родился в селе Никольском. В партию вступил в 1931 году. В Красной Армии служу с

1932 года. Окончил школу техников авиационного вооружения, а потом работать пришлось вот по нашей линии. Ну, какие задания выполнял, вам известно.

Захаров действительно знал об этом; в августе 1943 года Льговский был заброшен в тыл врага с группой офицерского состава, находился в тылу до середины 1944 года в должностях комиссара партизанского отряда, командира отряда, командира партизанского полка.

Сколько за всем этим стояло опасностей, критических, казалось бы безвыходных, ситуаций, уничтоженной техники и живой силы врага, больших и малых побед над фашистами!

Льговский не только понравился майору Захарову, а как-то сразу укрепил своим спокойствием и твердостью веру: да, капитан несомненно сделает все, чтобы выполнить задание.

После утверждения Александра Льговского командиром других членов группы майор Захаров подбирал вместе с ним. Тут уж решающее слово за капитаном, ему идти с этими людьми в тыл врага, и поэтому он сам должен подобрать тех, кому доверяет во всех отношениях.

Заместителем себе Льговский взял старшего лейтенанта Григория Оношко. Он тоже не особенно молодой — ему тридцать один год. Родился в Черниговской области, украинец. Закончил семь классов, потом сельскохозяйственный техникум. А в 1935 году поступил в военное училище. Окончил его и до начала войны был пограничником. На фронте с первых дней войны.

Очень важным как при выполнении задания, так и в деле использования данных, которые будут добыты группой, является связь. Поэтому Льговский обратил особое внимание на подбор радистов. Он попросил себе не одного, а двух радистов. Одним из них стала Надежда Четверухина. Родилась в Пензенской области в 1917 году. До войны жила и работала в Москве. Член партии. Когда начались боевые действия, ей конечно же хотелось быть в Красной Армии. Надя окончила курсы медсестер и пошла на фронт, вытаскивала с поля боя раненых. Но все-таки хотелось не только перевязывать раненых, а как-то более активно участвовать в борьбе с врагом. Поэтому она поступила на курсы радистов, окончила их с отличием, а по окончании попросилась не просто в дежурные при штабе радистки, а на какие-нибудь более опасные дела. Ее желание учли, и вот она стала радисткой группы Льговского. Надя была небольшого роста и выглядела моложе своих лет. Она была очень спокойная и добрая в обращении с людьми девушка.

Другим радистом стал Аркадий Брускин. Он помоложе Нади — ему всего двадцать лет. До войны учился в Полтаве.

Веселый, общительный, бывший комсомольский работник. Брускин уже имел опыт работы в тылу врага. По заданию Центрального штаба партизанского движения его забрасывали в составе группы в Белоруссию. Вышел из тыла только в июле 1944 года.

Бойцами в группу были зачислены: Николай Шевченко, украинец, в Красной Армии с 1940 года. В первые же дни войны, в июне сорок первого года, раненный, попал в плен, но в марте сорок третьего бежал к партизанам.

Виталий Василевич, двадцать два года, белорус, из Гродненской области, беспартийный. В Красной Армии не служил, некоторое время находился в партизанском отряде. Хорошо знал польский язык.

Зигмунду Кравецкому шел двадцать шестой год, он поляк, из рабочих, беспартийный. В июне 1943 года был мобилизован в вермахт. В 1944 году часть, в которой служил Кравецкий, была направлена на Восточный фронт. И Зигмунд при первой же возможности перешел на сторону Красной Армии. Знает немецкий и польский языки, что очень ценно для группы.

Все разведчики должны действовать в тылу под видом беженцев из восточных районов, которые оказались здесь в результате отступления германской армии. Каждый из них, конечно, имел свою легенду — биографию, специально разработанную на тот случай, если придется давать какие-то объяснения о себе. Например, легенда Льговского была такой: он, Павлов Александр Павлович, родился в Псковской губернии. Отец его имел свое хозяйство, крестьянствовал, погиб под Псковом в 1918 году. Мать Пелагея Афанасьевна тоже умерла в голодный 1921 год. До 1929 года сам Александр Павлов работал в своем хозяйстве. Имел две лошади, четыре коровы, но все потерял во время коллективизации и уехал в город Никольск Вологодской области. Жена и сын тоже уехали из деревни в том же году, судьбы их сейчас Павлов не знает. И вот, когда началась война, он находился в Минске. Ну а когда приблизилась линия фронта к Минску, когда уже отступали немецкие части, подался сюда, в тыл.

Нечто похожее было вложено и в биографии всех членов группы. Каждый из них мог объяснить гитлеровцам, почему отходил с отступающими немцами.

Группа была вооружена: у каждого автомат, пистолет, по две гранаты...

Чтобы не вступать в контакты с жителями в первые же дни, группу обеспечили продовольствием на несколько суток.

Командир группы изучил сам и ознакомил своих разведчиков с приказом на задание, которое им предстояло выполнить.

В общих чертах он заключался в следующем: группа должна приземлиться на границе Польши и Германии в районе города Бютов (ныне Бытув) и контролировать переброски войск, вооружения и боевой техники противника по железной и шоссейным дорогам. Кроме того, следовало вскрыть вражеские гарнизоны в ряде городов.

Когда подготовка была завершена, майор Захаров прибыл с группой на аэродром. В ночь с 17 на 18 февраля 1945 года разведчики погрузились на самолет ЛИ-2 и, попрощавшись с Захаровым, улетели в тыл врага.

Майор не уходил с аэродрома до возвращения самолета. Летчики рассказали: группа приземлилась в указанном районе, перед прыжком все вели себя хорошо, были собранными и бодрыми. Выпрыгивали без задержек. Все парашюты раскрылись.

Это должно было бы успокоить майора Захарова. И в какой-то степени он действительно порадовался тому, что все обошлось благополучно. Но благополучно было только на взгляд летчиков, которые смотрели сверху. А что ждало разведчиков на земле? Как они приземлились? Об этом пока никто ничего не знал.

А там под покровом ночи происходило следующее. Разведчики по одному опускались на землю и, вполне естественно, не видели друг друга во мраке. Как это случается во время десантирования, они оказались в разных местах. В районе высадки, на их счастье, противника не оказалось. Они приземлились на поляну неподалеку от леса. Через сорок минут вся группа была в сборе. Тут же обнаружилась первая неудача. Почему-то грузовой мешок оторвался от парашюта в воздухе, и все содержимое мешка разбилось. Хорошо, что не было в этом мешке радиостанции и питания к ней! Надя не выпускала рацию из рук ни на минуту и прыгала с ней. К тому же парашют унесло ветром куда-то, группа не смогла его найти.

Это сразу же озадачило всех членов группы, потому что они понимали: парашют с рассветом будет противником обнаружен и сразу же начнутся поиски десантников в этом районе. Льговский немедленно повел группу подальше от места приземления. Разведчики шли очень осторожно, часто останавливаясь, прислушиваясь и вглядываясь во мрак.

Но вскоре, когда улеглось первое волнение, когда группа убедилась, что пока реальной опасности нет, они пошли вперед смелее.

Шли лесом. Разведчики хорошо знали, что на всех дорогах патрулируют посты жандармерии и не только проверяют документы, но и задерживают подозрительных. В населенных пунктах, где не стоят воинские части, находятся полицейские, кото-

рым поручено следить за всеми посторонними, кто может появиться в ближних деревнях и фольварках. Местные жители запуганы провокациями гестапо, которое подсылало специально провокаторов под видом дезертиров и всяких скрывающихся от властей элементов. И когда некоторые жители оказывали таким людям помощь, то провокаторы их выдавали и эти жители жестоко наказывались, что отучало других оказывать содействие посторонним.

Сделав короткую остановку в лесу, Льговский приказал развернуть радиостанцию и дал первую радиограмму в штаб. Вот ее содержание: «18.2.45. Приземлились благополучно. Собрались все. У грузового мешка оторвался парашют, груз использовать нельзя».

Тут же была получена ответная радиограмма: «Горячо поздравляю с приземлением и началом работы. Желаю успехов и здоровья. Будьте осторожны. Жму всем руки».

Когда рассвело, разведчики сориентировались. Они вышли к опушке леса и, читая в бинокль указатели с надписями на дорогах, точно определили, где находится группа. Углубившись назад в лес, решили здесь и создать первую базу. У них не было ни конспиративных квартир, ни явок, ни связей с местными жителями — все это предстояло организовывать. Поэтому Льговский сказал:

— Надо обследовать прилегающий район и попытаться наладить контакты с местными жителями. Кравецкий пойдет со мной в восточном направлении. Брускин и Николай Шевченко отправятся на запад. Григорий Оношко, Виталий Василевич, Надя Четверухина остаются здесь, на месте, с имуществом группы и ждут возвращения людей на базу. Срок возвращения всем через два дня.

Взяв запас продуктов, боеприпасов, разведчики попрощались и разошлись в своих направлениях.

Шевченко и Брускин весь день ходили по лесу — должны же быть здесь люди, скрывающиеся от гитлеровцев. Так никого и не встретив, решили поискать таких на одиноких фольварках. Вышли на опушку и стали наблюдать за небольшим хутором. Наблюдали за ним часа два, но ничего интересного не обнаружили. И вот около 11 часов ночи вдруг услышали стук деревянных подошв по земле. Земля за ночь промерзла. Стук был слышен далеко, кто-то шел в их сторону по полевой дороге. Ну, раз стучали деревянные подошвы, то, очевидно, это был местный житель.

Вскоре разведчики увидели: по дороге шел молодой мужчина. Был он явно навеселе, в хорошем настроении, что-то даже напевал вполголоса. Наверное, возвращался от какой-нибудь

зазнобы на соседнем хуторе. В общем, он не подозревал, что с ним вот-вот произойдет. Разведчики вышли ему навстречу, остановили, и Шевченко спросил по-польски:

— Почему нарушаешь комендантский час? Почему болтаешься по дорогам?

Разведчики с немецкими автоматами на груди выдавали себя за патруль и умышленно говорили властно. Парень растерялся, стал объяснять, что он живет на хуторе, вот здесь, около леса, что он, собственно, находится дома и не шляется, а ходил по делу.

Когда же разведчики, опасаясь долго маячить на дороге, увели его в лес, чтобы поговорить, парень смекнул, что это вовсе не патруль, а люди, которые сами опасаются чужих глаз. Он стал с любопытством разглядывать новых знакомых. Но у разведчиков не было времени вести сложную игру, и, учитывая, что этот парень полностью в их власти, они ему прямо сказали, что пришли от Рокоссовского. Принадлежность к войску Рокоссовского у поляков была очень популярна. Об этом разведчики знали и бросили таким сообщением, как говорится, пробный камень.

Парень оживился. Было видно, что он доброжелательно относится к советским людям. Он стал приглашать новых знакомых к себе в дом. Разведчики, выяснив, что нет поблизости ни гитлеровцев, ни их патрулей, пошли с этим парнем.

Парень привел их в свой дом и познакомил с отцом. Старик, оказывается, служил в армии в первую мировую войну, был в плену у русских и сносно говорил по-русски. Он явно симпатизировал им и готов был насолить «швабам».

Старик сказал, что неподалеку отсюда, километрах в семи, живет лесничий Ромуальд Пиановский, его хороший знакомый и друг, он знает обстановку лучше его и знает многих хлопцев, которые скрываются от фашистов в лесу. В общем, этот человек будет очень полезен, надо идти к нему.

Посоветовавшись, Брускин и Шевченко решили не рисковать. Все их передвижения в этом районе, конечно, были опасны. Поэтому они попросили старика, чтобы он пригласил сюда, в свой дом, Пиановского для разговора. И объяснили, что идти к нему для них опасно. Старик согласился с их доводами и отправился за лесничим.

Разведчики не стали угрожать или предупреждать насчет того, что будет, если он вместо Пиановского приведет сюда гестаповцев или полицию. Брускин только сказал старику, когда тот уходил: «Мы вам верим». И он действительно верил этому человеку. Прежняя партизанская работа научила его разбираться в людях.

Конечно же из предосторожности они все же действовали по-своему: Шевченко остался в доме, а Брускин вышел к дороге и вел наблюдение, кто будет приближаться к хутору. И вот через некоторое время Брускин увидел человека в военной форме. Он ехал к хутору на велосипеде. Зима в этих краях не суровая, и поэтому даже в феврале люди здесь ездят на велосипедах.

Если это жандарм, то почему один? Обычно они меньше двух не ходят. Когда человек подъехал ближе, Брускин понял, что это не военный, а лесничий — на нем была фуражка с дубовым листом, френч и сапоги с жесткими голенищами. Наверное, это и был Пиановский, опередивший на велосипеде посланного за ним старика.

Пропустив лесничего, Брускин некоторое время наблюдал за дорогой — не покажется ли вдали еще кто-нибудь? Но, никого не обнаружив, пошел в дом.

И вот состоялось знакомство. Пиановский — это был он — очень радушно и доброжелательно отнесся к разведчикам, высказал полную готовность им помочь. Он рассказал о себе следующее:

— В 1939 году, когда фашисты напали на Польшу, я служил в армии и попал в плен. Мой отец был лесничим в этом же лесничестве. Ему удалось дать немцам взятку и выкупить меня из плена. В то время, да и не только в то время, это было распространено, немцы брали взятки и зарабатывали таким образом. Я вернулся в родной дом, где жили моя жена и два сына. Отец в сорок третьем году умер, и с тех пор я занял его место и по настоящее время работаю лесничим.

Подумав некоторое время, Пиановский тоже решил довериться разведчикам и сказал, что в его доме сейчас скрывается его школьный товарищ. Он не так давно бежал из концлагеря и вот пробрался сюда, к нему в дом.

— Я бы пригласил вас в свой дом сейчас же, но у меня есть работница. Она из соседней деревни, очень религиозная и может довериться ксендзу, поэтому мне бы не хотелось, чтобы она вас у меня видела. Вечером, закончив работу, она уходит к себе домой. Вот вечером и удобно прийти ко мне.

Можно было заподозрить Пиановского: к вечеру в его доме разведчиков будет ждать засада. Но выбора не было, и к тому же разведчики надеялись, что им представится возможность проверить слова и честность лесничего. Они согласились. Договорились об условном сигнале: если в доме все благополучно и можно заходить, на окне будет стоять зажженная лампа.

Еще больше насторожились разведчики, когда Пиановский рассказал им, как легче найти лесничество. Он показал в окно на дорогу и потом немного правее, в лес:

— Там есть просека, надо идти по этой просеке. И, чтобы не заблудиться, лучше всего идти по телефонному проводу. Он вас и приведет к моему дому. У меня прямой провод с фельд-жандармерией. Немцы для того, чтобы вести наблюдение за лесом и за всеми появляющимися в лесах дезертирами и посторонними, специально установили телефонные аппараты всем лесничим. И, пользуясь этими телефонами, мы обязаны постоянно сообщать в жандармерию о тех, кто появляется в нашем районе.

Эти слова конечно же очень озадачили разведчиков. Но, не выдавая своего беспокойства, они стали расспрашивать лесничего о некоторых деталях:

— А сколько от вашего дома до жандармерии?

— Она находится в Суленчино. Это десять — двенадцать километров.

— А сколько от вас до ближайшей деревни?

— Три километра.

По тому, как лесничий свободно, не таясь, говорил о своей связи с жандармерией, было видно, что он искренен с разведчиками. Если бы он замышлял их выдать, то уж конечно же не стал бы так подробно рассказывать и о связи, и о месте расположения жандармов. В общем, разведчики решили поверить новому знакомому, но, конечно, и проверить его честность.

Сразу же после того, как Пиановский уехал в свое лесничество, не дожидаясь вечера, разведчики тут же пошли за ним следом и, укрывшись в лесу, установили наблюдение за домом. В течение дня ничего подозрительного замечено не было. Но разведчики поглядывали и на провода, которые уходили вдаль, в саму жандармерию. Мало ли что мог сообщить по этим проводам лесничий!

Вечером, как только ушла работница от Пиановских, на окне появилась зажженная керосиновая лампа. Разведчики двинулись в дом.

Пиановский принял их, одетый по-домашнему. Он сразу же пригласил гостей в свой кабинет. Это был уютный кабинет лесничего: на стенах висели ружья, рога, чучела птиц, портрет хозяина в форме польского офицера. И тут же, на столе, стоял телефон, вызвавший у разведчиков так много тревог.

Брускин и Шевченко сели к столу, развернули карту и попросили Пиановского ознакомить их с обстановкой в этом районе.

Пиановский, как и полагалось бывшему офицеру, очень толково и сжато изложил, в каких пунктах расположены воинские части, где, какие административные учреждения, где полицейские подразделения гитлеровцев. Он также охарактеризовал

мосты, дороги, контрольно-пропускные пункты, промышленные предприятия. Посоветовал, в каких местах лучше вести наблюдения за движением по дорогам.

Понимая, что разведчикам нужно расширять связи для сбора данных, он сообщил, кто может оказаться полезным. Назвал формирования из поляков, которые созданы немцами для несения охранной службы. Пиановский сказал, что в этих подразделениях есть люди, настроенные патриотически по отношению к Польше и готовые сражаться против гитлеровцев.

Главным условием своей личной работы Пиановский поставил полное ему доверие. Он сказал:

— Мне ничего не нужно за то, что буду вам помогать. Я горжусь тем, что ко мне пришли от Рокоссовского! Это для меня уже большое и ценное вознаграждение. Свое полное доверие к вам я доказываю тем, что рискую своей жизнью, семьей, домом, всем, что у меня есть. Если гитлеровцы узнают, что я вас просто приютил, этого уже будет достаточно для расстрела. Я готов помогать, но, чтобы окончательно убедить вас в моей полной благонадежности, сейчас скажу еще и такое, чего никто даже в моем доме не знает. В глубине леса, в надежном месте, я построил блиндаж, в котором находятся продукты, оружие, все ценное, что у меня есть. Я соорудил его, чтобы в случае необходимости укрыть свою семью. Кроме того, уже сделал немало, за что могут взять гестаповцы. Хотя бы за то, что бежавшего из лагеря товарища скрываю. Только один человек знает о блиндаже, он помогал мне оборудовать это место, надежный человек, я вас с ним познакомлю. И он будет тоже помогать вам. Местонахождение этого блиндажа знаем только он и я.

Шевченко спросил:

— А где находится тот ваш человек, который бежал из концентрационного лагеря?

— Он больной и слабый. Находится здесь, в доме. Я вас с ним потом познакомлю. Пока он в таком состоянии, что работать не сможет.

Раздался стук в ставню окна, и Пиановский отозвался по-немецки. Разведчики опять насторожились, даже готовы были схватиться за оружие. Но Пиановский сделал успокаивающий жест и направился к двери. Вскоре там показался высокий, худощавый парень. У него на плече висела винтовка, по-охотничьи опущенная вниз стволом. Сразу видно, что парень свой в этом доме. Он разделся, повесил пальто на вешалку, разулся и в вязаных белых шерстяных носках вошел в кабинет вслед за Пиановским.

— Знакомьтесь: Юзеф. Тот самый мой помощник, о котором я вам говорил.

Парень молча пожал разведчикам руки и, ничего не говоря, внимательно на них глядел, как бы ожидая распоряжений от них или Пиановского.

Лесничий пояснил:

— У Юзефа с немцами свои счеты.

Парень смущенно улыбнулся и отвел глаза в сторону. Лесничий веско ему сказал:

— Вот эти люди пришли от самого маршала Рокоссовского. Ты будешь им помогать. Выполнять все, что они тебе скажут. Отведешь их в наш бункер.

Парень при явной своей флегматичности быстро вскинул глаза на лесничего, видно, бункер действительно был их большой тайной. Пиановский подтвердил:

— Да, да, покажешь им бункер, они там будут жить и отдыхать. А ты будешь их охранять и выполнять все поручения, которые они тебе дадут. Понятно?

Парень кивнул. Он так и не сказал ни одного слова. Это понравилось разведчикам — не болтливый. Все время на протяжении разговора Брускин и Шевченко слышали тихие шаги в соседней комнате. Кто-то там ходил, явно стараясь шагать осторожно. Разведчики уже беспокойно переглядывались. Но вошла жена Пиановского, оказывается, она там накрывала на стол и теперь приглашала всех ужинать. Пиановский отправил Юзефа на кухню. Он считал, что парню не обязательно все знать.

За столом уже сидел мужчина высокого, наверное не менее двухметрового, роста, очень худой, изможденный и измученный.

— Это мой друг Юрек, о котором я вам говорил,— представил Пиановский.

Новый знакомый встал, молча поклонился. На протяжении всей беседы он мало говорил тихим, болезненным голосом. И конечно же, как правильно сказал Пиановский, пока не мог быть ничем полезен: даже говорить-то было трудно, сказав несколько фраз, он явно уставал.

Поужинав и потолковав о делах менее значительных, уже не относящихся к заданию разведчиков, они расстались. Было условлено, что завтра вечером Пиановский придет в тот самый бункер, о котором он говорил. А Юзеф сейчас пойдет с разведчиками на их базу. И после того как они сделают дела, которые им предстоит сделать, он приведет их в бункер, показав дорогу, то есть будет проводником.

С того момента, как разведчики разошлись по разным направлениям, прошло двое суток. Настало время возвращаться на базу, куда должен прийти и Льговский со своим спутником.

Дошли до базы благополучно. Здесь их встретили Оношко и Василевич; как и полагается мужчинам, они сдерживали радость по поводу возвращения товарищей, а Надя не скрывала этой радости, она засуетилась, как гостеприимная хозяйка, предлагала друзьям поесть, готова была вывернуть весь мешок с продуктами.

— Сыты мы,— сказал Брускин.— За таким столом сидели, даже на Большой земле сейчас таких не накрывают! — Аркадий коротко рассказал обо всем, что им удалось проделать, представил Юзефа, объяснил, кто он.

Группа Льговского на базу к условленному времени не вернулась. Что с ними? Ждать их или использовать так удачно подвернувшиеся возможности? Как и прежде, для соблюдения безопасности надо было прибыть в бункер намного раньше условленного времени, чтобы выяснить, не готовится ли там какая-то неприятность? Хоть и доверяли они Пиановскому, но помнили об одной из заповедей разведки: доверяй, но проверяй! К тому же Пиановский и сам мог не знать, что на его бункер случайно наткнулись гитлеровцы и ждут теперь в засаде хозяина этого тайного прибежища.

Однако сменить базу группы без разрешения командира разведки не имели права. Кто знает, может, Льговский найдет еще более удобные условия для выполнения задания. Надо ждать. Но и упускать возможность использования бункера не хотелось. Поэтому решили забрать с собой Оношко и в сопровождении Юзефа отправиться к блиндажу. Оношко, узнав дорогу, должен вернуться затем на базу группы, встретиться с Льговским, все ему доложить и, если тот решит воспользоваться бункером, привести группу к бункеру со всем имуществом туда.

Как всегда, разведчики шли к бункеру с большой осторожностью, постоянно прислушиваясь и ведя наблюдение,— впереди Юзеф и Брускин, за ними остальные. Встреча с Пиановским в бункере была назначена на поздний вечер, а они пришли туда рано утром. И каково же было их удивление, когда они, предварительно осматривая издали район блиндажа, вдруг услышали, что там кто-то ходит! Затаившись за деревьями, разведчики узнали в этом человеке самого Пиановского. Он прогуливался туда и обратно около бункера и постукивал гибким прутиком по голенищу сапог. Кого же он ждет задолго до условленного с разведчиками времени встречи? Наблюдали долго, но, никого не обнаружив, вышли из своего укрытия, подошли к Пиановскому. Он встретил их сердитым взглядом. Не говоря ни слова, протянул клочок бумажки Аркадию. Это была записка. В ней было написано по-польски: «Группа ждет вас».

— Что это значит? — спросил Брускин.

— Это я хочу вас спросить: что это значит? — зло сказал Пиановский.— Мы же с вами договорились: будем работать на полном доверии!

— Мы от вас действительно ничего не скрываем. И я не могу понять, что вы имеете в виду.

Пиановский задумался, опять нервно постукал прутиком по сапогу и сказал:

— Тогда это дело совсем серьезное! Вот что произошло. После вашего ухода через некоторое время ко мне в дверь постучали. Я открыл и увидел двух немцев в военной форме. Один — унтер-офицер с Железным крестом, другой — солдат. Они мне сказали, что сопровождали немецких беженцев в этот район, здесь их сдали, а теперь возвращаются в свою часть. И им хотелось бы отдохнуть. Я ответил: «Приму вас с удовольствием, но по инструкции фельджандармерии запрещено принимать солдат или кого-либо из посторонних и давать им приют без ее разрешения. Поэтому я сейчас позвоню в жандармерию, и мы вместе получим разрешение». Я заметил, мои слова их смутили. Им явно не хотелось, чтобы я звонил в жандармерию. Я тоже подумал, что это какие-то необычные немцы. Во-первых, такой ранний час — пять утра. И потом «швабы» в одиночку или по двое в лес не ходят. Меньше чем взводом они в лес заходить боятся. Форма на этих немцах мятая, неглаженая, оба небритые. И вообще какие-то они не нахальные немцы. Гитлеровцы всегда ведут себя вызывающе, грубо, а эти просили. Они поняли, что я о чем-то догадываюсь, и стали мне объяснять: если я позвоню в жандармерию, то там могут не разрешить остаться на отдых и скажут, чтобы они поскорее возвращались в свою часть. Вы же знаете, какая строгая жандармерия. В общем, мне эти немцы показались подозрительными, я их впустил в дом и в жандармерию не позвонил.

— Ну и кто же они? — нетерпеливо спросил Шевченко.

— Сейчас все узнаете. Вот что я обнаружил дальше. Попросил я жену приготовить им покушать, и она принялась накрывать на стол, а немцы стали умываться, приводить себя в порядок. И вот, когда один из них разулся, я увидел, что на ногах у него портянки из вафельного полотенца. «Откуда могут быть такие портянки у немца? — подумал я.— Гитлеровцы портянки не носят, у них носки». А потом, когда мы сели к столу, покушали и после этого захотелось закурить, один из «швабов» достал табак и стал делать самокрутки... из газет! Но у немцев всегда есть папиросная бумага. Ну, это меня совсем насторожило. Потом они легли спать. Я дождался, когда они заснут, и посмотрел их вещички. И вы знаете, что я там обнаружил?

Разведчики с любопытством и недоумением ждали, что же

скажет Пиановский. Он сделал паузу, еще раз внимательно и как-то с укором посмотрел на разведчиков и, покачав головой, высказал:

— Я обнаружил у них в сумке точно такие же карты, на каких я вам показывал, где находятся гарнизоны и части воинские в нашем районе! Точно такие же листы, какие вы имеете! Значит, это ваши люди. Значит, вы мне не все сказали и в чем-то не доверяете?

Пиановский помолчал, потом, опять строго посмотрев на разведчиков, продолжал:

— Вот, поняв, что вы мне не доверяете, я решил, что имею право кое-что выяснить сам. Взял осторожно их оружие и унес в другую комнату, спрятал его там. А потом подошел и разбудил этих немцев. И сказал им, показывая их же карты: если вы ищите своих коллег, тех парней, которые пришли от Рокоссовского, то они у меня были и ушли. А куда ушли, я не знаю. Были они у меня недавно. И вы мне тоже не морочьте голову, а выкладывайте, что вам нужно, если хотите, чтобы я вам помог. И признавайтесь, кто вы такие. Эти «швабы» или сделали вид, что не догадываются, о чем я говорю, или не хотели сказать, что они ваши товарищи, но, в общем, они стали меня про вас расспрашивать. Я им сказал то, что считал возможным, но на всякий случай не сказал, что мне известно ваше местонахождение. Немцы наконец ответили — он сам понимает,— они не могут сказать всего, но очень просят связать их с этими самыми парнями от Рокоссовского.

Я не хотел их выводить на вас, а посоветовал написать записку и сказал: может быть, они еще придут или я их встречу где-нибудь в лесу, тогда уж эту записку и передам. И вот сейчас я здесь так рано потому, что они спят.

Все было очень неожиданно и довольно подозрительно. То, что появились уже немцы в форме, каким бы предлогом их появление ни объяснял Пиановский, разведчикам не нравилось. Они посоветовались, что делать, как поступить, но без Льговского принимать какие-то решительные меры не могли.

Отпускать Пиановского домой разведчикам тоже не хотелось. Вся эта история очень усложнила отношения разведчиков с Пиановским. Появилось некоторое недоверие. Он это чувствовал, и разведчики понимали, что он это чувствует. И не хотелось им обижать его, если он действительно окажется честным патриотом. Осторожность требовала не проявлять торопливость, но и медлить нельзя; в общем, действовал еще один закон разведки: не спеши, но поторапливайся.

Решили послать Оношко на базу и, если вернулся Льговский, срочно вести его сюда. Когда прибыл Льговский с группой, ему

доложили обо всем проделанном и добытом и о том, что происходит. Он тоже ничего не знал о появившейся группе. Решил все-таки послать двух человек на связь к этим странным немцам.

В дом лесничего пошли Аркадий Брускин и Николай Шевченко, за ними поодаль следовала другая группа разведчиков, которая должна была вести наблюдение за тем, что произойдет в доме лесничего, и помочь товарищам, если возникнет такая необходимость.

Осмотрев предварительно прилегающие к лесничеству местность и дороги, разведчики вошли в дом. Они застали немцев еще спящими. Эта их беззаботность, а может быть, и предельная усталость говорили о том, что все-таки это не настоящие гитлеровцы. Что-то с ними произошло: или они дезертиры, или действительно наши разведчики, заброшенные в тыл, и что-то у них не ладится. В общем, первое впечатление у разведчиков сложилось благоприятное. Они ушли в кабинет Пиановского, а Пиановский разбудил немцев. Те оделись, умылись и вошли в кабинет. Присутствие незнакомых людей их не удивило и не насторожило, они понимали, что это не представители власти, а люди, приглашенные Пиановским по их же просьбе.

Для того чтобы установить какой-то контакт и хотя бы минимальное доверие, разведчики положили на стол свои карты, рядом с точно такими же картами советского издания, которые были обнаружены в вещах этих немцев. Увидев карты, немцы поняли, с кем имеют дело.

Один из них представился: Фриц Келлер, а второй назвался Августом Мейслером. Унтер-офицер Келлер — высокий, худой, немного сутулый, с довольно симпатичным лицом и веселыми, приветливыми глазами. Мейслер был прямой противоположностью унтер-офицеру: толстый увалень, медлительный в движениях, с такими же медлительными глазами. Он стоял сзади унтер-офицера, видимо полностью признавая его старшинство.

Все сели к столу, и унтер-офицер Келлер доверительно сказал по-немецки:

— Мы видим, что полностью в ваших руках. У нас сейчас нет даже оружия. Если судить по этим картам, то мы с вами коллеги. И это действительно так. Если вы парни от Рокоссовского, то запросите «хозяина» по рации, которая у вас должна быть, и они вам скажут, кто мы такие. Но мы действительно ваши коллеги, вы нас не опасайтесь. С нами случилась беда. После того как появились в этом районе, мы стали искать себе жилье. И обратились к одному бауэру, а он, подлец, нас выдал! Хорошо, что мы обнаружили гестаповцев, когда они только приближались к нашему дому. Мы отстреливались, бежали

от них. В схватке с гитлеровцами потеряли радиостанцию. И вот теперь мы без радиостанции и нет от нас никакой пользы тем, кто нас сюда прислал...

Всматриваясь в полное лицо Августа Мейслера, Брускин старался припомнить, где же он мог видеть этого немца? И Аркадий вдруг вспомнил: в Гродно, в кинотеатре. У того произошел какой-то казус с билетом, но тогда этот немец был одет в красноармейскую форму.

Брускин спросил Августа:

— Вы бывали в Гродно?

— Да, конечно, бывал. Там мы жили.

— А какой фильм шел в тот день, когда у вас что-то было не в порядке с билетом?

Август Мейслер вздернул брови и удивленно смотрел на неожиданного знакомого, поражаясь, видимо, такой осведомленности русской разведывательной службы. Он ответил:

— Если я правильно произношу, то фильм был «Секретарь райкома».

Брускин тоже вспомнил, что в тот вечер шла картина «Секретарь райкома». Август тем временем продолжал:

— Меня тогда что-то спрашивал про билет, а я не мог толком понимайт, что они хотят,— я плохо понимайт по-русски, я был в красноармейская форма, о, немец — в советская форма! Меня хотели арестовать. Но хорошо, там рядом был офицер, который меня знал, он объяснил, что я свой человек.

Кажется можно было доверять этой группе. Но все же, продолжая разговор с новыми знакомыми, Брускин искал еще какие-то детали для того, чтобы убедиться полностью, что это свои люди. Унтер-офицер Келлер назвал фамилию одного майора. Брускин знал, что это работник штаба, и задал вопрос с подтекстом:

— А кто был другом майора?

Унтер-офицер улыбнулся и, понимая, что ему еще не полностью доверяют, весело ответил:

— О, я знаю о ком вы говорите,— это его собака, его любимый пес, который всегда ходил с ним рядом!

Это действительно было так. Брускин знал это, и унтер-офицер, следовательно, тоже знал, что майор всегда ходил с собакой.

Шевченко остался в доме, а Брускин пошел к командиру группы и все ему рассказал. Надя Четверухина тут же связалась по радио с Центром и сообщила о встрече с новой группой.

На запрос Льговского пришел ответ, подтверждающий, что эта группа действительно заброшена в тыл. Было приказано

присоединить группу к себе. И ей также выполнять задание, поставленное группе Льговского.

В этот день в Центр были переданы сведения, добытые за первые дни разведки в тылу противника. Это были достаточно ценные и немалые сведения. Льговский обобщил свои наблюдения, сопоставил их с тем, что увидела группа Шевченко, Брускина в тех районах, куда они выходили, и что сообщил Пиановский. Льговский очень умело ориентировался в отдельных отрывочных данных, составляя из них довольно полную обстановку в заданном районе.

У разведчиков стало легче на душе после того, как подтвердилось, что все они могут друг другу доверять. Теперь уже за столом, за чашкой чая они разговорились по-свойски, и веселый по нраву Фриц Келлер рассказал о себе. Поскольку не все хорошо понимали немецкий, он, как мог, говорил порусски:

— Я уже три раза меняю форма. В 1939 году носил польская форма, потому что жил в Польше и служил в польская армия. В сентябре тридцать девятого года, когда пришли немцы, я попал к ним в плен. Смешно, да, немец к своим в плен? Ну, потом меня из плен освобождайт и как немца призывайт служба уже в немецкий армия. Я служил во Франция, парижский гарнизоне. Хорош, красивый, веселый город! Я был взвод связи, был командиром отделения. Потом наши дела на Востоке шли все плохо и плохо. Был я Прибалтика. Я понимайт: Гитлер делает грязное дело и умирайт мне за это грязное дело совсем не надо! Поэтому я перешел на ваша сторона. Ну а потом не хотел сидеть и ждать, хотел помогайт свой народ прогоняйт фашизмус. И я стал работать с вами.

История Августа Мейслера была менее интересной. Он, улыбаясь своим добрым, полным лицом, сказал:

— Я всегда был толстый, как говорят русские — нестроевой. Меня послали в рабочий батальон. И я попал в Белоруссия. Мы там не только сами строили, а были больше охрана на мобилизованный рабочий. Население строил дорога. Однажды мы пошли в белорусскую деревню меняйт барахло на сало, яйки. И там вдруг на нас наскочили партизаны. Мои товарищи убежали, ну а я всегда был толстый, не мог быстро бегать. Попался! Меня партизаны поймали. Я им рассказал все, что я знал, сказал, что я ничего плохого русским не сделал. Они меня оставили живым. И я помогал им, ухаживал за лошадьми, ну, занимался всякой такой хозяйственной работа в партизанский отряд. Когда наш отряд соединился с советский армия, партизаны сказали, что я никогда ничего плохого русским не сделал. Стал антифашистом.

Разведчики слушали рассказ своих новых знакомых, что тут была правда, что выдумано — установить трудно, да и сейчас это делать незачем, главное — надо выполнять задание. Хорошо, что это оказались люди, которые помогут и облегчат выполнение поставленных задач.

Льговский во время своего двухдневного «вояжа» тоже, как он сказал, «зацепил» очень ценный источник сведений.

Он дал ему кличку Кельнер. Кельнер оказался человеком лояльно настроенным по отношению к русским и обещал помогать. И он действительно давал очень ценные сведения о дислокации частей в районе Данцига (Гданьска) и Гдыни и, что особенно важно,— о военных кораблях и подводных лодках, стоявших в этих портах.

Для проверки личности Кельнера Льговский как-то завел разговор с Пиановским, и оказалось, что Пиановский знает этого человека и сам неоднократно пользовался его услугами как торговца.

В общем, группа закрепилась в заданном ей для разведки районе. За короткое время она установила хорошие связи, постоянно высылала своих наблюдателей в разных направлениях и держала под наблюдением огромный район, сообщая о всех передвижениях, размещениях и численности воинских частей в этом районе, успешно выполняя тем самым все задачи, которые были ей поставлены.

За первую же неделю было передано в Центр немало радиограмм. Перечитывая эти радиограммы сегодня, можно сделать следующее обобщение: группа Льговского выявила в районе Бютов — Данциг и южнее до восьми дивизий противника, точно указала местонахождение четырех штабов этих соединений и штаба корпуса, обнаружила объекты в районах Реда, западнее Гдыни. По наводке группы Льговского эти объекты бомбила наша авиация. Были выявлены укрепления на нескольких рубежах, которые предстояло штурмовать частям Советской Армии. Установлены инженерные работы по укреплению городов, особенно Данцига и Гдыни, по подготовке береговой артиллерии для обстрела наземных целей при обороне этих городов.

О том, какое значение имели эти сведения для наших войск, можно понять по словам генерала армии П. И. Батова в его воспоминаниях: «Если читатель посмотрит на карту, то увидит на берегу Данцигской бухты три расположенных рядом города — Гдыню, Цопот... и Данциг. Фактически они слились в один большой город... Во время войны эти укрепленные города-порты с их верфями и поддержкой со стороны военно-морского флота представляли собой орешек покрепче, чем Кенигсберг. Немецкое командование рассчитывало, что, организуя

оборону этого района трех городов даже при условии окружения, оно сумеет сковать здесь значительные силы наступающих войск. Задача состояла в том, чтобы сорвать этот замысел. Все мысли были в то время сосредоточены на одном: взять Данциг быстро и освободить войска для участия в последнем, решающем сражении за Берлин».

Как известно, это намерение советского командования было осуществлено, гитлеровцам не удалось втянуть наши войска на этих рубежах в затяжные бои, и большую роль в этом сыграла конечно же разведка, хорошо изучившая и группировку, и все, что готовил противник для задержания наступления наших войск.

Вот одна очень любопытная радиограмма Льговского: «5.3. Западнее Данциг, южнее шоссе Данциг — Картузы, в кирпичном заводе большой склад боеприпасов. Боеприпасы в бункерах под печами. Склад усиленно охраняется».

Конечно же и усиленная охрана, и такое необычное бережное сохранение боеприпасов — под печами кирпичного завода — наводила на мысль о том, что это не совсем обычные боеприпасы. Командование наших войск отреагировало на эту радиограмму, и склад с боеприпасами был уничтожен при налете нашей авиации. Позже выяснилась любопытная подробность. Как известно, большие неприятности Англии приносили самолеты-снаряды Фау-1, которые с 13 июня 1944 года запускали гитлеровцы уже и по Лондону. Всего было запущено десять с половиной тысяч самолетов-снарядов. Около двух с половиной тысяч взорвалось в Лондоне. Каждый из них имел тонны взрывчатки и причинял серьезные разрушения. Позднее фашисты использовали ракеты Фау-2, разработанные в ракетном центре Пенемюнде. Самолет-снаряд и ракета производили большое моральное угнетающее воздействие: с ревом, напоминающим звук современного реактивного истребителя, они приближались и сильно действовали на нервы англичан, которым даже не успевали подать сигнал воздушной тревоги. Англичанам очень долго не удавалось выявить стартовые позиции Фау-1 и Фау-2. Гитлеровцы бомбили безнаказанно. Но самое удивительное заключается в том, что однажды, еще до того, как начали запускаться Фау-1, воздушная разведка англичан произвела съемки района стартовых позиций ракет, которые были не похожи на огневые позиции артиллерии. Круглые площадки, не занятые никакими пусковыми установками, не насторожили тех, кто дешифровал эти снимки.

Напомним: в июле 1979 года, в журнале «Новый мир» были опубликованы, правда совсем по другому поводу, такие вот подробности, касающиеся темы нашего рассказа:

«15 мая 1942 года... истребитель английских королевских военно-воздушных сил «Спитфайер», оснащенный фотоаппаратурой, вылетел в сторону Балтийского моря, чтобы разведать положение дел на гитлеровской военно-морской базе Свинемюнде, расположенной на острове Узедом. В северной части этого большого острова... фотоаппараты воздушного разведчика зафиксировали какую-то странную площадку. На фотоснимке были отчетливо видны недостроенные здания и непонятные кольцеобразные воронки. Не найдя изображению доступных им объяснений, дешифровщики охарактеризовали загадочные объекты как «большие строительные работы» и сдали снимок в архив. Если бы они знали, сколько жизней соотечественников станут расплатой за их непростительное легкомыслие!»

И вот, когда было выпущено уже несколько тысяч Фау-1, когда от бед, которые они причиняли, у англичан шла голова кругом, вдруг кто-то вспомнил, что были какие-то необычайные огневые позиции на аэрофотоснимках. Подняли бумаги и убедились, что это как раз и есть те самые позиции, которые так долго не могут найти английские разведчики! Естественно, англичане послали туда большое количество бомбардировщиков и все в этом районе было авиацией уничтожено. То, что уцелело от этих бомбежек, и то, что было в других районах, не подвергшихся бомбардировке, гитлеровцы перевезли на Восточный фронт, чтобы использовать самолеты-снаряды против приближающейся Советской Армии. По этому поводу в уже цитированной работе сказано:

«Тщательно спланированный удар, закодированный названием «Гидра», должен был уничтожить инкубатор змеиных яиц, воздвигнутый на острове Узедом. Ловко обманув командование гитлеровских ВВС, англичане в ночь на 18 августа 1943 года отвлекли к Берлину основные силы фашистской истребительной авиации и направили к северной части острова Узедом несколько сот тяжелых бомбардировщиков, сбросивших свой груз на секретный ракетный центр в Пенемюнде.

Разгром был велик, но немцы оправились, и работа над ракетным оружием продолжалась. Место для его испытаний было выбрано Гиммлером на юге Польши, в Краковском воеводстве. Польский артиллерийский полигон неподалеку от неприметного местечка Близна гитлеровцы превратили в полигон ракетный... В августе 1944 года загадка Фау-2 перестала быть загадкой. Полигон в Близне захватили советские войска, и знаменитая ракета стала одним из наших трофеев».

...Работа радиостанции группы Льговского не осталась не замеченной гитлеровцами. Однажды, когда Льговский возвратился после очередного наблюдения и встреч с антифашистами,

Надя сообщила ему о том, что она видела немецкую машину с радиопеленгатором, которая проходила по шоссе, идущему мимо леса, где находится блиндаж группы. Было ясно: ищут радиостанцию, возможно, уже не раз ее запеленговали, и теперь этот район поисков сужается и скоро могут нагрянуть сюда гестаповцы. Для того чтобы сохранить очень ценные источники сведений и продолжать удачно начатую работу и в то же время ввести в заблуждение пеленгаторную службу гестаповцев, Льговский принял решение выходить с радиостанцией на удаление 15—20 километров в сторону от базы группы и передавать очередные радиограммы в Центр оттуда: разведчики вводили пеленгаторную поисковую службу противника в заблуждение в отношении и местонахождения рации, и количества действующих здесь раций.

Конечно же эта игра требовала больших сил и не могла продолжаться до бесконечности, группе надо было перебазироваться. К счастью, к этому времени наши войска, продолжавшие продвижение вперед, приблизились к району, где находилась группа Льговского, и он получил такую радиограмму: «Ввиду успешного продвижения Красной Армии вам необходимо отходить в район Данциг — Гдыня и далее на север до Пуцк...»

Получив этот приказ, Льговский решил посоветоваться с Пиановским и попросить его помощи как в выборе нового места для базы группы, так и в поиске людей на новом месте, которым можно было бы довериться. Пиановский подумал и сказал:

— Есть один человек в этих краях. Зовут его Леон Байер. Он был простым крестьянином, жил на своем хуторе, но потом у него жизнь сложилась так, что пришлось скрываться от немцев. И я знаю, что он уже около пяти лет скрывается в том районе, который вас интересует.

— А можно ли доверять этому человеку? — спросил Льговский.

— Я думаю, можно. У него свои счеты со «швабами». Его однажды взяли в гестапо, и он там стал притворяться ненормальным. И вот, когда повели к психиатру для обследования, Леон, выбрав удобный момент, одним сильным ударом свалил сопровождавшего полицейского. И бежал. Немцы объявили розыск, были даны приметы Леона Байера, но поймать его не удалось. Сейчас он живет в небольшой деревушке у своих дальних родственников. Так что, я думаю, помогать он будет и доверять ему можно.

Как только стемнело, Льговский повел группу к новому месту. Проводником был Юзеф. Он в течение ночи вывел разведчиков к деревушке, в которой жил Леон Байер. Остановились на

опушке леса, стали наблюдать за этими домами, нет ли там гитлеровцев? Пока шли, было тепло, а без движения все промерзли от какого-то особенного местного сырого мороза.

С рассветом стало окончательно ясно, что гитлеровцев здесь нет. Тогда Юзеф пошел в дом Байера, а группа затаилась в кустарнике. Через некоторое время Юзеф в сопровождении, видимо Байера, вышел из дома и направился к лесу. Они подошли к

Аркадий Брускин. 1945 г.

Надежда Четверухина (Крайнова). 1945 г.

разведчикам, и Байер с большим любопытством стал их разглядывать. Он поздоровался с каждым за руку и представлялся каждому, называя свое имя: Леон Байер. При этом он улыбался доброжелательно белозубой улыбкой и смотрел на тех, с кем здоровался, веселыми, лукавыми глазами.

Он был широк в кости, с длинными, почти до колен, сильными руками. Здороваясь с ним, Льговский подумал: «Да, такой ручищей действительно можно свалить полицейского одним ударом!»

Когда знакомство состоялось, Юзеф сказал Леону:

— Ты должен заботиться вот об этой пани,— он показал на Надю.— Она здесь одна женщина и такая молоденькая и хрупкая, как ты видишь. Вот за нее ты должен отвечать головой.

Леон Байер понял эту полушутку всерьез и тут же подошел и встал рядом с Надей, тем самым выражая свою полную готовность делать все, что нужно для охраны радистки.

Жить в деревушке нельзя было — много чужих глаз, да и, разыскивая самого Леона Байера, гитлеровцы иногда наведывались к его родственникам, возможно, тайно кто-то из односельчан и наблюдал за ним. Поэтому Леон предложил разведчикам разместиться на хуторе у своего знакомого.

Группу Льговского отвел к новому месту Леон Байер и передал тоже Леону по фамилии Краска. Леон Краска жил на своем хуторе очень замкнутой жизнью. Дело в том, что он был по национальности поляк. А все соседи вокруг него были немцы, подданные Гитлера.

Леон Краска был вдовец. С ним жила дочь лет двадцати пяти. И еще племянница, которая приехала к нему, спасаясь от бомбежек большого города. Поговорив с Майером и дав согласие приютить парней от Рокоссовского, Леон действительно принял и разместил группу на своем хуторе. А Леон Байер вернулся к себе домой, тоже твердо обещая доставлять данные, которые соберет сам, и те, которые пришлет Пиановский.

Добывать сведения о вражеских частях, находящихся поблизости и передвигающихся по дорогам, отправлялись все, в том числе и хозяин дома Леон Краска. Когда возвратились к назначенному времени и суммировали сведения, Надя стала передавать радиограмму в Центр. В это время Леон Краска, человек очень, видно, религиозный, смущенно попросил Льговского:

— Только вы уж, пожалуйста, панове, попросите, чтобы ваши летчики, когда будут бомбить тех «швабов», не попадали бомбами в костел, пожалуйста.

Наступление советских войск все больше теснило войска фашистов, припертые к морю. Дальше отходить и группе Льговского стало уже невозможно. Начинались бои за сильно укрепленный район Данцига и Гдыни. Он был очень насыщен войсками, и действовать в этих условиях группе не представлялось возможным. Группа оставалась по приказу Центра на хуторе Леона Краски до той поры, пока атакующие танки не пронеслись по этому району, удаляясь дальше, на север, к морю.

И вот настали радостные минуты, когда разведчики встречаются с советскими солдатами.

Очень трогательны и своеобразны эти минуты. Разведчики, сияющие от счастья, готовы обнимать солдат, идущих навстречу... Вскоре они уже в штабе фронта, и генерал Виноградов радостно пожимает им руки. Благодарит за проделанную огромную работу. В тот же день член Военного совета и генерал Виноградов вручили разведчикам правительственные награды: Льговский был удостоен ордена Красного Знамени, радистка Надя — ордена Отечественной войны II степени, высокими пра-

вительственными наградами отмечены и другие члены группы, отличившиеся при выполнении задания.

Когда разведчики были в тылу, где нервы напряжены до предела, казалось, что после возвращения будут спать и отдыхать ну самое меньшее — неделю. И вот они дома, в расположении своих войск. Но радость настолько велика, так будоражила, что никому, конечно, спать не хотелось. Через несколько дней Льговский попросил разрешения и выехал в район, где недавно действовала группа. Он поблагодарил за помощь Пиановского, Байера, Краску...

Встречи с патриотами-интернационалистами были очень радостные. Пиановский, вообще человек внешне спокойный, внутренне всегда кипел и жаждал действия. И вот теперь, сам увидев результаты работы группы и своего участия в этой опасной, но оказавшейся такой полезной работе, он торжествовал и гордился сделанным вместе с разведчиками, присланными самим Рокоссовским!

Казалось, на этом боевые действия разведчиков завершены. Предстояла последняя наступательная операция, в исходе которой уже ни у кого не было сомнения. И обстановка вроде ясна. И разведывать особенно уже нечего. Но жизнь на войне и тем более в разведке всегда преподносит неожиданности. Так же случилось и тогда.

После того как была ликвидирована опасная вражеская группировка, нависшая с севера над фронтами, которым предстояло брать Берлин, Ставка уточнила задачи фронтам.

Не говоря уже о трудностях перегруппировки, которая должна быть проведена в очень сжатые сроки — огромное количество войск,— создались еще новые трудности и со сведениями о противнике. Вот что пишет об этих днях и трудностях именно по линии разведки маршал Рокоссовский: «К сожалению, части 1-го Белорусского фронта, которые мы должны были сменить, не смогли нам дать необходимых сведений о противнике. Они просто не имели времени собрать эти данные. Командующий 61-й армией генерал П. А. Белов, который передавал свой участок войскам трех наших армий, в беседе со мной не смог сказать о противнике ничего нового по сравнению с тем, что мы уже знали. Пришлось отойти от заведенного нами порядка и ставить задачи командирам еще до выяснения более или менее полных данных о противнике. Делали мы это, конечно, не от хорошей жизни. Сроки поджимали. Ведь надо было еще дать время командирам для отработки задач с командирами соединений».

Вот в таких условиях капитана Льговского вновь попросил зайти генерал Илья Васильевич Виноградов. Льговский даже не

подозревал, какой разговор произойдет у него через несколько минут. Он вошел к Виноградову веселый, окрыленный, рассказал генералу о своих встречах с мужественными людьми, которые помогали недавно в тылу. Но тут чутье опытного разведчика подсказало Александру Льговскому, что разговор предстоит совсем не праздничный и совсем о другом.

Генерал Виноградов был серьезен. Он посмотрел в глаза капитана с какой-то просительной мягкостью, не было в них обычной генеральской твердости, он даже отвел глаза, казалось, был чем-то смущен. Очень нелегко ему завести необходимый разговор. Шел апрель 1945 года: уже, несомненно, последние дни войны! Но не было необходимых данных у войск для того, чтобы завершить и эти бои с наименьшими потерями. Достать их следовало во что бы то ни стало.

— Я надеюсь, вы меня поймете, товарищ Льговский. Обстановка складывается так, что нужно, и, я надеюсь, это уже действительно будет последнее задание, отправиться в тыл врага. На этот раз совсем близко к Берлину, и вскрыть группировку врага на новом, последнем направлении наступления фронта.

Далее Виноградов более подробно поставил задачу, определил районы, где предстояло действовать разведчикам, что нужно выяснить. Льговский слушал вроде бы внимательно. Но ему казалось, что это все происходит во сне. Уж очень был резок переход от радости, от убеждения, что все ужасы войны остались для него позади. И вот снова нужно окунуться в этот ад, в это пекло, опять идти к дьяволу в зубы.

Александр Льговский конечно же был очень волевой человек, мог перенести любые, самые критические ситуации, но в эти минуты все же испытал некоторую растерянность. Задание было труднейшим: прыгать предстояло чуть ли не на головы озверевших от приближавшегося краха гитлеровцев! Это, конечно, могло смутить любого, самого волевого разведчика. Но это не мешало ему уяснить все, что говорил безгранично уважаемый Илья Васильевич Виноградов, не мешало и уловить в тоне генерала не приказные нотки, а какую-то товарищескую просьбу. Генерал тоже понимал и настроение Льговского, и сложность предстоящей задачи. И желание Льговского — жить... И необходимость еще раз рисковать ради спасения многих из тех, кому предстоит участвовать в последней битве Великой Отечественной войны...

— Подберите из своей группы всех, кого вы считаете нужным,— сказал Виноградов.— Должны идти только добровольцы. Подчеркиваю, только те, кто сам захочет идти на выполнение этого крайне опасного задания.

Льговский встал.

Илья Васильевич не просто пожал ему руку, а задержал ее в своей и молча смотрел ему в глаза. Льговский все понимал: и состояние генерала, и то, что у него была вера в опыт разведчиков.

— Разрешите идти?

Генерал молча кивнул.

Льговский вернулся на квартиру, где жила его группа. Это был небольшой особняк. Никто, кроме разведчиков Льговского, в нем не жил. Льговский думал о том, как же ему повести разговор с разведчиками. Помня свое недавнее состояние, он знал, нечто похожее произойдет и с его людьми, когда скажет им о задании, и Льговский прикидывал, как и с кого начать разговор? Он решил, что на этот раз его заместителем будет Аркадий Брускин, который очень хорошо действовал на прошлом задании, показал себя находчивым, инициативным и смелым бойцом. С него и начал.

Ничего не подозревавший Аркадий весело пошел навстречу Льговскому и стал говорить:

— Вы знаете, дорогой капитан, победа портит людей. Я уже чувствую, что начал зазнаваться. Знаете, о чем я сейчас думаю? Нет, вы даже не догадываетесь! Мне представилось, как я приезжаю в свою родную Полтаву и меня там встречают, как когда-то встречали папанинцев. Они приезжали к нам незадолго до войны. Им устроили замечательную встречу. Вот, мне кажется, фронтовиков, наших земляков, тоже будут так встречать.

Заметив в глазах Льговского какую-то холодную искорку, Брускин насторожился. А капитан сказал:

— Ну вот, для того чтобы ты не зазнавался и не портился, я могу предоставить тебе возможность немного остыть.

Льговский напрямую рассказал Брускину о поставленной задаче. Брускин знал, что Льговского ждут жена, двое детей — сын Александр и дочь Маргарита. Ждут всю войну. И если он уходит на задание без колебания, то что же остается делать ему, неженатому, которого никто не ждет? Да к тому же пойти с Льговским — это же не с кем-то, а с человеком, который хотя бы вот на прошлом задании показал на что он способен! С таким не пропадешь! Аркадий сказал коротко:

— Я с вами.

Они сели к столу и стали обсуждать состав группы. Самый важный член группы — это конечно же радист. И вот тут на первой же кандидатуре разведчики переглянулись и поняли, что думают они об одном и том же. Льговский ответил на не заданный Брускиным вопрос:

— Да, я тоже думаю, что Надю не нужно брать на это задание. Пусть она живет...

Он тут же посмотрел в глаза Аркадию: не понял ли тот, что он считает их обреченными? Но Брускин так его не понял. Он тоже хотел, чтобы девушка, которую они все очень по-своему, по-братски любили, не рисковала еще и в эти последние дни. Они — мужчины. Им уж, как говорится, самой судьбой положен этот риск. А ее брать не следует. Больше они об этом не говорили.

— За радиста я сработаю,— сказал Брускин.— Я думаю, что на этот раз нам не придется долго находиться в тылу. Кстати, меня может дублировать и Август Мейслер, если можно его включить в новую группу.

— Да, генерал разрешил выбрать тех, кого мы посчитаем нужным, из состава нашей прежней группы. Я думаю, что Мейслера и Келлера нужно брать обязательно. Они и язык знают, и будут ориентироваться на немецкой территории лучше нас,— сказал Льговский.

Кроме Фрица Келлера и Августа Мейслера было решено включить в группу Зигмунда Кравецкого и Николая Шевченко.

Поскольку никакой особой подготовки, разве только материального обеспечения, для группы не требовалось, все разведчики были, как говорится, в полной боевой готовности, да и обстановка требовала как можно быстрее начинать действовать. В одну из ближайших ночей, упаковав имущество и переодевшись в соответствии с легендой, группа отправилась на аэродром.

Они вылетели в 23.00 на самолете ЛИ-2. И через час пятнадцать минут, то есть в начале новых суток 20 апреля, были над районом выброски недалеко от Берлина, над лесом севернее Курцхагена.

20 апреля — оставалось всего десять дней до взятия рейхстага. В эти часы в подземном бункере рейхсканцелярии, в компании самых близких приверженцев и Евы Браун, Гитлер отмечал в последний раз свой день рождения.

Всего один час отделял разведчиков от начала их очередного задания. Ни в какой другой профессии нет таких резких переходов и перепадов, таких стрессовых перегрузок, которые надо уметь не только вынести, но и отодвинуть силою своей воли, чтобы не мешали спокойно и вдумчиво действовать.

На этот раз разведчики приземлились в Центральной Германии — самом «логове» фашистов.

Приземление в лесу произошло удачно, если не считать царапин и ушибов, которые получили разведчики, падая на ветки деревьев. Только Август Мейслер повредил ногу и мог передвигаться с трудом. Центр леса был выбран как место более безопасное, чем какая-нибудь поляна или дорога, на которую они могли бы приземлиться.

По сигналу Льговского — негромкое постукивание о приклад автомата металлическим предметом — группа собралась к своему командиру. Огляделись и, собрав и спрятав парашюты, двинулись в заданный район. На этот раз впереди шли Фриц Келлер и Аркадий Брускин, одетые в немецкую форму. При неожиданных встречах, которые могли произойти в любую минуту, конечно, Фриц лучше других членов группы отреагирует на обстановку.

Кстати, эти неожиданности возникли в первые же часы. Группа вошла в одинокий, заброшенный фольварк, который издали казался пустым. Разведчики разошлись по комнатам и пристройкам фольварка, чтобы убедиться, что в нем действительно никого нет. И в это время появился патруль местной полиции. Они зашли в дом, и Фриц, быстро сориентировавшись в обстановке, начал кричать на Аркадия Брускина якобы за то, что он в чем-то провинился. Он орал на него, как и полагается гитлеровскому унтер-офицеру:

— Ленивая свинья, я помог тебе спасти шкуру, иначе бы тебя красные вздернули!..

В общем, он его отчитывал со злостью. И, закончив «распекать» подчиненного, стал запросто говорить с патрулем, объяснив, что они возвращаются после сопровождения и охраны имущества, которое везли на машине. Машина сломалась, и теперь вот они вынуждены добираться в свою часть пешком. А сюда зашли переночевать. Келлер предъявил документы. Он вел себя очень уверенно, патрульные были притом младше его по званию. Посмотрев документы под ругань унтера, солдаты ушли. Конечно же оставаться в фольварке после такой встречи было нельзя. Но уже хорошо, что при первом столкновении гитлеровцы поверили и дали возможность группе скрыться беспрепятственно.

Льговский тут же быстро повел группу в другое место, подальше от фольварка. Учитывая напряженность обстановки и трудности с разведывательными данными у наших войск, разведчики приступили к работе немедленно. Все, кроме Августа Мейслера, у которого болела нога, разбившись на пары, двинулись к перекресткам дорог, к мостам, к железнодорожным станциям; эти места не минуют войска при любых передвижениях. Фриц Келлер ходил на дороги, читал указатели, читал местные объявления. Когда знаешь язык указателей, они о многом могут рассказать. Фриц заговаривал на дороге с военнослужащими и местными жителями. Ну и, естественно, когда ищешь штаб танковой дивизии, то собеседники тебе скажут, что они видели штабы там-то и там-то, но вроде бы те дивизии были не танковые. Ну а если подскажут, где, по их мнению, танковая,— тем

лучше. Перепроверяя эти сообщения через других, можно в конце концов докопаться до истины. За короткий срок группа собрала много сведений. Александр Льговский быстро анализировал, обобщал. Его умение понять, сложить разрозненные данные, объединить их в одну общую картину было просто феноменально. То, что он не мог сам понять, в чем сомневался, он сообщал в штаб, зная, что там есть возможности для проверки и прояснения.

Позже маршал Рокоссовский напишет в своих воспоминаниях: «...против наших войск стояли крупные вражеские силы. Перешеек от побережья моря у Вальд-Дивенова до Загера (30 *км* по фронту) обороняла корпусная группа «Свинемюнде» под командованием генерала Фрейлиха. В первом эшелоне здесь были два морских пехотных батальона, школа военно-воздушных сил, морской пехотный и пять крепостных полков, а в резерве части учебной пехотной дивизии.

Южнее на 90-километровом участке фронта по западному берегу Вест-Одера оборонялась третья немецкая танковая армия под командованием генерал-полковника Мантейфеля. Здесь стояли: 32-й армейский корпус и армейский корпус «Одер». В первом эшелоне они держали три пехотные дивизии, два крепостных и два отдельных пехотных полка, батальон и боевую группу. Во втором эшелоне — три пехотные и две моторизованные дивизии, две пехотные, две артиллерийские бригады, три отдельных полка, четыре батальона, две боевые группы и офицерскую школу. Кроме того, 3-я танковая армия была усилена ранее действовавшими против 1-го Белорусского фронта тремя артиллерийскими полками, 406-м фольксартиллерийским корпусом и 15-й зенитной дивизией».

Если напомнить слова маршала, приведенные ранее, о том, что еще недавно не было почти никаких сведений о противнике, то нетрудно будет представить, как напряженно и плодотворно поработали разведчики. Через несколько дней Рокоссовский уже располагал такой детально освещенной картиной группировки врага.

Разумеется, не одна группа Льговского все это выявила, работала вся система разведки 2-го Белорусского фронта, но нет сомнения, что и труд группы Льговского тоже вложен в освещение расположения сил противника.

Группа Льговского работала с предельным напряжением сил. Мысли о том, что работа эта опасна, что идет последнее сражение войны, улетели где-то еще в воздухе, когда с легким хлопком раскрылись над головой парашюты. Теперь все было нацелено на то, чтобы побольше узнать, выявить, понять и сообщить своим. Очень затрудняло работу группы то, что нога Ав-

густа Мейслера болела все сильнее. И вот настал день, когда неотложно потребовалась медицинская помощь.

Медика в группе не было, надо было искать его в каком-то населенном пункте. В одном из поселков Фриц обнаружил аптеку и решил спросить разрешения у командира зайти туда с Августом, надеясь, что аптекарь окажет ему помощь.

Осторожный Льговский разрешил идти под вечер, чтобы можно было наблюдать за ними, а в случае необходимости уходить от патруля; оставалось совсем немного времени до наступления темноты, да глубоко в лес патруль и не полезет. Группа обеспечения затаилась на окраине поселка, а Август с помощью Фрица пошел к аптеке. Аптекарь принял их настороженно. Оказал помощь Августу, сделал ему примочку, перевязал, дал лекарства на дорогу. Но конечно же солдат, который не пошел в медицинское учреждение или куда-то в госпиталь, а пришел к аптекарю, был очень подозрителен. Хотя пришельцы и объяснили, что они конечно же найдут медицинское учреждение, но все-таки подозрение зародилось. Фриц это почувствовал и, уходя, открыто сказал аптекарю, чтобы он помалкивал и никому ничего не рассказывал, а иначе будет ему плохо. Келлер намекнул, что они просто дезертиры, надеясь, что из-за дезертиров аптекарь не станет поднимать тревогу.

Август и Фриц по улице направились в противоположную сторону от того места, где находилась замаскированная группа, вышли из поселка и углубились в лес. В лесу же сделали небольшой круг и вернулись к своим. Льговский, наблюдавший в бинокль за аптекой, видел, что аптекарь тут же после ухода «пациентов» куда-то побежал. В поселке сразу началась тревога, собрались человек пятьдесят стариков и несколько мужчин в военной форме, видно, раненые, которые здесь у родственников находились на излечении. Они с ружьями и винтовками — кто на лошади, кто пешком — устремились по дороге к лесу, куда — аптекарь видел — ушли подозрительные. В общем, это была явная погоня.

Уходя от погони, группа в лесу наткнулась на дорогу, которая явно пахла горючим. Видно, здесь много и часто возили бензин. Льговский высказал предположение, что где-то недалеко должен быть большой склад горючего.

Двигаясь вдоль дороги лесом, группа действительно обнаружила хорошо замаскированный склад с горючим. Наблюдая за ним, не могли сразу заметить охрану.

— Давайте фейерверк устроим! Грандиозное будет зрелище,— предложил Келлер.

Льговский остановил его:

— Не затем сюда пришли. Нас уже и так ищут,— правда, трухлявые старики. Если подорвать этот склад, капитальную облаву учинят уже эсэсовцы. Фейерверк устроит наша авиация.

И в тот момент, когда Келлер и Аркадий Брускин обходили склад, чтобы приблизительно на глаз определить, какое количество горючего здесь находится, вдруг им навстречу вышел часовой. Он, видно, был из тотально мобилизованных стариков, форма на нем сидела неказисто. Фриц сразу, как и во многих других случаях, нашелся и здесь. Не ожидая никаких вопросов часового, он закричал ему:

— Эй, ты! Старая развалина, где ты ходишь? Разве так охраняют склад? Сколько мы тебя ищем, но найти не можем! Ко мне!

Пожилой солдат подошел, вытянулся перед унтер-офицером и виновато моргал глазами.

— Разве так охраняют горючее? — продолжал кричать Келлер.— Где другие часовые? Тоже, наверное, как и ты, дрыхнут в кустах?

— Другие там, у въезда,— виновато ответил часовой.— Все сейчас там, они помогают вывезти горючее. Это я один здесь, с тыльной стороны, склад охраняю.

— Ну, смотри лучше. Нельзя же так, а то и вывозить нечего будет! — пригрозил Келлер и приказал стоящему в стороне Аркадию: — За мной, марш!

И они благополучно удалились. А радиограмма о крупном складе горючего полетела в Центр, и вскоре хорошо здесь поработала наша авиация, так что немало фашистских танков, самолетов и автомобилей остались без заправки в напряженные дни последних боев.

...Фронт гремел где-то уже недалеко. Фашистские части буквально метались по дорогам, видимо, их бросали на те направления, где наши прорывали фронт. И немедленно же обо всех этих передвижениях поступали радиограммы от разведчиков. Так, выявляя места расположения штабов, складов с горючим и с боеприпасами, направление передвижения резервов, группа находилась в постоянном движении и перемещалась, уходя от фронта. Но через десять дней после того, как была заброшена, фронт все же догнал ее, и группа снова вышла к своим.

Ну вот все опасности позади. Группа благополучно вернулась в свое расположение. Наверное, с наибольшим трепетом ждала своих боевых друзей Надя. Она всех обняла и всех расцеловала, она плакала от счастья, что видит их живыми.

Гремели последние бои в Берлине. Группа капитана Александра Льговского вышла из тыла 29 апреля, а 30 апреля над рейхстагом в Берлине взвилось красное Знамя Победы.

Вот так, до последних дней, до последних залпов, действовали разведчики. Они шли на риск даже в самые последние часы войны. Они были мужественные и честные воины, до конца выполнившие свой и служебный, и патриотический, и интернациональный долг.

* * *

Александр Льговский после окончания войны демобилизовался из армии и работал инженером на одном из заводов в Москве. В 1967 году он умер. В Москве живут его взрослые дети: сын Александр и дочь Маргарита. Они рассказали автору этих строк, что их отец, к сожалению, не писал воспоминаний.

Живет в Москве бывшая радистка Надя Четверухина. Она вышла замуж и стала Надеждой Ивановной Крайновой. Работает в одном из министерств заведующей отделом.

Теперь она хоть и не старая, но уже седая женщина. И было от чего поседеть! Только глаза у нее остались прежние: живые и веселые, встречающие человека всегда радушно и приветливо.

Аркадий Брускин стал журналистом.

Виталий Василевич вот уже больше десяти лет работает на целине в мастерских одного из североказахстанских совхозов. Не так давно умер в Польше Пиановский. Он до последних дней работал лесничим. Умер и Леон Краска. После войны все они жили хорошо. Ведь сами приложили немало сил к тому, чтобы наладить мирную, счастливую жизнь у себя на Родине.

Содержание

Бессмертие

Очерки о разведчиках

Люди молчаливого подвига

Книга 2

Издание второе, дополиеииое

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *О. В. Вадеев*
Младший редактор *В. А. Зотова*
Художиик *В. Е. Валериус*
Художествеииый редвктор *Е. А. Андрусенко*
Техиический редактор *Г. М. Короткова*

ИБ № 5982

Сдано в набор 30.03.87. Подписано в печать 08.09.87. А 00140.
Формат $60\times84^{1}/_{16}$. Бумага книжно-журнальная офсетная.
Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,18.
Усл. кр.-отт. в бумажном переплете 35,57, в тканевом переплете 35,34. Уч.-изд. л. 21,60.
Тираж 400 000 (100 001—250 000) экз. Заказ № 1198. Цена в бумажном переплете 1 р. 20 к., в тканевом переплете 1 р. 30 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А 17, Миусская пл., 7.

Типография издательства «Горьковская правда».
603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.